

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

18+

Я СЛИШКОМ ДОЛГО
МЕЧТАЛА

Annotation

Красивые любовные истории не умирают. Они продолжают в наших воспоминаниях и совпадениях, в которых мы видим былую любовь. Но в жизни Натали эти совпадения вдруг становятся слишком частыми и многочисленными. Повсюду она встречает напоминания о давней своей любви. Кто-то стремится вернуть к жизни ту страсть, что некогда почти уничтожила ее? Когда прошлое повторяется в настоящем почти до полной неразличимости и уже невозможно дать происходящему рациональное объяснение, Натали начинает всерьез думать, уж не вернулась ли она на двадцать лет назад... Две истории, разделенные десятилетиями, четыре города – Монреаль, Лос-Анджелес, Барселона и Джакарта, – и бесконечные отражения прошлого в настоящем и настоящего в прошлом. «Я слишком долго мечтала» – роман, в котором виртуозно сплетены чувства и интрига, рациональное и иррациональное, фантазии разума и реальность. Это не традиционный триллер, это не классический детектив – это сложно устроенный психологический роман с загадками, размышлениями о том, насколько сильно былые поступки влияют на нашу жизнь.

- [Мишель Бюсси](#)

-

-

- [Часть I](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [Часть II](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
- [Часть III](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
- [Часть IV](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
-

Мишель Бюсси

Я слишком долго мечтала

Michel Bussi

J'AI DÛ RÊVER TROP FORT

© Michel Bussi et Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs,
2019

© Ирина Волевич, перевод, 2019

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

*Я прожег подушку, —
Должно быть, я слишком долго мечтал.*

Ален Башунг^[1]

Жертвам цунами в Индонезии

– «Нет, мне хорошо, – возразил Лис, – вспомни, что я говорил про золотые колосья»^[2].

– Мам, я не понимаю!

Закрыв книжку, я склоняюсь над кроватью Лоры:

– Дело в том, что Лис больше никогда не увидится с Маленьким принцем. Но поскольку у Маленького принца волосы золотистые, как пшеница в поле, всякий раз, как Лис посмотрит на колосья, он подумает о своем друге. Взять, например, твою кудрявую подружку Офелию, которая переехала этим летом в Португалию. Даже если вы с ней больше никогда не встретитесь, стоит тебе услышать название этой страны, ее имя или увидеть девочку с такими же черными локонами, ты сразу подумаешь о ней. Теперь поняла?

– Да.

Лора прижимает к себе любимого плюшевого утенка, потом встряхивает снежный шар с собором Саграда Фамилия внутри, возвращает его на столик у изголовья и вдруг задумывается, нахмутив брови, – ее одолевает сомнение.

– Мам, а если я никогда не услышу про Португалию или не встречу

девочку с таким же именем и такими же кудряшками, я что, забуду Офелию?

Крепко обнимаю Лору и украдкой вытираю слезы желтой плюшевой лапкой утенка.

– Нет, милая, если очень ее любишь. И чем сильнее будешь любить, тем больше тебе встретится в жизни вещей, напоминающих о ней.

Оливье заглядывает к нам в комнату и показывает на свои наручные часы: пора спать! В этом году Лора поступила в подготовительный класс начальной школы – это очень важный год, самый важный из всех. Не считая других лет, самых важных из всех. Я послушно встаю, укрываю Лору до подбородка.

Она обнимает меня за шею для последнего поцелуя.

– А ты, мам? У тебя был кто-нибудь, кого бы ты сильно любила и не хотела забывать? Так сильно, что тебе потом часто попадались вещи, которые напоминали о нем?

Часть I
Монреаль

1

12 сентября 2019

– Ну, мне пора.

Оливье сидит за кухонным столом, обхватив ладонями чашку с кофе, и смотрит в окно, вдаль, туда, где за зеленью сада, за крышей его мастерской виднеются туманные берега Сены. Он спрашивает, не глядя на меня:

– Это действительно необходимо?

Я медлю с ответом. Потом встаю, одергиваю форменную юбку. Мне не хочется заводить долгий разговор. Только не теперь. Времени мало. Поэтому я ограничиваюсь улыбкой. Впрочем, и он тоже. Он всегда задает важные вопросы именно так.

– Мне нужно быть в Руасси, в терминале 2F, в девять утра. И хорошо бы проехать через Сержи^[3].

Оливье молчит, скользит взглядом по изгибам реки, словно хочет оценить ее безупречную красоту, изучает неторопливо, с бесконечным терпением, как фигурную спинку кровати, вычурные линии комода, угол потолочных балок в мансарде под крышей. С тем же пристальным вниманием он всегда смотрит и на меня, когда я выхожу из ванной и укладываюсь в постель. Этот неотрывный взгляд вызывает во мне приятный трепет, позволяет чувствовать себя красивой даже в пятьдесят три года. В его глазах. Только ли в его?

– Это действительно необходимо?

Оливье открывает балконную дверь. Я знаю, что будет дальше. Он не торопясь выйдет из дома, чтобы угостить вчерашним хлебом Джеронимо – лебеда, который соорудил гнездо в конце нашей аллеи, на берегу Сены. Он почти ручной, но бдительно охраняет свою территорию, а заодно и нашу, куда надежнее ротвейлера. Кормежка Джеронимо – ежедневный ритуал Оливье. Мой муж любит ритуалы.

Я чувствую, что у него на языке вертится тот же вопрос – тот самый ритуальный вопрос, который он задает всякий раз, как я собираюсь в дорогу:

– Это действительно необходимо?

Я давно поняла, что дело не в чувстве юмора Оливье (несколько однообразном) и не в желании узнать, найдется ли у меня пара минут, чтобы выпить кофе перед уходом. Его слова «Это действительно

необходимо?» имеют куда более широкий смысл. Они означают: «Тебе действительно необходима эта чертова работа стюардессы, ради которой ты каждый месяц бросаешь нас на две недели и летаешь по свету? Тебе это правда нужно теперь, когда дом уже оплачен, когда девочки выросли и мы ни в чем не нуждаемся? Ты действительно обязана этим заниматься?» Оливье задавал мне этот вопрос сто раз: «Чем эти хижины на Бали, в Андах или в Канаде лучше нашего деревянного дома, который я построил своими руками?» Он неоднократно предлагал мне сменить профессию: «Ты могла бы работать вместе со мной в мастерской – большинство жен ремесленников помогают мужьям. Занялась бы бухгалтерией или стала секретаршей в моем офисе. Все лучше, чем выбрасывать деньги на бестолковых субподрядчиков...»

Я отвлекаюсь от своих мыслей и отвечаю бодрым голосом стюардессы бизнес-класса:

– Ну все, мне пора, не то опоздаю!

И пока Джеронимо лакомится кусочками багета с зерновыми добавками, я слежу за полетом серой цапли, которая парит над старицами Сены. Я знаю, как Оливье не любит drobный стук колесиков моего чемодана по его сосновому паркету. А у меня в душе разгорается скрытый гнев. Да, Оливье, это необходимо! Моя работа – это моя свобода! Ты остаешься, а я улетаю. Ты остаешься, и я возвращаюсь. Ты – это покой, а я – движение. И так продолжается уже тридцать лет. Из коих двадцать семь я ношу обручальное кольцо. Вырастила двух дочерей. И вполне успешно, разве нет?!

Я поднимаюсь в спальню за чемоданом. И заранее вздыхаю, но Оливье может пытаться меня с помощью фуганка и дрели, я и тогда не признаюсь, как мне сладостно таскать за собой этот чертов чемодан по всем лестницам, эскалаторам и лифтам нашей планеты. Начиная с десяти ступенек нашего шале. Взбираясь по ним, я мысленно повторяю расписание на текущий месяц – Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта – и заставляю себя не заикливаться на невероятном совпадении, но лента прошлого разматывается в памяти, возвращая меня на двадцать лет назад. Ладно, подумаю об этом позже, когда останусь одна и смогу рассуждать спокойно, когда...

Я натываюсь на чемодан и едва не падаю.

Мой комод открыт!

Мой ящик слегка выдвинут!

Не тот, где я храню украшения, не тот, куда складываю шарфы, не тот, что с косметикой.

Ящик с тайнами!

Ящик, который Оливье никогда не открывает, потому что он принадлежит мне одной.

Подхожу ближе. Да, в нем кто-то рылся, это видно с первого взгляда. Все безделушки, все детские письма Лоры и Марго лежат не на своих местах. Засушенные васильки и колосья, собранные на поле моего первого поцелуя, раскрошились в пыль. Розовые телеграммы Оливье: *Скучаю, удачного полета, возвращайся скорей, моя воздушная дева!* – смяты и разбросаны. Я пытаюсь успокоиться: может, это плод моего воображения, разыгравшегося из-за фантастического совпадения маршрутов – *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта?* Может, я сама все смешала в кучу, да и как упомнить, что где лежало раньше, если я много лет не открывала этот ящик?! И мне почти удается себя в этом убедить, как вдруг взгляд привлекает странный блик на паркете, у моих ног. Я наклоняюсь и... не верю своим глазам.

Мой камешек!

Маленький инуитский камешек! Вот он-то уж точно не покидал мой ящик около двадцати лет! Этот камень размером с монету непременно свидетельствует: кто-то совал нос в мои вещи, притом недавно!

Бормоча ругательства, я засовываю талисман в карман форменного жакета. Я уже не успеваю обсудить происшествие с Оливье. И уж тем более с Марго. Это может подождать. В конце концов, мне нечего скрывать, в этом ящике лежат одни только забытые сувениры, чью историю никто, кроме меня, не знает. Выйдя из спальни, заглядываю в комнату Марго. Моя младшая дочь лежит на кровати, пристроив ноутбук на подушке.

– Я ухожу.

– Мам, купи мне «Чоко Попс», а то я утром все доела.

– Марго, я не в магазин иду, а еду на работу!

– А-а-а... и когда вернешься?

– Завтра вечером.

Марго не спрашивает, куда я лечу, не желает хорошего дня и уж тем более хорошего рейса. Она вообще едва замечает мое отсутствие в доме. И с удивлением взирает на меня, когда утром, перед тем как убежать в лицей, обнаруживает родную мать в кухне, за столом. В этом я тоже не признаюсь Оливье, но перед каждым рейсом меня одолевает ностальгия по тем годам – совсем недавним! – когда Марго и Лора плакали навзрыд всякий раз, как я собиралась в дорогу, когда Оливье приходилось силой вырывать их из моих объятий, когда они все дни напролет смотрели в небо, отыскивая там маму, и стерегли мое возвращение, стоя у самого высокого окна на

скамеечке, специально сделанной для этого папой. Тогда мне удалось утешить их, пообещав привезти подарки с другого края света!

* * *

Моя голубая малютка «хонда джаз» едет по голым полям, спаленным огромным рыжим солнцем. Между аэропортом Руасси и нашим шале в Порт-Жуа^[4] пролегают сто двадцать километров национального шоссе. По этой магистрали ездят грузовики, которые я давно запретила себе обгонять. Оливье шутливо уверяет, что я быстрее добралась бы по воде, на барже. И он почти прав! Вот уже тридцать лет я езжу по этому шоссе № 14 в любое время дня и ночи, после двенадцатичасовых перелетов и почти стольких же (если не больше) часовых поясов, от которых ломит все тело и гудит голова. Некоторые люди боятся самолетов, я же часто испытывала гораздо больший страх перед этой нескончаемой серой лентой, пересекающей департамент Вексен, чем перед всеми аэродромами планеты, с которых я взлетала и на которые садилась все эти тридцать лет, по три-четыре рейса в месяц. В нынешнем у меня их будет три:

Монреаль, с 12 по 13 сентября 2019

Лос-Анджелес, с 15 по 17 сентября 2019

Джакарта, с 27 по 29 сентября 2019

Передо мной маячит задняя стенка голландского фургона, который старательно придерживается ограничения скорости на данном отрезке шоссе. Чтобы отвлечься, пускаюсь в сложные расчеты – расчеты вероятностей. Мои последние воспоминания о теории вероятностей восходят к лицу, то есть к нынешнему возрасту Марго, что вряд ли мне поможет. Итак, сколько дальних рейсов, с вылетом из Руасси, предлагает компания *Air France*? Наверно, много сотен. Я беру минимальную цифру и округляю ее до двухсот. Значит, у меня был один шанс из двухсот попасть на рейс в Монреаль. Вообще-то ничего удивительного, с 1999 года я туда летала дважды или трижды. Но какова вероятность объединения Монреаля с Лос-Анджелесом? Даже ничего не соображая в математике, я понимаю, что результат должен равняться примерно двумстам, умноженным на двести. Пытаюсь представить себе это число написанным на сером заднике фургона, который все так же упорно тащится передо мной. Число с четырьмя нулями, то есть один шанс на несколько десятков тысяч... А если

добавить третье направление, Джакарту, вероятность возрастает до двухсот раз, помноженных на двести и еще раз на двести. Что дает нам цифру уже с шестью нулями. То есть существует всего один шанс из нескольких миллионов соединить все три рейса в одном месяце! Это кажется совершенно невероятным... однако именно так, черным по белому, написано в моем путевом листе, присланном парнями из отдела графиков полетов... *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта...* Запланированное тьерсе^[5] – с ума сойти можно!

Аккурат перед подъемом на Сен-Клер-сюр-Эпт голландец наконец сворачивает на парковку – видимо, решил позавтракать в придорожном кафе. У моей «хонды» внезапно словно крылья вырастают. Я жму на газ, одновременно продолжая мысленно выстраивать вереницы нулей.

Запланированное тьерсе... Ну что же, один шанс из миллиона – тоже шанс... Тот, на который уповает каждый игрок, помечающий крестиками клеточки в лотерейном билете. В жизни нет ничего невозможного – только маловероятное. Только случай. Наверно, какой-нибудь бог-шутник разыскал старый фильм из моего прошлого и забавы ради решил его перемотать еще разок. Три направления – те же самые. Те же, что двадцать лет назад:

Монреаль, с 28 по 29 сентября 1999
Лос-Анджелес, с 6 по 8 октября 1999
Джакарта, с 18 по 20 октября 1999

Я прибавляю звук радио, словно хочу заглушить яркие образы, которые настойчиво, как я их ни отгоняю, возникают у меня в мозгу. Какой-то рэпер вопит по-английски, оглохнуть можно. Я проклинаю Марго – опять она ездила на моей «хонде» с инструктором по вождению! – и кручу ручку до тех пор, пока не удастся поймать мало-мальски мелодичную музыку.

Ностальгия.

Let It Be^[6].

Я едва не задохнулась, услышав ее.

Нули у меня в голове закручиваются в смерч, потом складываются в длинную цепочку, которая удавкой стягивает мысли. Сколько шансов из скольких миллионов нужно, чтобы наткнуться именно на эту песню?

Какого бога-шутника мне довелось разбудить?

When I find myself in times of trouble...^[7]

Внезапно на глазах вскипают слезы, я уже готова остановиться на

обочине и включить «аварийку», но тут на приборной панели начинает вибрировать мой смартфон. *Мама Нати, на помощь...*

Это звонит Лора.

– Мама, ты что, за рулем? Можешь говорить?

Лора, которая с шестнадцати до двадцати пяти лет плевать хотела на мой рабочий график, последние полтора года горячо им интересуется. Вот и сегодня – еще часа не прошло, как я его получила, а она, похоже, уже всполошилась. Прочитала и кинулась звонить, чтобы разведать обстановку... и задействовать меня.

– Мам, я так поняла, что ты возвращаешься из Монреаля в пятницу вечером. Я смогу привезти к тебе Этана и Ноэ в субботу утром? Нам с Валентином нужно съездить в «ИКЕА», а брать с собой парочку этих чудовищ невыносимо. Я их привезу часов в десять утра, чтобы ты успела опомниться от разницы во времени.

В десять утра? Вот спасибо, дорогая! Ты ведь отлично знаешь, что после шестичасового перелета из Канады я вряд ли сомкну глаза ночью... А что касается «ИКЕА», моли бога, чтобы твой папаша об этом не прознал!

– Спасибо, мамочка! – бурно благодарит Лора, не оставляя мне выбора. – Ну пока, побегу раздавать порошки и таблетки моим убогим.

И отключается.

Лора, моя старшенькая... Двадцать шесть лет, медсестра в больнице Биша.

Лора – умница, Лора – аккуратистка, у Лоры вся жизнь распланирована до мелочей, у Лоры есть муж Валентин, жандарм, адъюдан [8] полицейской бригады города Сержи, который ждет перевода по службе, чтобы получить звание лейтенанта. В их паре Лора – воплощенная стабильность, а он – воплощенное движение. Хотя при этом они ухитрились построить домик в Понтуазе. «Мама, ты пойми, это выгодное вложение!»

Полтора года назад Лора родила очаровательных шустрых близнецов, Этана и Ноэ, которых Оливье будет обожать, когда они станут достаточно большими, чтобы учиться его ремеслу, а пока ими занимаюсь я – когда сижу дома. Не правда ли, идеальный вариант: бабушка, которая отсутствует две недели в месяц, а все остальное время полностью посвящает внукам?

Еще какой-то миг я смотрю на погасший дисплей мобильного, на его розовый девчачий корпус, на маленькую черную ласточку, нацарапанную шариковой ручкой на пластмассе, потом снова прибавляю звук.

Let It Be...

А в голове у меня по-прежнему хихикает бог-шутник.

Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта...

Он выбрал три самых прекрасных маршрута в моей жизни – черная дыра, белая дыра, небытие.

Соблазн без угрызений совести, боль разлуки, беспомощность, самопожертвование и пустота – бездонная, невыносимая, которую я тем не менее вынесла, хоть и носила в себе все эти годы.

И которую я заполнила Лорой, потом Марго, а за ними – Этаном и Ноэ. Которую я заполнила...

Одни женщины заполняют счастьем сердца любимых, другие сами полны счастья.

Let It Be...

* * *

Руасси-Шарль-де-Голль, терминал 2F. Затянутая в свой голубой костюм, с красной косынкой на шее, я торопливо шагаю по длинному коридору, ведущему к выходу М. Одной рукой качу за собой чемодан, другой вынимаю список членов экипажа.

Идущие навстречу мужчины оборачиваются, глядят мне вслед. Форменная одежда и уверенная походка действуют на растерянных путников магически. Сочетание энергии и элегантности. Видимо, это сочетание плюс легкий макияж помогают бороться с возрастом. Миную выходы J, K, L, не отрывая глаз от списка тех, с кем полечу в Монреаль, и едва сдерживаю радостный возглас, увидев первое имя.

Флоранс Гийо.

Фло!

Подружка моя, самая любимая из коллег! За тридцать лет работы случай соединял нас в полете меньше десяти раз. Если хотим лететь вместе, мы должны писать совместное заявление. Два дня в Монреале вместе с Флоранс, какая удача! Флоранс – сгусток энергии. Сколько лет ей пришлось ворковать, обхаживая пассажиров бизнес-класса, в поисках элегантного красавца-мужчины, готового на ней жениться! И она нашла, хотя лично я ни разу не видела ее бизнесмена. Флоранс стала примерной супругой, что не мешает ей летать и развлекаться на всю катушку во время каждой стоянки, пить-гулять-веселиться... вот только она больше ни с кем

не воркует. Она любит своего президента-директора, знаю, что любит.

Фло, моя верная наперсница. Фло, которая ухитрилась продегустировать все алкогольные напитки планеты – от тропических водок до азиатских виски. Фло, которую я уже знала, когда... Я едва успеваю втащить чемодан на «бегущий тротуар», каким-то чудом избежав столкновения с группой из семи туристов в тюрбанах. И снова у меня в мозгу звучит сигнал тревоги.

Фло?

Именно на этом рейсе Париж – Монреаль?

Точно как двадцать лет назад?

Вероятность такой встречи исчисляется, наверно, бесконечным количеством нулей... Летный состав *Air France* – около десяти тысяч человек.

Я пробираюсь между пассажирами, держа курс на выход М и стараясь выбросить из головы дурацкие расчеты. Может, Фло просто поменялась с кем-нибудь, чтобы лететь вместе со мной? Может, этому есть другое объяснение? А может, чистая случайность, и ничего более.

Взгляд падает на другие имена в списке, некоторых из этих людей я знаю. Особенно Эмманюэль Риу, более известную среди экипажей под именем Сестры Эмманюэль, старшую бортпроводницу, самую строгую и надежную по части безопасности в нашей авиакомпании. Я морщусь, но, прочитав следующее имя, тут же улыбаюсь. Жорж-Поль Мари, один из самых любимых моих стюардов. Высокий, элегантный, даже изысканный. Тоже своего рода легенда нашего воздушного флота.

Иду дальше по списку, вот и наш командир.

Жан-Макс Баллен!

Меня пробирает дрожь.

Жан-Макс...

Ну конечно, мой бог-шутник не мог упустить такой случай, он решил довести свой розыгрыш до конца. Рейс Париж – Монреаль 28 сентября 1999 года, тот самый, на котором мы работали вместе с Фло, а рулил Жан-Макс Баллен!

Рейс, во время которого моя жизнь свернула с прямого пути.

Рейс, когда все началось.

Выход М.

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется
И ранняя птица в небо взовьется*

*В лесу, где встретили мы рассвет,
Бесследно растает наш легкий след.*

2

28 сентября 1999

Выход М.

Приезжаю в Руасси, едва не опоздав, в дикой панике: у Лоры отит. Уже второй со времени поступления в подготовительный класс. Я долго колебалась, не зная, как быть – взять бюллетень по уходу или оставить ее на Оливье. Вот он – выход М, а меня еще трясет от напряжения. Но тут объявляют, что наш вылет откладывается на полчаса, экипажу предлагают пока отдохнуть.

Зал посадки на Монреаль напоминает лагерь беженцев после исхода. Слишком много пассажиров, кресел на всех не хватает. Люди сидят на полу, детишки бегают по залу, младенцы орут. Я направляюсь к газетному киоску, чтобы купить какой-нибудь журнал, и тут меня перехватывает один из пассажиров: его беспокоит задержка, успеет ли он на пересадку до Шикутими?^[9]

Шикутими? Одно только название сразу вызывает в воображении картины больших озер и сосновых лесов, хотя этот пассажир никак не похож на лесоруба, скорее на легкую добычу какого-нибудь тамошнего гризли. Шикутимец топчется, пожирая глазами мой бюст (бедняга едва достает мне до подбородка), по-моему, он не против тактильного исследования. Может, и подошел лишь для того, чтобы заглянуть в вырез блузки и вдохнуть аромат моих духов? В свои тридцать три года я давно привыкла к комплиментам – всяким! – научилась с ними разбираться и не позволять абы кому ловить взгляд моих глаз – серых, с зеленым оттенком, когда я сержусь, или почти голубых, когда влюблена. Чаще всего я их скрываю под темной прядью волос, достаточно длинной, чтобы на время рейса ее можно было подколоть, а после посадки покусывать или обматывать вокруг кончика носа. Это моя давняя привычка, чуть ли не мания, которую я компенсирую такой широкой улыбкой, что она превращает мое удлиненное лицо в большой теннисный мяч, разрезанный надвое, а щелочки глаз – в лазерные указки.

Я отвечаю, сохраняя безопасную дистанцию, спрятавшись за вовремя упавшей прядью:

– Не волнуйтесь, мсье, наш командир наверняка сумеет наверстать опоздание во время перелета.

Коротышка-лесоруб взирает на меня с недоверием. А ведь я его не обманываю: нам давно известно, что командир Баллен не слишком строго соблюдает правила режима полета. Очень уж ему не терпится добраться до места назначения и до отеля. Этот сорокалетний красавчик-пилот с улыбкой Тома Круза, в лихо заломленной фуражке, усердно кадрил меня несколько лет назад, когда мы с ним пили мохито в холле «Комфорт-Отеля» города Токио. Я тогда сразу внесла полную ясность: мадам замужняя – и прочно замужняя! – дама, более того – мать очаровательной пятилетней Лоры. Он взглянул на фотографию моей малышки с умилением, достойным Дюссолюе в фильме «Трое мужчин и младенец в люльке»^[10], и заявил, что мне повезло, моему супругу еще больше, а вот у него нет ни жены, ни детей и никогда не будет. «Такова цена свободы», – философски заключил он и, встав, направился к крошечной японке в голубых носочках и с бантиком того же цвета в волосах.

Коротышка-лесоруб наконец отошел и присоединился к группе «беженцев». Стюардесса у стойки выхода на посадку – поистине стоическая девушка, с которой я не знакома, – терпеливо ждет, прижимая к уху рацию. Я дружески машу ей издали, окидываю беглым взглядом пассажиров и тут вдруг... вижу его. Вернее, сначала не вижу, а слышу. Эта странная тихая музыка едва различима среди детских воплей, фамилий опоздавших пассажиров, которые выкрикивает громкоговоритель, – «последний вызов на рейс до Рио... до Бангкока... до Токио...» – и грохота реактивных самолетов, взлетающих за стеклянной стеной аэропорта.

Тихая, завораживающая музыка.

Сначала я слышу ее, потом слушаю, потом пытаюсь выяснить, откуда она звучит. И только тогда замечаю его.

Он сидит в сторонке от других пассажиров, у самого выхода Н, почти невидимый за грудой сваленных кое-как чемоданов, под огромным рекламным плакатом с А320, летящим в звездном небе.

Отрешенный от всего, один в этом мире.

Сидит и играет.

Похоже, никто, кроме меня, его не слушает.

Я останавливаюсь. Он меня не видит. Думаю, он сейчас никого не видит. Сидит, поставив ноги на край кресла, высоко подняв колени, и перебирает струны своей гитары. Тихо-тихо, словно не хочет мешать соседям. Словно играет только для себя. Один – в своей собственной галактике.

Я долго рассматриваю его. До чего же он хорош в этой кепке в красную шотландскую клетку на длинных кудрявых волосах, с этим

тонким, продолговатым лицом! У него голова и тело хрупкой птицы. В зале вылетов одни люди читают – кто «Монд», кто «Экип», кто книгу, – другие спят, третьи разговаривают, а он прикрыл глаза, расслабленно разомкнул губы и позволяет пальцам вольно гулять по струнам, словно детям, оставшимся без присмотра родителей.

Сколько же простояла я так, разглядывая его? Десять секунд? Или десять минут? Как ни странно, первое, что мне сразу бросилось в глаза, это его сходство с Оливье. Тот же светлый взгляд, и успокаивающий, и отрешенный, как сияние полной луны, как светящееся окошко в ночной тьме. Этот гитарист выглядел настолько же гибким и хрупким, насколько Оливье был сильным и коренастым, но обоих отличало удивительное обаяние. То самое, которое мгновенно пленило меня в будущем муже, когда в один достопамятный день я сидела в его мастерской, наблюдая, как он колдует над круглым одноногим столиком – любовно обстругивает, шлифует, полирует, скрепляет детали шпильками, покрывает лаком... Ах, этот солнечный ореол одиночек! Оливье – столяр-краснодеревщик, этот мальчик с гитарой – артист, но они казались мне братьями-близнецами, с головой ушедшими в свое искусство.

Я безмерно восхищаюсь такими людьми! Сама я болтушка, в голове сплошной ветер, обожаю путешествия, встречи и общение. По-моему, в глубине души я только и делаю, что мечтаю о новых горизонтах, мне нравится после каждого нового рейса втыкать очередную цветную булавку в карту полушарий у себя в спальне; наверно, я не успокоюсь, пока не утыкаю ими каждый сантиметр этого постера. А еще я часто думаю, что тайные мысли мужчин, эти заповедные сады, представляют собой самую далекую и последнюю из неосвоенных земель на свете. Мне кажется, что если я и буду вечно любить Оливье – проклиная при этом его молчаливость, его отрешенность даже за семейным столом или в супружеской постели, – то лишь потому, что твердо знаю: первой, на кого он устремит взгляд, вернувшись из своих мысленных странствий, буду я, а значит, мне есть чем гордиться. Ибо свои редкие слова он обращает именно ко мне. Я единственная, кого он впускает в свой заповедный сад. И меня восхищает это свойство Оливье – чувствовать себя свободным, не покидая мастерской. А ведь я иногда ненавижу все эти диваны-столы-стулья, доски, стружки и опилки, жужжание дрели и шарканье рубанка. Моему сердцу милы только огни, смех и музыка.

– Нати!

Звонкий голос вырывает меня из раздумий. Передо мной стоит Флоранс, моя любимая блондиночка. Она выглядит возбужденной, и ей

пришлось чуть ли не кричать, чтобы я очнулась.

– Нати! – повторяет Фло. – Нати, ты никогда не догадаешься, что случилось!

Она даже подпрыгивает на месте от возбуждения – ни дать ни взять девчонка, которая готовится впервые прокатиться на карусели. Красная шейная косыночка стюардессы превратилась в ее пальцах в смятый комоч шелка.

– Что стряслось?

– С нами летит Роберт!

– Роберт? – До меня не сразу доходит, о чем она. И я переспрашиваю: – Роберт? Нет... Только не говори, что с ним будут и Раймон, и Гастон, и Леон!

Фло хохочет.

– Смит, дуручка безмозглая!

Какой еще Смит? Да этих Смитов, летящих в Северную Америку, с десяток в каждом самолете.

– Вау, мистер Смит? Да неужели?! Сам мистер Смит?

Понятия не имею, о каком Смите речь. Фло пялится на меня так, словно перед ней обезьяна, слезшая с пальмы.

– Роберт Смит, дошло до тебя? Черт подери, Натали, да проснись же! Смит – солист «Кью», тот взъерошенный зомби, двойник Эдварда Руки-Ножницы. Завтра вечером он выступает в Монреале! И летит с нами, в бизнес-классе, со всей своей группой и импресарио!

Подхожу к выходу М.

Стараюсь отогнать воспоминания, которые теснятся в голове, возникают одно за другим, словно хотят снова пройти чередой перед моим мысленным взором, возродиться к жизни.

Мне кое-как удалось отделаться от назойливых образов 1999 года – зала в ожидании посадки, пассажира, летящего в Шикутими, возбужденной Фло – от всего этого, но не от гитарных аккордов. Самая рациональная часть мозга пытается вразумить меня: «Эй, красавица, кончай с этим бредом!»

Сунув список членов экипажа в карман форменного жакета, я пробираюсь между пассажирами, которые ждут приглашения на посадку, некоторые вполне терпеливо, а некоторые – торопыги или приехавшие в аэропорт слишком поздно и не нашедшие свободных мест в зале – начинают выстраиваться в очередь перед стойкой. В самолет их впустят не раньше чем через двадцать минут, но я по опыту знаю, что и те, кто сидит, сейчас встанут в этот импровизированный, непрерывно растущий хвост, вместо того чтобы спокойно отдохнуть в кресле.

Я бы предпочла второе.

Сидя удобнее за всеми наблюдать.

Но вообще-то это чистая глупость, сама не понимаю, зачем я пришла в зал посадки, когда все остальные коллеги давно ждут меня в самолете, готовые бдительно рассмотреть каждого входящего пассажира. И никто из путешественников не обращается ко мне за справками ни по поводу Шикутими, ни по каким другим. Это мозг продолжает играть мною в пинг-понг, гоняя между прошлым и настоящим, словно замороженный совпадениями между двумя рейсами, нынешним и двадцатилетней давности. Париж – Монреаль – Лос-Анджелес, посадка у той же стойки М, с той же Фло, с тем же первым пилотом Балленом... Я снова и снова пытаюсь привести себя в чувство. Обычно должность стюардессы не мешает мне стоять обеими ногами на земле.

Меня не впервые посещает чувство дежавю. Уже казалось, что я когда-то была в подобной ситуации, проходила по тому же коридору к той же стойке регистрации, на тот же рейс и с тем же экипажем; когда я вдруг забывала, который час, кто я такая и куда лечу – в Пекин, Пуэнт-Нуар или

Токио, – особенно если рейсы повторялись слишком быстро, только успевай пересаживаться из самолета в самолет. Да, возвращаясь домой после долгих ночных перелетов, я часто ощущаю себя оторванной от времени и пространства.

Но никогда – *перед* рейсом!

Никогда – приезжая из Порт-Жуа после пятидневного отдыха.

И теперь я, несмотря на жалкие остатки благоразумия, не могу заставить себя не всматриваться в этом переполненном зале ожидания в каждое лицо и не вслушиваться в каждый звук.

Более того, я знаю, сама себе в том не признаваясь, что именно ищу здесь.

Красную клетчатую кепку! Кудрявые – сейчас, наверно, поседевшие – волосы.

И конечно, не нахожу, хотя где-то в углу аэропорта явственно слышу тихую гитарную мелодию.

Господи, какая же я идиотка!

Продолжаю машинально обводить взглядом зал, пытаюсь умерить свое смятение. Неужели сегодняшняя Натали так ничего и не поняла? Неужели она недостаточно настрадалась? Та, прежняя Натали еще не знала, что ее ждет, но ведь с тех пор прошло двадцать лет! Так неужели я позволю давним призракам терзать меня из-за каких-то трех нелепых совпадений?! Выход М терминала 2F 2019 года не имеет ничего общего с тем, 1999-го. Теперь здесь повсюду экраны – огромные на стенах, малюсенькие в руках путешественников. Некоторые из пассажиров подзаряжают их от своих аккумуляторов или от аэропортовых розеток. Залы посадки превратились в станции обслуживания, где можно купить сколько угодно батареек.

И все-таки я трижды бдительно осматриваю каждого пассажира. И молодых – что совсем уж глупо, – и, главное, пятидесятилетних... Нет, никто из них не похож на него, ни вблизи, ни издали. Ни у кого нет с собой ни гитары, ни других инструментов. Никто ничего не играет для окружающих. Здесь у каждого своя музыка, и они слушают ее, уединившись в тишине своих наушников.

Мой бог-шутник, кажется, исчерпал запас розыгрышей. Прошлое никогда не возвращается, даже если жизнь переполнена воспоминаниями, которые изредка будоражат душу. Как говорили греки, или японцы, или еще какой-то народ, исполненный мудрости, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Даже если она течет так же медленно, как Сена около моего сада. Жизнь – это длинная спокойная река, кое-где с перекатами, чтобы ей слаще журчалось, и главное – не пытаться плыть по ней против течения...

So long^[11], Ил...

– Нати!

Этот голос вырывает меня из прошлого. Оборачиваюсь. И вижу Фло. Безупречно сидящая форма, белокурый шиньон с просверками седины и несколько новых морщинок со времени нашего последнего совместного рейса в Куала-Лумпур прошлой зимой. Зато выражение лица – как у подростка, впервые севшего на мотоцикл.

– Нати, – повторяет Фло, – что ты тут прохлаждаешься! Бежим скорей! Я такое узнала!..

– Опять?

– У нас на борту *Роберт!*

Какой еще Роберт?

Открываю рот... и не могу вымолвить ни слова.

Роберт...

Нет сил шевельнуться, застыла как парализованная, вцепившись в ручку чемодана на колесах. Фло замечает, что я пошатываюсь, раздражается смехом и поддерживает меня, схватив за плечи.

– Да-да, Роберт Смит, старушка! Солист «Кью», клянусь чем хочешь! Оказывается, он жив! Более того, они по-прежнему ездят в турне и сейчас сидят в нашем самолете! С ума сойти, Нати, я как будто помолодела лет на двадцать!

* * *

Я стойко перенесла этот шок. По крайней мере, сделала вид. Миллионы километров, проведенных в самолетах, помогают сохранять на лице автоматическую улыбку. На ватных ногах я прошла за Фло к нашему самолету и, привалившись к стенке у входа, встретила и поприветствовала каждого пассажира эконом-класса, пока Фло занималась персонами из бизнес-класса, в том числе английскими рок-звездами, которым через три дня предстоял концерт в «Метрополисе», историческом зале Монреаля. То есть на следующий день после того, как мы вылетим обратно.

Мое сердце бьется со сверхзвуковой скоростью, пока я слушаю, как наш Жан-Макс обращается к пассажирам со своим фирменным квебекским говорком: *Говорит командир корабля Баллен. А ну-ка, быстренько пристегнитесь, ребята, мы кончили газовать, сейчас немножко потрясемся.*

Считается, что добрая шутка пилота способствует хорошей репутации

авиакомпания не меньше вкусно обеда на борту. Пассажиры искренне смеются. И стюардессы, впервые летящие с Жан-Максом, тоже, покоренные юмором нашего командира-ветерана. Только Жорж-Поль, Фло и Сестра Эмманюэль – самые опытные члены экипажа – слушают его со скучающим видом. Жорж-Поль набирает последнее сообщение на мобильнике, Фло поправляет прическу, готовясь угостить шампанским своих рок-звезд, а Сестра Эмманюэль хлопает в ладоши.

За работу!

Напялив маску Дарта Вейдера, я приступаю к пантомиме – инструктажу по обращению со спасательными средствами, – которую вслед за мной разыгрывают Жорж-Поль и стажерка Шарлотта, моя юная подопечная. Сестра Эмманюэль следит за нами с зоркостью балетного педагога. Она последняя из поколения старших стюардов, которые считали, что наше представление должно увлечь пассажиров. Я уверена: будь ее воля, она запретила бы им пользование мобильниками, чтение журналов и даже частные разговоры на время нашего инструктажа. Или пригрозила бы, что по окончании процедуры устроит экзамен и проверит, все ли внимательно слушали.

Под присмотром Сестры Эмманюэль этот спектакль длится вдвое дольше, чем без нее, но сейчас он позволяет мне кое-как привести в норму сердечный ритм.

Я по-прежнему погружена в свои мысли, но хожу по салону, наводя порядок: успокаиваю плачущего ребенка, пересаживаю на другое место сговорчивого пассажира, чтобы воссоединить влюбленную парочку, и даже успеваю посидеть и передохнуть перед тем, как Жан-Макс объявит: *Ребята, сидите смирно, сейчас наша тачка оторвется от земли!*

Пока самолет пролетает над Парижем, мое дыхание приходит в норму. Вскоре Жорж-Поль сообщает, что мы уже над Версалем. Те, кто его слышит, приникают к иллюминаторам, чтобы проверить, так ли это, и восхищенно подтверждают: *Точно, Версаль!*

Я почти успокоилась, но в голове продолжает звучать голос Фло: *У нас в самолете Роберт! Роберт Смит, ты представляешь?! Солист группы «Кью», клянусь чем хочешь! И я не могу понять, когда услышала эти слова – двадцать минут или двадцать лет назад? Мне расхотелось играть в вероятности, я просто добавляю это новое совпадение к списку предыдущих: рейс Париж – Монреаль, старший пилот Жан-Макс Баллен, стюардесса Флоранс... а теперь еще и группа «Кью» в полном составе, в бизнес-классе! Мне хватило бы и одного из этих совпадений, чтобы сойти с ума. Наверно, я продолжаю искать разумные объяснения тому, что все так*

совпало, я убеждаю себя, что стала жертвой скрытой камеры, или дурацкого розыгрыша, или галлюцинации. Что все это – простое стечение обстоятельств, одна из тех невероятных историй, которые случаются пару раз в жизни, и потом, когда все разъяснится, они станут хорошим сюжетом для рассказов.

Рассказов – кому? Кому я могу поведать *эту* историю?

Рассказать – значит сознаться. Сознаться в страшном. Сознаться в настигшем меня проклятии, под гнетом которого я жила все эти двадцать лет.

* * *

Самолет уже набрал высоту и теперь с мерным рокотом летит над морем облаков. Я встаю, раздаю подносы с обедом, приношу дополнительные одеяла, объясняю пассажирам, как откинуть спинку кресла, как выключить свет, советую надеть наушники, чтобы не слышать шума двигателей. Потом оставляю людей дремать в безмолвии.

Сиюю одна в заднем отсеке, прижавшись лбом к шторке иллюминатора, и размышляю, стараясь убедить себя, что между рейсами 1999-го и нынешним все-таки есть разница, и гораздо более существенная, чем все эти совпадения. Я уже сто раз перечитала список пассажиров, взгляделась в каждое лицо в каждом ряду.

Илиана среди них нет.

Закрываю глаза. Возвращаюсь в прошлое.

В год *того* рейса двадцатилетней давности.

Рейса, где был Он.

Самолет летит над океаном, и он пустынное пустыни. Атлантика. Ни одного острова на три с лишним тысячи километров, до самого Ньюфаундленда. Ни одного судна внизу, на волнах, сколько ни гляди.

Я сижу в служебном отсеке. Фло наклоняется ко мне, протиснувшись между металлическими тележками для раздачи еды. Она шепчет, чтобы ее не услышали пассажиры, которые стоят тут же в очереди в туалет, переминаясь с ноги на ногу, – то ли качка виновата, то ли им так приспичило.

– Знаешь, о чем меня попросил командир Баллен?

– Нет.

– Он мне показал копию списка пассажиров, где пометил крестиками с десяток фамилий и объяснил, причем на полном серьезе, что это женщины, которые летят одни, без мужей и детишек.

Нахмуренные брови Фло вызывают у меня улыбку. Из ее шиньона выбиваются непокорные пряди, словно подчеркивая ее возмущение.

– Ну и пусть, если его это забавляет, – говорю я. – Перелет через Атлантику долог. Я знаю командиров, которые ухитряются решать за штурвалом кроссворды, а некоторые...

– погоди, Нати, это еще не все! Из десяти пассажирок он вычеркнул тех, кому меньше двадцати лет и больше сорока...

– Я же говорю: перелет через Атлантику долог.

– ...после чего попросил меня сходить и посмотреть, как выглядят семь оставшихся... и пригласить самую хорошенькую посетить его в кабине!

Глаза Фло мечут молнии – она оскорблена в лучших чувствах. Я еле удерживаюсь от смеха. Мне такая методика отбора кажется скорее остроумной.

– Ну и? Что ты сделала?

– Послала его ко всем чертям, конечно! И тогда он сказал: «Не хочешь услужить – не надо, я не заплачу» – и протянул свой идиотский список Камилле. И эта якобы недотрога не заставила себя долго упрашивать – пошла в салон разыгрывать сводню!

В полном изумлении, я выглядываю из своего закутка и вижу Камиллу: она идет по проходу, освещая фонариком лица пассажиров в

поисках «избранниц султана», и наверняка надеется, что ни одна ему не приглянется и она сможет хоть на один вечер стать фавориткой командира.

– Не так уж глупо придумано! – шепчу я на ухо Фло. – Ты вполне можешь сделать то же самое!

– Что?! Переспать с командиром?! Неужели ты думаешь, что я такая размазня?

И она свирепо щиплет меня за плечо. Ай!

– Да нет же, дурочка! Я советую взять на вооружение его метод – найти в списке одиноких мужчин, которые летят без жен и детей, и выбрать какого-нибудь симпатичного холостяка.

Фло опять хищно нацеливается на мое плечо, но на сей раз я ее опережаю. Фло – очаровательная блондиночка, сплошные соблазнительные изгибы и выпуклости; так и хочется съесть ее всю целиком, до того она аппетитно выглядит со своими округлыми щечками в веселых веснушках и стройными ножками! Можно подумать, что форменную юбку стюардесс *Air France* заузили специально, чтобы подчеркнуть плавные линии ее упругой попки, а жакет намеренно сделали тесноватым, чтобы потуже обтягивал ее пышную грудь.

– А ты думаешь, я не пробовала? Да я просекла это куда раньше нашего дурака Баллена! Только вот не догадалась, что если такой тип летит один, то значит, он свободен! Жан-Максу на это плевать, он хочет перепихнуться с девушкой, которая потом не станет приставать. А у меня все наоборот: если я и собираюсь с кем-нибудь переспать, то хочу, чтобы человек ко мне привязался...

Я чмокаю руку Фло, сжимающую мое плечо, а она нежно обнимает меня и шепчет в шею:

– У меня осталось всего шесть лет! После сорока дело кончено...

– Почему? Мне казалось, у тебя есть теория, что стюардесса не должна увлекаться мальчиками.

– Подтверждаю, недостойная мать! Но у меня есть и другая теория, может, она и тебе когда-нибудь пригодится. Ответь, дорогая, что происходит с плохо подобранными супружескими парами? С такими, где муж лучше жены или жена лучше мужа. С такими, где он или она – каторжное ядро на ноге другого, и это все видят. Так что же происходит, если известно, что в девяноста случаях из ста именно жены решают свалить?

Я отрицательно качаю головой, не понимая, куда она клонит.

– А вот что! – объявляет Флоранс. – Нетрудно догадаться, что если сорокалетний мужик все еще состоит в браке со своим «ядром», значит, он

просто боится одиночества, тогда как женщина в данной ситуации наверняка послала бы его подальше. Вот так, моя милая. После сорока лет мужик либо надежно пристроен, либо ни на что не годен. Это аксиома! – И Фло испускает преувеличенно тяжкий вздох. – Ты заметила в самолете хоть одного красивого мужика?

– А твой Роберт? А остальные рокеры?

– Дохлый номер! Попили чаю или минералки, развесили свои белые рубашечки на вешалках и спят как младенцы. Спасибо хоть не надели сеточки на головы, чтобы не смять свои ирокезы.

Charlotte Sometimes...^[12] Я отвечаю улыбкой. Молчу. Долго молчу. Потом все же решаюсь:

– Ну, один все-таки есть!

– Кто?

Я осторожно направляю луч фонарика на 18-й ряд, еще освещенный верхней лампочкой:

– Вон тот кудрявый паренек в кепке из красной шотландки.

И сразу раскаиваюсь. Мне кажется, Фло посмеется надо мной. Она-то ищет мужчину с положением, способного предложить ей просторную квартиру с большой кухней и балконом на солнечной стороне, чтобы изображать стюардессу *Air France* на полставки, забавы ради. Эдакая наполовину стюардесса, а на другую – домашняя хозяйка. Вот ее дурацкая хрустальная мечта.

– Еще чего! – фыркает она.

– А в чем дело? – удивляюсь я.

– Да в том, что такие златокудрые мальчики не про меня, могла бы и сама догадаться. Мой жанр шляпа-котелок, а не красная кепка. Но я понимаю, почему ты на него глаз положила. Так вот, моя дорогая, послушай свою старую опытную подругу: воздержись! Я не знаю, привяжется ли к тебе этот парень после того, как вы перепихнетесь, но в одном уверена на все сто: к таким мальчикам женщины привязываются навеки, спят они с ними или нет...

– Ты с ума сошла, я замужем!

– Знаю-знаю, подружка, за плотником, совсем как Дева Мария!

* * *

18-й ряд, место D. Одна за другой вспыхивают лампочки. И начинается наша утренняя каторга – раздача двухсот пятидесяти завтраков.

– Чай или кофе?

Он отрицательно трясет белокурой кудрявой головой, крепко зажав кепку коленями, словно робкий мальчуган, оберегающий самое заветное свое достояние. Потом кладет книгу на столик. Я успеваю прочесть имя автора – Пенелопа Фармер^[13] (моя эрудиция сводится к знанию ее однофамилицы Милен^[14]).

– А шампанского можно? – спрашивает он. (Ага, значит, не так уж и робок!)

Я улыбаюсь. Под расстегнутой рубашкой виднеется майка с принтом «КБЮ – Мировое турне».

– Его подают только в бизнес-классе. Там, где сидят ваши приятели.

– Мои приятели?

Он говорит по-французски. Значит, француз. Если не считать легкого испанского акцента.

– Ну, остальные из вашей группы. Роберт Смит... Других я не знаю. Кажется... Бобби Браун? Тедди Тейлор? Пол Янг?^[15]

Парень безжалостно терзает свою кепку. Наверно, ему приходится каждую неделю покупать себе новую.

– О-ля-ля... Вы только не подумайте, что я член их группы. Меня наняли на три дня помогать во время концерта в Квебеке, потому что я говорю по-французски. Слышали такую шутку: людей спрашивают, кто умеет играть на гитаре, и выбирают того, кто поднял руку, – чтобы таскать за исполнителями их инструменты? Роберт и все остальные даже не знают о моем существовании.

– А жаль... Вы хорошо играете!

У меня это вырывается невольно, банальная вежливая фраза, с какими я обращаюсь к любому пассажиру. Но сейчас она помогает мне держаться в рамках, хотя на самом деле я уже в них не держусь. Внутренний голос нашептывает мне: *Ты катишься по наклонной плоскости, Нати, по наклонной... по наклонной...* А ему вторит голос Фло: *Воздержись, Нати... воздержись!*

Парень продолжает комкать свой головной убор, словно тряпку.

– Откуда вы знаете?

– А я вас слушала в зале, перед посадкой.

Он смотрит удивленно, почти испуганно, – точно мальчишка, пойманный на шалости. Такой трогательный в своей застенчивости. А я чувствую, что соскальзываю все ниже, а спуск все круче. Он продолжает с легкой улыбкой:

– Мне еще платят за настройку инструментов. Вообще-то я ничего не играл, просто настраивал гитару.

– Это... это правда?

Он наконец перестает теревить кепку, а я жалею, что не могу эффектно откинуть назад свою прядь, сейчас надежно забранную в пучок.

– Нет, я пошутил. Я и правда играл. Ну... импровизировал.

Ага, значит, этот робкий юнец еще и шутник! Он подманил меня к западне, и я с ходу в нее угодила.

– Это было красиво.

– Спасибо.

Пауза.

Я чувствую, что скатилась ниже некуда и если сейчас же не заторможу, это выльется в бесконечное падение, как у Алисы в Стране чудес. Он снова хватается за многострадальную кепку. И я замечаю, что у него обгрызены ногти.

– Но это были не *Boys Don't Cry* и не *Close to Me...* ^[16] Кстати, если любите гитару, почему не обслуживаете настоящих музыкантов – там, в бизнес-классе?

– Я уступила их подруге, она обожает звезд!

– Жаль, сочувствую вам...

Его светлые глаза, более голубые, более искренние, чем мои, выражают неподдельное участие, словно он считает себя недостойным того времени, которое я на него потратила. Первое, чему нас учат на стажировке, это умение говорить с каждым пассажиром интимным, задушевым тоном, чтобы клиенту казалось, будто он путешествует на личном самолете. Я использую профессиональную уловку – заглядываю ему в глаза и «рискую» сделать признание:

– Не думаю, что проиграла, а вот за вас мне обидно.

Он неотрывно смотрит на меня:

– Что-то не верится.

Не могу понять, чем заняты его руки. И безуспешно ищу выход из положения:

– Ну и зря... Моя подруга очень хорошенькая... Кроме того, в бизнес-классе подают шампанское... Хотите, принесу и вам?

– Не стоит. Я пошутил. Мне нечем за него заплатить.

– Это не проблема, я вас угощу за счет заведения.

– Да нет, как раз проблема. Когда в кармане ни гроша, особенно сильно хочется за все платить.

Я хмурю брови и притворяюсь рассерженной, но не слишком, –

стараясь, чтобы мои глаза не метали молнии. За последние шесть лет поднаторела в этом, тренируясь на Лоре.

– Но я же сказала – за счет заведения! Пусть это будет гонорар за ваш короткий импровизированный концерт!

– А вы упрямая. Не забывайте, здесь еще двести пассажиров, которые ждут, что вы им предложите – чай или кофе?

– «Моэт» или «Вдову Клико»?

Он испускает тяжелый вздох покорности судьбе. Его руки лежат на коленях и как будто подстерегают одна другую.

– Окей, пусть будет «Моэт». Но в таком случае я вас приглашаю на наш настоящий концерт. – Я не успеваю опомниться, как он продолжает: – Сегодня вечером, в семь часов, в баре «Фуф», рядом с «Метрополисом». Если мы встретимся пораньше, я смогу провести вас через служебный вход. Придется посидеть на ящике, зато окажетесь меньше чем в двадцати метрах от Роберта, Джейсона, Саймона и Роджера.

Я буквально немею, а парень с ловкостью фокусника хватает шариковую ручку, фирменную салфетку *Air France* и вот уже протягивает мне адрес бара: *87, улица Сент-Катрин, 19:00*. И больше ничего – ни имени, ни номера телефона. Только наверху, над записью, нацарапана крошечная птичка с раздвоенным хвостом.

– Значит, до завтра, Miss Swallow?

– Простите?

– *Swallow* – это по-английски «ласточка»... Вы похожи на ласточку, мадемуазель, вольную, как ветер, которая летает по всему свету в своем голубом костюмчике и красной косынке.

Вольная, как ветер...

Я открываю рот, чтобы ответить (сама не знаю что, никогда не умела быстро реагировать на шутки), но тут раздается громкая трель звонка и голос Жан-Макса Баллена перекрывает все разговоры:

– Доброе утро, ребята! Надеюсь, полет был приятным. В данный момент мы начинаем потихоньку заходить на посадку в Монреале. Внизу собачий холод, минус тридцать, а снегоочистители забастовали. Сейчас вам выдадут коньки, чтобы добраться до аэровокзала, потому что посадочная полоса – сплошной каток. Рекомендую держаться вместе, выходя из самолета: нам сообщили, что у трапа собрались полчища голодных гризли.

Сколько же времени я проспала? Сколько провела в размышлениях, прислонившись головой к шторке иллюминатора, двадцать лет назад?

Шарлотта тихонько трясет меня за плечо: «*Нати, Нати, завтрак!*» Я не сразу прихожу в себя: чудится, будто мне принесли завтрак в постель. Но тут мой взгляд падает на десятки подносов, загруженных в металлические тележки. За работу!

18-й ряд, место D.

Парень лет тридцати спит, скрючившись и уронив голову на колени сидящей рядом девушки. Ни кудрей, ни кепки, голова бритая, с легким пушком, который нежно гладит его возлюбленная. В этом салоне никто не носит кепок. Никто не похож на Илиана. И никого так не зовут.

Илиана нет в самолете.

Раздаю подносы направо и налево, мысленно проклиная бога-шутника, который забавы ради преподнес мне целую кучу совпадений, но оставил при себе то единственное, о котором я так неистово мечтала.

Я уже раздала почти половину завтраков, с 1-го по 29-й ряд, когда мне на помощь подоспел Жорж-Поль:

– Давай я развезу остальное, а ты иди отдохни, Нати.

Неужели я выгляжу такой замученной?

Иду в хвост самолета, оглядываясь на высокого стюарда с изящными движениями. Мальчик лет десяти дергает его за рукав, пока он наливает кофе. Наверняка раскусил шутку командира.

– Мсье, где мы сейчас находимся?

– Мы пролетаем над Мадленскими островами^[17], друг мой, – отвечает Жорж-Поль, не прекращая наполнять стаканчики, – в ста километрах к северу от острова Принца Эдуарда.

Мальчишка в полном восхищении. Минут через пятнадцать он – или другой такой же – задаст Жорж-Полю тот же вопрос.

Это любимый номер стюарда, который он демонстрирует из рейса в рейс. Жорж-Поль так усовершенствовал свое умение ориентироваться во времени и в пространстве, что может абсолютно точно сказать, где находится самолет в данный конкретный момент. Он, конечно, делает поправки на ветер и турбулентность, но обычно одна только скорость

самолета позволяет ему определиться с ответом.

Это фирменный трюк нашего Жорж-Поля Мари – Старшого, как его окрестили коллеги. Все остальные, даже те, кто никогда с ним не летал, знают его под красивым прозвищем GPS.

Сию в заднем отсеке, закрыв глаза. Фло застряла в бизнес-классе со своими постаревшими рок-звездами. Я пару раз заглянула к ней туда, и Жан-Макс Баллен не преминул вlepить мне поцелуйчик по дороге. *А ты все такая же хорошенькая, Натаи, тебе очень к лицу эта седая прядка, ты совсем не стареешь!* Вот трепло! В мои пятьдесят три года я осталась легкой как перышко, но когда улыбаюсь, вокруг глаз образуются морщинки. Яблочко... слегка увядшее. Не то, которое хочется съесть в первую очередь.

Внезапно на меня наваливается усталость, отяжелевшую голову тянет вниз. Защитить бы веки, чтобы они никогда больше не открывались. А заодно остановить мысли, помешать им вертеться вокруг этих странных совпадений, которым нет никакого разумного объяснения. Ну почему я не могу жить как все, подсесть к своей подружке, раздав еду, поболтать с ней обо всем и ни о чем?!

И тут Шарлотта, как будто прочитав мои мысли, подходит, оглядывается, проверяя, нет ли кого рядом, и, наклонившись, шепчет:

– Натали, мне нужно с тобой поговорить.

Шарлотта – моя подопечная. Мы впервые летим вместе, но в прошлом году дважды проходили трехдневную стажировку в Руасси. В течение этих нескончаемых дней, посвященных нудному изучению новомодных инструкций по безопасности, написанных типом, видимо никогда в жизни не летавшим на самолете, мы с ней подвергались идиотским тестам, касавшимся нашего умственного здоровья («У вас есть ощущение, что вы ведете нормальную семейную жизнь? Что вы предпочитаете делать во время стоянок – спать, гулять по городу, пить?»), участвовали во всевозможных ролевых играх, тоже идиотских, например: как себя вести 1) при истерике пассажира, 2) при попытке угона самолета и так далее. Шарлотта больше слушала мои советы, чем наставления наших менторов. Ей ведь не больше двадцати, она хорошенькая, как ангел, и еще не утратила способность восхищаться экзотическими названиями рейсов – Тегусигальпа, Вальпараисо, Самарканд... Шарлотта – вылитая я тридцать лет назад. И самая моя любимая в стайке стюардесс. Я обожаю эту девочку, и тот, кто ее обидит, будет иметь дело со мной.

– Я хочу тебе признаться, Натали. Только обещай, что никто не узнает! Похоже, дело серьезное. Я киваю. Она смело может мне довериться.

– Натали, я влюбилась...

Вот оно что... Ну, это не так уж страшно!

– А он в тебя влюблен?

Шарлотта медлит с ответом.

– Я надеюсь... Нет, я думаю, что да...

Ох, не нравится мне ее неуверенность.

– Он что... женат?

– Нет-нет.

Слишком быстро она мне ответила. Что-то тут неладно.

– А он... намного старше тебя?

– Он... н-нет, ненамного...

Бедняжка Шарлотта совсем сникла; мне кажется, ей хочется укрыться в моих объятиях. Как же я мечтала о том, чтобы Марго тоже поверяла мне свои любовные печали. Увы, ни она, ни Лора никогда меня этим не достаивали. Да и откуда у моей Лоры взялись бы любовные печали, если она встретила своего будущего жандарма еще до окончания коллежа?! Остается утешать Шарлотту. Я сжимаю ее руки и спрашиваю:

– Так что же у тебя не ладится, красавица моя?

– Ты... ты его знаешь...

Ага!

На ум сразу приходит Жорж-Поль. Высокий, элегантный, умный Жорж-Поль вполне хорош собой, разве что выглядит чуточку старомодным; к тому же он наверняка холост, но мне трудно представить себе девушку, которая согласилась бы проводить дни и ночи с GPS, функционирующим круглые сутки. Я мысленно перебираю других стюардов, достойных любви Шарлотты, и тут она признается еле слышным жалобным голоском:

– Это... это Жан-Макс... То есть... командир Баллен.

* * *

Шарлотту вызвали в передние ряды салона: каким-то детям стало плохо, требовалось их успокоить. Я только успела спросить, как это случилось. «Да так, – ответила она, – как-то случайно, само собой. – Но тут же поправилась: – Нет, не случайно, случайностей не бывает – есть только встречи, как писал Поль Элюар».

Поль Элюар... скажите на милость! Я ничего не ответила. Хотела бы, но у меня не было сил это комментировать. Бедная малышка Шарлотта...

Первым делом нужно знакомить молоденьких стажеров с репутацией наших жеребцов-производителей при галунах. На занятиях следовало бы показывать этим юным сернам диапозитивы со сценами охоты на стюардесс, чтобы предостеречь их от дальнейших неприятностей. Ну что я могу сказать Шарлотте? Что Жан-Макс – главный Казанова всего воздушного флота? Что он славится любовными похождениями уже лет тридцать и не скоро уймется? Правда, теперь он стал меньше хвастать своими победами.

Я лихорадочно ищу решение. Мне совсем не хочется, чтобы сердце Шарлотты разбилось вдребезги.

Возвращаюсь к математике. Ну и денек! Да я со школьных экзаменов столько не считала, сколько за сегодняшний рейс! Значит, так... Баллен старше Шарлотты на... на... на сорок с чем-то лет! Сорок лет – спятить можно!

Нужно составить план действий. Мы проведем в Монреале – вместе с Фло, Жорж-Подем, Жан-Максом и Шарлоттой – одни сутки. И за эти сутки я должна придумать, как открыть маленькой дурочке глаза на этого типа. Притом без посторонней помощи. Даже речи быть не может, чтобы я разболтала тайну подопечной остальным, особенно Флоранс, которая всегда ненавидела командира Баллена.

А впрочем, не так уж все и серьезно. По крайней мере, признание Шарлотты хоть ненадолго отвлекло меня от назойливых призраков прошлого. Я с удивлением ловлю себя на том, что стараюсь от них отделаться. Если хорошенько подумать, в этой сумме совпадений нет ничего невозможного. Доказательство? Это со мной происходит! Но возможно другое: они связаны с чем-то не имеющим отношения к случаю... что бы там ни говорил Поль Элюар!

Успокоившись насчет своей судьбы и встревожившись за Шарлотту, угодившую в зубы нашему воздушному волку, я с облегчением чувствую легкую турбулентность, сотрясающую самолет. Вот удобная возможность размять ноги. Я прохожу по салону, успокаивая пассажиров. По опыту знаю, что даже легкие толчки могут вызвать у самых боязливых непреодолимый ужас. Я ободряю улыбкой родителей, уговариваю детей сидеть смирно, проверяю, все ли пристегнуты, советую поднять столики. Несколько толчков посильнее вызывают у одних испуганные возгласы, у других (немногих) – смешки. Словом, до паники далеко.

Один пассажир, как раз передо мной, судорожно вцепился правой рукой в подлокотник, а левой в свою жену. Лет сорок на вид, смуглая кожа, черные всклокоченные волосы и жиденькие усики. Иностранец. Скорее

всего, малаец. Но изъясняется по-английски. Бормочет что-то невнятное – похоже, молитву – и, судя по всему, никак не может решить, что ему вырвать – подлокотник из гнезда или руку жены. Подхожу ближе. Он меня даже не замечает: глаза зажмурены, с губ срываются невнятные слова молитвы, которая его спасет. Жена слушает, продолжая его поглаживать, и я понимаю, что мольбы мужчины относятся к ней. Наклоняюсь, чтобы предложить воды, мятную конфетку, успокаивающее. И слышу:

When our islands are drowned, when our wings are down... [18]

Толчок самолета, который никто из пассажиров даже не заметил, отбрасывает меня на два сиденья дальше. Я встаю, пошатываясь. Пассажиры с тревогой смотрят на меня: *С вами все в порядке, мадам?* Я не отвечаю, у меня нет сил говорить, я только и могу, что бессмысленно повторять и повторять слова, которые бормотал этот малайский пассажир, которые я наверняка плохо расслышала – *When our islands are drowned* – и наверняка не так перевела – *When our wings are down*. Которые исказила, переврала...

When our islands are drowned, when our wings are down...

Неужели я схожу с ума?

– Нати, ты в порядке? – обеспокоенно спрашивает подбежавший Жорж-Поль.

– Д-да, ГР...

Какое там «да» – конечно, нет! Я и впрямь схожу с ума! Эти слова, английские слова, произнесенные малайцем... эти слова я слышала от Илиана двадцать лет назад... Его последний подарок мне.

Это мои слова. Это только мои слова!

Никто другой не может их знать!

Так где же их украл этот малаец?

* * *

Жорж-Поль поддерживает меня, я едва стою на ногах. В голове звон, вспыхивают огоньки, звучит голос, идущий сверху, будто с небес. Голос ангела?

Да, ангела... имитирующего квебекский акцент.

– Привет, ребята, говорит ваш командир! Надеюсь, вы приятно провели время в полете, а теперь мы приступаем к медленному снижению для посадки в Монреале. Только не спешите кутаться, покидая самолет. Вчера на аэродроме намело снега аж на тридцать сантиметров, но сегодня

он вдруг взял и растаял. Так что готовьтесь выплывать из салона брасом, а перед выходом вам раздадут акваланги и ласты, чтобы добраться до аэровокзала. Рекомендую держаться всем вместе: нам сообщили, что у трапа вас подстерегает стадо финвалов![\[19\]](#)

Оливье никогда не робел перед мебелью. За долгие годы работы его руки научились, даже вслепую, на ощупь, распознавать все виды древесины – шершавую фактуру сосны, мягкую гладкость тополя, извилистые волокна граба, темные прожилки оливы; приручать их выступы, убирать мельчайшие колкие заусеницы, находить каждый узелок, словно родинки на женских телах, таких разных. Это он-то, который всю жизнь касался одного-единственного.

Но сейчас эти руки дрожат.

Он тянется к обыкновенному ящику. Пальцы обхватывают круглую дубовую ручку, которую он сам же и выстругал, отполировал, покрыл лаком. Ящик легко ходит взад-вперед на гладких желобках. Прекрасный образец искусства краснодеревщика. Как ему хочется, чтобы этот ящик заклинило, чтобы он оказался заколочен или просто закрыт на ключ!

Но Натали все эти годы оставляла его незапертым, доступным любому члену семьи.

Что это – свидетельство ее доверия?

Или изощренная пытка?

Оливье сует руку в ящик. В прошлый раз он на это не осмелился, выдернул руку, не схватив ни одного предмета, даже не взглянув, что там внутри. Оставил все как есть, поспешно закрыл ящик, словно оттуда мог потечь ядовитый газ без цвета и запаха, способный отравить их дом, их семью, их жизнь – все, что они построили.

Он надеется, что Натали ничего не заметила.

Но сегодня он не задвинул этот ящик.

Роется в нем. Ищет – сам не зная что.

Он пытается убедить себя, что не делает ничего дурного, что если бы Натали хотела скрыть от него какую-то тайну, то не оставила бы все эти предметы доступными чужому взгляду. Ведь прошло уже столько времени, и она во всем ему призналась, и они оба теперь куда сильнее, чем этот древний клад поблекших воспоминаний.

Оливье не глядя хватает пригоршню предметов и, отойдя на три шага, кладет их на кровать, прежде чем сесть самому. Но сначала внимательно осматривает складки одеяла, как будто хочет их запомнить, как будто смять его – такое же кощунство, как обмануть жену.

Потом аккуратно раскладывает свою добычу, чутко прислушиваясь к звукам в доме. Марго сейчас в лицее, но она может вернуться в любую минуту. Впрочем, что тут такого? Ну застанет она отца в его же спальне сидящим на кровати. Разве она догадается, что предметы, разложенные на одеяле, это улики, доказательства измены? Разве дети способны представить себе грехи молодости своих родителей? И даже если способны, почувствуют ли они себя причастными к этой измене?

Тем не менее Оливье пинком захлопывает дверь спальни и наконец приступает к осмотру добычи.

Бумажная салфетка с логотипом *Air France*, на ней что-то записано. Ни имени, ни даты, только адрес: *улица Сент-Катрин, 87* – да крошечная птичка: черные перья, небрежно нацарапанные крылья, раздвоенный хвост.

Ласточка!

Оливье узнаёт ее. Этот силуэт – точная копия татуировки на плече Натали, которую столько раз избегали его губы, когда он целовал ее в шею, оттянув ворот блузки; как же часто ему хотелось стереть эту татуировку, вырвать зубами кусок плоти, искушать жену в кровь.

Оливье пытается отбросить свои вампирские мысли и продолжить обследование. Однако все другие предметы из ящика, хранимые женой как драгоценные реликвии, ни о чем ему не говорят.

Старая программка на сентябрь 1999 года – «Кино под звездным небом, Монреаль». Столовая салфетка с золотым логотипом отеля *Great Garuda* в Джакарте, сразу узнаваемым по свирепой орлиной голове^[20]. Фотография какой-то очень пестрой, немного наивной картины с изображением женщины-солдата, вооруженной до зубов и размахивающей ружьем. Конверт, который Натали, вероятно, второпях разорвала, а потом склеила, да так старательно, что нетрудно прочесть несколько слов: *Это все, что мне удалось спасти. Лора очень хорошенькая. Вы тоже.*

Столько эпизодов из жизни Натали, о которых ему ничего не известно...

Целая жизнь, прожитая на других континентах. Жизнь вдалеке от дома.

Та, прошлая жизнь...

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет,
Когда в замке ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

– Да это просто дьявольское искушение – такая вкуснотища!

Фло заглатывает еще три аппетитных коричневых ломтика и швыряет пакет с остатками «Пудины»^[21] в ближайшую урну. Потом торжествующе потрясает кулаком, словно забросила победный мяч в корзину.

– Yes! Десять ломтиков, и ни на один больше! И до вылета на родину – ровно пять порций водки за вечер, и ни капли больше!

Она хохочет, но тут же приникает к витрине фастфуда на другой стороне улицы, едва не расплющив нос о стекло.

– Ох, искушение, кругом искушение! – Она скрещивает пальцы, отгоняя невидимого демона чревоугодия. – Прочь, соблазнитель! А ты могла бы и удержать меня, коварная подруга!

Я не отвечаю, мне не до того, я зачарованно люблюсь Старым Монреалем. Мне впервые довелось попасть в Квебек, и меня здесь восхищает абсолютно все. Акцент торговцев, уморительные песенки по радио, ощущение, будто ходишь по гигантскому кампусу, чьим обитателям не больше тридцати лет, учтивость прохожих. Весь этот декор опереточного *Far West*^[22] – полная противоположность спагетти-вестернам, скорее уж при каждом разговоре с аборигенами чудится, будто вы попали в дом какого-то дальнего родственника, которого никогда не видели, но он принимает вас так радушно, словно знает с пеленок.

Фло провожает взглядом трех молодых канадцев в распахнутых грубых рубашках поверх футболок с принтом *Toronto Raptors*^[23].

– Безнадежно! – вздыхает она. – Если я хочу найти себе парня, единственный выход – диета! Тебе-то на все плевать, у тебя и так есть два мужика... Ну-ка, давай рассказывай про своего гитариста в кепке!

Я пугливо озираюсь, как будто нас могут подслушать, как будто стоит мне что-то рассказать – и я почувствую себя виноватой. Флоранс угадывает мое смятение и затаскивает в ближайший магазин, что-то вроде супермаркета, в отдел североканадских художественных ремесел. Она жадно ждет моих признаний. Я замечаю укромный уголок недалеко от касс, возле витрины с украшениями, где не толпятся туристы.

– Да мы просто обменялись парой слов в самолете. Он симпатичный паренек, смешной такой и хорошенький. Но ты не забывай, моя милая, что

я все-таки замужем. Старая жена и молодая мать.

– Знаю, знаю, замужем за Иосифом! Хотя это не помешало Марии изменить ему с ангелом небесным. Ладно, колись! Что дальше-то было?

– Дальше? Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты с ним еще увидишься?

– Нет... Конечно, нет.

Фло зажимает двумя пальцами, большим и указательным, свой нос и делает вид, что вытягивает его.

– Ты хоть мне-то не морочь голову, подружка, ты ведь совсем врать не умеешь! Придется устроить тебе стажировку по облапошиванию мужей, перед тем как ты вернешься и обнимешь своего Джепетто в его столярке.

Я отвожу взгляд, смущенная не столько напором Фло, сколько пронзительным взглядом продавщицы за кассой. Это женщина с черными как смоль волосами и красновато-смуглым лицом, наряженная эскимоской. Хотя... может, и не наряженная, а настоящая эскимоска. Застывшая, точно статуя, на льдине в ожидании собачьей упряжки.

– Ну... если хочешь знать, он пригласил меня на концерт «Кью». Обещал провести через служебный вход... И назначил встречу в баре около «Метрополиса», за час до начала.

Фло так потрясена, что на миг теряет дар речи.

– Ах ты негодяйка! Значит, ты единственная из нас, кто увидит задницу Роберта! Так он тебе нравится, твой Эрик Клэптон в кепке?

– Да он всего лишь *roadie*^[24], понятно?

– Ты не ответила! Он тебе нравится?

– Он... ну, не могу сказать, что нет... Знаешь, он очень похож на Оливье.

– На твоего Джепетто?!

– Ну да, на Оливье... моего мужа!

– Только чуть красивее?

– Не сказала бы.

– И капельку пободрее?

– Оливье вовсе не дряхлый старик!

– Тогда чем этот лучше?

Я могла бы ответить: «Ничем. Этот парень ничем не лучше Оливье, и я его совсем не знаю. Первый встречный. Улыбка, несколько слов, вот и все, просто симпатичный пассажир». Да, я должна была ответить Фло именно так, но мешает инуитка за моей спиной. Одно ее присутствие как будто вынуждает говорить правду:

– Чем он лучше? Прекрасным безрассудством.

Фло сверлит меня взглядом, почти таким же пронизывающим, как взгляд неподвижной эскимоски. Потом одним взмахом отбрасывает прочь «ловушки для мечты»^[25], висящие у нас над головами, и, нахмурившись, спрашивает:

– Ты любишь мужа?

– Да! – говорю я не колеблясь.

Но Фло реагирует так же мгновенно:

– Тогда вперед!

– Вперед... куда?

– Куда, куда... Вперед – на свидание! Вперед – в этот бар! Вперед – на концерт!

– Ты с ума сошла!

Неподалеку по отделу бродит французская супружеская пара; я их узнаю, они летели нашим самолетом. Фло вталкивает меня в закуток у кассы.

– Вперед, я тебе говорю! Он ведь похож на твоего Оливье, только чуть получше? Вот и изучи его как следует. Убеди себя, что это хороший способ улучшить качество супруга. Добавить ему того, чего пока не хватает вашему браку. Усовершенствовать его. А главное, пойми, что на этом свидании бо́льшая опасность грозит вовсе не тебе.

– Почему?

Фло закатывает глаза к потолку, обитому бизоньими шкурами.

– Посмотри на себя в зеркало, Натали! Ты же красавица. Воплощенная улыбка, воплощенная романтика. Ты аппетитна, как ломтики «Пудины» под коричневым соусом... нет, даже больше! И не бойся ничего, ты победишь. Заставишь его потерять голову – своего Джимми Хендрикса в кепке!

Я спиной чувствую взгляд инуитки, сидящей за кассой. Он холоден, как сталактит, он вонзается в мое пылающее сердце, как ледяной кинжал. Может, я именно этого и жду – в глубине души. Пусть оно заледенеет, пусть перестанет биться или хотя бы замедлит ритм, пусть разум победит чувства. Увы, до победы еще далеко, а Фло твердо стоит на своем:

– Только не вздумай разыгрывать из себя жертву судьбы! У тебя есть муж, который растит вашу дочку, пока ты развлекаешься, летая по всему свету. У тебя есть близкая подруга – самая отвязная из всех холостячек. У тебя есть почти любовник... И в довершение всего, ты сегодня попадешь на концерт, о котором мечтают все девушки, которым было двадцать... десять лет назад.

Я делаю последнюю отчаянную попытку:

– Слушай, пойди туда вместо меня, если уж тебе так хочется!

– Ну ты и дуручка! Это ведь твоя судьба – не моя.

Я хватаю Фло за руку. Я пытаюсь убедить себя, что эта встреча в баре ни к чему меня не обязывает.

– Знаешь, мне как-то страшновато...

– Тогда точно надо идти!

Мы уже собираемся выйти, как вдруг меня окликают. Откуда-то сзади.

– Мадемуазель...

Я почему-то сразу понимаю, что женщина за кассой обращается именно ко мне. Оборачиваюсь. Инуитка держит в руке маленький серый камешек размером с перепелиное яйцо.

– Возьмите, мадемуазель. Это камень времени.

Флоранс молча стоит поодаль. Я правильно догадалась – продавщица обращается именно ко мне.

– Не бойтесь, берите.

И она роняет камешек в мою ладонь.

Самый обычный камешек, красивый, гладкий. Но ничем не примечательный. Я пытаюсь вернуть его инуитке, но она качает головой:

– Знаете ли вы, мадемуазель, что такое камень времени? – Она замолкает на несколько секунд, давая мне время подумать, потом объясняет: – Время, мадемуазель, это длинная река. Она никогда не останавливается. И всегда течет в одну сторону. Однако невозможно определить, с какой скоростью продвигается каждая ее капля. Они ведь все похожи одна на другую, верно? Так как же узнать, какая спешит, какая медлит в пути, а какая вообще останавливается, уступая дорогу всем прочим?..

Я слушаю – мне стало интересно. Ее речь похожа на заклинание, на внушение гипнотизера, хотя мне совершенно ни к чему покупать этот «волшебный» камень, который она пытается мне всучить.

– Однако, мадемуазель, есть один способ справиться с теми капельками, которые остановили свой бег. И некоторые эскимосы умеют распознавать их, эти капельки вечности, которые пропускают мимо себя реку. Они оставляют свои следы на камнях, лежащих на речном дне. Для тех, кто не умеет смотреть, эти камни невидимы, но наши шаманы проводят целые дни, глядя на бегущую реку, пока не выловят наконец один такой камешек. – И она почти насильно всовывает камешек мне в руку: – Вот этот будет для вас.

Я слышу сзади приглушенное насмешливое фырканье Флоранс.

– А для чего они – эти волшебные камешки?

– Для того, чтобы вернуться вспять во времени, – серьезно отвечает инуитка. – В тот день, когда вам это понадобится. В тот день, когда вы этого захотите всерьез.

На сей раз Флоранс хохочет, не скрываясь:

– Прямо как в «Назад в будущее»?

Я вдруг начинаю злиться на Фло – зачем она нарушила очарование? Мне нравится поэтический рассказ этой женщины, даже если цель его – всего лишь развести туриста на пару канадских долларов.

– Нет, – улыбается продавщица. – Эти камни не позволяют возвращаться в прошлое и уж тем более изменять его. Они только помогают вновь пережить некоторые короткие минуты, вернее даже мгновения, ушедшего времени. Как я уже сказала, время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, никогда не останавливаясь. Но несколько капель – всего несколько! – возникших из прошлого, могут изменить течение всей жизни.

Я разжимаю кулак:

– Спасибо за эту прекрасную историю, но я возвращаю вам камень. Для меня это... слишком... гм... ценная вещь.

Инуитка пристально смотрит мне в глаза:

– Нет, он ваш, мадемуазель.

Чувствую, что мне от нее так просто, без денег, не отделаться, и с улыбкой продолжаю:

– Меня это не интересует. Я еще молода, чтобы думать о прошлом.

– Нет, возьмите, прошу вас, возьмите его.

И она опять смыкает мои пальцы на камне времени. Я начинаю заводиться. А спиной чувствую, как нервничает Флоранс.

– Простите, ради бога, но я не хочу его покупать, сколько бы он ни стоил.

– Это подарок, – мягко объясняет продавщица.

Я застываю со сжатым кулаком.

– Но ведь вы сами сказали, что такие камни – редкость. Единственные в своем роде, ценные, за ними охотятся. Так почему же вы дарите его незнакомке?

Женщина пристально смотрит мне в глаза. Я знаю, что это просто коммерческий трюк – всучить даром какой-нибудь булыжник наивной туристке и завоевать ее доверие, чтобы она вернулась сюда и купила другую безделушку.

– Потому что вы влюблены, мадемуазель, – отвечает инуитка. – А любовь недолговечна, любовь хрупка, словно жемчужное ожерелье. И мой

камень времени позволит вам сохранить самые красивые его жемчужины.
Навсегда.

– Ну попробуй, прошу тебя!

Фло уписывает свою «Пудину» за обе щеки. А я и забыла про эту кошмарную квебекскую закуску, липкую смесь жареной картошки, свежего чеддера и густого коричневого соуса, которой тут все питаются. Мы с Фло идем по улице Сен-Поль в старой части Монреаля. Присутствие жизнерадостной подруги хоть немного отвлекает меня от гнетущих мыслей о таинственном потоке совпадений. Я не хочу и не буду затевать с Фло игру в сходные обстоятельства, на этой самой улице, двадцатью годами раньше.

Достаю кончиками пальцев жирный ломтик из пакета. Фло со смехом запускает туда руку и вытаскивает полную горсть. За эти двадцать лет она слегка располнела, но это ей даже идет. Бедрa стали пошире, ягодичцы чуть плотнее, грудь чуть пышней... Моя белокурая подружка выглядит аппетитной, как пирожное с переизбытком крема-шантийи. Мне кажется, большинство здешних гурманов это оценили. Но когда я вижу, что и сколько Фло ест и пьет на каждой стоянке, хоть убей, не понимаю, как она до сих пор не заплыла жиром! Впрочем, у нее есть объяснение, она утверждает, что дома, между двумя рейсами, живет на салатах и простой воде. Она даже придумала красивый термин – биполярное питание. Впрочем, Фло биполярна и во всем остальном. Она стала идеальной супругой, разумной и хозяйственной, вылизывает до блеска свою квартиру на авеню Иены, а оказавшись в воздухе, тут же пускается во все тяжкие. Для такого образа жизни она подобрала себе идеального мужа – богатого, видного и покладистого, давно примирившегося с двойной ипостасью своей *Wonder Woman*^[26] – кроткой как овечка в супружеском гнездышке и демонстрирующей магические свойства только у него за спиной. Значит, в природе существуют мужья, которые любят своих жен, но не держат их на коротком поводке? И Фло такого нашла! Прими это к сведению, мой Оливье!

– Вау! Я хочу его! – снова кричит Фло.

Она застряла перед витриной *Foiegwa* – ресторана, где продают гамбургеры высокие, как небоскребы; потом обходит с десяток других рассадников обжорства и наконец останавливается перед кондитерской «Мельницы Лафайета». Я обожаю гулять по улочкам Старого Монреаля.

Мне всегда казался сказочным этот тесный кварталчик, выстроенный у реки, с его булыжными мостовыми, лавками в низких кирпичных или каменных домиках, с эркерами и окнами в красных ставнях, с лилиями на ярко-синих флагах, – такой старозаветный, словно трапперы по-прежнему приплывают сюда по реке Святого Лаврентия в пирогах, чтобы закупить провиант или продать меха. Остальной город рос ввысь или углублялся под землю и в конечном счете стал современным конгломератом из стали, бетона и стекла. Но Старый Монреаль устоял, прогрессу так и не удалось полностью исковеркать его прежний облик, жизненный уклад. Особенно это заметно, когда лето затягивается до конца сентября и толпы туристов из Северной Америки могут наслаждаться путешествиями в прошлое, не пересекая для этого Атлантику.

Фло любит свое отражение в витрине огромного магазина традиционных инуитских ремесленных изделий.

– Тут ничего не изменилось с 1999-го, – констатирует она. – Даже мы! – И тащит меня к стеклу, заставляя смотреть на наши отражения. – Хотя нет, ты изменилась, детка! Только не за двадцать лет, а за три последних часа!

Видя, что я никак не реагирую, Фло хватает меня за руку и ведет в магазин.

– Теперь, когда я переварила твою безумную историю, давай все спокойно обсудим.

Три часа назад, выйдя из самолета и томясь в очереди на таможенный досмотр, я не выдержала и рассказала Фло про фантастическую череду совпадений, которые обрушились на меня с момента приезда в Руасси. Она внимательно выслушала и молчала всю дорогу до отеля, пока все мы – Жан-Макс, Шарлотта, Жорж-Поль, Эмманюэль и я – договаривались о встрече, чтобы выпить где-нибудь вместе. А до тех пор мы были свободны. Я твердо вознамерилась просидеть у себя в номере до назначенного часа, но Фло чуть ли не насильно вытащила меня из отеля, чтобы погулять по Старому Монреалу и прошвырнуться по магазинам, как здесь выражаются. Я едва успела принять душ и развесить в шкафу наши рабочие костюмы.

И вот мы с Фло торчим у прилавка с деревянными фигурками бизонов, рысей, оленей-карибу и бобров. Моя подруга пристально смотрит мне в глаза, перед тем как заговорить:

– Знаешь, старушка, я поразмыслила над историей с призраками прошлого, которые не дают тебе покоя... И вижу только четыре объяснения.

Целых четыре? Молодец Фло! У меня вот не нашлось ни одного...

– Не стану долго тебя морочить, первое состоит в том, что все это – случайность в чистом виде.

Я беру в руки фигурку рыжей белки, не скрывая своего разочарования.

– И это ты называешь объяснением?

– Не спеши возражать, сейчас объясню. Знаешь такую теорию: совпадений не существует, они – порождение нашего разума? В течение одного дня мы видим, слышим и ловим миллионы единиц информации. Но наш мозг удерживает лишь некоторые из них и самостоятельно соединяет одни с другими. И если ты ищешь совпадения, то без труда их найдешь. Вот тебе пример: ты порвала отношения со своим дружкой, который... ну, скажем, бразилец; так вот, ты сразу заметишь, что с тобой непрерывно говорят о Бразилии. А до знакомства с этим парнем ты ничего подобного не замечала. Человек видит знаки, которые хочет видеть, даже бессознательно. Особенно ты!

– Почему это?

Фло усмехается:

– Ты разве не знаешь, что говорят о женщинах по имени Натали? Они склонны к ностальгии! В твоей жизни за последнее время не случилось ничего такого, что заставило бы тебя вспомнить твоего гитариста?

Я думаю о спальне, приоткрытом ящике, камешке на полу. Об увиденном неделю назад графике рейсов: *Монреаль – Лос-Анджелес – Джакарта*. Ставлю на место деревянную белку. Нет, я уверена, что не ошиблась. Доводы Фло меня не убедили.

– Не хочу тебя разочаровывать, Доктор Пси, но я вспоминаю о моем гитаристе не потому, что меня донимают воспоминания о нашей истории. Совсем наоборот, дорогая, именно эти совпадения заставили меня вспомнить о нем. И я их не выбирала, они пришли извне. Например, график полетов!

Разговаривая, мы бродим по магазину и останавливаемся перед продуктовым отделом, где полки заставлены бутылками самых разнообразных форм с канадским кленовым сиропом и виски.

– Окей, упрямыца, пусть будет так, – соглашается Фло. – Тогда переходим ко второму объяснению. Ты стала жертвой чьего-то преступного умысла!

И она смотрит на меня со зловещим прищуром заговорщицы. Фло рассказывала мне, что в свободные дни, сидя в своей квартире в Шестнадцатом округе, она с утра до вечера глотает детективы, расположившись на балконе. Правда, в полете или на пересадках я никогда не видела ее читающей. Но это неважно, такая гипотеза мне

небезынтересна.

– Ну-ка, объясни!

– Дело в том, что я прочитала массу историй, где у героини начинается паранойя, потому что какой-то тип манипулирует ею незаметно для нее самой. Например, крадет ключи, разузнает номер кредитной карты, посещает ее друзей, изменив внешность. Короче, доводит до сумасшествия, и она в конце концов действительно сходит с ума.

– Вот это уже лучше!

Фло притворяется, будто ее интересует ряд бутылок *Maple Joe*^[27], отливающих всеми оттенками медно-желтых осенних листьев.

– Прекрасно, мисс Марпл, но если это так, значит, злодей, желающий свести меня с ума коварными совпадениями, способен изменить мой график полетов, собрать вместе нужных членов экипажа, по крайней мере тебя и Жан-Макса, и – самое главное – заманить в самолет Роберта Смита и всю его группу, устроив им выступление в монреальском «Метрополисе»! А вдобавок посадить туда же малайского пассажира, чтобы он напел своей жене, аккуратно в тот момент, когда я пройду мимо, прощальные слова моего гитариста, которые знали только мы двое. – Я делаю эффектную паузу. – Ну и в довершение всего этому гениальному шутнику удастся запрограммировать на канале *Nostalgie* песню *Let It Be*, причем именно в тот момент, когда я включу радио у себя в машине.

Фло озабоченно хмурится.

– Ты мне не рассказывала историю с песней.

– Это было... Ну, в общем, об этом знали только мы двое, он и я... Больно вспоминать...

Фло тащит меня дальше, и мы оказываемся под свисающими с потолка «ловушками для мечты», украшенными перьями и бусинками всех цветов и размеров. У меня кружится голова от их дурманящих запахов.

– Окей, моя красавица, – продолжает Фло, – раз так, слушай третье объяснение. Но предупреждаю: оно тебе понравится еще меньше. Ты готова?

– Давай выкладывай.

– Ты все выдумала!

– Что-о-о?

И я чихаю – не то от крепких запахов, не то от перьев «ловушки», висящей у меня над головой, не то от заявления Фло.

– Ты просто бредишь, старушка! – уточняет моя подруга. – В машине ты задумалась, и эта песня по радио тебе просто померещилась... Как и бормотание того малайца в самолете...

– Прекрасно, ну а график полетов? А ты, я и Жан-Макс в одном самолете? А «Кью»?

– Ну и что это доказывает? За последние двадцать лет мы не раз летали вместе, разве нет? И твоя любовная история... да ты ее просто выдумала. Или она тебе привиделась во сне... И она, и все, что с ней связано. Между вами никогда ничего не было, ты все это нафантазировала. Может, и твой гитарист никогда не существовал...

– Черт подери, Фло, я же тебе его показывала в 1999 году в самолете Париж – Монреаль! Паренек в клетчатой кепке, 18-й ряд, место D! Мы с тобой часами обсуждали его здесь, на улице Сен-Поль, а потом в этом же самом магазине. Так что ты тоже участвовала в нашей истории, вспомни, что ты мне тогда сказала...

И я снова чихаю. Фло смотрит мне в глаза и говорит, неожиданно серьезно:

– Нати, двадцать лет назад ты показала мне в самолете одного парня. Потом рассказывала о нем все то время, что мы провели в Монреале. Но я *никогда* не видела вас вместе!

– Ну если так рассуждать, я тоже *никогда* не видела твоего мужа.

– А я уже сто лет как не видела твоего краснодеревщика... Но ты зря обижаешься, я просто подыскиваю разумные объяснения.

Я действительно обижена. Шагаю вперед и задеваю головой очередную «ловушку», которая толкает другую, а та – следующую. Все они раскачиваются надо мной, шелестя перьями.

– Ладно, забудем. Переходи к четвертому.

– А ты готова слушать?

– Неужели оно еще страшнее?

– Идем! – И Фло тащит меня в отдел сувениров. Я рассматриваю серебряные ожерелья, медвежьи клыки, оленьи рога. – Четвертое объяснение – магия!

На сей раз я не реагирую, но Фло гнет свою линию:

– Все иррациональное можно объяснить только иррациональными причинами. Мир полон суеверий и чудес. – И Фло запускает руку в ивовую корзиночку с серыми бусинками: – Вспомни о волшебном камне времени!

– Ты не забыла?

– Я никогда ничего не забываю, Нати.

Я инстинктивно смотрю в сторону кассы. Туристы-азиаты примеряют меховые шапки и меховые шубы. Пожилая пара беседует по-английски с молоденькой продавщицей. Старая женщина за кассой сидит неподвижно, обводя взглядом весь отдел. Лицо замкнутое, руки скрещены на груди. У

нее красновато-смуглая кожа аборигенов Северной Канады. На ней традиционная парка, расшитая стеклянными бусинками, две длинные полуседые косы намотаны на тонкие белые косточки. Можно подумать, она специально вырядилась так для туристов, которых хлебом не корми, а подай «типичный эскимосский стиль». Но я знаю, что это не так.

Я ее узнала.

И, как это ни удивительно, она, кажется, тоже меня вспомнила.

Слабеют ноги, в лицо ударяет жар. Стараясь побороть головокружение, я судорожно сжимаю камешек в кармане джинсов. Тот самый, что выпал из ящика с моими тайнами на паркет спальни.

Фло, стоящая рядом со мной, мгновенно умолкает, словно почувяла кого-то позади нас – кого-то, кто за нами следит.

Чье-то враждебное присутствие чувствую и я.

Камешек жжет мне ногу сквозь плотную ткань. Как будто его волшебные свойства внезапно проснулись.

Здесь все, как было *тогда*. Те же декорации, те же актеры, тот же сценарий, что двадцать лет назад. Я снова вижу всю эту сцену.

Как если бы пугающая череда совпадений была всего лишь предзнаменованием невероятной истины, а теперь передо мной распахнулась дверь в прошлое.

Я почти бегом покинула магазин инуитских сувениров, спрятала камешек в карман джинсов под насмешливым взглядом Флоранс, устремилась в магазин напротив, где продавались более традиционные сувениры – флаги с кленовым листом, хоккейные майки и шорты, плюшевые олени. Через несколько минут я стала счастливой обладательницей стеклянного шарика, в котором миниатюрный снежный буран взвивался над замком Фронтенак^[28]. С точки зрения метеорологии и здравого смысла это выглядело реалистичнее снега над египетскими пирамидами или над Сахарной Головой^[29]. Теперь этот квебекский шарик пополнит мою огромную коллекцию на полке книжного шкафа в гостиной в Порт-Жуа, отныне принадлежащую Лоре. Стоит ее отцу отвернуться, и маленькая проказница бежит к шкафу, снимает с полок один шар за другим – которые ее мама привезла со всех концов света – и встряхивает, любуясь тем, как красиво вьются снежинки над самыми известными достопримечательностями мира.

Я собираюсь похвастаться своим сокровищем перед Флоранс, но испуганно замираю, едва не поскользнувшись на обледенелой мостовой улицы Сен-Поль. На противоположном тротуаре вижу нашего командира. Жан-Макс Баллен выходит из сувенирной лавки, держа за руку хорошенькую, совсем юную девушку в форме ученицы коллежа: галстучек, расстегнутый ворот шелковой блузки, короткая юбка-килт и длинные гольфы; следом за ними идет какой-то тип, высоченный, пузатый и далеко не такой сексапильный, как Жан-Макс, – похоже, отец девчушки. Трудно сказать, видели ли они меня и Фло. Все трое сворачивают на улицу Бонсекур.

– Думаешь, он нас заметил? – спрашивает Фло.

Я боюсь, что все гораздо серьезнее:

– Неужели он за нами шпионит?

Этот человек и девушка в килте... видела ли я их в самолете? Нет, их точно там не было. Малышка – без сомнения, новая пассия нашего командира... Но что за тип их сопровождает? Он похож на телохранителя крестного отца мафии.

– Считаешь, он мог испугаться, что его засекли с этой крошкой? –

спрашивает Фло.

– С чего бы вдруг? Плевать он хотел на чужое мнение. Ему сорок лет, он холостяк, девушка наверняка совершеннолетняя. Он следует традиции моряков в версии «седьмое небо»: в каждом порту по женщине. Ну и пусть резвится, пока может, ему недолго осталось гулять, нашему красавчику.

Я всегда питала слабость к командиру Баллену – не потому что он нравился мне как мужчина (после того эпизода в Токио я старалась держаться от него подальше), просто приятно было смотреть, как Жан-Макс наслаждается свободой.

– А он не стесняется, – замечает Фло. – Ты ему не слишком-то доверяй, я всегда считала его коварным соблазнителем. Как, впрочем, и всех остальных мужиков. В том числе твоего краснодеревщика, слишком уж он безупречен, даже подозрительно. Ну ладно... давай лети, моя ласточка, к своему гитаристу!

* * *

Бегу со всех ног до улицы Блэри, а оттуда, задыхаясь, быстрым шагом иду к началу улицы Сент-Катрин, отыскивая взглядом «Фуф». В нескольких метрах огромная вывеска «МЕТРОПОЛИС». Я боялась опоздать, но нет – у меня еще пара минут в запасе. Открыв дверь бара, застываю от изумления перед фантастическим интерьером. Это не бар, а заколдованный замок!

Название «Фуф» – сокращение от *Foufounes Electriques*^[30]. Над входной дверью висит гигантский паук, а рядом парочка таких же гигантских блеклых черепов. Интерьер соответствующий: кирпичные стены в черно-белых граффити, отрубленные головы, свет то кроваво-красный, то трупно-зеленый; с наступлением ночи он наверняка будет меняться от «флюо-диско» к «флэш-зомби» и обратно.

Но пока бар почти пуст, и моего гитариста здесь тоже нет. Официант, чей банальный вид оскорбляет крутизну интерьера, встречает меня широкой улыбкой и предлагает сесть за любой столик. Они тоже на удивление банальны, самые обычные столики с деревянными столешницами, возле каждого разнокалиберные стулья с пластиковыми сиденьями.

Я устраиваюсь поближе к двери, чтобы мой гитарист не проглядел меня. Сажусь и невольно усмехаюсь: столик-то колченогий! Терпеть не могу шатких столов, и тем не менее, когда прихожу в ресторан или кафе,

мне обязательно попадается именно такой. Это мое персональное проклятие!

Поэтому я и не могу решиться пересесть. На три десятка здешних столов уж точно найдется один, прочно стоящий на четырех ножках. Поискать, что ли? Это отвлечет меня от других мыслей. От того, что я делаю. От Оливье. От Лоры. А если не найдется устойчивый, сбегу отсюда... Кстати, почему бы мне с этого не начать – сделать ноги?! Что я тут забыла? Жду незнакомого парня под этими кошмарными гигантскими масками, развешенными по стенам, в этом безумном интерьере для неполовозрелых панков... Констатирую очевидную истину: я совершаю самую страшную глупость в своей жизни! Единственно верное решение – бежать, причем немедленно! Я поднимаюсь...

– А, вы уже здесь?

Передо мной стоит мой гитарист, тоже запыхавшийся. Кепка набекрень, шарф перекручен, взгляд жалобный, но улыбка куда шире, чем оскал всех этих зомби на стенах, даром что они в десять раз больше его самого...

Жгучая боль в плече вырывает меня из задумчивости. Это Фло меня ущипнула, вот поганка! А я так углубилась в воспоминания о самом неожиданном свидании в жизни. В первый акт того длинного вечера, который...

– Не оборачивайся! – шепчет Фло.

Запутавшись между настоящим и прошлым, я не сразу понимаю, чего она хочет. Инстинктивно сжимаю камешек в кармане джинсов. Мой камень времени! Неужели я перенеслась в тот же самый магазин, в прошлое, на двадцать лет назад?

Нет, я в 2019 году!

Магазин художественных ремесел превратился в супермаркет сувениров с кучей камер наблюдения, таинственная инуитка за кассой стала седой старухой, а моя белокурая пухленькая подружка – пятидесятилетней дамой, толстенькой обжорой... И у меня не свидание, от предвкушения которого сердце колотится как сумасшедшее, а всего лишь выпивончик с коллегами, который состоится через несколько минут.

– Иди вперед, постарайся, чтобы он нас не заметил, – шепчет мне Фло. И подталкивает меня к выходу.

– Кто «он»?

Но тут замечаю «его», от изумления чуть не опрокинув прилавок с плетеными корзинками. Пальцы сами собой опять касаются камешка в кармане. Наш командир Жан-Макс Баллен в магазине, в трех отделах от нас! Неужели и впрямь следит?! Нет, похоже, он нас не замечает. Стоит в отделе алкогольных напитков и разговаривает с двумя мужчинами, явно чем-то взволнованными. У обоих кожаные куртки, линялые джинсы, густые бороды. Типичные дилеры из квартала Ошлага-Мэзоннёв^[31], чей облик никак не сочетается с безупречным, от Ральфа Лорена, костюмом нашего командира.

Я вижу, как один из типов отталкивает руку Боллена с пачкой канадских долларов.

– Сваливаем, живо! – шепчет Фло.

Мы останавливаемся только на улице Сен-Поль, в толпе прохожих. Я смотрю на подругу:

– Думаешь, он за нами шпионит?

Фло еще не отдышалась. Она сильно взволнована, но через силу улыбается, а мне кажется, она от меня что-то скрывает. Словно в четко разработанном плане произошел сбой и ей приходится импровизировать на ходу.

– Странно, правда? – говорю я, стараясь побороть глупые подозрения. – Баллен оказался в одном магазине с нами – в точности как двадцать лет назад!

Фло явно радуется спасительной подсказке, которую я ей подбросила. Начинает объясняться, но очень уж неуклюже. А я продолжаю думать, что за ее лепетом стоит кое-что посерьезнее.

– Вот видишь, дорогая, все в точности так, как я тебе и говорила. Мы чисто случайно очутились в том же магазине, что и двадцать лет назад, а тебе мерещится странное совпадение! – Фло умолкает, раздумывает и, кажется, приходит в себя. – А может, командир нас попросту клеит, потому что считает красотками?!

Я смотрю на нее в упор:

– Мы ими были... в прошлом тысячелетии. Вынуждена тебя разочаровать, моя милая, нам нечего опасаться с этой стороны. Жан-Макс наверняка ищет кого-нибудь посвежее.

И тут я невольно вспоминаю малышку Шарлотту. Она примерно одних лет с девочкой в килте и гольфах, спутницей Баллена в 1999 году. С той лишь разницей, что тогда ему было сорок, а не шестьдесят, и сегодняшние пассии выглядят уже не дочками, а внучками нашего командира. Фло снова оглядывается на магазин и вдруг начинает меня торопить:

– Пошли отсюда скорее! Пора выпить за наше увядание вместе с Жорж-Полем, Эмманюэль и остальными.

– А где у нас встреча?

Фло еще не успела ответить, а я уже знаю где.

В баре «Фуф»!

Ну конечно.

А главное, Фло больше не пытается убедить меня, что это простое совпадение!

* * *

«Фуф» совсем не изменился. Я вижу старых знакомых – паука, парочку черепов, таких же блеклых, и маски зомби, все с тем же оскалом.

Наша маленькая компания ждет нас за одним из столиков бара – Сестра Эмманюэль с чашкой чая, Жорж-Поль с кружкой пива, а Шарлотта с грейпфрутовым соком, который тянет через соломинку. Справа от нее свободное место.

Мы с Фло занимаем соседний столик, чтобы сидеть поближе к ним. Моя стажерка оберегает незанятый стул, положив на него сумочку от *Desigual*. Она приветствует нас очаровательной улыбкой:

– Жан-Макс остался в отеле, отдохнуть. Он скоро будет.

Бедная малышка, угораздило же ее влюбиться в невидимого мужчину!

Мы с Фло заказываем «Золотой Бореаль», как наш GPS. Кажется, мы отстали от него на целых два бокала. У Жорж-Поля репутация усердного работника на борту самолета и отвязного гуляки на стоянках. Мне кажется, сейчас наш легендарный GPS не способен найти даже дорогу к туалету «Фуфа», совсем уж оригинально оформленному.

– У некоторых сиеста в отеле? – лицемерно удивляется Жорж-Поль. – Наш командир времени зря не теряет, как я погляжу!

Я вспоминаю, что мне одной известна тайна Шарлотты, а моя юная протеже наверняка не слышала о репутации своего возлюбленного. Скрещиваю пальцы: пусть бы коллеги держали язык за зубами. Опираюсь локтями на стол и вздрагиваю: он шатается!

– Что ты имеешь в виду? – простодушно спрашивает Шарлотта, потягивая сок через соломинку. – Почему он не теряет времени зря?

Сестра Эмманюэль опускает глаза, Фло с интересом изучает потолок. Жорж-Поль плотоядно слизывает с губ пивную пену.

– Ну, у нас такой исполнительный командир, что иногда он проводит в постели все время стоянки. Большой профессионал наш командир Балчлен.

Ой...

Это любимая шуточка всего нашего персонала, и Жорж-Поль не лишает себя удовольствия опробовать ее на новенькой. Та хмурит очаровательные бровки, делает еще глоток сока и бросается в атаку:

– Почему ты зовешь его Балчлен? Его фамилия Баллен!

GPS ликует. Сестра Эмманюэль испускает тяжкий вздох: она знает продолжение. Фло явно злится.

– Какая разница, Баллен или Балчлен, называй как тебе угодно... Можешь даже величать его Блядленом, если хочешь...

Красивые глаза Шарлотты затуманиваются, она все еще не поняла. А стол чуть не опрокидывается у меня под локтями, пиво в бокале ходит ходуном. Жорж-Поль осушает свой одним глотком и выдает последний шедевр:

– Жан-Балчлен-Макс! – И, расхохотавшись, продолжает: – Стюард, который придумал эту шуточку, просто гений! Интересно, когда папа и мама Баллены окрестили своего сынка Жан-Максом, предвидели ли они, что их сын станет самым великим ходоком в мире? – И хохочет уже во все горло.

Сестра Эмманюэль невольно улыбается. А Фло, которая вообще-то вполне способна оценить соленую шутку, кажется, не очень-то одобряет конкретно эту. Правда, она, как и я, слышала ее уже сто раз. С бесконечными вариациями. Но Шарлотта слышит ее впервые. Она машинально поглаживает сиденье свободного стула справа от себя, потом, резко отодвинувшись, толкает наш колченогий столик; мой «Золотой Бореаль» выплескивается и стекает на пол.

– Ой, извините... – лепечет бедняжка.

Сестра Эмманюэль бросается вытирать лужу бумажными салфетками. Она всегда готова прийти на выручку. Потом дует на свой чай и, кашлянув, просит нашего внимания. Странно – участие в общем разговоре не в ее привычках.

– Кем бы он ни был, Балленом, Балчленом или кем-то еще, ему уже недолго осталось летать, и не только потому, что пенсия на носу.

Эмманюэль словно бросила на стол разом все козырные карты. И теперь сидит с мрачной миной, под стать окружающим. Даже у зомби на стенах бара не такие перекошенные физиономии, как у нас. Все молча ждут продолжения.

– Ну давай уже, рожай поскорей! – нервно восклицает Фло. – Выкладывай, что там у тебя!

Прежде чем ответить, Эмманюэль отпивает глоток чая.

– Ему грозит серьезное взыскание. Еще один-два рейса – и кончено дело!

Я сижу разинув рот, как Фло и Жорж-Поль. Сестра Эмманюэль – последний человек из нашего персонала, который стал бы подсиживать коллег. Она, конечно, зануда, педант и вообще вредная баба, но при всем том в высшей степени порядочный человек.

– Господи боже, что он натворил? – восклицает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль загадочно молчит. Шарлотта так судорожно стискивает пальцами спинку пустого стула, что на пластике остаются царапины от ногтей. А я размышляю над этой загадкой. Жан-Макс Баллен – пилот с тридцатипятилетним стажем и безупречной профессиональной репутацией, почти идеальный работник, и придраться к нему можно, только если он совершил какую-то капитальную глупость.

Жорж-Поль начинает выдвигать гипотезы:

– Неужели перевозил наркоту? Или, хуже того, фермерский маруаль ^[32] для своих пассий?

Но это никого не смешит.

– А может, он растратил казенные деньги? – продолжает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль упорно молчит. Фло опирается на край стола, спровоцировав очередной пивной выплеск, который уже не сдержать размокшими салфетками.

– Если никто не в курсе, – раздраженно говорит она, – откуда же ты знаешь, что ему грозит взыскание?

Сестра Эмманюэль стойко выдерживает взгляд Флоранс и отвечает тоном старшей стюардессы, которым обычно требует безупречной работы от своих подчиненных:

– Знаю, потому что это я его разоблачила!

Все застывают. Один только стол продолжает качаться. Совпадение, Флоранс, я знаю, что это совпадение. И потому предоставляю своим коллегам засыпать Сестру Эмманюэль дурацкими вопросами: *Что ты видела? Что Баллен натворил?* А сама тем временем сосредоточиваюсь на своем наваждении – на этом столе, который все качается и качается, заливая мерзким пивом мои колени. Так сколько же колченогих столов приходится на те тридцать, что расставлены в баре «Фуф»? Неужели все такие? Или только один мой? Небось хозяева тратят бешеные деньги на поддержание этого панк-рокового декора, так почему бы им не починить один-единственный стол, качающийся с 1999 года?!

Жаль, что не могу еще сильнее стиснуть лежащий в кармане талисман времени. Обстановка внезапно накаляется до предела. Как будто все эти зомби, волки-оборотни и прочие чудовищные мутанты одержали верх над людьми. Поднимаю глаза, смотрю на них. Подумать только, все эти страшилища были свидетелями самой прекрасной встречи в моей жизни! Здесь, в этом баре! Двадцать лет назад!

Погрузившись в воспоминания, я не сразу замечаю в этой полуреальности, что сослуживцы обернулись к входной двери. И смотрят туда, явно смущенные. А Шарлотта наконец-то радостно улыбается.

В дверях стоит Жан-Макс Баллен.

Мой гитарист разглядывает маски чудищ на стенах, отрубленные головы и паутину, свисающую с потолка прямо над нами. Он явно огорчен.

– Знаете, этот... этот бар ближе других к «Метрополису», – говорит он извиняющимся тоном. – Я здесь впервые.

Меня трогает его печальная мина – точь-в-точь новобрачный, который привез юную жену вместо отеля в заколдованный замок с привидениями.

– О, здесь все так необычно, – отвечаю я, коря себя за то, что не нашла реплики пооригинальнее.

А вот он уже придумал. И шепчет мне:

– На самом деле я всегда назначаю девушкам свидания в самых ужасных местах...

Я киваю, хотя мне непонятно, что он хочет этим сказать.

– И обязательно немного опаздываю. Если они меня дожидаются, значит, действительно хотят видеть! – И приосанивается в ожидании ответной реакции.

Меня его павлинье самолюбование не впечатляет. Поэтому наклоняюсь и произношу – совсем тихо, загадочным тоном:

– Ну и кто здесь самый ужасный? Вы или этот гигантский паук?

Он не отвечает, но чуть потемневшие светлые глаза говорят о том, что это место и эта ситуация смущают его не меньше, чем меня. Он взмахивает своей кепкой, подбегает официант, и мы заказываем пиво: я – «Золотой Бореаль», он – красное. И только тут замечает, что наш стол качается. Его руки начинают дрожать – слишком крупной дрожью, чтобы счесть ее естественной. Он придвигается ближе и снова шепчет:

– Берегитесь, это место проклято! Я сумею защитить вас, если вон те ядовитые змеи сползут к нам с потолка, или если проснутся вот эти зомби на стене, или если за нас возьмутся какие-нибудь типы с циркулярными пилами, но против шаткого стола я бессилён!

Не могу понять, насмехается он надо мной или у нас с ним действительно общая фобия?

– Я тоже их боюсь, – говорю я и встаю. Мы со смехом пересаживаемся за соседний столик. Этот, слава богу, вполне устойчив. Официант приносит нам два пива.

– Спасены! – шепчет мой рыцарь в кепке. – Я полагаю, что теперь

самое время спросить, как вас зовут. Не могу же я вечно называть вас Мисс Ласточка. Особенно сейчас, когда вы расстались со своим сине-красным оперением.

И верно, сейчас на мне джинсы с заниженной талией и сиреневая блузка свободного покроя.

– Нет, я пришла сюда инкогнито. Знаете ли вы, что ласточки пролетают многие сотни километров вовсе не ради собственного удовольствия, а чтобы накормить своих птенцов?

– Не всегда... Еще они мигрируют, улетают далеко-далеко от своих гнезд. И могут преодолеть больше десяти тысяч километров в одно мгновение – когда выбирают свободу!

Я машинально откидываю падающую на глаза прядь. Как утверждает Фло, это самый сексуальный жест на свете. Чтобы ослабить эффект, решительно протягиваю руку:

– Натали. Но я предпочитаю просто Нати. А вы?..

Он крепко сжимает мои пальцы:

– Илиан. Можете попробовать просто Ил. Вы будете первой, кто меня так назовет.

Илиан...

Ил...

Ил-лиан... ^[33]

С минуту мы сидим молча, торопливо – слишком торопливо – прихлебывая пиво. Я знаю, что нужно поставить бокал, поблагодарить его и уйти. Как в покере: наплевать на свою ставку, бросить карты на стол и откланяться. Илиан смотрит на часы, потом – вопрошающе – на меня:

– Ну что, пошли? Нас ждет Роберт Смит... если мы хотим занять лучшие места.

Слышу собственный голос:

– Вы уверены, что мне удастся войти?

– Абсолютно уверен! Если кто-нибудь из «Кью» повредит руку, я – первый кандидат на подмену... поэтому они ни в чем не могут мне отказать.

– А я думала, вы всего лишь таскаете за ними гитары.

– Ну-у-у... это я так, чтобы не выглядеть хвастуном... С виду не скажешь, но вообще-то я сверхталантливый музыкант!

Да, мне кажется, мой гитарист совершенно неотразим, когда пытается пустить пыль в глаза, чтобы его приняли всерьез. И я решаю подыграть ему, поймав на слове:

– Да, похоже...

– Похоже – на что?

– Похоже, вы действительно прекрасный гитарист. Может, даже сверходаренный, но утверждать наверняка не берусь – ничего не смыслю в музыке. Однако справляетесь вы неплохо.

И я восхищенно взмахиваю ресницами, изображая фанатку. Ил ухмыляется, сдерживая притворный вздох.

– Нехорошо насмехаться над бедным малым!

– Никакой насмешки. Мне было ужасно приятно вас слушать – в Руасси, у выхода М.

Ил поправляет кепку и встает, оттолкнув стул. Слишком резко.

– Ладно, нам пора...

Следую за ним. Мы проходим под пауком. Илиан бросает последний взгляд на афиши концертов, состоявшихся в стенах «Фуф», – «Садден Импакт», «Скейт Джем», «Крю Баттл», «Смиф-н-Вессан». И черно-белые граффити за лестницей: десятки лиц с выпученными глазами – не то люди, не то чудовища.

– На самом деле, – признается Илиан, – мне очень стыдно, что я пригласил вас сюда. Я не панк, не рокер, не исполняю ни электро, ни техно... Всего лишь сочиняю кое-что в стиле старинных, давно немодных баллад...

Смотрю на него. Мне ужасно нравится эта его манера – говорить только шутливым или извиняющимся тоном. Переходим улицу Сент-Катрин. Вот он, «Метрополис», напротив, в нескольких метрах. Я останавливаюсь прямо посреди безлюдной улицы, перед чередой бутиков и ресторанов совсем с другим декором, это дорогие заведения современного, шикарного Монреаля. Мне все меньше и меньше хочется бороться с опьяняющими волнами эйфории. И я шепчу на ухо моему робкому гитаристу:

– Обожаю старинные немодные баллады.

* * *

– Бейдж есть? – спрашивает человек с сильным квебекским акцентом.

– Да-да.

Илиан долго роется в карманах и наконец извлекает потертую пластиковую карточку. Человек бдительно рассматривает ее. На вид ему лет сорок, густая борода, залысины на лбу и мощная фигура, сразу ясно: такой не пропустит внутрь никого и ничего, даже две вращающиеся створки

турникета. Он долго вытирает влажный лоб полой вылезшей из брюк рубашки, словно хочет похвастаться внушительными выпуклостями своего живота. Кажется, сейчас попросит их пощупать: «Хочешь, проверь: они настоящие!»

– Окей, проходи. А это еще кто?

– Подружка, – бодро заявляет Илиан. – Она фанатка «Кью». Пускай постоит за кулисами. Ручаюсь, она шуметь не будет!

– Ну да, а после концерта ты ее поимеешь, эту куколку, – гогочет охранник. – Знаешь, если я буду пропускать всех красоток...

Я закатываю глаза, потом смотрю на Илиана. Он так растерян, что хочется его обнять и утешить. Шагнув вперед, я откидываю свою знаменитую прядь и устремляю на охранника честный взгляд:

– Это не то, что вы думаете, мсье, я не просто его сопровождаю. И мне плевать на «Кью», я не заплачу, если вы меня не впустите. Но перед тем как уйти, хочу кое-что сказать: гитарист, который стоит перед вами, гений! Я не понимаю, почему он всего лишь дублер... Вот если бы вы взяли да подсказали Роберту, чтобы он поставил его на сцене главным!..

Багровый от смущения Илиан смотрит на барабаны за спиной охранника, словно выбирает какой-нибудь побольше, в котором можно спрятаться.

– А я думаю, парень просто-напросто заморочил тебе голову, – ухмыляется охранник. – Он же всего лишь таскает за ними гитары. И в лучшем случае, если будет вести себя хорошо, ему разрешат их настраивать.

Я умоляюще смотрю на него, он наконец-то улыбается и уступает:

– Вот напасть-то! Вы оба мне действуете на нервы, ты и он! Скажите спасибо, что я такой сердобольный, не выношу вида несчастных влюбленных. – И протягивает мне потную руку: – Лавалье. Улисс Лавалье, организатор этого концерта. И не смейте шутить над моим именем, на самом деле меня окрестили иначе, но настоящее еще хуже. Ну так как – впустить вас, что ли...

Я переглядываюсь с Илианом, а Улисс отдувается – шумно, как продырявленный воздушный шар, только живот ни на йоту не теряет в объеме. Он смотрит на кепку Илиана:

– Ладно уж, проходите, ребятки... Давай, парень, веди свою красотку и сидите в уголке тихо, как мышки. Запомните: я над вами сжалился только потому, что давно не видел таких пылких влюбленных. Так что не разочаруйте меня, занимайтесь любовью поусерднее, женитесь и заведите кучу детишек!

Я чмокаю Улисса в щеку и обещаю:
– Вы будете крестным отцом нашего первенца!
Входим в зал.

Концерт начнется через час, но персонал уже вовсю суетится на сцене. Через какое-то время приходит Улисс, чтобы выпить с нами пива. Оказывается, он и в самом деле импресарио, а никакой не охранник, и уже заработал кое-какую репутацию – открыл офис в Лос-Анджелесе и собирается открывать второй, в Брюсселе. Илиан, набравшись храбрости, признается, что ищет работу в музыкальном мире: он сам немного играет и согласен на все что угодно, в любом месте планеты, лишь бы ему позволили держать в руках гитару.

* * *

Потом свет в зале гаснет. На сцене, в нескольких метрах от меня, возникает белый призрак, силуэт, напоминающий Эдварда Руки-Ножницы. Потом рядом с ним появляются другие призраки, они выстраиваются в один ряд – три гитары и электроклаvesин.

Внезапно всех охватывает вихрь безумия.
Зал вскакивает в едином порыве.
Публика беснуется.

In Between Days... [\[34\]](#)

Песни следуют одна за другой. Певец, бас-гитарист, ударник, клавишник, второй гитарист почти не двигаются, это танец на месте, однако чудится, будто безумный смерч подхватил и кружит весь зал.

Я никогда еще не испытывала такого экстаза!

Неужели все дело в концерте?!

В том, что все вывернулось наизнанку? Встало с ног на голову?!

Или так действует близкое соседство с музыкантами – я ведь могу дотронуться до их насквозь пропотевших рубашек!

Неужели это глаза Илиана зачарованно следят за пальцами, мечущимися по шести струнам бас-гитары?

И неужели я так взбудоражена от того, что всеми фибрами чувствую его близость?

Close to Me.

Как бороться с этой магией? Как подавить в себе желание вскочить, пуститься в пляс, запеть во весь голос прямо тут, между этими ящиками, среди равнодушных рабочих сцены? Иногда я ходила на концерты вместе с Оливье и там тоже и пела и танцевала.

Но никогда – с таким буйным восторгом.

Никогда – с таким жгучим желанием быть увиденной, быть понятой, быть покоренной.

Быть застигнутой врасплох и захваченной.

Just Like Heaven^[35].

Илиан проживает каждую ноту, каждый аккорд, каждое слово и каждый звук, шепотом повторяя их, шевеля пальцами, словно они бегают по струнам. Илиан где-то далеко, не здесь, затерянный в аллеях своего заповедного сада.

*И ворота распахнуты в дивный тот сад,
И цветы дарят всем нежный свой аромат...*

Я знаю, что это мираж, что экстаз улетучится в тот миг, когда в зале вспыхнет свет, и все-таки мне не удастся отогнать глупое наваждение. Глупое... но возвышенное.

Ил привел бы меня сюда, чтобы слушать его игру, ободрять его, будоражить и успокаивать.

Попроси я, Ил подарил бы мне эту привилегию, чего никогда не делал Оливье. Мужу от меня нужна похвала, ну и – может быть – толика восхищения. Он не против, чтобы я оценивала его работу – только что завершённую, ещё не вышедшую из мастерской. И чтобы помогала ему – в качестве секретарши, бухгалтера, супруги. Но не в качестве музыки.

The Hanging Garden^[36].

Зал плавится в сумасшедшей жаре. Проектора жгут, испепеляют певцов, которые мечутся по сцене, словно грешные души в аду. Илиан поет во весь голос, до хрипоты, и я вместе с ним.

Да-да, повторяю: никогда в жизни мне не доводилось впадать в такой экстаз!

И вдруг меня обжигает чувство вины, я понимаю, что больше всего на свете хотела бы пережить подобное вместе с Оливье. Но мне ясно, что это невозможно, что этому никогда не бывать. И еще я знаю, что хотя Илиан до меня не дотронулся, мы были так близки, как будто я изменила Оливье.

А потом по щекам Илиана покатались слезы.

Boys Don't Cry.

Парни не плачут.

За исключением тех, кто достоин любви.

А потом прожектора погасли.

Певшие сели на свои места. И в зале вспыхнули огоньки зажигалок.

Роберт отложил гитару и запел:

*Sometimes I'm dreaming
Where all the other people dance
Come to me
Scared princess^[37]*

Что это – сон?

Все зрители, кроме нас, с первого до последнего ряда, танцуют.

И я впервые беру Ила за руку.

Маленькая робкая принцесса.

Да и он, мой рыцарь, тоже робеет.

* * *

Музыка смолкла. Свет становится ослепительно-белым, и публика понимает, что пора вернуться к реальности. Зал пустеет – так вода уходит сквозь песок. Илиан, не дожидаясь, когда удалятся последние зрители, начинает сматывать провода усилителей и укладывать инструменты в футляры. Я ему помогаю как могу. Это занимает у нас несколько минут. Илиан отвечает только за струнные, для *roadie* это работка не бей лежачего, что я ему и говорю, добавив: «Представляешь, если бы тебе нужно было паковать ударные?!»

Ил смеется.

Улисс заходит попрощаться с нами и советует Илиану не ложиться слишком поздно, завтра их ждет тяжелый переезд: группа отправляется в Ванкувер. Илиан с ними не едет, но по контракту обязан участвовать в погрузке вещей.

– Вы там не слишком его мучайте, мадемуазель, завтра на рассвете мы начнем собираться, и он должен быть в норме!

Я усмехаюсь: мой самолет отбывает в Париж в шесть часов утра!

Илиан насвистывает в такт с другими *roadies*:

Let's Go to Bed!^[38]

До полуночи еще далеко. Внезапно хватаю за руку своего носильщика гитар и тащу его к выходу. Мной владеет какая-то непривычная решимость, я сама себя не узнаю.

Ил приподнимает кепку на кудрявых волосах и чешет затылок. Как же мне нравится его лицо задорного, очаровательного сорванца!

– Мисс Ласточка, вы ведете себя неразумно!

– Обычно это не так, но сейчас...

Я прячу смущение за обезоруживающей улыбкой. Спасительная прядь скрывает глаза цвета пепла. Ил притворяется рассерженным:

– Вы еще и в этом смеете меня обвинять?

Я озираюсь:

– Что-то я не вижу здесь никого, кроме вас... Так что будем делать?

– Ничего! – Ил надвигает кепку на глаза и становится похож на школьного надзирателя, и таким он мне нравится гораздо меньше. – Напоминаю вам, что завтра рано утром вы улетаете.

Я машу руками, изображая птичий полет.

– Да, я не могу иначе, я ведь ласточка... Или фея – выбирайте, что вам больше нравится!

И я продолжаю размахивать руками, легкая как перышко, кажется, сейчас мои ноги оторвутся от земли и... Но он мягко обхватывает мое запястье и удерживает, пока я не вспорхнула под своды «Метрополиса».

– Вы неисправимы! Ладно, тогда за мной, мы идем в кино!

В кино?

Ил меня раздражает своей манерой брать реванш одной-единственной фразой.

– Да вы знаете, который час?

– Разве это имеет значение?! Вы – фея, я – волшебник... Только с одним условием, мадемуазель: мы будем вести себя примерно! Никаких

поцелуев в последнем ряду, обещаете?

Его взгляд неуловим, и теперь уже я пытаюсь его «приземлить».

– У вас, оказывается, есть принципы?

– Нет, просто страх! Держу пари, что вы замужем, что ваш муж ужасно ревнив, что у вас куча детей и все они никогда не простят мне, что я сбил с пути их мамочку.

– Нет, у меня всего одна дочка и очень добрый муж.

Наконец-то мне удалось поймать взгляд его голубых глаз и одним движением пальца приковать его к моей соблазнительной пряди.

– Теперь вы спокойны? Но я с вами согласна: мы всего лишь смотрим фильм, и ничего больше, обещаете?

Я знаю, что мои глаза говорят совсем другое. Говорят на языке, который мне незнаком, так что приходится импровизировать. Ил что-то бормочет, не в силах определить, говорю я серьезно или играю с ним.

Конечно, это всего лишь игра. Я и сама хочу убедиться в этом, перед тем как окончательно заглушить в себе чувство вины.

Это всего лишь игра. Я владею собой, ничего серьезного не случится.
Итак, что мы будем смотреть?

На самом деле мне не верится, что кинотеатры открыты в такое позднее время. Тогда каким же будет его следующий фокус?

Ил вынимает из кармана программку и разворачивает ее передо мной.

Кино под звездным небом.

– Летом, – объясняет он, оторвав от меня взгляд и уткнувшись в буклет, – в Монреале по всему городу устраивают киносеансы под открытым небом. Вот... слушайте!

Променада Бельвиль, 22:00 – «Красота по-американски»

Квартал у канала, 22:00 – «Все о моей матери»

Рынок возможностей, 23:00 – «Матрица»

Площадь Мира, меньше чем в двухстах метрах отсюда, 00:00 – «Жизнь прекрасна»

Вы уже видели этот фильм?

– Кажется, он очень грустный? Или я ошибаюсь?

Ил хватает меня за руку и бегом тащит за собой. На часах почти полночь.

– Да, грустный, но мы будем смотреть только первые сорок пять минут – самые прекрасные во всей истории кино!^[39]

– Привет!

Жизнерадостное приветствие командира Баллена, явившегося в «Фуф», мгновенно возвращает меня к действительности, развеивая воспоминания. Шарлотта убирает сумочку со стула и пододвигает его к Жан-Максу, приглашая сесть. Наш пилот едва достаивает бедняжку взглядом, и я задумываюсь, как это истолковать. Как простую предосторожность, чтобы никто не догадался об их отношениях? Или как намеренное безразличие, чтобы влюбить в себя девчонку? Впрочем, возможно, Жан-Макс Баллен просто занят своими мыслями. Надеюсь, что так. Лишь бы он не причинил ей зла! Какая-то первобытная, звериная ярость побуждает меня защищать мою молоденькую подопечную.

Командир Баллен машет официанту, заказывает *Canadian Club Single Malt*^[40] и обводит недоуменным взглядом замолкших коллег:

– Что это с вами? Селин Дион умерла, что ли?

Один лишь Жорж-Поль через силу смеется этой шутке. Баллен, облокотившись на стол, начинает разглядывать чудищ из папье-маше, развешенных по кроваво-красным стенам.

– Надо сказать, даже в Брашове, в трансильванской глуши, не сыщешь такого мрачного бара. Интересно, кому из вас пришло в голову назначить здесь встречу для выпивки?

Все молчат. Сияющая улыбка Шарлотты превратилась в восковую маску. Девочка нервно ерошит волосы. Осмелится ли она сегодня ночью откровенно поговорить с любовником, спросить: «Ты и вправду меня любишь или я просто еще одна куколка в твоей коллекции?»

Фло уткнулась в свой мобильник. Жорж-Поль пытается состричь, заявив, что он предпочитает электрическим вагинам *секс-опильные*. Баллен рассеянно отвечает: *Oh, my God*^[41], а я выдавливаю из себя смешок, чтобы хоть как-то вознаградить их за усилия. Уф, черт бы побрал эти длинные стоянки! Мужчины вовсю стараются развлечь экипаж, а Сестра Эмманюэль даже не снисходит до такой попытки. Решительно отставляет чашку и встает:

– Так, я иду по магазинам. Кто со мной?

Шарлотта любит профилем своего тайного возлюбленного, его кудрявыми с проседью волосами, решительным, красиво очерченным ртом, смуглыми, идеально выбритыми щеками. Потом тоже встает, непринужденно расправляет складки юбочки, одергивает розовый облегающий топ, чтобы прикрыть голый пупок и одновременно выгоднее подать грудь, поворачивается к командиру спиной, вернее, аппетитной попкой (она оказывается как раз на уровне его лица) и окликает Эмманюэль:

– Ты не знаешь тут какого-нибудь хорошего парикмахера?

– Да у нас в Квебеке лучшие в мире брадобрее, – встречает Жорж-Поль, изображая канадский говорок, правда, с меньшим успехом, чем Жан-Макс. Тот и голоса не подает.

– Есть у меня на примете один подходящий, – отвечает Сестра Эмманюэль, игнорируя вмешательство нашего GPS. – Шикарное заведение, хозяева – парочка голубых. Это на улице Бонсекур, вывеска заметная, мимо не пройдешь.

Меня удивляет, что Сестре Эмманюэль с ее дешевыми шмотками из *Camif*^[42], чаем с капелькой молока и неуклонным отходом ко сну ровно в 22:15, после звонка родным, какова бы ни была разница во времени, известны такие забойные места в Монреале.

– И даже не нужно записываться заранее, – добавляет Эмманюэль, – у них там как минимум двадцать мастеров... Эта парикмахерская называется «Маленькая ласточка».

Мое сердце на миг замирает, а потом начинает колотиться так неистово, что грозит взорваться, вместе с мозгами.

Маленькая ласточка...

Бросаю взгляд на Фло, но та вперилась в свой мобильник и даже головы не подняла.

Что это – опять совпадение? Наверно, именно так ты мне и объяснишь, Фло? Простое совпадение. Ласточки, они же повсюду, куда ни глянь, вокруг нас, в небе, на логотипах ресторанов, на афишах и улицах... как любые другие существа – птицы, пауки, летучие мыши, змеи, ящерицы, волки, крысы. Я ведь их не замечаю, а почему? А потому что у Илиана хватило деликатности не присваивать мне их названия.

Пока Эмманюэль и Шарлотта собирают вещи, готовясь уйти, Жорж-Поль снова пытается разрядить обстановку:

– А вам известно, что ученые обнаружили в моей ДНК девяносто процентов генов, общих с генами ласточек? А также журавлей и странствующих голубей... Медики называют это геном странника. Он

зафиксирован у моряков и у лондонских таксистов... И почти не встречается у красивых девочек!

И хохочет в одиночку над собственной шуткой. Сестра Эмманюэль молча пожимает плечами и знаком велит Шарлотте идти за ней. Жан-Макс глядит им вслед, но не удерживает. Фло занята своим мобильником, а я – своими мыслями. Несколько минут мы сидим молча, все четверо. Потом Жорж-Поль вроде бы собирается что-то нам предложить, но Жан-Макс его опережает:

– А что, если нам сходить в кино? Не зря же мы сделали привал в стране, где идут фильмы с французским дубляжем.

Я зажмуриваюсь и цепляюсь за стул. Воспоминание мне кажется таким живым, словно это было вчера.

Площадь Мира.

Фильм Бениньи.

Сумасшедший бег за руку с Илианом, в полночь.

Если Жан-Макс помянет сейчас этот фильм, я опрокину столы вместе с пивом, вырву циркулярную пилу из рук кривого лесоруба, стоящего у туалета, и разнесу в щепки весь «Фуф» с его картонными чудовищами, клиентами и красавчиками-официантами... А потом возьмусь за этот проклятый город...

– Так... В «Бобьен» идет старый черно-белый Капра... [\[43\]](#)

Я перевожу дух. Но ненадолго.

– Ага, вот! «Жизнь прекрасна», – объявляет командир.

Я вскакиваю, отрываю Фло от мобильного, стискиваю ее руку, едва не вывернув кисть; за моей спиной с грохотом падает стул, и я кричу – громко, очень громко, предельно громко, стараясь заглушить голоса призраков, которые завывают еще громче у меня в голове. Передо мной мелькают улицы Монреаля, площадь Мира, парк Мон-Руаяль, бельведер Кондьяронк...

– Пошли, Фло! Иди за мной!

*Когда на заре наши праздники сгинут,
Когда наши чувства навеки остынут,
Когда я устану мечтать о ней
В холодной слякоти будних дней,
Тогда в чередѣ безразличных лет
Бесследно растает наш легкий след.*

Площадь Мира расположена в сотне метров от «Метрополиса», в самом сердце квартала развлечений. Илиан как будто заранее все предусмотрел. Слегка задохнувшись, мы вбегаем в тот самый момент, когда Дора падает с крыши амбара на груды сена, в объятия Гвидо.

– *Здравствуй, принцесса!*

И меня мгновенно пленяет улыбка Гвидо – героя фильма Бенини. Как он похож на восторженного клоуна, который сейчас держит меня за руку! Мы присели в последнем ряду, на бетонный барьер, за спинами полусотни зрителей, расположившихся перед гигантским экраном, растянутым между двумя бетонными столбами в дальнем конце прямоугольной площади. Некоторые зрители сидят прямо на булыжной мостовой, где между квадратными камнями пробивается сорная трава; другие принесли с собой складные стулья.

Ил не выпускает мою руку. Я уже слышала об этом фильме, где действие происходит в фашистском лагере смерти, и боялась его смотреть – слишком уж это страшно, слишком ранит сердце. Это не та картина, на которой хочется наслаждаться моментами взаимной близости. Так зачем же Илиан привел меня сюда?

А на экране Гвидо изощряется в выдумках, чтобы соблазнить предмет своей любви. Фильм идет уже тридцать минут, а я пока не вижу ни одного нациста. Одна только чудесная история любви и этот застенчивый малый, который прибегает к самым нелепым хитростям, лишь бы завоевать свою принцессу. Я улыбаюсь, глядя на него. Он словно жонглирует совпадениями: ключ от двери падает ему в руки прямо с неба, шоколадное мороженое появляется точно в нужный момент, мокрая шляпа как по волшебству становится сухой.

После фильмов Чаплина я не видела ничего более поэтичного и трогательного. Вот Гвидо целует свою любимую под праздничным столом. «Пожалуйста, похить меня!» – умоляет она. Я шепчу на ухо Илиану:

– Вы верите, что в наше время еще существуют мужчины, способные на такое?

Мой гитарист гордо выпячивает грудь:

– Конечно! Я, например! Я могу куда больше, чем этот итальянский показушник!

Ил делает вид, будто всецело поглощен фильмом. Я придвигаюсь, чтобы он услышал мой ответ:

– Нахал!

До чего же мне нравится его веселая усмешка! Он не сводит глаз с экрана.

– Возможно. А может, и нет. Раз уж мужчина осмелился на такие безумства, значит, у принцессы сердце не совсем очерствело.

Не знаю, очерствело ее сердце или нет, но мое собственное так сильно вздрагивает от неожиданности и гнева, что вот-вот разорвется.

– Что?! Это я... это мое-то сердце очерствело?

– Конечно. Для всех, кроме мужа. У вас ведь есть муж...

– У Доры тоже!

– Она всего лишь помолвлена с мерзким фашистом, потому и ждет, чтобы Гвидо ее похитил. Скажите мне, что ваш муж мерзкий фашист, и я тотчас кинусь вам на выручку. Хотя нет, не говорите о нем ничего, но признайтесь, что несчастливы, и я обещаю устроить вам такой шикарный побег из-за любви, какого мир еще не видывал!

Все это Ил произнес, не отрывая глаз от экрана.

– Нет, Илиан, это совсем не так.

– Да знаю я, знаю.

Пытаюсь сосредоточиться на фильме. Прошло уже сорок пять минут, а концлагеря нет как нет. Гвидо одержал победу и увез свою принцессу прямо с банкета на зеленой лошади. А ее жениху-фашисту с налитыми кровью глазами сваливается на голову страусиное яйцо, залившее его желтком. Ах, какая сцена! Какой потрясающий фильм! И до чего же все легко на экране – взять и уехать со своим рыцарем, и не потому что хорошие люди там действительно хорошие, не это отличает кино от реальной жизни, но потому что злодеи там действительно злодействуют. И можно заставить их страдать, не отравляя свою душу ненавистью, и можно их бросить без труда.

Илиан хватает меня за руку:

– Пошли отсюда. Быстро!

– Мы разве не досмотрим до конца?

Иду следом, продолжая смотреть на экран. Декорации меняются. Прошло пять лет. Из шкафа выходит очаровательный малыш, со словами: «Здравствуй, принцесса!»

– Нам нужна поэзия, этот вечер не предназначен для жестокости.

Ночь теплая. Вокруг темно.

– Идем! – шепчет Ил.

– Куда?

– Любоваться городом с высоты. С самой высокой высоты.

* * *

– Смотрите, Мисс Ласточка, вот Бобровое озеро!

Мы пересекаем парк Мон-Руаяль. Илиан указывает мне на черную, мерцающую бликами поверхность большого озера в окружении сосен и кленов; так и кажется, будто его телепортировали сюда с великого канадского севера, чтобы столица могла надыхаться запахами необъятных диких просторов. Озеро напоминает огромный бассейн, освещенный десятками фонарей в виде гигантских горящих спичек.

Бобровое озеро, Мисс Ласточка...

Это совпадение смущает мою душу.

«Бобренок» – так прозвал меня Оливье...

Перед нами вздымаются силуэты деревьев на Мон-Руаяль ^[44] – темной двухсотметровой горе с подсвеченным железным крестом на вершине; этот лес в самом сердце города наводнен любителями бега, роллерами и саночниками в долгие месяцы зимних холодов, а коротким летом их сменяют влюбленные парочки.

Поднимаемся к вершине. Мало-помалу город уменьшается в размерах. Небоскребы, подавлявшие нас своими громадами, выглядят отсюда, сверху, крошечными кубиками, беспорядочно разбросанными между горой и рекой Святого Лаврентия. Мне уже сообщили, что здесь ни одно здание не должно быть выше горы Мон-Руаяль. Наконец добираемся до первой смотровой площадки, на краю которой стоит довольно внушительное шале, похожее на китайский павильон. Этот просторный бельведер носит странное имя – Кондьяронк.

Я кладу сумку на скамью, беру Илиана за руку, слушаю краем уха его короткий рассказ о легендарном вожде гуронов и люблю великолепной панорамой. Город, оцетинившийся тремя десятками ярко освещенных небоскребов самых неожиданных очертаний, напоминает войско великанов в сверкающих доспехах, собравшихся у реки Святого Лаврентия, но не способных ее перейти: отсюда, с бельведера, она выглядит безбрежной, как море.

Сейчас около двух часов ночи, и все-таки мы здесь не одни. Несколько влюбленных парочек обнимаются и фотографируют друг друга. Компания молодых парней и девушек пьет, рассевшись на бортике эспланады.

Монреальцы смакуют теплые ночи до последней минуты – так наслаждаются последними летними фруктами. Вдали, над аэропортом Мирабель, заходит на посадку какой-то лайнер. Я сжимаю руку Илиана:

– Мой самолет вылетает рано утром. Через три часа я должна быть в аэропорту.

Наши лица скрыты в тени. Мы говорим вполголоса, но кажется, будто ветер уносит звуки к реке.

– А я остаюсь по эту сторону Атлантики, – отвечает Илиан. – Хочу попытать удачи. Улисс подкинул мне пару адресов. И еще у меня есть несколько приятелей на юге США.

Все сказано.

Илиан разглядывает юных выпивох, потом переводит взгляд на освещенный крест, парящий над самой высокой точкой леса, и шепчет:

– Пошли?

Не говоря ни слова, шагаем по лесной тропинке. *Дорога Ольмсте*^[45] – читаю я на щитах-указателях, и чем выше они висят, тем хуже освещены. Панорама исчезла за деревьями. По ночам сюда никто не поднимается.

Наконец-то мы одни.

Подъем на вершину занимает каких-нибудь десять минут. Монументальный крест, видимый с любой точки Монреала, здесь, у его подножия, кажется смехотворно малым, чем-то вроде миниатюрной Эйфелевой башни, метров тридцати в высоту; его установили в центре небольшой лужайки в окружении деревьев, которым словно не терпится отвоевать свою исконную территорию. Стоит шагнуть под их низко свисающие ветви, и вы оказываетесь в полной темноте.

Илиан делает этот шаг. Вместе со мной.

– Могу я попросить вас об одной милости, Нати?

Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я догадываюсь, что это за милость; я хочу, чтобы Илиан получил ее, наслаждался ею, как наслаждаются ароматом цветов, не спрашивая у них разрешения.

– Я загублю свою жизнь, Нати. В тридцать с небольшим, это я уже понял.

– Что вы такое говорите?!

Волосы падают мне на глаза, но лицо Илиана слишком близко, и их не отбросить, не задев его.

– О, не тревожьтесь за меня, Нати, все это неважно. Наоборот, до ужаса банально. Просто судьба наделила меня вдохновением, но не талантом. Я был и навсегда останусь самым обычным гитаристом, который умеет играть, который любит играть, как миллионы других музыкантов в

мире. В лучшем случае, если мне повезет, музыка будет меня кормить. – Он придвигается ко мне еще ближе, и я чувствую его дыхание. – Люди появляются на свет со столькими надеждами, Нати. Стать Хемингуэем, Маккартни, Пеле, даже Биллом Клинтонем или Майклом Джексонем. Сколько таких мечтателей рождается каждую минуту, в каждом уголке планеты – миллиарды мечтателей, но как мало избранных...

Крест над нами поминутно меняет цвет от белого к пурпурно-красному. Что это – еще один фокус?.. Я не знаю, что ответить Илиану. Неужели мои мечты совсем уж ничтожны?

– Нати, как бы мне хотелось один раз, один только раз почувствовать то, что чувствует избранный!

Ил дрожит...

– Каким образом?

– Поцеловав вас.

Теперь дрожу я. Верит ли он в то, что говорит? У меня хватает сил только на шутку:

– А я-то думала, что вы никогда не осмелитесь попросить меня об этом!

Но Илиан даже не в состоянии оценить мой юмор.

– После этого мы никогда больше не увидимся. Давайте так и пообещаем – забыть друг друга! Пусть каждый из нас скроется где-нибудь, наш мир достаточно велик, чтобы потерять тех, кого любишь.

Я касаюсь пальцем его губ:

– Молчите, Ил. Вы прекрасно знаете, что расстояния тут ни при чем. Обнимите меня. Обнимите меня, а потом... забудьте!

Ил целует меня. Я целую его. Это продолжается всю ночь. Остаток ночи. Даже солнце медлило – долго не всходило над Атлантикой, не золотило верхушки сикоморов, не играло сверкающими бликами на стеклах небоскребов, не серебрило берега реки Святого Лаврентия. Но в конце концов решилось.

– Мне пора.

Спускаемся, рука об руку, по крутой дорожке Ольмсте, озаренной первыми утренними лучами. Свободной рукой я поглаживаю свой камешек времени в кармане джинсов. Мне хочется поверить в слова продавщицы-инуитки, услышанные несколько часов назад, на улице Сен-Поль: «Время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, и его нельзя остановить. Но несколько капель – всего несколько! – возникшие из прошлого, могут изменить течение всей жизни». И мне хочется верить, что эти минуты, этот

вечер и эта ночь навсегда останутся в моей памяти нетронутыми. Взетыми в рамку, отлакированными и повешенными над кроватью моих тайн. Даже если крест там, наверху, всего лишь пара железных перекладин, даже если бельведер Кондьяронк, куда мы спускаемся, замусорен до безобразия, я мечтаю о романтическом прощании. О последнем поцелуе перед тем, как сесть в такси. Чтобы поставить эту чудесную точку. Мы не сделали ничего дурного, мы только обнимались. Только бережно ласкали друг друга, но я до сих пор вздрагиваю, застегивая блузку.

Мы не пошли дальше. Оливье никогда об этом не узнает.

Я буду еще сильнее любить его, вернувшись домой. Я сумею любить его лучше. И помогу ему лучше любить меня – теперь, когда познала такую горячую любовь. Я пытаюсь убедить себя.

Мы проезжаем мимо парка Мон-Руаяль, мимо Бобрового озера, а вот уже и Хилл-Парк-Серкус с его оживленным движением и дорога к Кот-де-Нэж^[46]. Несколько энтузиастов бегут по шоссе, лавируя между автобусами, машинами и такси. Через несколько минут я сяду в одно из них. Машинально шарю по сиденью – и ужасаюсь:

– Господи, моя сумка! Я ее забыла!

Илиан поворачивается ко мне:

– Вы уверены? Где?

– На Мон-Руаяль! Наверно... на бельведере Кондьяронк. Или там... между шале и крестом. В общем, где-то в лесу.

Не рассуждая, мы возвращаемся, обмениваясь испуганными возгласами. Через сколько вылетает ваш самолет?.. Через два часа, но я должна явиться за час до посадки. А мне еще нужно заехать в отель... Что было в сумке?.. Документы, деньги... о боже, да все... абсолютно все!.. Не паникуйте, мы ее найдем...

Увы, мы ее не находим. Ищем, нервничаем... то есть это я нервничаю, едва не впадаю в истерику. Илиан пытается меня успокоить, как будто сам виноват в потере, и его сочувствие слегка утешает, но минуты бегут, я смотрю на часы: больше медлить невозможно. Вспоминаю вчерашнюю молодежь на эспланаде, утром их там уже не было – исчезли, оставив после себя пустые бутылки из-под канадского виски. А что, если они ее нашли? Чем дальше я думаю, тем больше убеждаюсь, что оставила ее на бельведере Кондьяронк. Может, они-то ее и украли? Вернее, украли деньги, документы им ни к чему, они вполне могли зашвырнуть сумку в кусты, в любом месте леса... маленькую кожаную сумочку сиреневого цвета.

Мы с Илианом расходимся на несколько метров и бродим, глядя на землю, на асфальт, на корни деревьев. И, к счастью, не смотрим друг на

друга – так Ил не может заметить, что мои голубые глаза позеленели от гнева. Наконец он говорит:

– Знаете что, поезжайте.

Я поднимаю на него глаза.

– Отправляйтесь в аэропорт. А я останусь и буду искать. Буду искать ее всю оставшуюся жизнь. И, если найду, пришлю вам, обещаю.

Я уже опаздываю. Я в панике. И, убегая, только успеваю бросить:

– Мне очень жаль!..

* * *

Приезжаю в аэропорт Монреаль-Мирабель за сорок пять минут до отлета. Мне удалось дозвониться Фло, объяснить свое опоздание и сообщить, что у меня не осталось никаких документов. Она все уладила. И вот я первой прохожу досмотр и паспортный контроль. Оказавшись на взлетной полосе, перед нашим аэробусом А340, бросаюсь в объятия подруги и плачу навзрыд.

– Ну-ну, успокойся, моя красавица, ничего страшного, – утешает она меня, похлопывая по спине. – Ничего страшного, подумаешь, документы... Они хотели оставить тебя в Канаде, но после того как я заверила их в твоей лояльности, предпочли экстрадировать тебя на родину.

Улыбаюсь, шепчу сквозь слезы: «Спасибо тебе!» – и снова рыдаю.

– Ну, что стряслось, красавица моя, что с тобой?

– Я влюбилась, Фло! Влюбилась в парня, которого никогда больше не увижу!

– Ты меня замучила, Нати! Уж если решила совершить восхождение на Мон-Руаяль, нужно было предупредить, я бы не надевала балетки!

Я не отвечаю. Я карабкаюсь вверх. Молча, вместе с Фло, к бельведеру Кондьяронк. Перед глазами открывается величественная панорама – от небосвода над небоскребами до берегов реки Святого Лаврентия, – и Фло постепенно успокаивается.

– Да, старушка, потрясающее зрелище! Сейчас сделаем селфи!

Нет, мне не до селфи, я с нетерпением жду момента, когда мы доберемся до шале и я вывалю на нее все, что мучило меня во время подъема.

– Слушай, Фло, тебе не кажется, что слишком уж много накопилось совпадений? Эмманюэль с ее «Маленькой ласточкой», Жан-Макс с фильмом «Жизнь прекрасна», тот факт, что все мы собрались в тех же «Электрических вагинах», колченогий стол, не говоря уж обо всем остальном...

– Спокойно, Нати, спокойно! Я не поняла и половины того, что ты наговорила.

Она права. Мне становится ясно, что только я могу связать все это воедино. Флоранс известны лишь несколько подробностей нашей с Илианом истории, да и те относятся к прошлому двадцатилетней давности. Я вспоминаю, как рыдала у нее на плече в аэропорту Мирабель, и начинаю дотошно перечислять загадочные совпадения, не сводя глаз с реки Святого Лаврентия и бесконечно длинной эстакады моста Шамплен.

Вокруг нас галдит толпа разноязыких туристов, но на просторной смотровой площадке нетрудно найти спокойный уголок.

– Это все, Нати?

– Да.

– Ты понимаешь, что это значит?

Нет, Фло, я вконец растеряна, я ничего не понимаю, вся надежда на тебя! Флоранс молча наслаждается дивным видом. Он и впрямь прекрасен – как на подарочной открытке. В последних солнечных лучах затянувшегося лета лес Мон-Руаяль переливается тысячами красок, от ржаво-зеленого до ярко-красного. Джунгли в огне, вулкан, извергающий фонтаны базальтовых глыб на двадцать километров в высоту, башни Ля-

Гошетьер, Биржа, Рене-Левек, СІВС...^[47] Наконец Фло делает глубокий вдох и начинает:

– Жан-Макс предлагает нам фильм «Жизнь прекрасна», Эмманюэль – парикмахерскую «Маленькая ласточка», один из нас выбирает бар «Фуф», другой случайно садится за шаткий стол, мы все собираемся в одном самолете... Нати, одно из двух: либо ты просто рехнулась, либо мы, все остальные, сговорились, чтобы свести тебя с ума.

Я неловко оправдываюсь:

– Это не так, Фло, но...

– Да нет, именно так, моя дорогая! Если ты отказываешься верить в случайные совпадения и при этом считаешь себя более или менее нормальной, значит, мы все – злодеи, играющие у тебя на нервах. Ну скажи мне, подруга, с какой стати нам тобой манипулировать!

Я не отвечаю – и так ясно, что она права, – и продолжаю подъем по тропе Ольмсте, туда, где стоит железный крест. Фло бросает испуганный взгляд на вершину горы:

– А ты уверена, что не хочешь совершить паломничество одна?

– Это было здесь! Мы расстались внизу, в начале дороги. Я потеряла сумку. Мы искали ее в лесу. Такая сиреневая, в ней были все мои документы. Да ты же помнишь, да?

– Да, помню, – признает Фло.

Я только теперь замечаю, что она взмокла от усталости. Моя подруга уже много лет не занимается спортом, разве что посещает бассейны отелей в тропических странах во время наших стоянок, и совсем отвыкла от физических усилий. Она вдруг нагибается, чтобы рассмотреть корни дерева, стоящего несколькими метрами выше смотровой площадки.

– Сиреневая сумочка, говоришь? Вот такая? – И с брезгливой гримасой поднимает что-то с земли кончиками пальцев.

Мое сердце начинает бешено колотиться, словно я поднялась на гору бегом. Подхожу ближе, меня трясет. Фло спешит избавиться от кожного бледно-сиреневого комка, бросив его мне в руки.

И я узнаю...

Это моя сумка – выцветшая, вся в пятнах плесени; лейбл почти стерся, но я все же различаю его почти круглую форму. Замочек ржавый, ремешок разломачен. Я судорожно открываю ее: она пуста.

Фло с тревогой наблюдает за мной.

– Если ты сейчас скажешь, что эта мерзость – та самая, потерянная двадцать лет назад сумка, я тебя отправлю в психушку!

– Но она... она похожа!

– Господи, Нати, ну как ты можешь помнить вещь, которую не видела двадцать лет?!

– Я не утверждаю, что это она! – почти кричу я. – Просто говорю, что похожа.

А про себя думаю: «Еще как похожа!»

– Была бы похожа, – с усмешкой парирует Фло, – особенно если бы в ней нашлись твои документы...

«Вот именно, – соглашаюсь я, – вот именно...» Фло прямо-таки читает мои мысли.

– А теперь вспомни, милая старушка, что на дворе 2019 год, что ты потеряла сумку в 1999-м, что с тех пор снег двадцать раз, каждую зиму, заваливал Мон-Руаяль метровыми сугробами, что осенью здесь идут проливные дожди, что бригады уборщиков каждый год собирают мусор, ибо в мире нет более упертых экологов, чем квебекцы, а Мон-Руаяль – их святилище! Так вот, заверяю тебя, что твоя чертова сумка, даже потерянная у этого дерева в 1999 году, давным-давно сгинула бы бесследно. Это не она, Нати, это не она!

Я знаю, Фло. Знаю, что это невозможно.

И все-таки... все-таки каждый сантиметр кожи напоминает мне потерянную сумку. В ней был внутренний карманчик, где я хранила бумажник. Он есть и в той, что я держу в руках.

Фло машет рукой перед моим лицом, словно хочет вернуть к реальности.

– Послушай меня, детка, послушай внимательно, перед тем как окончательно свихнуться. У тебя за спиной – мусорка, из которой торчит – вон там, видишь? – коробка из-под пиццы. Ну так вот: если ты и твой возлюбленный купили такую, чтобы закусить на бельведере, ты, наверно, сочла бы странным, найдя упаковку от нее двадцать лет спустя. Или вон ту пустую пачку «Мальборо» у тебя под ногами. И если бы вы оба выкурили по сигаретке, ты бы сейчас утверждала, что это пачка твоего Ромео. А вон тот продавец воздушных шариков? Ты и твой гитарист случайно не купили у него один, чтобы выпустить в небо? Нет? А жаль, это стало бы еще одним экспонатом в твоей коллекции совпадений!

Сумка воняет мочой, теперь так же пахнут и мои руки. Я чувствую, насколько смешно выгляжу. Разжимаю пальцы, сумка возвращается в грязь. А я озираюсь, желая объять взглядом тысячи подробностей, мельтешащих передо мной: бродячих торговцев, туристов и их детишек, небеса, реку, порт, город, уходящий в бесконечность, краски, запахи и звуки. Фло права: мои воспоминания вылились в подлинное наваждение.

– Давай вернемся в отель, Нати. Примем душ, отоспимся. А завтра утром сядем в такси и забудем все это!

* * *

И вот я в такси. Но совсем не отоспалась. И ничего не забыла. Всю ночь я мысленно перебирала слова, произнесенные Жан-Максом, Фло, Шарлоттой, Эмманюэль и Жорж-Полем, невнятное бормотание пассажира-малайца в самолете. Вспоминала сиреневую сумку – и жалела, что оставила ее возле бельведера Коньяронк. Даже хотела с утра поехать за ней. Думать я могла только об этой сумке и почти убедила себя, что она абсолютно идентична потерянной. Я еще раз просчитала вероятность того, что три члена одного экипажа могли вдруг сойтись на одном рейсе, не говоря уж о присутствии группы «Кью», и теперь снова и снова взвешивала четыре объяснения Фло, не переставая поглаживать мой камень времени.

В конечном счете я отмела гипотезу случайности.

Остались три другие.

Я безумна.

Меня заколдовали.

Мною кто-то манипулирует.

Такси мчится по бульвару Лафайет в сторону аэропорта Трюдо, который пятнадцать лет назад заменил Мирабель. Семь часов утра, трафик еще сносный. Вскоре мы пересекаем реку Святого Лаврентия по мосту Жака Картье, и мой взгляд устремляется вдаль, к острову Святой Елены, с его Биосферой, аквапарком, тобогганами и прочими водными аттракционами Ронды. Фло сидит рядом со мной, тоже в костюме стюардессы, и дремлет с наушниками на голове.

Я безумна.

Меня заколдовали.

Мной кто-то манипулирует.

Так кто же, кто? Все подряд? Неужели весь наш экипаж участвует в заговоре – Жан-Макс, Эмманюэль, Шарлотта, Жорж-Поль, Фло? Даже если так, это все равно ничего не объясняет. Откуда им известны все, даже самые мелкие подробности нашего свидания, каждая минута той потайной ночи?

Выходит, если кто-то мною и манипулирует, это может быть только Илиан!

Мост Жака Картье. Движение становится интенсивнее. Такси

замедляет ход. Внезапно я наклоняюсь вперед, хватаю шофера за плечо и кричу:

– Остановитесь!

Водитель резко жмет на тормоза. Фло вскидывается, ошалело смотрит на меня, не понимая, в чем дело. «Ты что, совсем сбрендила?» – читаю я в ее глазах. Это первое, что приходит в голову, так почему бы не опровергнуть, раз и навсегда, вторую гипотезу? О колдовстве...

Такси кое-как тормозит на аварийной полосе. Я распахиваю дверцу, и на меня тут же налетает бешеный ветер, забирается под юбку, вздымает полы жакета. Я размахиваю руками, словно выгребаю против течения, бегу к балюстраде. Под мостом, пятьюдесятью метрами ниже, лениво течет Святой Лаврентий.

Фло не успела меня задержать, она пугается, решив, что я собираюсь броситься в реку, и отчаянно вопит: «Нееееет!» Машины на мосту сбрасывают скорость, сигналият, водители удивленно таращатся на женщину в форме стюардессы, склонившуюся над пустотой. А я больше никого и ничего не слушаю. Открываю сумку и не глядя роюсь в ней. Наконец пальцы нащупывают камень времени. На миг сжимаю его в кулаке, потом набираю побольше воздуха в грудь и, размахнувшись, забрасываю в воду, как можно дальше. Внизу медленно и невозмутимо ползет баржа с контейнерами. Речные трамвайчики дремлют у подножия белой башни на Часовой набережной. Еще секунду я смотрю, как расходятся круги от эфемерного колодца, в котором исчез мой камень, а потом спокойно возвращаюсь в такси.

Фло улыбается – она поняла.

Теперь осталось всего два объяснения.

Это история двух влюбленных.

И один из них сошел с ума.

Илиан? Или я?

* * *

Я жду. Таково ремесло стюардессы – умение ждать. Три четверти нашего рабочего времени занимает ожидание. С улыбкой на губах.

Предполетный инструктаж начнется через двадцать минут. Самолет взлетит через час. Сидя в зале ожидания для персонала, я в три клика нахожу в интернете то, что хотела. На другом конце зала Фло кокетничает с *sexu*-стюардами *American Airlines*.

– Хочу позвонить своим, – говорю я Эмманюэль.

Наша «старшая» сосредоточенно изучает список пассажиров, словно решила заучить его наизусть. Пытаясь скрыть смятение от коллег, я ищу укромный уголок и нахожу его в каморке, где стоят тележки уборщиц. Прислоняюсь к стене, но мне чудится, что я соскальзываю куда-то вниз. Делаю над собой усилие, заставляя ноги не подгибаться, а руки – не дрожать. Одно-единственное нажатие – и на экране телефона высвечивается номер, который возвращает меня в прошлое, хотя мне следовало бы навсегда вычеркнуть его из своей жизни.

@-TAC Prod

Лос-Анджелес

Секретарша отвечает по-английски, но я быстро перебиваю ее и не даю времени опомниться:

– Я хотела бы поговорить с Улиссом Лавалье. Это Натали, его старая знакомая. Назовите ему мое имя, я уверена, что он захочет меня выслушать.

Девушка не спорит. Хотя я предпочла бы отсрочку, чтобы успеть набрать воздуха в легкие и унять бешеное сердцебиение. Голос Улисса настигает меня еще до того, как я перевела дух:

– Натали? Натали, что случилось?

– Я в Монреале и скоро вылетаю в Париж. Поэтому очень спешу, Улисс.

В трубке звучит смеющийся голос продюсера:

– Ты в Монреале и вспомнила обо мне? Очень мило с твоей стороны, моя дорогая! Правда, сам я уже три года не бывал в этом славном городе. Стоит развежиться на горячем калифорнийском солнышке, и...

Я замечаю, что Улисс потерял квебекский акцент, остались отдельные нотки, едва различимые в букете других тональностей – бельгийских, парижских, американских. Офранцуженные...

– У меня мало времени, Улисс. Я... мне нужно поговорить с Илианом.

С этими словами я бессильно сползаю по стенке. Улисс молчит. Долго. Черт подери, ну пусть он ответит, пусть ответит, иначе я рухну!

– Мне кажется, это не очень удачная мысль.

Тем хуже. Я оседаю на пол, словно раздавленный паук. И сижу, скрючившись, уткнувшись подбородком в колени и прижав к губам телефон, как ребенок любимую игрушку.

– Дай мне его номер, Улисс! Больше мне ничего от тебя не нужно.

Продюсер отвечает медленно, подчеркивая каждое слово, – так нотариусы зачитывают акт о продаже:

– Тебе же известен ваш договор, Натали. Ты его тоже подписала.

Никаких контактов. Никаких новостей. Никогда.

– Это было двадцать лет назад!..

– Договор был пожизненным. Илиану потребовалось очень много времени, чтобы прийти в себя. Ты заставила его жестоко страдать.

– Я и сама настрадалась не меньше...

– Можешь мне поверить, твои страдания ничто по сравнению с его муками.

В мой закуток входят два парня с мешками для мусора и девушка с подметальной тележкой. Все трое смотрят на меня, как на брошенный конфетный фантик. Жду, когда они отойдут. Мне не дает покоя один вопрос:

– Ты виделся с тех пор с Илианом? Как он живет? Скажи хотя бы, что с ним стало?

– У него все хорошо, не волнуйся, теперь он в порядке. Живет-поживает. Если уж хочешь знать, работает продавцом в отделе музыкальных дисков, во «Фнаке»^[48]. Это самая для него подходящая работа.

– В каком именно магазине?

Продюсер позволяет себе легкий смешок:

– Нет, Натали, нет. Я и так сказал слишком много.

– Ты с ним видишься? Хотя бы изредка?

– Болтаем по телефону. Переписываемся. А когда я бываю в Париже, встречаемся.

– Где именно – в Париже?

К Улиссе на миг возвращается былая манера речи:

– Кончай, Натали! Оставь Илиана в покое! Забудь его, как он тебя забыл. И не смей больше к нему приставать!

– Но мне необходимо с ним поговорить! Это очень важно! Просто дай мне его номер, а он сам решит, общаться со мной или нет.

– Зачем, Натали? Зачем тебе это?

– Долго объяснять. Я и сама ничего не понимаю.

Слышу в трубке тяжкий вздох Улисса:

– Ох, и зачем только я тебя впустил тогда в «Метрополис»! Нарушил правило номер один: никаких баб за сценой!

Кажется, мне удалось его смягчить. Я не забыла характер Улисса: ворчит – значит, скоро уступит.

– Обещаю, позже мы обязательно обсудим и твои сожаления. Ты же сам сказал, что Илиан в порядке. И неудивительно, столько лет прошло. Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит,

ответить мне или нет.

И тут понимаю, какой удачный аргумент нашла. Спасительный выход. Улисс может с чистой совестью избавиться от меня, и пускай выбирает Илиан...

– Вот ведь мучение! Ладно... У тебя есть чем записать?

– Спасибо тебе.

– Только не делай ему больно, Натали, не причиняй ему горя, умоляю тебя!

– А он? Ты никогда не задумывался, сколько горя он мне причинил?

* * *

Улисс кладет трубку. Он уже жалеет о содеянном. Ему кажется, что его ловко провели.

Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит, ответить мне или нет.

Только теперь до Улисса доходит, что Илиан не знает номера телефона Натали. И когда она позвонит, он, конечно же, ответит. И тогда ему останется либо поговорить с ней, либо оборвать звонок на полуслове... Улисс смотрит на свой мобильник, решая, стоит ли перезвонить Натали. Он попался на ее уловку как последний дурак! А ведь Илиан взял с него слово не уступать этой женщине, не поддаваться на ее мольбы. Он ничего не хочет знать о ней. Подумав еще немного, Улисс говорит себе: «Илиан имеет право выбирать, ответить ей или нет».

И тут его осеняет. «Окей, Натали, ты хотела поставить его перед выбором? Прекрасно, я сделаю так, что Илиан сможет выбрать!»

Он выясняет у секретарши номер последнего звонившего и торопливо набирает текст.

Только что мне звонила Натали. Да-да, твоя прекрасная ласточка, после 20 лет молчания. Она умоляла меня дать ей твой номер телефона. Прости, я не смог отказать. Ты же меня знаешь, я и тогда не сумел.

Она хочет с тобой поговорить. Сказала, что это тебе решать, захочешь ты нарушить ваш договор или нет. В общем-то, тут она права.

Отправляю тебе ее номер. Я восстановил справедливость – теперь у вас равные шансы. Если она позвонит, будешь знать, кто это.

Я отключаюсь и с трудом встаю – ноги затекли так, что не держат. Яростно растираю их. Через пять минут начинается инструктаж, а Сестра Эмманюэль терпеть не может опозданий. Зато потом у меня будет больше получаса свободного времени.

Вполне достаточно, чтобы нарушить наш договор.

Вполне достаточно, чтобы набрать номер из десяти цифр.

Вполне достаточно, чтобы застать врасплох Илиана по другую сторону Атлантики, где-то в Париже.

Мысль о том, что через несколько минут я смогу поговорить с Илианом после стольких лет молчания, кажется мне совершенно нереальной. И все же другого выхода нет. Только он один может мне помочь. Направляюсь в зал инструктажа, раскрывая на ходу сумку. Достая свой мобильник, чтобы выключить звук, и кладу его обратно.

Стук.

Я слышу тихий стук: телефон наткнулся на что-то твердое, мешающее ему проскользнуть во внутренний карманчик. На бегу раздраженно сую туда руку и шарю вслепую, проклиная вечный бардак в своей сумке. Что там могло завалиться – старая ручка? Забытый тюбик аспирина? Пилюльница? Еще какая-нибудь бесполезная мелочь, которую давным-давно следовало выкинуть на помойку?

Стук.

На сей раз еще более четкий. Мне чудится, что молния ударила в аэропорт Трюдо, терминал А, 3-я зона, 2-й этаж, правый эскалатор. Тот, на котором я стою, оцепенев, как жертва электрического разряда.

Правда, не испепеленная на месте.

Мои пальцы, шарившие в сумке, смыкаются на маленьком камешке. Сером и гладком.

Камешек...

Камень времени...

Мой камень времени.

Тот самый, который я недавно швырнула в реку Святого Лаврентия.

Оливье рассматривает предметы, лежащие на пассажирском сиденье. Он уже жалеет, что вынес их из дома. Сначала хотел оставить в спальне – разложить на кровати, а потом убрать в ящик комода точно в том порядке, в каком их уложила хозяйка. Но не справился с искушением – оставил все для себя, чтобы разглядывать снова и снова, чтобы понять... Времени у него полно – долгие часы. Натали сейчас в Канаде, их самолет еще даже не вылетел оттуда.

Оливье бросает взгляд на улицу и в который раз рассматривает наивные, детские сокровища. И все трудней бороться с простым желанием собрать все в кучу, сделать три шага и швырнуть это поганое барахло в помойку. Вон в тот мусорный бак на другой стороне улицы. Не сортировать, выбросить все без разбора – и пластмассу, и картон, и бумагу.

Натали вернется из Квебека, выдвинет ящик, увидит, что он пуст, и поймет. Ну что она сможет сказать? Да ничего... Ровным счетом ничего, поскольку эти предметы уже не существуют! И ей останется одно – констатировать, что все кончено, кончено раз и навсегда, что прошлого не вернуть.

Да, это наилучший выход.

Положить конец ее наваждению.

Оливье опять быстро смотрит в зеркало заднего вида, словно чувствует себя беглым преступником. Но в чем он виноват, господи боже ты мой, в чем?! Почему он не смеет избавиться от этого проклятого мусора? Сжав кулак, Оливье яростно колотит по приборной доске своей «кангу». Он должен, просто обязан выбросить все чохом, не пытаясь понять, какую ценность представляет собой тот или иной предмет, если не хочет сойти с ума.

Сойти с ума и выть от боли.

Почему? Почему эти жалкие сувениры – кинопрограмма, бумажная салфетка, разорванный конверт – стали сокровищами для его жены? Какая тайна скрывается за каждым из предметов? Какой взрыв смеха? Какая ласка? Какое обещание?

Нет, самое лучшее – сжечь все это дотла.

А может, Натали и вовсе ничего не заметит? Может, она уже много лет не открывала этот ящик? Может, даже не помнит обо всех этих пустяках?

Может, они давно потеряли для нее ценность и она держит их в ящике просто по небрежности, как иногда хранят старую одежду, выщербленную посуду, перегоревшие лампочки, использованные батарейки? И избавиться от всего этого – просто-напросто сделать уборку.

Чтобы спасти свой брак? Да нет, об этом и думать смешно, их браку ничто не грозит, *теперь* больше не грозит. И Оливье хочет убедить себя в этом. Однако он не в силах помешать мозгу, работающему на холостом ходу, как мотор припаркованной машины. Ему не дает покоя программка, *Кино под звездным небом – сентябрь-1999*; он уже выучил ее наизусть, как запомнил и ласточку – рисунок на салфетке *Air France*. Он долго разглядывает первую строчку, написанную на белом конверте, смятом, разорванном и склеенном заново. Почерк тот же, что и на салфетке.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Оливье вытряхивает содержимое конверта на пассажирское кресло, где лежит все остальное. Фотографии, удостоверения личности, банковские карты.

Взгляд Оливье задерживается на снимках. Сначала на первом: это школьная фотография, сделанная в год поступления Лоры в подготовительный класс, ей шесть лет. Она уже тогда была серьезной и прилежной девочкой. Одна только мысль о том, что кто-то другой мог разглядывать фото его дочери, писать на конверте ее имя, говорить о ней с его женой, пробуждает в Оливье жажду убийства.

Он заставляет себя успокоиться и взглянуть на другие снимки – четыре штуки, сделанные в «моментальном фото». На первом его жена состроила гримасу, на втором высунула язык, а вот на этом скосила глаза и только на последнем наконец выглядит серьезной. Натали во всех ее ипостасях! Там ей чуть больше тридцати лет. Красивая... почти такая же красивая, как сейчас. Оливье не может сдержать слезы. Слезы, которым он никогда не давал воли в присутствии жены.

Он поспешно просматривает остальное содержимое конверта: карточки сотрудника *Air France*, «Интермарше», автостоянки в Руасси, социального обеспечения, избирательную, удостоверение личности. Водительские права, паспорт. Все это принадлежит Натали.

Оливье, конечно, все понял. Ему вспоминается, как Натали потеряла свою сумочку перед возвращением из Монреала, двадцать лет назад.

Монреаль, уже тогда... Она ее не нашла, пришлось восстанавливать все документы. Жуткая процедура. Натали вернулась с того рейса какой-то... потрясенной, и он помнил, как был удивлен: переживать из-за такой потери совсем не в ее характере. Он еще тогда подумал, что все к лучшему, будет ей урок, она такая рассеянная, рано или поздно это должно было случиться. Мягко попенял Натали, посоветовав ей быть менее безалаберной...

Каким же он был дураком!

Натали нашла эти документы. Спрятала их. И ни слова ему не сказала.

Оливье колеблется. Ему безумно хочется скомкать и выбросить белый конверт, но нет, он с удивлением обнаруживает, что ему нравится страдать, нравится читать и перечитывать эти пять строчек, написанные гипнотизирующим его незнакомым почерком.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Как ни странно, многократное перечитывание в конце концов успокаивает Оливье. Гнев остыл. Но не прошла холодная решимость: он должен довести дело до конца.

Оливье смотрит на бортовые часы – 16:00 – и быстро подсчитывает в уме, он давно научился безошибочно определять время в разных часовых поясах. В Квебеке сейчас десять утра, значит, самолет Натали взлетит через тридцать минут и приземлится здесь через шесть часов.

Бросив последний взгляд на предметы, лежащие на соседнем сиденье, на эти запретные, проклятые сокровища, похищенные им, он выжимает ручной тормоз и поворачивает руль.

Время терпит.

Он просто должен приехать в Порт-Жуа до возвращения Натали.

Мне кажется, что сегодняшняя инструкция Сестры Эмманюэль длится заметно дольше обычного. А шуточки Жан-Макса совсем не смешны. Я слушаю, машинально записываю, не вникая в смысл, с чисто профессиональным усердием. Количество пассажиров, длительность полета, особые рекомендации, пара инвалидов, ребенок-эпилептик с риском приступа на борту. Несколько стюардесс, отсев в уголок, болтают о своем. Но только не я. Я села подальше от Шарлотты, от Жорж-Поля... и от Флоранс тоже.

Я ни слова не сказала ей о камне времени, найденном в сумке, камне, выброшенном в реку с моста Жака Картье. Фло и без того считает меня ненормальной, и я заранее знаю, как она объяснит это чудо – скорее снисходительно, чем успокаивающе.

«Окей, Нати, окей, этот камешек просто похож на тот, даже очень похож, если ты так настаиваешь, ну прямо точная копия, я согласна! Но в магазине канадских сувениров таких камней времени была полная корзинка, и уж поверь, что их не собирал на берегу реки поутру какой-нибудь инуитский шаман. Такие амулеты обтачивают целыми кучами на заводах Виннипега или Эдмонта».

Ладно, Фло, ты права, я вовсе не такая наивная дурочка, как ты думаешь. Но тогда скажи, *КТО* подложил в мою сумку этот – похожий – камешек? И *КАК ДОЛГО* он там лежит? Несколько минут? Или несколько недель?

Наконец Сестра Эмманюэль желает нам удачного рейса и мы расходимся.

Большинство моих коллег идут покурить или размять ноги перед долгим шестичасовым полетом. Жан-Макс и Шарлотта направляются в магазины *duty free*. Никто больше не поднимает вопрос о взыскании нашему командиру, по крайней мере в моем присутствии, но слух об этом не замедлит распространиться.

Я отхожу от них как можно дальше. Побывать одной, перестать трястись всем телом и позвонить Илиану, не думать ни о чем, просто взять и набрать его номер.

Останавливаюсь перед пустой стойкой посадки, за стеклянной стеной видны замершие самолеты. Потом медленно вынимаю мобильник и

смотрю на его розовый корпус с черной ласточкой, безуспешно стараясь отогнать мысль о камешке, снова оказавшемся в сумке. Бросая его в реку Святого Лаврентия, я хотела защититься от колдовства, избавить себя хотя бы от этой безумной мысли, а главное, от веры в бредовую инуитскую легенду о времени, которое перестает течь вместе с рекой, образуя некую заводь между расколотым настоящим и прошлым, коварно проникающим вместе с капельками в мою бедную голову.

Проклятье! Камень по-прежнему лежит в сумке. А с ним – простое и такое понятное объяснение всего этого кошмарного хода событий. Досточно всего лишь поверить в его магические свойства!

Прислоняюсь лбом к стеклу, стараясь подавить эти мысли или хотя бы охладить воспаленный мозг. Ни один самолет не взлетает, даже не выруливает на взлетную полосу. Все кажется застывшим навсегда. Аэропорт, как и вокзал или морской порт, не место отбытия или прибытия, а зал ожидания.

Не отходя от стеклянной стены, по-прежнему упираясь в нее лбом, подношу к уху телефон.

Я внесла номер Илиана в «контакты».

Сердце бьется все сильнее и сильнее. Кровь бурлит в венах, и я никак не могу унять ее сумасшедший напор. Мне чудится, что голова сейчас лопнет и мозги вывалятся наружу.

Вызов.

Сколько нужно времени, чтобы вызов пересек Атлантику?

Сколько нужно времени, чтобы стереть все эти годы молчания?

Ответит ли мне Илиан?

Отключится ли, услышав мой голос?

Произнесет ли хоть слово?

Услышу ли я его голос, хотя бы на миг?

Осмелюсь ли попросить, чтобы он меня простил?

Простил мое преступление, самое страшное преступление, когда-либо совершенное женщиной. Преступление, которое он умолял меня совершить.

* * *

Илиан выходит из «Фнака» на авеню Терн, пропустив вперед сначала покупателей, покидающих магазин, потом входящих. Парижане во время часового обеденного перерыва обследуют близлежащие магазины в

ускоренном темпе. А ему торопиться некуда. Прохожие шагают мимо «Фнака» так же стремительно, как покупатели – по лестницам четырех этажей этого монументального здания, хотя, нужно признать, его отдел пользуется гораздо меньшим спросом, чем отделы мобильных и видеоигр.

На перекрестке авеню Терн и Ньель царит такая же суматоха. Илиан удивленно смотрит, как пешеходы, игнорируя «зебру», проскакивают прямо между велосипедами, машинами и скутерами, которые, стоит загореться зеленому свету, стремительно рванут вперед. Сам он предпочитает переходить дорогу чуть дальше, рядом с *Secret Square*^[49]. Здесь не такое интенсивное движение, даром что машины нетерпеливо подрагивают на перекрестке авеню Терн и улицы Понселе.

Пока он ждет зеленого света, стоя между крытой автобусной остановкой и скамьей, оккупированной каким-то бродягой, раздается музыка, словно телефон решил помочь ему скоротать время.

Несколько фортепианных аккордов звучат у него в кармане.

Let It Be...

Натали!!!

Илиан мысленно благословляет Улисса. Получив послание продюсера, он тотчас включил в «контакты» ее номер и присвоил ему эту мелодию.

Let It Be.

Какая другая музыка была бы достойна звонка Натали? Он много раз перечитывал письмо Улисса: *Только что мне звонила Натали. Да-да, твоя прекрасная ласточка...* Илиан глазам своим не верил, не мог поверить... *Натали...* Он улыбнулся, прочитав слова Улисса: *Если она позвонит, будешь знать, что это она. Решай сам, как поступить.* Да что тут решать?! Разве он сможет не поговорить с ней, ведь он ждал этой минуты двадцать лет!

Ждал, когда Натали нарушит свое обещание...

Когда разорвет их жуткий договор...

Илиан оглядывает по очереди голубое небо, кровавый глаз светофора и, замечтавшись, бежит через дорогу на красный свет, а его рука уже нащупывает мобильник в кармане. Он пересекает улицу, смакуя последний миг ожидания, перед тем как включить телефон. Ну почему, почему он не сделал первый шаг? Чего он ждал все эти годы?

Услышать... услышать... услышать ее голос...

Хватит одного лишь «здравствуй», одного простого «здравствуй», и все начнется снова.

Ответить на вызов.

Его палец обрывает мелодию. После фортепианного вступления настал черед Натали, пусть она запоет!

Яростный скрежет автомобильных колес раздражает Илиана, но он не поднимает глаза, а лишь крепче прижимает к уху трубку. Он не хочет упустить первое слово единственной женщины, которую любил в этой жизни.

Илиан не видит, как белый автомобиль набирает скорость.

Илиан не делает ни единого жеста, когда бампер подсекает его под ноги.

Илиан не произносит ни единого слова, когда капот машины подбрасывает его, раскрутив тело волчком; когда его раздробленные руки взлетают вверх и бессильно падают; когда его пальцы выпускают телефон и тот отлетает в сторону, на мостовую, – со стуком, как брошенный камень.

И когда его голова ударяется об асфальт, когда его рот, открывшись, выпускает кровавую слюну, глаза извергают слезы, а горло – последний выдох, жизнь покидает его через проломы в груди, раздавленные ноздри, надорванное ухо и раскроенный череп.

– Илиан!.. Илиан!..

Вокруг собираются прохожие.

– Илиан!.. Илиан!.. Это ты? Ты слышишь меня?

Голос Натали звучит как шепот в трубке телефона, валяющейся на асфальте.

Шепот, которого в суматохе никто не слышит.

Шепот, которого никогда не услышит Илиан.

*Когда она бросит свои капризы,
Когда я брошу свои стриптизы,
Когда мы нарушим любви обет,
Никто нам не выдаст обратный билет —
Бесследно растает наш легкий след.*

Часть II
Лос-Анджелес

Илиан не ответил.

Ил принял мой звонок. Ил услышал мой голос. Ил услышал, как я его зову.

Но Ил мне не ответил. В трубке пробивался шум, как будто Ил шел по улице, как будто он спрятал телефон подальше.

Я ждала. Долго. Потом нажала «отбой».

И без конца перебирала в памяти бессмысленные слова, все эти годы слагавшиеся в глупый стишок.

*Я лиана Илиана.
Если Ил решит сбежать,
То ему несдобровать...*

Перелет длился целый день, мы прибыли в Руасси только в семь вечера с минутами. Получив свой чемодан, я снова набрала номер Илиана, потом еще раз – в лифте, который спускался к автостоянке.

На этот раз телефон был отключен.

Я безумно устала.

* * *

И вот я уже в машине, трогаюсь с места и первым делом выключаю радио: у меня нет никакого желания услышать *Let It Be*, *Boys Don't Cry* или *La Vamba*, хотя во время рейса Монреаль – Париж на мою долю не выпало никаких тревожных совпадений. Никто из пассажиров не напевал слова, подаренные мне Илианом, и не было никаких намеков в обращениях Жан-Макса к пассажирам, в разговорах Сестры Эмманюэль, Жорж-Поля, Фло (странно молчаливой с тех пор, как я изобразила метательницу камней на мосту Жака Картье) и Шарлотты (которую очень украсила новая челка работы квебекского мастера из самой крутой монреальской парикмахерской). Неужто новый камешек времени утратил свою магическую силу? А может, тот, что канул в воды Святого Лаврентия и

каким-то чудом вернулся в мою сумку, не переносит сырости, как, например, обыкновенный мобильник или фотоаппарат? Эдакий испорченный гаджет, стоило ему попасть в воду! Несколько странно для волшебного камня, выловленного колдуном со дна реки.

Выезжаю со стоянки.

Теперь я почти радуюсь этой череде странных событий. Наверно, сказалось долгое нервное напряжение. Или виновата разница во времени? Или ходьба после шестичасовой неподвижности в полете? Или попросту радость возвращения домой? Какой-нибудь час – и я уже буду в Порт-Жуа. Потом долгий душ. И даже если Марго едва поздоровается со мной (*Ой, мам, ты уже вернулась? А хлеба по дороге не купила?*), даже если Лора позвонит со своим обычным вопросом (*Так ты сможешь завтра посидеть с близнецами?*), Оливье уж точно будет вести себя как надо. Приготовит легкий, но красиво оформленный ужин – салат, суши, семгу с рисом и травами, – откупорит бутылку моего любимого белого вина «Гевюрцтраминер» и не задаст ни единого вопроса, просто позволит мне спуститься с небес на землю, рано отпустит спать, ляжет рядом, займется со мной любовью, если я не буду слишком квелиая, или дождетса моего пробуждения, если я сразу забудусь мертвым сном. Оливье знает наизусть, принимает и предупреждает все, даже самые неожиданные, мои желания.

Пересекаю Отверн. Ох, как же я все-таки устала! Я редко так устаю, возвращаясь из рейса. Почти бессознательно сворачиваю на стоянку с бензоколонкой и в последний раз набираю номер Илиана.

Номер точно правильный, ведь ответил же он в первый раз – правда, я ни слова от него не услышала.

Гудка больше нет, как будто телефон отключен.

Что ж, тем лучше. По крайней мере, я стараюсь себя в этом убедить.

* * *

Даю выехать грузовику и выруливаю на шоссе следом за ним.

Да, конечно, это к лучшему. Значит, все кончено. Значит, я вышла из того возраста, когда можно вносить разлад в свою жизнь. Я столько лет пыталась обрести душевное равновесие, отделить то, чем можно пренебречь, от того, что жизненно важно, – от общения с друзьями, любви к мужу. Да, я хочу любить Оливье. Чувствовать себя спокойно рядом с ним, потому что его дом – мой дом, который иногда проклинаешь, но куда всегда хочешь вернуться. Страсть – это желание сбежать с кем-нибудь из тюрьмы,

а любовь – привычка к своей тюрьме, разве не так? Оливье раздобыл, Оливье облысел, и все-таки Оливье еще красивее, чем прежде, еще добрее, еще элегантнее...

Я жму на газ, чтобы обогнать грузовик. Из-за холма, в сотне метров от нас, выскакивает встречная машина, и всплеск адреналина мгновенно выводит меня из оцепенения. Я выжимаю до предела педаль акселератора и буквально в последнюю секунду проскакиваю вперед, обогнав грузовик и помахав водителю на встречной, который возмущенно мигает фарами, притормозив в метре от меня.

Вернуться. Отмыться. И рухнуть в постель.

Съезжаю с национального шоссе № 14 на дорогу, ведущую к Муфлену. Долгий спуск к Сене, и вот я почти дома. Любуюсь извилами реки на каждом повороте. Как же я люблю этот пейзаж, эти излучины, которые формируются так медленно, что ни одно живое существо никогда этого не заметит, эти лужайки, объединенные догола овцами и баранами-скалолазами, эти белые утесы, этот часток кол церковных шпилей и башни замков!

Берег Двух влюбленных.

Так называют здешние скалистые берега Сены.

Двух влюбленных...

Я резко торможу перед церковью Мюи, выхватываю мобильник и стираю номер Илиана, а за ним следом и журнал вызовов.

Двое влюбленных...

Я ни о чем не жалею. Больше того – желаю каждой женщине хоть раз в жизни испытать подобную страсть. Узнать нетерпеливый позыв к бегству. Какой бы я была сейчас, не случись со мной такого чуда? Унылой? Разочарованной? Никчемной? Кем бы я была, не познав после расставания с Илианом страшную пустоту и яростную горечь отлучения? Сегодня я уже не нуждаюсь в Илиане. Я сложила все свои воспоминания в дальний ящик и заперла его на замок, но одно знаю точно: умирать я буду с мыслями о нем, только о нем. И пусть рядом со мной будут Оливье, Лора, Марго – лишь ему, Илиану, я посвящу свою жизнь. Ибо, если вдуматься, все мы проживаем свой век ради нескольких мгновений любовного экстаза.

* * *

А сейчас я ощущаю одно – душевное опустошение. Порт-Жуа. Еще три километра. Нынче вечером дорога кажется мне бесконечной. Миную деревню, превышая дозволенную скорость, о чем меня извещает мигающий

сигнал на приборной доске.

Я хочу домой. Хочу все забыть. Хочу лечь спать. Я знаю – конечно, знаю! – почему Илиан мне не ответил.

Потому что я должна была позвонить раньше.

Потому что я должна была нарушить обещание.

Потому что я должна была расторгнуть наш договор. Договор, который не согласилась бы заключить ни одна женщина на свете.

* * *

Наблюдаю за близнецами. Этан и Ноэ сидят на большом одеяле, расстеленном на лужайке в нескольких шагах от Сены, и играют с маленьким деревянным поездом, который смастерил для них дедушка Оли.

– Если они будут играть на воздухе, не спускай с них глаз, мама! – распорядилась Лора (ну и нахалка!), перед тем как умчаться на работу.

Конечно, а как же иначе, дорогая моя! Между прочим, до твоей пары Мальчиков-с-пальчик я ухитрилась вырастить еще двоих детей, твою сестру и тебя, на берегу этой же широкой реки с утками, цаплями, кусачими лебедями и баржами, с тихим плеском проходящими по воде. И с вами обеими ни разу ничего плохого не случилось. Ох уж эти девочки с их жаждой реванша над матерью! Стоит им занять собственных малышей, и они как с цепи срываются, пытаясь отыграть за воображаемые детские обиды.

Я слегка поднимаю спинку шезлонга, в котором расположилась возле малышей. Вчера я заснула как убитая, едва опустив голову на подушку. Сасими Оливье я только попробовала, зато утром наверстала круассанами, когда он принес мне завтрак. В постель. Вечером я едва прикоснулась к мужу, но этим утром он не отказал себе в удовольствии – мы занимались любовью до той самой минуты, пока во дворе не заскрипел гравий под колесами Лориного «поло». Дочь вручила мне близнецов, подгузники, игрушки, даже не выключая мотор.

Половина двенадцатого. Осеннее солнце наконец разогнало утренний туман над Сеной и облака, цеплявшиеся за верхушки скал. Я торопливо влезла в юбку и топик. Оливье работает в своей мастерской – заканчивает отделку большого комода, барной стойки и тумбочек в стиле ар-деко для одного парижского ресторана. Близнецы общаются между собой на своем птичьем языке. Мне немного скучно.

Не спуская глаз с детей (будь спокойна, Лора!), я барабаню пальцами

по своему мобильнику. Ох, зачем я стерла номер Илиана! Но тут же одергиваю себя: эй, красотка, ты уже не подросток, мечтающий над эсэмэсками, тебе как-никак пятьдесят три года! И я перевожу взгляд на зимородка, отважно ныряющего в воду посреди Сены. Джеронимо громко хлопает крыльями, разъяренный, как кошка, заставшая соседского кота воруящим еду из ее миски. Это имя – Джеронимо, похожее на индейское, – придумала ему наша Марго. Правда, позже выяснилось, что «он» – самка. И она же нарекла трех ее птенцов Сатюрненом, Оскаром и Спиди, сокращенно SOS, как призыв о помощи. Она гораздо на такие выдумки. Марго у нас вообще девушка способная – в тех случаях, когда снисходит до общения с внешним миром.

Заставляю себя убрать телефон в сумку. И тут мне приходит в голову одна мысль. Убедившись, что Оливье заперся в мастерской и не видит меня, вынимаю из карманчика камень времени, тот самый, что каким-то чудесным образом перекочевал со дна реки Святого Лаврентия на дно моей сумки. Взвешиваю его на ладони, подхожу к берегу и подбираю другой рукой камешек из Сены. Более крупный, более светлый и не такой округлый.

Эта мысль возникла у меня как озарение. Обменять камни! Серый камень времени останется здесь, у меня дома, в конце моего сада, среди своих белых братьев, в бордюре у низкой кирпичной стенки, тянущейся вдоль берега. А этот – чистенький, белый, из моего сада – будет меня повсюду сопровождать. Как ядро каторжника, разве что крошечное, совсем легкое.

* * *

– Все в порядке, Бобренок?

Через час Оливье наконец вышел из мастерской.

– Как насчет аперитива? – спрашивает он.

Несколько минут импровизированной подготовки, и вот мы уже наслаждаемся охлажденным «Поммаром»^[50]. Этан и Ноэ выпрашивают у бабушки и деда печенье. Ешьте на здоровье, мои хорошие, пока еще никто из вас не сможет доложить об этом маме с папой! Мне ужасно нравится, что эти мальчишки изъясняются на своем секретном языке, когда хотят что-нибудь скрыть от взрослых.

Оливье засыпает меня вопросами. Их больше обычного. Ну как тебе Монреаль? Ты ведь там давненько не была... Люди все еще говорят по-

французски? А белок ты там видела? А лесорубов? А красавчика Трюдо?
[\[51\]](#)

Я едва успеваю улыбнуться, как он задает следующий вопрос:

– Надеюсь, на сей раз ты не потеряла свои документы?

И больше он ничего не добавляет. А я удивляюсь: как это он запомнил ту сумку, потерянную двадцать лет назад?

– Нет...

И замолкаю. Пожалуйста, Оли, не настаивай! Ведь это для тебя, ради тебя я пытаюсь все забыть.

Оливье отнимает у близнецов пачку печенья.

– В экипаже был кто-нибудь, кого я знаю?

Я хватаюсь за эту соломинку:

– Да, за штурвалом был Жан-Макс Баллен, наш записной юбочник. Похоже, ему грозят большие неприятности. Флоранс тоже была с нами.

Оливье кивает. С Флоранс он знаком. Видел ее четыре или пять раз, до своего замужества она иногда приходила в гости.

– Редкое совпадение, не так ли? Путешествовать с двумя людьми, которых давно знаешь.

– Да, все бывает...

Этан и Ноэ смотрят на меня глазами обжеванных щенков, которые чисто инстинктивно чувствуют, к кому лучше обратиться за подачкой. Я выдаю каждому по три печенья *Curly*.

– Ну а ты, Оли, чем занимался, пока меня не было?

Он смотрит на меня удивленно, как будто я слишком резко отбрила его.

– Да ничем... ничем особенным. Так, работал. А вчера ездил в Париж. На авеню Ваграм. В этот самый ресторан...

– Ты же терпеть не можешь большие города.

Оливье не отвечает. И мы долго сидим молча, созерцая лениво текущую Сену, птиц, парящих над заказником Ла-Гранд-Ноэ. Там водятся бакланы, чайки, шилоклювки, журавли... Этан и Ноэ вернулись к своим игрушкам и пропустили полет цапли. Оливье провожает ее взглядом до тех пор, пока она не скрывается в одной из речных излучин, потом встает:

– Ладно, пойду еще поработаю. Кликни, когда накроешь к обеду.

Я вижу, что он смотрит на мое плечо с вытатуированной ласточкой, как будто за это время она могла улететь.

Улететь – без меня?

Он отворачивается, точно его что-то смутило, обводит взглядом наш деревянный дом с садом, подстриженные живые изгороди, обглоданные

овцами речные берега, свою мастерскую. И, перед тем как запереться там, наклоняется и целует меня:

– Я по тебе скучал, Бобренок.

* * *

Близнецов увезли. Лора заехала буквально на одну минуту, чтобы забрать их. Сегодня у нее ночное дежурство в больнице Биша. У Лоры свои трудности с графиком, почти такие же, как у ее матери, с той лишь разницей, что вселенная дочери ограничена белыми коридорами больничного муравейника.

И тем не менее она успела бросить мне перед отъездом:

– Я видела твоё расписание, у тебя будет четыре дня отдыха между Лос-Анджелесом и Джакартой.

Неужели она хочет навязать мне Этана и Ноэ на все это время, с ночлегом?

– Так вот, мам, ничего не планируй на эти четыре дня. Тем более что с Джакартой пока все неопределенно. Обещаешь?

Я удивленно воззрилась на нее.

– Мам, ты что, новости не смотришь? Там же цунами! В Индийском океане пробудился какой-то подводный вулкан, и волны пятиметровой высоты смели дома на Суматре и Яве... Тысячи людей остались без крова... В ближайшие дни ожидается повторение!

А я ничего не знала. Наверно, у меня был ужасно глупый вид. Я инстинктивно поискала глазами свою сумку. Значит, рейс Париж – Джакарта аннулирован? И тем самым моя петля времени затянулась. Неужели это результат подмены камня времени камешком из моего сада?

– До следующего воскресенья, мам!

– Почему до следующего?..

– Господи, да у тебя же день рождения!

* * *

Остаток воскресного дня протекает так же мирно, как течет Сена. Мой самолет вылетает в 20:00. Мы растягиваем наш обед на террасе до трех часов пополудни. Это предполетное время тягостно, в каждой паузе чудится невысказанный упрек. На сей раз Оливье не делает никаких

попыток удержать меня дома. Марго встает около часа дня, выходит в неглиже к десерту, чтобы проглотить йогурт и хлопья, потом отправляется принимать душ.

Я поднимаюсь в спальню за своим чемоданом – как всегда, в последний момент, поскольку терпеть не могу выставлять его в коридор у выхода. Оливье помогает мне загрузить его в багажник моей «хонды джаз». Я собираюсь выехать пораньше, опасаясь воскресных вечерних пробок, и уже разворачиваюсь во дворе, как вдруг из дома выскакивает Марго – с мокрыми волосами, в спешно накинутом халатике. Бежит босиком по гравию и размахивает руками, прося остановиться. Неужели потому, что забыла меня поцеловать на прощанье? Удивительно.

Опускаю стекло.

– Мам... ты куда – в аэропорт? А ты не могла бы поехать на «кангу», а эту оставить нам?

– Зачем это?!

– Мам! – Марго закатывает глаза к небу, словно я инопланетянка, которой нужно разъяснять каждую мелочь. – Ты же знаешь, что я учусь водить, с инструктором... Не могу же я учиться в папином фургоне!

– Я вернусь во вторник. Разве нельзя подождать два дня?

– Мам! – Теперь дочь опускает глаза с таким убитым видом, будто небо упало ей на голову. – Мам, мне нужно наездить тысячу километров, чтобы получить права, а у меня с начала учебного года не набралось даже сотни... Потому что тебя никогда нет, а твоя машина загорает на стоянке в Руасси без всякой пользы! При таких условиях я сяду за руль только в двадцать лет!

В двадцать лет... Скажите пожалуйста!

До чего же Марго не похожа на Лору! Да и на своего папу тоже. Вечно витает в облаках, тогда как он прочно стоит обеими ногами на земле. Она настолько же вспыльчива, насколько он сдержан, настолько же упряма, насколько он уступчив. И при всем том они так дружны, что водой не разольешь. Когда отец и дочь секретничают, я подозреваю, что они строят козни за моей спиной. Оливье прощает ей любые выходки. Потому что знает: в отличие от Лоры, Марго лелеет всего одну мечту – вспорхнуть и улететь из семейного гнезда!

Я строго смотрю на нее:

– В двадцать лет? А тебе известно, в каком возрасте я получила права? И первую машину? Свободу нужно заработать, моя милая! Например, немного потрудиться ради нее в лицее! И летом тоже...

Уж извини, малышка, я не могла смолчать. Марго бездельничала два

месяца, июль и август, в компании подружек, таких же лентяек, как она сама. Я знаю, что мне пора ехать, но не намерена идти на поводу у Марго, а она, кажется, не собирается уступать мне. Наш спор затягивается, я ненавижу слова, которые она вынуждает меня произносить: труд, послушание, рассудительность, фрустрация... Мне самой противно чувствовать себя такой занудой. То ли дело наш снисходительный папаша – никогда не читает нотаций! Марго благоразумно переживает грозу, чтобы вернуться к отправной точке:

– Окей, мам, окей! Значит, оставляешь нам свою «хонду»?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться. Марго приводит меня в отчаяние! Мне пора! И я прибегаю к последнему аргументу:

– Нет! И кстати, учти, что папе нужен его фургон для работы.

А вот тут я просчиталась! Марго ловит меня на слове, поворачивается к отцу, и я понимаю, что сейчас он ей уступит, скажет, что в ближайшие дни фургон ему не понадобится, что он может работать в своей мастерской по ночам, а в дневное время сидеть рядом с Марго в машине в качестве инструктора, чтобы она могла ездить в лицей или в кино...

Однако, к величайшему моему удивлению, Оливье спокойно говорит:

– Мама права. Фургон мне нужен для поставок. Подожди ее возвращения, тогда и начнешь тренироваться.

Марго сникает: ее предали! Потом прячет лицо в мокрых волосах, чтобы скрыть слезы. Оливье целует меня, а я ему даже не отвечаю, дивясь тому, что он решился дать отпор своей обожаемой дочке. Наконец прихожу в себя и уезжаю. Препирательства отняли у меня полчаса.

* * *

Еду в Руасси, проклиная ограничение скорости на национальном шоссе, которое мешает мне наверстать упущенное время, хотя трафик не такой напряженный, как я опасалась. Рейс в Лос-Анджелес!.. Двадцать лет назад, между возвращением из Монреаля и вылетом в Город ангелов, я ехала этим же путем и плакала, плакала, плакала.

Париж – Порт-Жуа; Порт-Жуа – Париж.

Двадцать лет...

Знаменательная цифра! Ровно столько Пенелопа ждала любимого мужа. Я пытаюсь улыбнуться. И представить себе нашу историю запечатленной на фреске... или на деревянной мебели?..

Мой телефон на приборной панели звонит на выезде из Гонесса,

километрах в трех от Руасси, так близко к аэропорту, что кажется, будто самолеты взлетают с пшеничных полей. Глянув на часы, я убеждаюсь, что не опаздываю, значит, звонят не из *Air France*.

Да и номер мне неизвестен.

Поднося телефон к уху, одновременно пытаюсь вернуться в нынешнее время, отправив в дальний угол памяти ту безутешную Натали двадцатилетней давности, чтобы сосредоточиться на сегодняшнем, нетерпеливо звучащем звонке.

– Натали?

– Да... кто это?

– Натали, это Улисс. Я должен сообщить тебе плохую... очень плохую новость.

Весь обратный путь я плакала.

Монреаль – Париж.

Море слез.

Квадратные метры бумажных салфеток.

А также литры шампанского, которое Фло таскала для меня из бизнес-класса.

– Поплачь, моя хорошая, поплачь.

Я больше никогда его не увижу.

– Вы и общались всего ничего, несколько часов, да и то просто целовались.

Я больше никогда не увижу Илиана.

– Ты избежала худшего, моя красавица, ты спаслась от землетрясения. Поверь мне, ты исчезла вовремя. Попереживашь еще несколько дней, а потом все это станет прекрасным воспоминанием до конца жизни.

Как представить, что мне больше никогда не суждено пережить мгновения, которые потрясли меня до глубины души?!

– И вот что я тебе скажу: кончай из себя изображать Бриджет Джонс, на свете полно женщин, которым было куда хуже твоего! Тебя хоть ждут дома Джепетто и твоя маленькая принцесса.

Фло была права. И я, как всегда, вернулась в Порт-Жуа... с одной неотвязной мыслью. *Илиан...* У Лоры сразу – каким-то чудом – прошел отит. Она забралась ко мне на колени, начала радостно трясти стеклянный шарик со снежным бураном над замком Фронтенак и, глядя на него еще не просохшими от слез глазами, засыпала меня вопросами: «А ты видела медведей? А пингвинов? А ты ездила на санках с собачьей упряжкой?» – и мольбами взять ее с собой в следующий раз, потому что папа объяснил, что я улетела в волшебный город, где живут Минни, Анастасия, Мулан и Покахонтас^[52].

А потом Оливье крепко обнял меня, заметив, что мне сильно не по себе.

– Я потеряла документы, Оливье, все документы!

– Ну ничего, ничего страшного, Бобренок. Это всего лишь документы.

Оливье – моя опора. Оливье сделан из самого прочного дерева.

* * *

Шесть дней я отдыхала в Порт-Жуа, перед тем как отправиться в следующий рейс, в Лос-Анджелес. Все это время Оливье не умолкая разговаривал со мной. Оливье считал, что я переутомляюсь, Оливье уговаривал меня перейти на полставки, Оливье предлагал мне завести второго ребенка, Оливье признался, что очень беспокоится за меня, но я его заверила, что все хорошо, Оли, все к лучшему, спасибо тебе, все пройдет.

И я не лгала.

Все пройдет – но даже когда я доверяюсь Оливье, когда я отдаюсь Оливье, я думаю о другом. О другом человеке, исчезнувшем где-то там, на планете.

Не оставив никакого следа, никакого адреса.

Ничего, что позволило бы мне броситься в его объятия.

И только одна безумная мысль не выходит у меня из головы: я стала стюардессой лишь для того, чтобы найти его. Где бы он ни был, в любом уголке планеты.

* * *

– Натали!

Я плакала всю дорогу от Порт-Жуа до Руасси. Выплакала все слезы, которые сдерживала шесть дней, проведенных дома. А теперь створы шлюзов наконец открылись, слезам можно дать волю. Любая из подружек объявила бы мне, что я впала в жуткую депрессию. К счастью, со мной в Лос-Анджелес летят стюарды, которых я прежде не знала. Флоранс отбыла в Шанхай, Жан-Макс – в Рио.

– Натали! – повторяет Глэдис, наша «старшая», весьма манерная девушка (такие идут работать стюардессами по одной причине: хотя бы бесплатно повидать дальние страны, им скучно сидеть дома в одиночестве, ведь муж – занятой человек, хирург, архитектор или адвокат). – Натали! Для тебя есть письмо в окошке *Air France*.

Письмо?

Я бегу со всех ног. Письмо... Стюарды никогда не получают писем! Меня просят предъявить удостоверение личности и вручают конверт. Я так взволнована, что в спешке скорее разрываю, чем раскрываю его. Я уже догадалась!

В конверте – все мои документы. Все – потерянные вместе с сумкой. Социальная карта, карточка избирателя, водительские права, страховой полис и даже фотографии: Лора в свой первый школьный день и мои моментальные снимки, где я строю дурацкие гримасы.

Нет только сумки, денег и кредитки, которую я, впрочем, успела заблокировать. И я понимаю, что какие-то люди – скорее всего, юнцы, выпивавшие на бельведере Кондьяронк, – нашли мою сумку, выгребли из нее все ценное, а остальное зашвырнули в кусты.

Классический случай!

И мне вспоминаются последние слова Илиана под деревьями парка Мон-Руаяль: *Поезжайте в аэропорт. А я останусь и буду искать.*

Лихорадочно расправляю скомканный конверт, разглаживаю мятые клочки бумаги и... читаю слова, написанные на задней стороне, которые прежде второпях не заметила.

Вот все, что мне удалось найти.

Лора очень хорошенькая.

Вы тоже.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

И вновь слезы, они капают на и без того изуродованный конверт. Илиан продолжал искать! Ил нашел мои документы, наверняка разбросанные в лесу. Собрал их, а потом, зная мое имя, профессию, авиакомпанию и номер рейса, где мы встретились, послал все это в *Air France*. Притом с анонимной припиской. Так щедрый благотворитель, желающий остаться неизвестным, вручает свой дар и уходит на цыпочках.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

За одну только эту деликатность мне еще больше хочется найти его. А ведь я знаю лишь его имя, как страстно он любит музыку (которая еще не стала его профессией), ну и еще конечный пункт маршрута – юг США. Это значит, что, даже если я случайно и попаду туда, у меня нет ни малейшего шанса встретить его в Калифорнии – штате, равном по площади Англии, где проживает почти сорок миллионов человек.

* * *

Самолет летит над Атлантикой. Я замыкаюсь в своих мыслях, перебирая каждое слово единственного письма, полученного от Илиана.

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Никакого знака, никакой подсказки! Илиан выразился ясно: только поцелуй, ничего, кроме поцелуев и воспоминаний. Вы замужем, у вас ребенок, а я не хочу страдать и заставлять страдать вас.

Он предпочел сбежать.

У меня одно желание.

Найти его.

* * *

Двенадцатичасовой полет не принес мне никакого облегчения. В кабине пилота нет Жан-Макса с его квебекским акцентом и умением развлечь пассажиров, в салоне нет Фло, чтобы накачать меня шампанским, одна только Глэдис заходит в мой закуток – перемолвиться словом и перечислить все, чем она собирается *наслади-и-ться* в Лос-Анджелесе. Во-первых, подняться в обсерваторию (*ты представляешь?!*). Во-вторых, посмотреть фильм Николаса Рэя «Бунтарь без причины» с Джеймсом Дином и Натали Вуд! В-третьих, «Иисусе, я бы с наслаждением посетила остров Святой Каталины с видом на бухту Авалон, где она утонула, эта святая, – настоящее чудо (*ты представляешь?!*). Там еще снимали “Мятеж на Баунти” в 1984-м и до сих пор водятся дикие бизоны (*ты представляешь?! Совершенно дикие!*). Один пассажир – он ездит туда играть в гольф – рассказал мне, что это еще и заповедник для последних тонгвас (*ты представляешь?!*), первых индейцев Калифорнии».

Я ее слушаю... не слыша.

Только смотрю, как шевелятся губы. Глэдис из тех девушек, которым очень хочется нравиться, при том что они недостаточно красивы. У таких все преувеличенно: слишком яркие украшения, слишком облегающие наряды; они желают выглядеть соблазнительными, а выглядят попросту вульгарно, но не понимают этого. Вот и Глэдис стремится вызвать к себе

интерес, хотя не очень-то умна и всем надоедает разговорами о фильмах, которые она *обожа-а-а-ет*, о выставках, которые посетила, о проблемах, которыми поглощена. Редкостная зануда, которая считает себя чуть ли не мастером разговорного жанра.

Девушки такого склада инстинктивно выбирают в слушатели вежливых коллег, которые стесняются их оборвать. Я для нее – идеальная добыча, да и мне, честно говоря, сейчас удобна ее болтовня, нужно только время от времени поддакивать. А пока она разглагольствует, я могу свободно проворачивать в голове две фразы:

Не пытайтесь со мной увидеться, прошу вас.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Наконец Глэдис заводит речь о калифорнийской музыке, объявляет, что ее уже тошнит от пергидрольных рокеров из группы *Mustang*, бляющих свои песенки по всему Тихоокеанскому побережью Америки (*ты представляешь?!*) и подражающих *Beach Boys*, выступавшим за тридцать лет до них, зато она *обожа-а-а-ет* местные группы, о которых я никогда не слышала, – *Faith No More, Deftones, Rage Against the Machine, Queens of the Stone Age*.

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

И вдруг названия групп, перечисленных Глэдис, взрываются у меня в голове, как воздушные шары, которые протыкают один за другим на ярмарке.

Мы пролетаем над Большим Каньоном, через час должны приземлиться, а я наконец понимаю, что нужно делать. Ну конечно!

Илиан оставил мне зацепку – крошечную, но все же зацепку. Я вспомнила его слова, произнесенные под железным крестом на горе Мон-Руаяль.

А вот я остаюсь по эту сторону Атлантики. Хочу попытать удачи. Улисс подкинул мне пару адресов...

«Продолжает свою одиссею»... Вот она – зацепка!

А где одиссея – там Улисс!

Улисс Лавалье, продюсер, у которого офис в Лос-Анджелесе! И уж наверно, Улисс нанял его еще на одну-две поездки. Улисса Лавалье

нетрудно будет разыскать в городе... и он наверняка знает, где работает Илиан!

– Подожди, Улисс, сейчас... минутку!

Я торможу, моя «хонда» проезжает по инерции еще несколько метров по обочине и утыкается в высокую ограду аэропорта Руасси.

– Это касается Илиана, – объясняет Улисс, запинаясь на каждом слове. – Он мне позвонил... Вернее, мне кто-то позвонил несколько часов назад... Ну и...

Он не решается договорить. Я проклиная телефон, проклиная разделяющие нас полмира, которые мешают мне посмотреть ему в глаза, услышать из его уст слова, которые я угадываю, которые сразят меня, как пули. Наконец Улисс решается:

– Илиан... Илиан стал жертвой несчастного случая...

Моя голова откидывается на спинку кресла, отяжелевшие руки бессильно падают. Какой-то грузовик на полной скорости проскакивает так близко, что мой «джаз» сотрясается всем корпусом. Я кричу:

– Где?! Когда?!

– Вчера, в первой половине дня... на авеню Терн. Рядом с магазином «Фнак», где он работал... Его сбила машина.

– И... как он?

Улисс молчит.

– Только не говори, что он...

И я вспоминаю свои страхи всех этих лет молчания: если с Илианом что-то случится, если он умрет, никто мне не сообщит. Илиан исчезнет, а я этого не узнаю, даже не смогу его оплакать. Когда хоронят любимого человека, сколько тайных любовей погребают вместе с ним? Сколько невысказанных страстей, поглощенных небытием, исчезают навек, словно никогда не существовали?

Улисс по-прежнему говорит медленно, как будто каждое слово застревает у него в горле:

– Он... он еще жив, Натали... Он дышит... Он в сознании... Но... у него перфорация одного легкого... Раздавлена... грудная клетка. Затронута плевра. Средние и нижние доли легкого – тоже. Врачи боятся, что начнется кровотечение. Я только что говорил с дежурным врачом скорой помощи больницы Биша. Они пока ждут... Они... – Улисс не решается договорить, молчит, потом выпускает последнюю пулю: – Натали, я думаю, тебе лучше

туда поехать.

Еще один грузовик вихрем пронесется мимо так близко, что моя «хонда» чуть не взлетает в воздух.

Больница Биша.

Я смотрю на часы. Биша совсем недалеко от Руасси – полчаса езды, но дорога туда и обратно не позволит мне успеть на самолет. Если бы я узнала раньше, если бы Марго не задержала меня на целых полчаса... если бы... если бы...

– Я... я не могу, Улисс... Через час мы вылетаем. Я поеду туда, когда вернусь... Через три дня...

Сама не верю, что произношу эти слова.

– Если он еще будет жив, Натали.

Я лихорадочно размышляю в поисках решения. Сочинить какой-то предлог, чтобы не лететь... Или лететь, но придумать, как узнавать о его состоянии. Я вижу только одну-единственную возможность – рискованную, сложную...

– Есть еще кое-что, Натали... Но... Нет, об этом нельзя говорить по телефону.

– Говори!

– Но тебе же некогда, ты спешишь.

– Да говори же!

– Илиан мне позвонил. Сегодня утром. Он едва смог произнести несколько слов. И сказал кое-что, о чем я должен с тобой поговорить... Но это нужно обсудить как следует, не торопясь... Садись в самолет, а когда прилетишь и поселишься в отеле, позвони мне.

– Ты в Лос-Анджелесе?

– Да.

– Тогда мне незачем звонить, я приеду. Мы летим в Лос-Анджелес.

– Ты не шутишь?

– Нет, Улисс. Нет.

Внезапно в голосе Улисса звучит подозрение. Его явно смущает развитие событий.

– Это несколько неожиданно, ты разве не находишь, Натали? Мы не виделись с 1999 года, и вдруг позавчера ты мне позвонила из Монреаля. Я дал тебе номер Илиана, и тут его сбил какой-то лихач. Я тебе звоню, а ты, оказывается, летишь в Лос-Анджелес.

– Да, я понимаю, что в это трудно поверить...

Но сама начинаю осваиваться в новой ситуации. Как будто все происходящее подчиняется какой-то неумолимой логике. Как будто все

было давно предрешено.

- Улисс, почему ты хочешь меня видеть?
- Ты знаешь мой адрес, Натали. Он не изменился.
- Да ты хоть скажи, о чем будет разговор? Что Илиан сообщил тебе?
- Тот тип, что сбил его на авеню Терн... он не остановился.

* * *

– Лора!

Одной рукой прижимаю телефон к уху, другой верчу руль, заезжая на стоянку Руасси, потом той же рукой вытаскиваю чемодан из багажника.

Ответь, Лора! Да ответь же!

Захлопываю крышку багажника. Запираю машину.

– Мама?

Я слышу в трубке дыхание Лоры. Голос у дочери слегка встревоженный. Она понимает, что случилось нечто серьезное, раз уж я звоню ей на работу.

– Лора, мне нужна твоя помощь. Я... у меня есть друг, которого госпитализировали к вам в Биша. В отделение неотложной помощи. Несчастный случай на улице. Вчера. Ты можешь... ты не могла бы... навести справки?

– Да, конечно. Я его знаю?

Я останавливаюсь посреди стоянки: невозможно делать две вещи разом. Меня трясет. Вот уж не думала, что мне придется вмешивать во все это свою дочь.

– Нет... Нет... Просто один старый друг... (Лора наверняка все поймет по одному моему голосу.) Человек, который... с которым мы были очень дружны.

Осторожно, ни слова лишнего, иначе Лора сразу догадается.

– Ты просто скажи... передай, что я думаю о нем.

– Не волнуйся, мам, мы о нем позаботимся. Я ведь два года проработала в «скорой» и всех там знаю, так что с твоего друга будут пылинки сдувать. Как его зовут?

– Я... я знаю только имя.

* * *

Как только Лора отключилась, я со всех ног помчалась к аэровокзалу, волоча за собой чемодан. Странно: после того как я назвала ей имя – Илиан, она выдержала такую долгую паузу, как будто знала, кто это такой.

Да нет, я просто свихнулась!

Сперва пробовала объяснять совпадения, потом слова, а теперь... теперь анализирую даже паузы в разговоре! В разговоре с собственной дочерью! Которую прошу позаботиться о моем любовнике!

Рейс АF-208 на Лос-Анджелес.

Стоя у выхода на посадку, смотрю сквозь стекло, как из автобуса появляются стюардессы «Эмиратов» в своих тесно облегающих костюмчиках, почти таких же светлых, как халаты медсестер. Как же мне хочется сбежать из этого зала, сесть в машину и помчаться в Биша! Что за мерзость – улетать отсюда, когда Илиан борется со смертью на больничной койке...

– Нати!

Я оборачиваюсь.

Это Фло!

Она подходит ко мне с сияющей улыбкой. Меня не удивляет ее появление. Всякая логика, всякий нормальный порядок вещей в прошлом. Теперь я буду удивлена, если увижу в своем экипаже незнакомые лица.

Пытаюсь ответить на улыбку Фло. Пытаюсь утешить себя тем, что не видела Илиана около двадцати лет, что он давно стал для меня чужим, что Илиан так много значил для меня тогда, но теперь уже ничего не значит, что воспоминания о нем в эти последние дни объяснялись каким-то предчувствием, что все прошедшие годы я старалась его забыть. И почти преуспела в этом. Если бы только не...

– Нати, что с тобой?

Фло отводит меня в сторонку, подальше от пассажиров, которые начинают выстраиваться в очередь на посадку. Как же мне опротивела вся эта суматоха!

– Знаешь, с кем мы летим? С Шарлоттой! – объявляет она. – И угадай, кто ведет самолет?

– Жан-Макс, – машинально отвечаю я.

Фло разочарована.

– Точно. И тебя это не удивляет?

Да... Нет... Не знаю, Флоранс...

Фло перечисляет других членов экипажа. Жорж-Поль и Сестра Эмманюэль не входят в его состав, но Фло тащит меня еще дальше, к парфюмерному бутику дьюти-фри, где почти нет народа, и, обняв за плечи,

шепчет с видом заговорщицы:

– Я провела расследование!

Господи, когда же это кончится?!

– Какое расследование, Фло?

– По поводу всех твоих вопросов и совпадений. Ну помнишь – таинственные совпадения в твоём графике, вероятность попасть на те же три рейса в том же порядке: Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта, – шансы встретиться со мной и Жан-Максом на всех трех, совсем как двадцать лет назад...

– Жан-Макса и тебя не было, когда мы летали в Лос-Анджелес.

– Верно, но это ничего не меняет в моих выводах.

– Которые говорят о чем?

– О том, что все это подстроил Жан-Макс!

Я едва не опрокидываю плоский картонный манекен с лицом Джулии Робертс – рекламу нового аромата от *Lancôme*. Машинально извиняюсь перед Джулией.

– Ты уверена?

– Абсолютно! Парни из планового отдела признались, что он надавил на них и они устроили так, чтобы мы летели все вчетвером – Шарлотта, мы с тобой и он.

– Но... зачем ему это?

– Вот об этом ребяташки ничего не знают. Но, судя по всему, наш Жан-Макс уже давно проворачивает такие фокусы. Выбирает для себя экипаж. Ну а поскольку он пользуется большим влиянием...

– Пользовался... Зато теперь – ты помнишь слова Сестры Эмманюэль, что ему грозит взыскание? И это всего за несколько месяцев до ухода на пенсию. Не знаю... может, мы с тобой – его любимые стюардессы и с нашей помощью он хочет красиво завершить свою карьеру?

Фло презрительно кривится.

А я, напротив, вздыхаю с облегчением. Впервые хоть что-то прояснилось. Фло объяснила одно из самых странных совпадений, даром что я еще не знаю, чем руководствовался Жан-Макс. Объявляется посадка на наш рейс, я поворачиваюсь – слишком резко – и снова натываюсь на Джулию Робертс. Но она на меня не сердится, продолжает сиять своей картонно-вощенной улыбкой. И только тут я замечаю название духов, достойных ее неувядаемого шарма.

«Жизнь прекрасна».

* * *

Рейс выдался на редкость спокойный. Механическое исполнение обязанностей, к которому я привыкла за долгие годы, помогает мне не думать. Никакие новые совпадения на сей раз меня не тревожат. Я часто – кажется, это стало манией – открываю сумку и достаю из нее белый камешек, подобранный на берегу Сены. Взвешиваю на ладони и кладу обратно, убеждая себя, что этот кругляшок из моего сада меня защитит. А камень времени остался в Порт-Жуа, как пребывал там все эти годы, только теперь не в ящике комода, а на берегу Сены, у подножия кирпичной стенки, отделяющей сад от реки. Чем дольше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что всем загадкам есть вполне рациональное объяснение – то самое, что заставило меня позвонить сперва Улиссу, а потом Илиану перед вылетом из Монреаля как раз в тот момент, когда его сбил какой-то лихач.

Только Илиан мог организовать всю эту серию совпадений. Во всяком случае, тех, что не имели прямого отношения к *Air France*.

Со вчерашнего дня Илиан в больнице.

И совпадения прекратились.

* * *

Наш аэробус летит над Атлантикой, немой и темный, если не считать немногих бортовых огней. Весь обслуживающий персонал собрался в хвосте самолета – жужжащий осиный рой над пустыми обеденными подносами. Я подхожу и сразу понимаю, что обсуждают легендарного командира Баллена. В *Air France* уже все прослышали о взыскании.

Я пытаюсь убедить коллег, в том числе Фло, что не нужно обсуждать это при Шарлотте. Но стоит нашей стажерке отойти – например, чтобы закрепить колыбельку младенца в салоне, – как языки тут же развязываются. Патрисия, давняя подруга Сестры Эмманюэль, наконец проговорила. Она жутко сволочная баба, а Эмманюэль – человек порядочный, но сейчас я спрашиваю себя, которая из них опаснее.

– Эмманюэль застучала Жан-Макса Баллена за сексом!

Наши осы тут же оживляются:

– Где?

– С кем?

– Когда?

- С девушкой?
- Сомневаюсь!
- Так где же?
- В пилотской кабине!
- С девушкой... в пилотской кабине? Не может быть!
- С пассажиркой или со стюардессой?
- Когда?
- Во время рейса Париж – Монреаль, на прошлой неделе.
- Со стюардессой в униформе?
- А была ли на ней одежда? Или Жан-Макс все с нее сорвал?
- Ну кто?
- Кто же?
- Эмманюэль ее узнала?
- Да!
- Так кто это?
- Вы же знаете Сестру Эмманюэль. Она умрет, но не проговорится!

Я смотрю на стройную фигурку Шарлотты, которая, приветливо улыбаясь, разговаривает с молодой супружеской парой, укрывая потеплее их младенца. Фло тоже обратила на нее взгляд. Неужели Шарлотта доверила свою тайну и Флоранс? Или та сама обо всем догадалась? Выглядит она такой же смущенной, как я. И это смущение никак не сочетается с сальными репликами экипажа и их шумными предположениями по поводу знаменитого клуба «Выше одной мили»^[53].

Следующие пять минут мы работаем бок о бок с Шарлоттой, и меня занимает новый вопрос. Я хорошо знаю Сестру Эмманюэль – она готова до последнего защищать своих подчиненных, особенно юную стажерку, которая позволила себя соблазнить. Но хватит ли порядочности командиру Баллену, чтобы не выдать девочку?

* * *

Мало-помалу все успокаиваются и начинают дремать. Потом (чудится, будто прошло всего несколько минут) вспыхивают лампочки и все начинается сначала. Пробуждение, подносы с завтраком: «Вам булочку или кекс? Чай или кофе»? Пока мы торопливо собираем пустые подносы, микрофоны вновь оживают: сообщение из пилотской кабины.

На сей раз Жан-Макс изъясняется с уморительным американским акцентом. Если это и вправду его последний рейс и он в курсе, то ничем

себя не выдает. Видимо, решил – как я и сказала Фло – поставить красивую точку в своей карьере.

– Дамы и господа, мы пролетели над Скалистыми горами и начинаем спускаться к Лос-Анджелесу. Надеюсь, вы приятно провели ночь, поскольку она может стать для вас последней. Я должен объявить вам грустную новость: оба двигателя самолета отказали, и мне остается только попробовать посадить самолет на воды Тихого океана, напротив пирса Санта-Моники^[54]. А хорошая новость заключается в том, что выпутаемся мы из передряги или нет, Клинт Иствуд обязательно снимет об этом фильм. И мое последнее желание – да будет тому свидетелем «черный ящик»! – чтобы меня сыграл Том Хэнкс. Желаю вам удачи! Не стесняйтесь, назовите сейчас же, прямо и откровенно, имена актеров, достойных запечатлеть ваши образы для следующих поколений!

Почти все пассажиры хохочут. Имена сыплются как из рога изобилия: Том Круз, Мэрил Стрип, Леонардо Ди Каприо, Марион Котийяр, Джим Керри... Сидящие у иллюминаторов убеждаются, что оба мотора исправно работают, и констатируют, что наш аэробус пролетает над гигантскими белыми буквами *HOLLYWOOD* на склоне холма к северу от Города ангелов.

Еще несколько секунд, и вот последний поднос убран, и я наконец могу прочесть сообщение, пришедшее на мой электронный адрес перед посадкой.

Выйдя из самолета, заказываю такси.

Адрес: @-TAC Prod, бульвар Сансет, 9100. Тот же самый маршрут от аэропорта, по которому я ехала двадцать лет назад в офис Улисса.

В надежде снова встретиться с Илианом.

С Илианом, который сейчас борется со смертью. С Илианом, которого я бросила, от которого сбежала на этом самолете, уносившем меня все дальше и дальше от него.

И все-таки...

Двадцать лет назад я появилась в офисе Улисса с бьющимся сердцем, в погоне за Илианом, который был тогда настолько жив, что стал неуловимым, и каждый миг в том самолете над Лос-Анджелесом приближал меня к нему.

*Когда на любовь нам наложат запрет,
На наши объятия, на солнечный свет,
На тьму благотворную наших ночей —
В мерцании лунных волшебных лучей*

Бесследно растает наш легкий след.

Легко. Слишком легко. Просто зайти в интернет, набрать *продюсер Лавалье, Лос-Анджелес*, и вот он – адрес Улисса.

@-TAC Prod

Бульвар Сансет, 9100

Определяюсь по карте в мобильнике и нахожу его офис на длинном – 39 километров! – шоссе в Западном Голливуде, у перекрестка с улицей Синтия-стрит. Дорога на такси заняла почти два часа. «Лос-Анджелес – не мой город, – объясняет мне шофер-латиноамериканец, флегматичный, как англичанин. – Понатыкали тут, между морем, пустыней и холмами, небоскребы, один к одному, на какой-нибудь сотне свободных километров. Даже не удосужились проложить кольцевые бульвары, создать историческую зону, все-таки здесь как-никак центр мира!» Потом снова прибавляет звук в радиоприемнике и насвистывает *Wasted Time*^[55] – старозаветный шлягер «Иглз», который я не слышала тысячу лет. Проезд по пятикилометровому бульвару Сансет занимает у нас три четверти часа, так что можно вдоволь налюбоваться гигантскими рекламными плакатами. Что ж, логично! Стояние в уличных пробках – единственное время, когда американцы не сидят у телевизоров, перескакивая с канала на канал.

Офис @-TAC Prod расположен в небольшом жилом доме на склоне холма, откуда вид на Тихий океан и знаменитые местные закаты могли бы дарить зрителям незабываемые впечатления... если бы их не заслонял огромный плакат «Истории игрушек – 2». «К бесконечности – и еще дальше!» – призывает реклама.

Дом № 9100. Первым делом я замечаю фастфуд на колесах, протянувшийся вдоль бульвара Сансет; там продают гамбургеры редким клиентам, сидящим на пластиковых стульях за пластиковыми столиками, под прикрытием нескольких тентов *Pepsi*. Присмотревшись, обнаруживаю пыльную дорожку, которая вьется по импровизированной террасе, упираясь двадцатью метрами дальше в ветхое трехэтажное зданье, – уж оно-то наверняка рухнет первым, как только разлом Сан-Андреас разойдется чуть пошире^[56]. Подхожу ближе.

По нагромождению почтовых ящиков с громкими названиями – *Shrimp Music, New Vinyl Legend, Alligator Records, Deep South Sound* –

догадываюсь, что здесь обосновались несколько десятков мелких музыкальных агентств. Офис Улисса занимает крошечную комнатку на первом этаже. Сразу за окном помойка и стоянка, так что стоит его открыть, как внутрь врывается оглушительный хор автомобильных гудков.

Вот и сам Улисс. Он приглашает меня войти и первым делом выключает вентилятор, который мало того что производит адский шум, так еще и взметает к потолку бумаги, раскиданные по всему столу.

– Это вы? – изумленно спрашивает он.

– Узнаёте меня?

– Ну а как же! «Метрополис», на прошлой неделе; вы еще посулили, что я буду крестным вашего первенца, как только выйдете замуж за моего юного гитариста. Помните? – И он вытирает взмокший лоб, словно температура в комнате резко подскочила. – Вы мне тогда много чего наговорили, милочка! А ведь были уже и замужней дамой, и матерью... Только не за вашим Клэптоном в кепке.

Не дожидаясь ответа, Улисс встает, открывает холодильник, приткнувшийся у окна, вынимает банку пива и предлагает мне; я отказываюсь, предпочитая воду. Он протягивает мне бутылку «Аквалантры», указывает на стул рядом со своим письменным столом, а сам садится напротив.

– Когда я подобрал вашего гитариста, у него был убитый вид. Совершенно убитый! И неудивительно – вы такая красотка, Натали... Вам сейчас сколько – лет тридцать? Тридцать пять? Что ж, для женщины возраст вполне достаточный, чтобы понимать, чего она хочет, и недостаточно солидный, чтобы отказать себе в этом. Ваш гитарист... вы на него смотрели такими жадными глазами, так цеплялись за его руку, словно боялись, что под вами вот-вот провалится пол, – *close, so close to him*^[57]. Верно я говорю, Натали? И кто бы мог подумать, что у вас уже была припасена веревка, да и гвоздик в придачу?!

Отвечаю мгновенно, без паузы:

– Я ничего от него не скрыла.

Улисс одним глотком выпивает полбанки пива и продолжает – так, словно и не слышал меня:

– И в тот момент, когда вам пора было на самолет, вы не придумали ничего лучше, как разыграть из себя Золушку. Якобы потеряв сумку со всеми документами, номером телефона и адресом. Щедрая потеря, побогаче хрустального башмачка, не правда ли? И вас теперь не мучает совесть, что вы так легко его загарпунили?

На сей раз я не отвечаю, потому что даже если поклянусь, что

потеряла сумку не нарочно, он мне не поверит. И все же он заронил во мне какое-то сомнение. Что, если я и правда сделала это с умыслом? Что, если...

Улисс ставит пивную банку на стол с таким стуком, что прерывает мои размышления. Потом впивается в меня взглядом, пытаюсь определить, насколько я искренна.

– Ты что, и в самом деле втюрилась в этого гитариста?

Его «тыканье» застаёт меня врасплох, как и сам вопрос. А он при виде моей озадаченной физиономии разражается хохотом. Таким буйным, что забрызгивает слюной ближайšie к нему папки. Чем дольше я смотрю на стол, тем меньше мне верится, что такой человек мог организовать концерт «Кью» в Монреале. Наверняка занимался какими-то второстепенными делами – обеспечивал вместе с другими мелкими агентствами снабжение, питание, логистику. Наконец он успокаивается, пристально смотрит мне в глаза, и я понимаю, что ему нравится ошарашивать людей вопросами. И задавая их, и отвечая. Давай-давай, Улисс, развлекайся, не лишай себя удовольствия!

А он упорно не отводит от меня взгляда узких смеющихся глаза тучного Будды, который старается уладить жизнь тех, кто в него верует. И продолжает обращаться ко мне на «ты»:

– Ну ясное дело! Это и слепому видно! Ты влюблена по уши! Но куда это годится, красавица моя: гоняться за ним по всему свету, когда твой супруг с малышом ждут тебя в Париже?

Надеюсь, он снова сам ответит на свой вопрос, но ему надоела эта игра, и Улисс умолкает. Оторвав от стула свою грузную тушу, растворяет окно и закуривает сигарету; ее дымок смешивается с пылью и газовыми выхлопами автомобилей, застрявших в пробке на бульваре Сансет.

– У Илиана был твой адрес, но он тебе не написал. Илиан тебя хотел, но даже не попытался поймать. А я могу поклясться, что это настоящий подвиг – удержаться в такой ситуации, при твоих-то волшебных глазах, твоей волнистой пряди, твоих аппетитных округлостях в этом облегающем костюмчике мажоретки. Но Илиан все же почему-то устоял. Отнесся к тебе с таким уважением, на какое не способен ни один мужик. Так зачем ты вернулась – чтобы снова мучить его?

Улисс отворачивается и смотрит в окно, на бульвар, снисходительно наблюдая за сумасшедшей круговертью города.

И дает мне время проанализировать ситуацию.

«Илиан тебе не написал».

Ошибаешься, Улисс, написал!

Ваш неприкаянный гитарист, который продолжает свою одиссею.

Илиан не случайно назвал это *одиссеей*. Тем самым он дал понять, что еще не все кончено... Что он, Ил, надеется...

Я откашливаюсь, чтобы привлечь внимание Улисса.

– А мне, наоборот, кажется, что Илиану очень хотелось, чтобы я постаралась его разыскать. И вы это знаете, я уверена!

Улисс усмехается:

– Возможно, вполне возможно, маленькая провидица. Предположим, что это так. Вам обоим взбрело в голову поиграть в кошки-мышки. Но с какой стати Улисс Лавалье должен подавать реплики в вашей трагедии, красавица моя? У меня нет ни малейшего желания изображать брата Лоренцо.

– Брата Лоренцо?..

– Того самого монаха, который пытался помочь Ромео и Джульетте. Ты же знаешь, чем это кончилось?

Улисс швыряет окурок в окно, захлопывает его, вытирает взмокший лоб и садится. А я встаю. Разглядываю жалкое помещение офиса @-TAC Prod, полки, битком набитые бумагами, обшарпанный паркет, выцветшие литографии на стенах.

– Если поможете мне, обещаю, что это принесет вам счастье.

– О-ля-ля! Счастье... даже подумать страшно!

– Вы станете великим продюсером!

Улисс одним глотком опустошает банку.

– Смеешься надо мной? Пока мне едва хватает на аренду помещения! Нас, продюсеров, не меньше двадцати в этой трехэтажной развалюхе, а в самом Лос-Анджелесе несколько тысяч, и все мечтают создать новый Вудсток или подписать контракт с новым Куртом Кобейном, и все эти «акулы бизнеса» до смерти боятся, что их сожрет более крупная рыба. Успех концерта «Кью» – всего лишь случайность, а я там был десятой спицей в колеснице. Ну-с, и что ты хочешь мне предложить?

Я импровизирую. Медленно, очень медленно достаю из кармана инуитский камешек, подаренный мне продавщицей в Монреале. Улисс скептически разглядывает его.

– Это волшебный камень! Он позволяет провидеть будущее и исправлять прошлое. Или наоборот, как пожелаешь. Мне подарил его великий эскимосский шаман, летевший в нашем самолете... гм... по делам.

– Он что, явился в ваш «боинг» с санями и собачьей упряжкой?

– Да, он выкупил половину мест в бизнес-классе.

– Ну конечно, ведь вторая половина была забронирована Санта-

Клаусом и его оленями!

Улисс закатывает глаза, раздумывает, потом вскидывает руки, как паяц, покорившийся судьбе:

– Господи, до чего ты мне надоела! Ладно, так и быть, дам я тебе адрес твоего красавца. Но предупреждаю: вы должны написать самую прекрасную любовную историю! Настоящую *love story*, а не какую-то слезливую мелодраму. – С этими словами он хватает клочок бумаги и что-то царапает на нем. – Илиан сейчас в Сан-Диего. В районе Олд-Таун. Я нашел для него контракт с группой музыкантишек, которые искали гитариста. Обыкновенные любители, так что не ожидай услышать там Сантану.

– Спасибо!

Я подхожу и целую его в обе щеки. А камешек времени бережно прячу в карман.

Едва удерживаюсь, чтобы не запрыгать от радости. Я получила адрес! И мне не терпится мчаться на поиски Илиана, но Улисс непременно желает меня накормить. Он заявляет, что фастфуд на колесах рядом с номером 9100 на бульваре Сансет торгует самыми лучшими гамбургерами на всем Западном побережье, и задерживает меня на целый час. Мы сидим под зонтиком *Pepsi*, где он жадно съедает три бургера «Калифорния», а я едва прикасаюсь к салату из латука, щедро приправленному гуакамоле^[58]. Пока Улисс развлекает меня байками о неизвестных канадских рок-группах Ванкувера, я мысленно переносусь на юг.

Сан-Диего, Олд-Таун, Президио-парк, 17.

Почти на двести километров южнее Лос-Анджелеса, но это меньше двух часов пути! Как только мне удастся вырваться из гостеприимных объятий Улисса, бегу заказывать такси. Я успею съездить туда и обратно – мой самолет вылетает из Лос-Анджелеса только завтра, после полудня.

Посасывая спрайт через соломинку, гляжу на вереницу машин, медленно ползущих к Тихому океану. И сияю, как маленькое, но яркое солнышко, над бульваром Сансет!

Такси подвозит меня к перекрестку бульвара Сансет и Синтия-стрит. Я договорилась встретиться с Флоранс, Шарлоттой и Жан-Максом вечером, а пока пусть понежатся в бассейне мотеля «Домик у океана» без меня. У нас вагон времени, полных два дня, чтобы устроить облаву типа сафари на кинозвезд Венеции, Малибу, Беверли-Хиллз и Родео-драйв.

Бульвар Сансет, 9100...

Я приехала сюда прямо из аэропорта. Этих двух часов мне хватило, чтобы привести в порядок свои воспоминания. Надо же, с 1999 года пробки в Лос-Анджелесе так и не рассосались!

Зато изменилось почти все остальное.

Никакая реклама уже не заслоняет вид на Тихий океан. Трехэтажное зданье в глубине тупика, теперь заасфальтированного, сияет свежескрашенным розовым кирпичным фасадом. И только фастфуд на колесах в начале дорожки, ведущей к офисам, стоит на прежнем месте. Белые пластиковые столы и стулья, такие легкие, что грозят вспорхнуть и закружиться в воздухе при малейшем порыве ветра, тоже никуда не делись. А вот и Улисс, ждет меня под зонтиком *Pepsi*. Мне чудится, что я рассталась с ним только вчера, настолько отчетливы все мои воспоминания. Подхожу ближе.

И, как в игре «Найдите семь отличий», первые три сразу бросаются в глаза.

Улисс постарел. Улисс растолстел. И Улисс явно не разбогател.

На нем заношенная гавайская рубашка в зелено-розовых тонах с поникшими пальмами и увядшим гибискусом. Он тычет пальцем в соседний стул:

– Садись!

Теперь ни в его глазах, ни в его голосе уже нет былой мягкости.

Я усаживаюсь, стараясь не порвать чулки о щербатый пластиковый стул, одергиваю форменную юбку, развязываю красную косынку и пытаюсь улыбнуться, поглядывая на стоящую перед Улиссом литровую кружку пива *Stone IPA*.

Перед тем как заговорить, он сразу вливает в себя половину.

– Помнишь? Уходя от меня двадцать лет назад, ты обещала брату Лоренцо, что он разбогатеет. Станет кардиналом, даже папой римским.

Папой поп-музыки. Ты здорово ошиблась, как видишь...

Я смотрю на ряд почтовых ящиков у двери здания за спиной Улисса. Теперь от двух десятков табличек с именами мелких независимых продюсеров осталась одна – *Molly Music*.

– Я, как и все другие, дал себя сожрать, – поясняет Улисс. – Теперь @-TAC Prod не что иное, как микрофилиал крупной рыбы, мэйджора, как нынче выражаются. Мне всего лишь позволяют выжить, я им почти ничего не стою, да и прибыли больше совсем не приношу. Нас тут таких пара десятков в их треклятом офисе, который они намерены еще уменьшить, чтобы расширить зал для фитнеса... И большинство молодых идиотов, которые не слушают ничего, кроме рэпа, проголосовали за это! Так что теперь, как видишь, у меня даже прежнего жалкого офиса нет, чтобы тебя принять. Но я не жалуясь, нет! Так даже лучше, чем двадцать лет назад. Здесь и кондишен имеется, и бургеры «Калифорния» такие же обалденные. Что тебе заказать?

Я не отвечаю.

Вспоминаю, что в 1999 году Улисс впервые обратился ко мне на «ты». Мне не без труда удалось ответить ему тем же.

Он продолжает разглагольствовать:

– Нет, Натали, я не жалуясь, даже если ты промахнулась со своими пророчествами. Я живу своей страстью к музыке, своими скромными успехами, скромными открытиями, общаюсь с моими старыми лабухами, такими же неудачниками, как я сам, которых продвигаю по мере сил. Главное, я не продал душу дьяволу. Что, впрочем, не помешало мне постареть... И гораздо сильнее тебя, Натали! Ты ухитрилась остаться такой же красоткой, как двадцать лет назад.

Его слова приводят меня в замешательство, я машинально накручиваю на палец длинную прядь – единственный седой проблеск в моих черных волосах.

Улисс залпом допивает пиво.

– Это твой волшебный камешек тебе помогает? Помнишь, был у тебя такой? Ты его сохранила? Он все еще при тебе?

Улисс застаёт меня врасплох. Я вспоминаю, как обменяла камень на белую гальку из моего сада, а тот, настоящий, оставила у подножия кирпичной стенки на берегу Сены.

– Да... То есть нет... он... он у меня дома.

– Оберегает домашний очаг? Что ж, ты права. Невозможно защитить все на свете. Тебя. Твою семью. Твоего любовника... Вернее, твоего бывшего любовника. Как видишь, мои предсказания сбылись, а брат

Лоренцо тебя предупреждал. Единственный выход из невозможной любви – трагедия.

Мне не нравится скрытый намек Улисса. Несчастье, постигшее Илиана, не имеет никакого отношения к нашей истории любви! Его сбила машина, это просто несчастный случай. И я спрашиваю – кажется, чересчур резко:

– Так что ты хотел мне сказать?

Он не отвечает, сохранил эту поганую привычку. Его взгляд стал колючим, как будто вместе с иллюзиями Улисс растерял и юмор, и свои квебекские прибаутки.

Он машет человеку за прилавком фастфуда, стоящему у гриля, который дымит не хуже выхлопных труб автомобилей, заполонивших бульвар Сансет. Не знаю, что он заказывает – еще несколько литров *Stone IPA*? Или пару-тройку бургеров «Калифорния»?

Двое каких-то типов в галстуках лавируют между пластиковыми стульями, пробираясь к двери здания *Molly Prod*. Они вежливо кланяются Улиссу, который едва заметно кивает в ответ. Контраст между этими золотыми мальчиками музыкальной индустрии и опустившимся Улиссом очевиден. Официант приносит нам две литровые кружки светлого пива и три гамбургера.

Одну кружку и тарелку Улисс подталкивает ко мне. Его глаза утратили прежний блеск, и он больше не похож на благосклонного Будду. Скорее на какого-нибудь кардинала-заговорщика. Или на аятоллу?

Он вливает в себя полкружки пива, потом пристально смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Ты была в больнице у Илиана?

Я избегаю его взгляда, притворяясь, будто меня интересуют молодые люди в галстуках, заходящие в здание.

– Нет, я... я не успела... Но там... там есть кое-кто... надежный человек, который его навестит... Который будет ухаживать за ним.

Улисс не настаивает, но всем своим видом выражает осуждение того, что считает моим легкомысленным, если не равнодушным, отношением к судьбе Илиана. Молчит, погрузившись в свои мысли. Наверно, тоже мечется между двумя этими событиями, разделенными двадцатью годами... Я отставляю пиво и тарелку, придвигаюсь к нему:

– Расскажи мне, Улисс. Ты ведь все эти годы общался с Илианом. Расскажи, как он жил.

Улисс заглатывает разом три четверти бургера, неторопливо запивает его, потом, осушив кружку, вытирает смесь пива, жирного бекона и

гуакамоле в уголках рта и смотрит в свою почти пустую тарелку, словно в зеркало.

– Все это можно выразить одной фразой, Натали. Или даже в двух словах: утраченные иллюзии. Илиан долго цеплялся за свою мечту – сперва здесь, в Америке, потом в Испании, потом во Франции. Мечту жить своей музыкой. И кем же он кончил? Продавцом дисков других музыкантов.

Илиан... продавец в отделе универмага, с 10:00 до 19:00, в коротеньком форменном черно-желтом жилете...

Нет, только не это... Только не он...

Улисс уже говорил мне об этом по телефону, и все же я с трудом сдерживаю слезы. Он смотрит на меня холодно, без всякого сочувствия, словно ни секунды не верит в мое горе. Улисс раздобыл настолько же, насколько очерствело его сердце. Всклипнув, я задаю новый вопрос:

– Скажи, у него все-таки был талант? Я ведь не разбираюсь в музыке... Но он... он так хорошо играл!

Продюсер улыбается. И я впервые улавливаю в его глазах добродушную снисходительность, с какой отец может смотреть на глупенькую дочку, натворившую невесть что.

– Да, он хорошо играл, Натали. У него были способности, у этого мечтателя в кепке. Я бы даже сказал, несомненные способности. Но, черт возьми, если я и усвоил кое-что за все эти годы общения с исполнителями, то вот оно: одного таланта мало! Запомни, красавица моя: почти все люди обладают какими-то способностями, в каждой деревне на нашей планете ты найдешь подлинных виртуозов игры на аккордеоне, маракасах или банджо.

– А что же еще требуется от музыканта? Трудолюбие?

Я знаю, что Илиан работал куда усерднее других, он готов был делать все, лишь бы добиться успеха.

– Нет, Натали, – отвечает Улисс с коротким жестким смешком. – Талант и труд... люди веруют в сию магическую формулу. Но этого недостаточно. Посмотри на меня: я влюблен в музыку, у меня есть чутье, я готов был работать день и ночь – а результат налицо. – Он почти стыдливо похлопывает по своему огромному брюху. – Видела бы ты, сколько парней играли как боги, были готовы продать душу дьяволу за возможность выступить и... ничего не достигли! Чтобы преуспеть в этой профессии, необходимо одно главное качество – вера в себя. Нужно страдать манией величия, если тебе так будет понятнее. Все артисты, сделавшие удачную карьеру, убеждены в своей гениальности. Все – без исключения! Настоящие гении никогда не признаются в своем таланте, они будут

заговаривать вам зубы болтовней о случайной удаче, изображать эдаких скромников, хотя твердо знают, что господь дал им талант, и не желают сообщать об этом всяким посредственностям, которые рвут жилы ради успеха. Поверь мне, они глубоко убеждены в собственной гениальности. А Илиан – нет, Илиан искренне считал себя середнячком, Илиан готов был извиняться за свои жалкие способности... Хотеть жить своим талантом – надо же быть таким идиотом! Илиан был мечтателем, а не борцом. Уж кому это знать, как не тебе...

– Почему... почему ты так думаешь?

Улисс не отвечает. Он передвигает свой стул в убежавшую тень зонтика, чтобы спастись от солнца. Другие служащие возвращаются в офисы, унося с собой картонные стаканчики с кофе, здороваясь с сидящими клиентами и особенно почтительно – с Улиссом, который величаво, с царственным видом кивает в ответ. Улисс походит на динозавра, затерявшегося в мире современной музыки, возможно, циничного, но в глубине души такого же наивного идеалиста, как Илиан. Он набрасывается на второй гамбургер, жует и продолжает говорить:

– Есть один вопрос, который ты еще не задала, Натали. А может, не хочешь касаться этой темы?

Мое сердце начинает бешено стучать.

Да, Улисс, этот вопрос я тебе не задам. А если задам, то не сегодня. Мне не нужны твои наставления. Я не желаю слушать поучения жирного продюсера-неудачника.

Всеми силами стараясь перевести разговор на другую тему, я отвечаю слишком быстро. И слишком громко.

– Мне не нравится, как ты о нем говоришь. Так, словно его уже нет.

Улисс делает последний глоток, какое-то мгновение пристально смотрит мне в глаза и... взрывается:

– Эй, ты, кажется, решила поменяться со мной ролями? Да забудь хоть на миг свое проклятое прошлое! Ты понимаешь, что происходит? Я уже две ночи не сплю. Илиан обречен! Я каждую минуту жду, что мне позвонят и объявят: «Все кончено».

И я вдруг осознаю, как глупо себя вела. Улисс прав. Я до крови кусаю губы. Что я здесь делаю? Мне следовало сейчас быть с Илианом. И никакие оправдания не убедят Улисса – да и меня саму тоже не убедят. Чего же я боялась, после стольких-то лет? Взыскания *Air France*? Реакции Оливье?

Пытаюсь отвлечься от мерзкого запаха жирного гамбургера на моей тарелке, от бензиновой вони на бульваре, от пронзительных автомобильных гудков, от солнца, плавящего асфальт. Отвлечься, чтобы задать последний

вопрос, чтобы скрыть, как боюсь ответа:

– Улисс, ты, кажется, хотел сообщить мне что-то важное? Уж не о том ли неизвестном лихаче, который не остановился?

– Это был не лихач...

Я не понимаю. Илиана сбила машина. В Париже, посреди улицы. Неужели Улисс хочет обвинить в этом меня?!

Продюсер отодвигает стул, на миг подставив лицо под убийственные лучи солнца, еще раз вытирает вспотевший лоб и продолжает:

– Сегодня утром я говорил с Илианом. Он смог пообщаться с дознавателем. И человек десять свидетелей тоже дали показания. А час назад мне позвонил лейтенант полиции и подтвердил, что водитель того белого автомобиля сознательно рванул с места, сбил Илиана и дал ходу. Это был не лихач, Натали. Это был наемный убийца.

* * *

Улисс оставил меня одну, оцепеневшую от ужаса. А сам пошел работать, унося в картонной коробочке гамбургер, к которому я не прикоснулась. Так вот взял и оставил меня на тротуаре, под зонтиком, среди машин.

Потрясенную до глубины души.

Илиана сбил не лихач. Это было намеренное убийство.

Я встаю и долго брожу по бульвару Сансет и не сразу замечаю удивленные взгляды автомобилистов, пока не вспоминаю, что одета в форменный костюм стюардессы *Air France*. От уличной пыли щиплет глаза.

Илиана хотели убить?

Мне это кажется дикостью. А что, если Улисс все выдумал? Я хватаюсь за мобильник: он несколько раз вибрировал во время нашей беседы.

Сообщение от Лоры. Наконец-то!

Читаю текст, щуря глаза и проклиная солнце, отражающееся на экране телефона, так что приходится наклонять его то вправо, то влево.

Мам, я навестила твоего друга Илиана. Ты была права: во всем Биша он единственный пациент, которого так зовут. Палата 117. Он в сознании. Немного поговорила с ним. Просил тебя поцеловать. Мам, он в тяжелом состоянии. В очень тяжелом. Врачи пока отказываются делать

прогнозы. Неизвестно, решатся ли его оперировать. Не говорю уж о том, что здесь творит полиция, сыщики на каждом шагу. Они подозревают, что это было покушение на убийство. За ним ухаживают Марта и Каро, мои подружки. Не беспокойся, буду держать тебя в курсе.

Закрываю глаза. Мне чудится, будто я плыву по волнам какой-то параллельной жизни – чужой, не своей.

Лора, беседующая с Илианом... Что же они друг другу рассказали? Моя дочь ни разу не спросила, кем был для меня этот друг. Как же Илиан объяснил ей это? Илиан... раненый, растерзанный. Врачи пока отказываются делать прогнозы... Илиан, которого кто-то хотел убить...

Илиан целует меня... после стольких лет.

Мне кажется, я сейчас упаду.

Все смешивается воедино – горе, страх и даже дрожь счастья.

Кладу смартфон в сумку. Нужно найти такси. Какой-то тип за рулем пикапа притормаживает около меня и громко сигнализирует, а его напарник расставляет руки и качает ими, изображая летящий самолет. Идиоты! Стою с раскрытой сумкой, провожая глазами пикап, который сворачивает куда-то в облаке пыли.

Мне не дают покоя слова Улисса. Ты его сохранила, он все еще при тебе, дабы оберегать твой домашний очаг? И я упрекаю себя за то, что оставила камень в Порт-Жуа, – мне кажется, только он способен помочь мне найти равновесие между ускользающим прошлым и призрачным настоящим. Ну с какой стати я таскаю в сумке эту гальку из моего сада?! Может, лучше оставить ее здесь, на бордюре бульвара Сансет, или выбросить в Тихий океан с пирса Санта-Моники?

Нащупываю камешек на дне сумки, вынимаю. И... цепенею!

У меня в руке не белая галька из моего сада. А серый камешек.

Камень времени!

Нет, я не ищу разумное объяснение, дескать, я нечаянно их перепутала; я так и не навела порядок в помойке под названием «моя сумка»; совсем свихнулась; стала жертвой карманника, который преследует меня с самого Монреаля; это все происки Фло, Жан-Макса, Шарлотты. Нет, я не хочу как-то объяснять новую колдовскую шутку, я хочу поверить, всем сердцем поверить в волшебную силу инуитского талисмана.

Если я покрепче сожму в руке камень времени, наше прошлое сможет возродиться.

И тогда Илиан будет спасен!

Путь из Лос-Анджелеса в Сан-Диего кажется мне невероятно легким. В моем распоряжении «додж челленджер» с автоматической коробкой передач, в котором я сижу одна; американские хайвеи прямы как стрела, а сами американцы водят так, словно в их водительских правах места осталось всего на один прокол. Выехав из Лос-Анджелеса, иными словами, одолев ровно половину моего двухсоткилометрового пробега, я попала на интерстейт^[59] – длинную, идеально ровную ленту асфальта. Наверно, я была самой легкомысленной из всех водителей всего юга Соединенных Штатов, потому что непрерывно вертела головой, пытаюсь разглядеть «Куин Мэри», стоящую на приколе у набережной Лонг-Бич, пластмассовые башни «Леголенда» в Калифорнии и тюленей, загорающих на пляже Ла-Холья^[60].

Я впервые в жизни взяла напрокат машину в перерыве между рейсами. Впервые еду одна, бросив своих коллег. И впервые ничего не сообщила им о себе. Оливье наверняка уверен, что я сейчас отдыхаю в калифорнийском отеле, а я мчу по шоссе и слегка сожалею, что не догадалась взять автомобиль с откидным верхом, тогда мои волосы развевались бы по ветру. Зато я опустила все стекла и пытаюсь представить, будто окружающий пейзаж – всего лишь декорация на киносъемках, а за мной едет машина с операторами, вооруженными камерами и микрофонами. Увы, в реальной жизни такого быть не может. По крайней мере, в моей. В жизни примерной, разумной Нати, которая звонит мужу и ребенку, едва самолет касается земли в далекой стране, растягивает рюмку водки на целый вечер и ложится спать в полночь, когда все остальные гуляют до утра.

И вот я наконец-то свободна! Совершенно свободна! Настолько свободна, что дальше некуда! На крышке бардачка приклеен розовый листок с адресом.

Впрочем, я заучила его наизусть. К счастью.

Потому что где-то между Сан-Элихо и Дель-Мар листочек, вспорхнув, несколько секунд вьется надо мной и улетает в сторону бескрайнего пляжа Солана-Бич.

Выезжая из Лос-Анджелеса, я не пожалела времени, чтобы заглянуть в туристский путеводитель, предоставляемый профсоюзным комитетом летному составу; из него я узнала, что исторический центр города Сан-Диего – Олд-Таун – колыбель Калифорнии, иными словами, место, выбранное первыми испанскими миссионерами, где они собирались обращать в христианство индейцев, проживавших на этой территории уже девять тысяч лет. Тем не менее мне трудно было представить себе, как можно обосноваться в таком месте. Исторический Олд-Таун представляет собой полностью реконструированную деревню, на такое способны только американцы. Все подлинное там выглядит подделкой – маленькие белые церквушки, кажущиеся пустыми; салуны с широкими галереями из дерева, как две капли воды похожего на картон; пальмы и кактусы – живые, но с виду точно пластиковые; беседки и фонтаны рококо на каждом углу. И все это заботливо ухожено, приглажено и покрашено так аккуратно, что по сравнению с этим местом «Приграничная страна»^[61] – просто жалкое захолустное селение. Здесь не хватает только виселиц и... Зорро. Деловая активность Олд-Тауна, похоже, сводится к двум целям: заманивать семейных людей в сувенирные магазины, а молодежь – в салуны, где коктейли «Маргарита» льются рекой.

Олд-Таун, Президио-парк, 17.

Я останавливаюсь напротив входа в парк, на вершине маленького холма с такой изумрудно-зеленой и гладковыбритой лужайкой, что куда там полю для гольфа. Большое белое здание в колониальном стиле стоит в окружении американских флагов, табличек с историческими изречениями, столов для пикника, но... никаких следов музыки, гитары, Илиана...

* * *

– Вы кого-то ищете?

Меня окликнул какой-то тип, лежащий в гамаке, подвешенном между двумя пальмами. Позади гамака я вижу палатку, переносную печку, походный ледник, складные стулья и фургон «шеви вэн» второго поколения – квадратный, с крошечными окошками, стилизованный под старину. Художник – явно способный – разрисовал его сверху донизу удалыми марьячи^[62] в огромных сомбреро на фоне мексиканской пустыни с забавными кактусами и агавами; слово, написанное такими же огромными буквами, означает, как я подозреваю, название музыкального ансамбля –

«Лос Парамос»^[63].

– Мне... нужен Илиан.

Человек, лежащий в гамаке, на вид лет тридцати, смуглый брюнет, полуголый и босой, в одних саруэлах^[64] с доколумбовыми узорами и гигантской ящерицей-татуировкой на груди, приподнимается, чтобы получше меня разглядеть. На мне джинсовые шорты и яблочно-зеленая майка. Судя по выражению лица парня, результат осмотра его удовлетворил.

– Ну и везет же этому паршивцу! Да я был бы последним дураком, если бы стал помогать вам найти его!

И он снова заваливается в гамак, притворяясь спящим. Приглядевшись повнимательней, замечаю рядом с гамаком гитару, прислоненную к стволу пальмы. Тут же стоит ящик с маракасами и бонго^[65]. Сомнений нет: это та самая группа музыкантов-латинос, о которых говорил Улисс.

Я не отстаю:

– Не смейтесь, это правда очень важно.

Человек-ящерица сворачивается в клубок, ухватившись за одну из пальм.

– И вы не смейтесь, но вам придется подождать его здесь. Он работает. И я должен съездить за ним на этой колымаге в конце дня. А пока можете располагаться тут – в моем гамаке места хватит для двоих. Я вам спою такие сладкие колыбельные... И угощу «Маргаритой» со льдом.

– У меня к нему очень важное дело... И срочное!

Он пожимает плечами, вытаскивает из кармана пакет табака для самокруток, жестом предлагает мне и, увидев, как я замотала головой, одобрительно кивает, как будто восхищается моими деловыми качествами. Потом извлекает плитку прессованного гашиша.

– Сожалею, но... со мной или с другим, более удачливым, вам все равно придется подождать.

Все ясно!

Раз уж придется ждать Илиана, лучше осмотреть эти исторические места, чем коротать сиесту в компании обдолбанного гитариста. Я поворачиваюсь, собираясь уйти, как вдруг слышу голос человека-ящерицы:

– Окей, Мисс Ласточка, ваша взяла!

Я резко оборачиваюсь.

Мисс Ласточка?

– Как вы меня назвали?

– Мадмазель Ласточка! – переводит он, неумело подражая

французскому произношению. – Сеньорита Голондрина. (Испанская «ласточка» ему удастся куда лучше.) Этот негодяй Ил только о вас и говорит с тех пор, как появился здесь. Маленькая брюнетка. Маленькие грудки. Маленькая попка. Улыбочка, которая много обещает, и большие серые глаза, которые доказывают, что есть рай и на земле. Торжественно подтверждаю, что все это оказалось правдой! Хотя... насчет грудок он вас, по-моему, недооценил.

Я как последняя дуручка прикрываю руками грудь и прожигаю его глазами. Неужели Илиан и вправду рассказывал им все это?! В любом случае у меня нет никакого желания провести весь день с этим болтливым типом, который так развязно рассуждает о подруге близкого приятеля. И я разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Ладно, не пугайтесь так, Мисс Ласточка. Я же сказал, что сдаюсь. Вы случайно не из Ирана родом? Не из Северной Кореи? Не из Венесуэлы? Не из Чечни? Не из Палестины?

Он раскуривает косячок и выдыхает облако дыма.

– Нет...

– Тогда можете спокойно туда ехать. Ваш возлюбленный сейчас в Тихуане, по ту сторону границы, в Мексике. В тридцати километрах к югу от Сан-Диего. Дорога простая, вы не заблудитесь.

– И где мне его искать? Тихуана большая.

– А вы сядьте на террасе любого кафе. Ручаюсь, он вас там разыщет.

* * *

Человек-ящерица не обманул: переход границы на мексиканскую сторону занимает не больше получаса. Но Мексика начинается гораздо раньше! По мере того как я проезжаю через южную часть квартала Чула-Виста – самого южного на юге Сан-Диего, – американские надписи на рекламных плакатах все чаще уступают место испанским.

Торможу в Сан-Исидро и с тревогой смотрю на высокую решетчатую ограду, которая опоясывает холм Тихуана-Ривер и уходит куда-то вдаль, отделяя Мексику от Соединенных Штатов, север от юга, мир богатства от мира нищеты. Это самый посещаемый пограничный пункт в мире, как сообщает путеводитель *Air France*. Над моей головой барражируют патрульные вертолеты, и мне впервые становится страшновато. Тихуана занимает второе место в списке самых криминальных городов мира, как сообщает все тот же путеводитель. Там полно наркоманов, насильников, о

карманниках и говорить нечего, а я еду туда одна, понятия не имея, в каком квартале остановиться. Поэтому оставляю при себе минимум денег, спрятав остальные в багажнике и под сиденьями «доджа». Потом, закинув за спину холщовый рюкзачок, иду вперед.

Илиан, где бы ты ни был, вот она я!

* * *

Помня, какие нескончаемые очереди стоят в аэропортах перед паспортным контролем, я настроилась проторчать на пограничном посту долгие часы, но ничего похожего. Я прохожу по длинному узкому коридору с высокими серыми стенами и колючей проволокой поверху и вижу в конце простую надпись на бетоне: МЕКСИКА.

Рядом со мной шагают несколько американцев, наверно туристов, в шортах и бейсболках. Коридор приводит нас к турникету, похожему на те, что ставят в метро. Вот и все! Проходишь через турникет и оказываешься в Мексике.

Ни таможенников, ни окошек, ни ворот металлоискателя, никаких очередей. Несколько полицейских равнодушно смотрят на нас издали. Словом, здесь пересекают границу так же спокойно, как проходят покупатели мимо кассы в супермаркете. По крайней мере, в сторону Соединенных Мексиканских Штатов.

Дальше мы видим мост через Тихуана-Ривер, почти высохшую от зноя в своем бетонном, слишком широком для нее ложе, а на другом берегу нас ждут десятки такси. Мне они ни к чему, я не могу указать, куда хочу ехать, а город начинается практически сразу после пограничного поста. Со всех сторон на нас глядят с рекламных щитов молодые пары с перламутровыми улыбками и пожилые, но стройные, поджарые, с легкой проседью, американцы. Местная коммерция представлена *cantinas*^[66] и сувенирными ларьками, кабинетами дантистов, клиниками пластической хирургии и аптеками. Американские тинейджеры ездят в Мексику за утехами, коих лишены на родине, – пьянствовать и ширяться. А люди среднего и пожилого возраста ложатся под скальпель, пытаются обмануть природу.

Проблуждав с полчаса по городу и не заметив никакой преступности (неужто любовь и впрямь ослепляет?), я наконец обнаруживаю узкую пешеходную зону с цветастыми фасадами и натянутыми поперек улицы зелено-бело-красными национальными флагами. Флаги скрывают небо, а тротуары и мостовая завалены грудями сувениров, пряностей и фруктов,

разложенных бродячими торговцами между террасами ресторанов.

Мне вспоминаются слова человека-ящерицы в гамаке: «Сядьте на террасе любого кафе. Ручаюсь, он вас там разыщет». Но вокруг десятки ресторанов, сотни стульев. Откуда мне знать, какое место лучше? Останавливаю выбор на первой более или менее приличной *cantina*. Это одна из немногих, где у входа не дежурит девица в ультракороткой юбке и на высоченных шпильках.

Сажусь и улыбаюсь. Так я и знала.

Столик, за который я села, качается.

В салуне «Койот-и-Кантина», похоже, смешивают лучшие «Маргариты» на всем юге Калифорнии и готовят самые вкусные *tortillas a mano*^[67]. По крайней мере, именно это сулят рекламные плакатики, развешенные между двумя балконами бара-ресторана, просторного, как гасиенда, и под завязку забитого клиентами. Мы все – Жан-Макс, Шарлотта, Фло и я – сидим в нижнем зале, смакуя свои «Маргариты» всех цветов радуги и на все вкусы – с ликером кюрасао, лимоном, лаймом или клубникой, и стол у нас не хромоногий, и, кажется, мои коллеги даже не думают на меня сердиться за невинное предложение: «А что, если взять напрокат машину на четверых и отправиться на юг, до Сан-Диего?»

Жан-Макс тотчас одобрил этот план. У него есть заветная мечта – увидеть тамошний бар «Канзас-Сити Барбекю», где были сняты культовые сцены «Лучшего стрелка»^[68]. Кроме того, он настойчиво требует, чтобы мы осмотрели еще и Мирамар, бывшую тренировочную базу американских пилотов.

Я была обеими руками «за», а вот Фло недовольно покривилась.

Наш командир был радостно возбужден, как мальчишка. Уж не ломал ли он комедию? Или просто не знал о нависшей над ним угрозе порицания за свои сексуальные забавы в кабине, разоблаченные Сестрой Эмманюэль? За последние несколько полетов мне так и не удалось в нем разобраться. Вспоминаю, как пять дней назад увидела его в Старом Монреале во время сомнительной денежной операции с двумя типами мафиозного вида – то ли он брал у них деньги, то ли, наоборот, давал. И еще я не забыла о другом неприятном ощущении, когда нам с Фло показалось, будто он за нами следит. Ну а если вспомнить его махинации в отделе планирования полетов с целью получить один и тот же экипаж – Фло и меня – на рейсы в Монреаль и Лос-Анджелес... Я могу понять, зачем ему понадобилась Шарлотта, но при чем тут мы с Фло, две пятидесятилетние бабы, пусть даже самые сексапильные во всей Галактике?! Что касается Шарлотты, та с восторгом согласилась ехать в Сан-Диего: она обожает дешевые лавчонки на мексиканской границе.

Одна только Фло насупилась и недоверчиво покосилась на меня: с чего это я вздумала предлагать экипажу двухчасовую автомобильную поездку

после двенадцати часов полета?.. Но ведь Фло неизвестно продолжение моей истории. Для нее мое приключение с юным гитаристом закончилось, пусть и со слезами, на монреальском аэродроме Мирабель. Я так никому и не рассказала о своей одиночной мексиканской вылазке 1999 года.

После полутора часов, проведенных в арендованном «бьюике верано» на выезде из пробок южного Лос-Анджелеса, Фло приперла меня к стенке в туалете автозаправки «Техасо» и начала пытаться, за каким чертом мы едем в Сан-Диего, спокойно ли прошло мое возвращение к семейному очагу, в объятия Оливье, прекратились ли мои загадочные совпадения после того, как я зашвырнула камень времени в реку Святого Лаврентия, и, наконец, успокоилась ли я сама.

Да, Фло, все в порядке, мне хочется забыть прошлое. Не могла же я рассказать, что камень дважды возвращался ко мне в сумку, уж не знаю, каким чудом. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать все случившееся и привести в порядок свои вещи и мысли. Я ни минуты не сомневалась, что увезла с собой белый камешек с берега Сены, а серый оставила в своем саду! В конце концов я отказалась от версии случайной подмены, ибо единственный логический вывод звучал так: либо я сошла с ума, либо у меня паранойя. Как говорится, выбирайте, что больше нравится.

Я решила прислушаться к своей интуиции. Пройти по следу, на который мне указывали все эти признаки, вспомнить каждый шаг, сделанный двадцать лет назад. Возродить прошлое. Понять, зачем Илиана пытались убить. И не было ли это указанием на след, идя по которому я могла его спасти? А может, наоборот – не его спасти, а самой угодить в смертельную ловушку?

Три часа спустя, одолев забитые машинами дороги, мы прибыли наконец в Сан-Диего, умирая от голода и жажды. Теперь я уже вполне уверенно, взяв на себя инициативу, показала своим спутникам дорогу к Олд-Таун: кликнула на мобильнике карту этого исторического квартала и схему проезда. В результате мы как бы совершенно случайно смогли поставить машину рядом с пешеходной зоной, в верхней части Президио-парка. Увы, там уже не было ни гамака, ни человека-ящерицы, который тогда окликнул меня: «Кого ищете, Мисс Ласточка?»

И не было там ни гитары, ни «дури», а главное, «шеви». Что ж, вполне логично. Интересно, а чего я ждала? Неужели надеялась увидеть тот самый фургон на том же самом месте двадцать лет спустя? А ведь я в конечном счете уверовала в эти дыры между прошлым и настоящим, и если они действительно существовали – по крайней мере, одна из них, – то попасть в

прошлое можно было только через нее, через дверцы старенького автомобиля. Но его здесь не оказалось, и я могла надеяться лишь на то, что Президио-парк поможет мне хотя бы оживить воспоминание.

Увы, ничего подобного не произошло!

– Ну так где она, твоя знаменитая «Маргарита»?

Сейчас получишь, Жан-Макс, сейчас все будет!

И вот мы пьем «Маргариту».

Пьем, устроившись за большим деревянным некрашеным столом на террасе бара в стиле «Гадкого койота»^[69] с расписными стенами, – гигантские соломинки, кружочки зеленого лайма, бутылки текилы и «Куантро», воткнутые в песок мексиканской пустыни несколько кактусов и один-два черепа для полноты впечатления.

Следующий этап нашей поездки, конечно, Тихуана.

Я знала, что мне будет нетрудно уговорить их проехаться по Мексике. Она же тут, рядом, глупо этим не воспользоваться. Но мне не давал покоя один вопрос: стоит ли туда возвращаться? Ведь с тех пор, как я прилетела в Лос-Анджелес, ни одно новое совпадение не вернуло меня к прошлому. Как будто я выбрала неверный маршрут. Как будто мое место не здесь, а в Париже. Как будто я бегу неведомо куда, спасаясь от реальности.

Илиана хотели убить. Словно катившийся камень времени внезапно остановился.

– Ну что, повторим? – предлагает Жан-Макс. И отправляет Шарлотту, не спросив, хочет она или нет, за второй порцией.

А у меня в голове теснятся самые противоречивые мысли, но все они склоняют меня к убеждению, что я сделала лучший выбор в этом безнадежном хаосе. Я пытаюсь навести в нем порядок, собираю жалкие остатки логики. И мне чудится, будто я устраиваю чистку в собственных мозгах, словно какой-нибудь топ-менеджер, который, не вытерпев, вскакивает и лупит кулаком по столу, чтобы прекратить «этот бардак» – нескончаемые перешептывания подчиненных во время важного совещания.

Мне приходит на память строчка из Элюара: «Случайностей не бывает, есть одни лишь встречи». Кто навязал мне эти слова и почему они крутятся у меня в голове, словно рефрен песенки, без конца повторяющейся по радио?

Случайностей не бывает – есть только лишь встречи...

Что, если это и есть ключ к разгадке? И нужно просто ждать следующего послания из прошлого, а если такого не будет, бросить все и забыть. Возвратиться в Лос-Анджелес. Отоспаться в мотеле «Домик у океана». Позвонить домой, Оливье. И, едва прилетев в Руасси, мчаться в

Биша, чтобы навестить Илиана. Я так и не поверила в версию намеренного покушения, несмотря на рассказ Улисса, несмотря на сообщение от Лоры. Более того, с удивлением ловлю себя на том, что больше не верю в монреальские совпадения, в сиреневую кожаную сумку, найденную на горе Мон-Руаяль, в обрывки разговоров – «Жизнь прекрасна», Мисс Ласточка, – как будто они где-то неслышно растаяли, как будто ни Жан-Макс, ни Сестра Эмманюэль, ни человек-ящерица никогда этих слов не произносили. Как будто я все это выдумала...

– Четыре «Маргариты»! – объявляет Шарлотта.

На сей раз все коктейли ярко-желтые, в каждом пластиковом бокале листочек мяты и кружок лайма, надетый на край.

Беру первый попавшийся. И тут замечаю короткие надписи из крошечных букв.

Пей до дна! – на бокале Жан-Макса.

Я уже пустой! – на бокале Шарлотты.

Не тормози! – на бокале Фло.

А на моем: *Одним глотком! Just SWALLOW it*^[70].

*Когда мы изведем горе разлуки,
Когда мы разнимем холодные руки,
Когда твои взгляды померкнут от скуки.
И ты обратишь их на тех, на других,
И ты позабудешь меня ради них,
И больше не будет нас вместе, двоих,
А будут лишь стены, холодные стены,
И жгучая горечь напрасной измены
Под небом, нависшим над грустной землей,
Где мы уже вновь не сойдемся с тобой,
Где наши следы смывает серый прибой.*

Постепенно террасы кафе на мексиканской стороне заполняются посетителями. Улица пестрит яркими красками, благоухает жареным мясом, взрывается выкриками бродячих торговцев. А я, иностранка, смотрю со стороны на зрелище круглосуточной, непрерывной ярмарки, прекрасно понимая, что это всего лишь декорация, маскирующая отчаяние города на грани взрыва. Дешевое тряпье грудями лежит в чемоданах, напоминающих разверстые гробы, прямо на тротуарах; флаги и знамена полощутся на ветру между домами, словно взлетевшие саваны. Как огни Хэллоуина насмеваются над смертью, так и неустанный карнавал Тихуаны насмеяется над американским гнетом. По эту сторону границы люди живут тем, что нужно американцам в их собственном райском саду, даром что они это отрицают, – проституцией, наркотой, дешевыми товарами, произведенными на приграничных мексиканских фабриках, где люди работают за гроши и ютятся тут же, в жалких лачугах, на зараженных землях. Метрах в тридцати отсюда, на площади Санта-Сесилия, у дверей кафе и ресторанов бродят марьячи, подстерегая случайные влюбленные парочки, чтобы выклянчить у них несколько песо.

Ближайший ко мне квартет музыкантов исполняет «Прекрасные небеса» и «Кукарачу»^[71]. Им руководит красавец в ярко-голубом костюме с золотым шитьем, белой рубашке, пунцовом шейном платке и сомбреро. Ну прямо вылитые мушкетеры, им только шпаг не хватает. Атос – старый печальный скрипач – меланхолично, но прочувствованно водит смычком по струнам. Портос – жизнерадостный толстяк – дует в трубу так усердно, словно от этого зависит вся его жизнь. Арамис бренчит на гитаре, стараясь подобраться поближе к самым красивым девушкам. Второй гитарист, стоящий ко мне спиной, высокий стройный юноша – д'Артаньян? – скромно держится в сторонке от этой троицы, но играет, пожалуй, лучше всех. Он чем-то напоминает Илиана. Если бы не усы. Если бы не сомбреро. Если бы не сапоги из фальшивой крокодиловой кожи. Та же фигура, то же почти незаметное покачивание головой в такт музыке, те же...

И внезапно мне вспоминаются слова Улисса: *Контракт с маленьким ансамблем музыкантов-латинос. Любителей...* И еще слова человека-ящерицы в гамаке: *Он там вкалывает весь день, а к вечеру я поеду за ним*

на нашем фургоне... Фургон! Тот самый размалеванный «шеви вэн»!

Господи, неужели это Илиан?!

Квартет заводит *La Vamba*. Несколько прохожих хлопают и топают в такт музыке. Группа все время передвигается, не прекращая игры. Подходит ближе к нам.

Vamba, la Vamba...

Лицо второго гитариста неразличимо под полями сомбреро, за широкой спиной Портоса, но, судя по взглядам в мою сторону, он меня узнал, я в этом уверена.

Илиан?

Неужели я пролетела через полпланеты, океан и два континента, чтобы узнать моего возлюбленного в гитаристе с накладными усиками, в сомбреро и костюме тореадора?! Какое счастье, что я ничего не рассказала Фло!

Квартет играет все быстрее и быстрее и, не останавливаясь, проходит перед нашей террасой. *Vamba, la Vamba...* Атос, Портос и Арамис ускоряют темп, заведя тридцатью метрами дальше группу пожилых американских туристов. Похоже, сюда пожаловал в полном составе целый дом престарелых, чтобы вставить новые недорогие челюсти. *Vamba, la Vamba...* А д'Артаньян замедляет темп, смотрит на меня и поет – на плохом испанском, но для меня одной, свою *Vamba*:

*В солнечном ярком наряде,
Прекрасней любой царицы,
Она щеголяет ради
Того, чтоб нарушить границы,
Мечтая лишь об одном —
Землю перевернуть вверх дном.
Vamba, la Vamba...*

Короткая пауза. Илиан стоит в трех метрах от меня. Улыбается мне. Смущенно. Удивленно. Трое других музыкантов, отойдя подальше, начинают играть «Только однажды» – нечто вроде национального мексиканского гимна. Илиан аккомпанирует им, не сводя с меня глаз. Слова песни разносятся по улице, взлетают к небу, некоторые из них я улавливаю и мысленно перевожу как придется:

Только однажды в жизни

*Вы встретите настоящую любовь,
Не упускайте удачу, забудьте все остальное,
Даже если это счастье – всего на одну ночь.*

Я выдвигаю пустой стул рядом со своим. Подзываю официанта и заказываю еще одну «Маргариту», хотя не допила свою. Однако мой возлюбленный колеблется, не решаясь положить гитару и бросить остальных мушкетеров, которые уже отошли от нас, нацелившись на лучшую добычу – беззубых американских пенсионеров. Скрипка почти не слышна, можно различить только звуки трубы. И тогда я очертя голову напеваю в тишине площади Санта-Сесилия – нет, скорее наговариваю, но достаточно громко, чтобы Илиан меня услышал:

*Tengo miedo a perderte,
Perderte otra vez*^[72].

Илиан молчит, но за него говорит его гитара:

Bésame, bésame mucho!^[73]

* * *

– А вам идут усы!

Илиан гордо разглаживает свое украшение. Но, кажется, слишком усердно: они начинают отклеиваться, что делает его еще более смешным. И более дерзким. Мне ужасно хочется прижать к ним палец, к этим фальшивым усам, чтобы они не сползали, или сорвать их одним движением, как отдирают ставшую ненужной повязку. А потом поцеловать болезненное место.

– Не смейтесь надо мной, Натали.

– Да я и не смеюсь.

Мне ужасно нравится его сконфуженный вид мальчишки, пойманного в тот момент, когда он напялил на себя взрослый наряд.

– Ну а вы сами, Мисс Ласточка? В Тихуане карнавал круглый год. Вы забыли про свой костюм ласточки?

Вот это умение дать шутливый отпор мне тоже нравится в нем. Хорошо подмечено, Ил! Я ведь половину жизни щеголяю в своем костюме стюардессы – на работе, в аэропортовых отелях, а иногда, за недостатком времени, даже на улицах всех столиц планеты. Илиан садится рядом со мной и, заметив, что стол качнулся, слегка кривит губы, потом улыбается. Отворачивается, с тревогой смотрит вслед удаляющимся музыкантам. Меня он не поцеловал, даже не прикоснулся. Одно утешение: теперь он неотрывно смотрит мне в глаза.

– Что вы здесь делаете?

Как бы мил ни был Илиан, пусть не надеется на мое признание, что я бегаю за ним по всей планете! И пусть не изображает простодушие: уж мне-то известно, кто посеял камешки на дороге своей «одиссеи». И я притворяюсь, что удивлена:

– Тот же вопрос я хотела задать вам. Что вы здесь делаете? И откуда узнали, что я буду сидеть именно на этой террасе, в Тихуане? И что я обожаю мужчин с наклеенными усами, в блестящих костюмах, которые поют «Кукарачу»?

Ил отряхивает раззолоченную бархатную куртку. Поднимает воротник, гордый, как бойцовский петух.

– Улисс дал вам мой адрес? А потом Луис?

– Луис – это та самая ящерица, которая тискает за грудь подружек своих друзей?

– Он тискал вашу грудь?!

Ил краснеет и невольно бросает взгляд на холмики под моей майкой с логотипом «Гренни Смит».

– Как я погляжу, у всех марьячи такая мерзкая привычка?

Илиан тотчас отводит глаза и делает вид, будто что-то рассматривает за моей спиной.

– Ну вот что, Ил, послушайте меня, только для начала снимите сомбреро.

Но мой гитарист нервно поглядывает в конец улицы:

– Я... мне нужно догнать свою группу. Мы, конечно, выглядим как принцы, в этих своих золоченых нарядах, но что касается заработка, получаем сущие гроши...

– Хорошо! Бегите к своим товарищам. Но прежде сдержите свое обещание.

– Какое обещание? Я... ничего не обещал.

– Нет, обещали! Только что! *Bésame... bésame mucho.*

Ил придвигается; я жду, когда же он наконец прильнет губами к моим

губам, но слышу только его шепот:

*Piensa que tal vez,
Maana yo ya estaré
Lejos, muy lejos de ti*^[74].

Неужели он так боится поцеловать меня? Или снова затевает игру в кошки-мышки? Что, если этот робкий мечтатель с замашками джентльмена просто-напросто вынудил меня мчаться в эту глушь, сидеть на этой террасе и тянуть через соломинку «Маргариту»? А может, он мне не доверяет? Я ведь могу оказаться скорее Спиди Гонзалесом^[75], чем мышкой Минни!

– И чокнитесь со мной – уж на это, надеюсь, вы осмелитесь?

Вместо ответа Ил поднимает свой бокал, и мы со звоном чокаемся.

Я смотрю ему в глаза:

– За прежние вечера и нездешние мелодии.

Если мой гитарист-синефил не понял намека, тем хуже для него.

Наконец-то! Придвинувшись, Ил касается моих губ целомудренным поцелуем. Легким, как бабочка, севшая на розу в поисках нектара. И это все? Ил нагибается, чтобы подобрать с пола свою гитару:

– Простите, мне правда пора.

– Окей! Я с вами. Мой самолет отбывает завтра в полдень из Лос-Анджелеса. Всего сутки – а потом вы свободны.

Бедная маленькая Нати... Я ошибалась. Я стала такой Минни, что куда там какому-то Спиди! И настаиваю:

– Вам случайно не требуется певица для вашего джаз-бэнда?

Он плутовато ухмыляется:

– Нужна! Но при условии, что вы наклеите усы, нарисуете густые брови и наденете пончо и сомбреро!

– Никогда в жизни! *Air France* категорически запрещает стюардессам носить какую-либо одежду, кроме костюма ласточки, это оговорено в моем контракте. Вы представляете меня в обличье Санчо Пансы?! А вот если эти дряхлые американцы на отдыхе увидят, как я ношу за вами сомбреро, они намного охотнее расстанутся со своими песо.

Этот мерзавец так внимательно разглядывает мои округлости, натянувшие майку, и мои голые ляжки, словно подсчитывает, сколько именно они принесут его группе.

– Отлично, я вас нанимаю!

Мы вскакиваем вместе, собираясь бежать вслед за тремя мушкетерами.

Мне только нужно расплатиться за две «Маргариты». Роюсь в сумке, ищу, проклинаю все на свете, снова ищу и наконец отказываюсь от попыток найти. Я в ужасе.

– Боже, у меня нет документов!

Ил смотрит на меня так, словно я пошутила.

– Ну конечно, вы их теряете каждый раз, как мы встречаемся.

– Илиан, я не шучу! И я их не потеряла, а просто-напросто забыла. Они остались в Сан-Исидро. Прежде чем перейти в Мексику, я их спрятала под сиденье машины, побоялась, что украдут.

Илиан внезапно становится серьезным:

– Потеряли... забыли... один черт! Без документов вы никогда не сможете перейти границу. Мексиканцы и те ждут разрешения всю свою жизнь.

– Я не шучу, Илиан, у меня и правда их нет. Но ведь я гражданка Франции!

Ил кладет руку мне на плечо:

– Натали, эта граница – одна из самых непроходимых в мире. Без паспорта или удостоверения личности к пограничникам и подступаться бесполезно. Это займет у вас много часов – наверняка больше одного дня.

Я начинаю паниковать. Ведь наш вылет назначен на завтра! И никто не знает, что я пересекла мексиканскую границу. Никто не может доставить мне мои документы. И я никому не могу позвонить, разве что в службу срочной помощи *Air France*, которая зафиксирует проступок в моем личном деле, но уж никак не ускорит процедуру возвращения из Мексики. Я чувствую, что у меня вот-вот сдадут нервы.

Я схожу с ума. Я в ловушке. Я все потеряю.

И свою работу. И Оливье.

Ну как ему объяснить, почему я попала в такую передрагу?! У меня наворачиваются слезы, глаза меняют цвет с голубого на зеленый. Смотрю на Илиана – его силуэт расплывается. Вот из-за кого все стряслось – из-за этого смазливового музыкантишки, этого труса, вроде бы ни в чем не виноватого, но за все ответственного; а он стоит, смотрит, как я психую, и его это, кажется, даже забавляет.

Вдруг он улыбается и, наклонившись, обнимает меня:

– Не плачьте, Мисс Ласточка, мне кажется, я знаю, что делать!

«Шеви вэн» подъезжает к пограничному посту СанИсидро. Я сижу сзади, между бонго и маракасами, которые дребезжат при каждом толчке. Фелипе, он же Атос, и Рамон, он же Портос, искоса поглядывают на меня, посмеиваясь. Ох, знали бы они, до чего это меня бесит! Луис, он же человек-ящерица, приехал за группой марьячи «Лос Парамос», чтобы переправить их на американскую сторону. Илиан, сидящий слева от меня, более снисходителен, чем его дружки, он только слегка улыбается, разглядывая мой маскарадный наряд. Ил до сих пор воздерживается от комментариев – интересно, продержится ли он до самой границы? И только тогда, когда «шеви» пристраивается в хвост длиннейшей автомобильной очереди, ожидающей проверки перед двадцатью четырьмя таможенными будками, расставленными полукругом, Ил не выдерживает:

– До чего же вам идут усики...

– Я вас ненавижу!

– Хотите, засуну вам под пончо еще одну подушку? Санчо Панса был намного толще вас.

– Убила бы на месте!

– Смотрите-ка, из-под вашего сомбреро свисает симпатичная прядка, давайте уберем ее поглубже... И вы забыли затянуть свой красивый пояс из змеиной кожи.

– А вы забыли сунуть за него пистолеты. Ну погодите, пересечем границу, и я вас прикончу!

– Ладно, а пока перестаньте хмурить брови, а то отклеятся...

Через переднее окно «шеви» можно разглядеть людей без машин, стоящих в другой, «пешеходной» очереди; они с любопытством изучают расписные стенки нашего фургона. Я откидываюсь на спинку сиденья:

– Господи, они совсем не двигаются!

– Да вы не волнуйтесь, – успокаивает меня Фелипе, – пограничники нас давно знают, мы ведь каждый божий день ездим туда-обратно, они нашу колымагу хорошо помнят. Мы американские граждане, Ил вообще европеец, у нас пятерых есть разрешение на ежедневную работу. Они пропускают здесь сорок пять тысяч машин и двадцать пять тысяч пешеходов, у них нет времени на проверку тех, кто регулярно пересекает границу.

– Да, здорово все придумано! – восхищается Рамон. – Эстебан как раз собирался провести эту ночь в Мексике, у своей новой подружки. А завтра мы вернем ему паспорт и разрешение на работу. Полицейские уже привыкли к тому, что в концертных костюмах мы выглядим не так, как на фото в документах. Сперва они заставляли нас снимать накладные усы и

парики, потом им надоело. Эстебан низкорослый и чернявый, как вы, так что в этом прикиде пограничники вас не распознают.

Ничего себе «здорово придумано»! Выдавать меня за какого-то Эстебана, он же Арамис, он же гитарист...

– Но вообще, Мисс Ласточка, – добавляет Луис, человек-ящерица, поглядывая на меня в зеркало заднего вида, – хорошо бы вам застегнуть две верхние пуговицы куртки. У нашего Эстебана совсем не такая соблазнительная грудь.

Ну что за мерзкая мания у этих парней – глазеть на чужую грудь! Я пытаюсь застегнуть голубую с золотом куртку и прикрыть вырез фиолетовым шейным платком.

– А я думаю, – вмешивается Фелипе, – что Эстебану следовало бы получше застегивать пуговицы на брюках. Ох уж эта текила...

И все хохочут!

Господи, что меня удерживает от того, чтобы выскочить из кабины и продолжить путь пешком?! Человек-ящерица снова внимательно оглядывает меня с головы до ног в сапогах:

– Когда таможенники будут на вас смотреть, держите рот на замке, чтобы ваши усики были гордо вздернуты кверху.

Ну, я ему это припомню!

– Хотя они вам очень идут, – добавляет Фелипе у меня за спиной. – Вы никогда не думали, что лучше бы вам не заниматься эпиляцией?

Ну вот, мальчики нашли себе жертву! Они снова хохочут, все трое. И только двуличный трус Илиан помалкивает, сокрушенно вздыхая при каждой остроте коллег. Я уверена: стоит нам перейти границу, и он первый начнет бахвалиться, мол, не так уж это было страшно – перенести несколько насмешек ради его гениальной идеи с переодеванием. Ох, только бы удалось...

И это удастся!

Все произошло невероятно просто. Еще около получаса машина ползла с черепашьей скоростью, пока не подъехала к пропускному пункту, и Луис моментально высмотрел среди двадцати четырех пограничников своего знакомого.

Меня била дрожь, я представляла себе, как поднимаю руки под дулом кольта мексиканского полицейского, как с меня сдирают парик, усы и сомбреро, ведут в тюрьму Тихуаны, а завтра все увидят на первых страницах местных газет фотографию стюардессы *Air France*, которая занималась неизвестно каким преступным трафиком...

Ничего похожего. Луис-ящерица болтает с таможенником так непринужденно, будто они еще в школе вместе играли в техасский холдем^[76]. Тем временем Фелипе предъявляет наши паспорта и разрешения на работу (моих-то там нет, а есть документы Эстебана) другому военному, замученному до такой степени, что он смотрит на бумаги бессмысленным взглядом, словно ему подсунули Карлоса Фуэнтеса^[77] на латыни. Оба таможенника заглядывают внутрь, пересчитывают нас и... пропускают!

Фургон проезжает еще сотню метров и скрывается от глаз пограничников среди сотен машин на необъятном паркинге Сан-Исидро. Мое сердце, замиравшее во время нескончаемых минут досмотра, наконец-то может наверстать упущенное и бьется как сумасшедшее. Я срываю с себя все: накладные брови, усы и парик с накладными бачками, запускаю сомбреро, как фрисби, вглубь салона, а вся группа радостно вопит и горланит *Hasta siempre*^[78], словно отряд герильерос, взорвавших президентский дворец. Из холодильника извлекаются пять банок пива «Корона». Илиан восторженно обнимает меня. И целует – второй раз за день и третий в своей жизни.

Я перешла границу!

Но сердце не успокаивается.

Никогда еще мне не доводилось ощущать такой переизбыток эмоций!

В голове фонтаном бьют радостные мысли, не оставляя места никаким сожалениям. Разве что одному: с кем я хоть когда-нибудь смогу поделиться этим приключением?!

Я нелегально пересекла самую опасную границу в мире, в мужском костюме, в размалеванном фургоне, в компании четырех парней, переодетых в марьячи! Разве это можно кому-нибудь рассказать?! Даже если у меня хватит храбрости и я найду уши, согласные это выслушать, голову, способную это представить... как убедить этого человека, что все это не моя фантазия?!

* * *

Илиан сел за руль.

– Подвезти вас к вашей машине, Мисс Ласточка, или поедем на этой?

– На этой!

Фургон колесит зигзагами по улицам Чула-Виста, чтобы развезти парней по домам, к их семьям: Фелипе – на Ранчо-дель-Рей, а Рамона – в

Бониту. *Adios, Los Paramos!*

– После работы Фелипе и Рамон возвращаются к себе, – объясняет Илиан, – а Луис едет в ресторан *Otay Mesa West*, он там играет по вечерам, прежде чем вернуться в Старый город. Ну а сам я ночью в фургоне, заодно и охраняю его, – добавляет он.

Наконец мы остаемся вдвоем. Я сажусь рядом с ним, спереди. Илиан едет к приморскому городку Империял-Бич. Из радиоприемника несутся старые американские рок-шлягеры. Океан расстилается перед нами, мы едем по длинной песчаной косе, справа от меня бухта Сан-Диего, слева – бескрайняя морская гладь. Я не знаю, куда ведет этот изумительный узкий полуостров, но отсюда открывается такой дивный вид на небоскребы Сан-Диего, вдали, на горизонте, что дух захватывает.

– Ну и каковы ближайшие планы? Побег из Алькатраса?

– Увы, нет... Хватит, повеселились. Пора за работу.

Мы продолжаем наш путь вдоль нескончаемой вереницы дюн, до того места, где песчаная коса расширяется, превращаясь в роскошное предместье; все бунгало стоят лицом к морю, и у каждого – свой бассейн, как будто их хозяевам лень перейти дорогу, чтобы искупаться в море. На табличке у ворот читаю: «Деревня Коронадо».

– Опять вы за свое?

– Да, опять, но на сей раз меняемся ролями. Теперь музыканты переодеваются женщинами.

– Мы что, попали в гетто трансвеститов?

На самом деле я шучу: идеально прямые улицы этой роскошной деревни скорее напоминают эпизоды из «Санта-Барбары», чем гнездовые геев. Прямо передо мной высится огромный замок, причудливый, словно из детской сказки: десятки красных островерхих башенок, донжон, смахивающий на цирк-шапито; куда ни глянь, море черепичных крыш, сотни окон и столько же балконов. Как будто какой-то безумный художник нарисовал это сооружение для мультфильмов Диснея, а какой-то безумный строитель возвел его и перевез сюда, на морской берег.

– Нет, – отвечает Илиан, заезжая на стоянку. – Я имею в виду самый знаменитый фильм Сан-Диего.

– Неужели «Лучший стрелок»?

Илиан удивленно хмыкает – похоже, я сказала глупость?

– Мисс Ласточка... В жизни существуют не одни только самолеты!

Спасибо за нравоучение! Стоило пересекать земной шар, чтобы играть в загадки! Но тут Илиан указывает на фантастический замок, высящийся перед нами:

– Отель «Коронадо»! Снимался в фильме «В джазе только девушки»!
Боже, одна из самых любимых моих картин! Конфетка Мэрилин, Джек Леммон и Тони Кёртис, переодетые в Дафну и Джозефину! Как же я сразу не догадалась, вот идиотка!

Пытаюсь реабилитироваться:

– *Nobody's perfect...*^[79] Если я правильно поняла, вы собираетесь играть для клиентов отеля?

Илиан выключает мотор.

– Да. Пока они смакуют лангустов, запивая шампанским. Это входит в условия престижных контрактов, которые раздобыл для меня Улисс Лавалье.

Подавленная величием отеля, я пытаюсь вспомнить, где какой эпизод снимали... И вдруг мне приходит в голову ужасная догадка:

– Ой, только не говорите, что вас, как Мэрилин, заставляют играть... на укулеле!^[80]

Я невольно попадаю в самое больное место. Илиан опускает глаза, словно пристыженный мальчуган.

Нет, я не просто идиотка, я дважды идиотка! Пытаюсь выдернуть отравленную стрелу.

– Простите меня, Илиан. Клянусь, вы мне безумно нравитесь и в костюме марьячи, и с укулеле в руках... Я даже не уверена, что предпочла бы вам Джимми Хендрикса или Чака Берри.

А вот теперь трижды идиотка! Придвигаюсь, собираюсь его поцеловать, но понимаю, что моя последняя фраза не утешила его, а скорее уязвила. И я пристыженно замолкаю. Илиан заговаривает первым:

– Идемте, Мисс Ласточка, сегодня вы моя гостья. Шампанского – сколько угодно. Я зарабатываю двадцать долларов за вечер, но для вас *open bar!*^[81]

Стараясь вымолить прощение, я чмокаю его в самые близкие ко мне части лица – кончик носа и мочку уха.

– Я такая бестолковая, простите меня!

– Вам незачем просить прощения. Соблазнить такую девушку, как вы, напялив сомбреро и бренча на гитаре, вернее, на укулеле, это уж скорее везение.

Везение?!

Не задумавшись ни на миг, обхватываю ладонями его лицо, притягиваю к себе, едва не сломав бедняге шею, и жадно целую. Наконец-то его руки начинают блуждать по моим бедрам, поднимаются выше,

потом, расхрабрившись, спускаются... А мои – стискивают голову возлюбленного, прижимая его губы к моим, мешая перевести дыхание, и пускай они сами решают, спасти его или нет. Наконец я отодвигаюсь и шепчу ему – кажется, прямо в ноздри:

– Знаете, вам не мешало бы побриться, вы ужасно колючий.

Мне хорошо. Я смела, бесстрашна, соблазнительна. И несколько не чувствую себя виноватой.

Рука Илиана продолжает скользить по моему бедру, я осторожно перекидываю ее на колено.

– Потерпите немного, мой игрок на банджо, вас ждут в отеле «Коронадо»!

Илиан улыбается, но не спорит. Я нахожу очаровательной его манеру скрывать обиду при каждом моем ляпе. Вероятно, слова «укулеле» и «банджо» здесь табу, как, наверно, и «мандолина», и «ситар», и «балалайка»...

Ил не сердится. Он открывает дверцу кабины, его глаза снова блестят.

– Ладно-ладно, смейтесь! Сегодня вечером я вам покажу, когда вдоволь накривляюсь в «Коронадо»...

Я вопросительно смотрю на него.

– Покажу, что такое настоящая гитара и на что она способна.

Оливье паркуется на одном из последних свободных мест у тротуара, выключает мотор и наблюдает за необычным оживлением у ворот: машины въезжают и выезжают, шлагбаум непрерывно поднимается и опускается, посетители – с продуктовыми сумками, цветами и детьми – огибают барьер и направляются к застекленным дверям больницы. Оживленное местечко, ничего не скажешь, народу не меньше, чем на Рождество в торговых галереях. Оливье вспоминаются плакаты былых времен:

БОЛЬНИЦА! СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ!

А сегодня здесь шумно, как на ярмарке, плюс еще машины «скорой помощи» снуют туда-сюда: стоит замолкнуть одной сирене, как взывает следующая. Оливье замечает в зеркале заднего вида синий маячок, он растет, растет, приближается, объезжает его «рено». Что это – очередная «скорая»? Но тут же с удивлением констатирует, что это полицейская машина, только без спецзнаков. Из нее выходят двое в штатском и исчезают за дверью главного входа больницы Биша.

Оливье провожает их взглядом и не сразу слышит, что кто-то стучит в боковое окно. Наконец оборачивается. Рядом с машиной стоит Лора, волосы забраны в пучок, в руке сигарета. Он никак не может свыкнуться с тем, что его дочь курит. Да и какой отец свыкся бы, пусть Лоре уже и двадцать шесть?! Оливье ужасно хочется вырвать у нее из пальцев эту мерзость и раздавить... Или хотя бы сделать выговор.

Он ограничивается тем, что открывает дверцу и целует дочь.

– Пап, ты что здесь делаешь?

– Да ничего, просто заехал на минутку – глянуть на тебя.

– Шутишь?

– У меня клиент неподалеку. На авеню Ваграм. Так что я сделал небольшой крюк.

А сирены продолжают завывать. Что это – «скорая помощь»? Полиция?

Лора нервно выдыхает дым, она спешит. Оливье знает, что у нее нет ни минуты свободной. Она часто рассказывает, что иногда сестры не успевают даже в туалет заскочить или сделать пару затяжек. Ну и слава богу – по

крайней мере, этот адский больничный темп сберегает ее легкие.

– У тебя усталый вид, Лора.

– Еще бы! Скорей бы уж отпуск! – И она с заговорщицким видом подмигивает отцу.

Оливье не реагирует: он следит за одним из полицейских, который вышел из больницы и направляется к своему «рено мегану».

– Тут у вас суматоха, как в курятнике.

Лора торопливо делает последнюю затяжку, перед тем как ответить:

– Не то слово... Скоро нас заставят вскрытия делать. И носить «пушки» под халатами, чтобы защищать выживших пациентов от покушений. – Она затаптывает недокуренную сигарету и добавляет: – Или от киллеров.

– Ты права, пожалуй, можно обойтись и без полиции. На работе. Или дома.

«Обойтись без полиции...» Лоре не очень нравится этот намек. Ей известно, что отец не упускает случая поддеть Валентина, ее мужа-жандарма. Он ценит зятя как любителя регби, но терпеть его не может в качестве шефа полицейской бригады, круглые сутки пропадающего на работе. Сам он всю жизнь трудился дома, в мастерской, приспособившись к распорядку дочерей, и никак не может смириться с безумным ритмом Лориных дежурств в Биша и ночных рейдов ее мужа в Сержи. А главное, он со страхом ждет того дня, когда Валентин объявит о своем повышении по службе, – иными словами, о переводе в другое место, может даже в сотнях километров отсюда, и они уедут, вместе с близнецами.

– Мне надо бежать, пап.

– Да, знаю.

Лора отходит от машины, потом возвращается:

– Мама ничего не заподозрила?

Если у Оливье и есть выдающееся достоинство, оно заключается в умении успокоить дочь.

– В Лос-Анджелесе? Меня бы это очень удивило!

Жан-Макс ставит свой арендованный «бьюик верано» на паркинге Сан-Исидро и с подозрением оглядывает длинную пограничную стену, уходящую к холмам на горизонте, полчища американцев, которых целыми группами пропускают в Мексику, и мексиканцев, которых медленно, по одному, пропускают в Соединенные Штаты. Потом оборачивается ко мне и с тревогой спрашивает:

– Ты можешь гарантировать, что нас не только впустят, но и выпустят обратно?

Я уверенно киваю.

На самом деле я ни в чем не уверена. Понятия не имею, какие изменения претерпела граница с 1999 года, но сильно подозреваю, что Дональд Трамп отдал пограничникам категорический приказ сохранять бдительность и не пропускать ни туда ни сюда всяких там... марьячи! Воспоминания оживают у меня в душе почти с нереальной четкостью: турникет, пропускающий вас в Мексику без предъявления документов, короткий путь до Тихуаны, пестрые улицы, мальчишки в грязи на тротуарах, музыканты в сомбреро...

Пройти через турникет... а что дальше?

На что я надеюсь? Наткнуться на группу «Лос Парамос» на Санта-Сесилии, встретить Луиса, Фелипе, Рамона, Эстебана – только поседевших и прибавивших по десять кило, в тех же, но сильно поблекших костюмах? Даже если такое чудо и случится, что они смогут мне рассказать? Это мне придется сообщить им новость – и какую ужасную! – о том, что юный симпатичный француз, с которым они много лет назад выступали перед публикой, прикован к больничной койке во Франции и находится между жизнью и смертью. Меня мучают тысячи других вопросов, но я силуюсь отделаться от любой формы логических рассуждений.

Не колебаться, не сомневаться. Я должна просто идти по следу!

А для начала миновать турникет.

– Ну что, вперед? – спрашиваю я с наигранной бодростью.

Шарлотта не отрывается от своего смартфона. Она успела загрузить в него программу «Американские моллы с дешевыми товарами» и выяснила, что находится меньше чем в километре от одного из них, где больше сотни заводских магазинов продают по дешевке товары самых известных брендов

в мире. Шарлотта показывает нам их каталоги. Никаких подделок! Все самое настоящее! *Calvin Klein, Guess, Ralf Lauren, Tommy Hilfiger...* Так, с придыханием, произносят имена кинозвезд, к которым наконец-то можно подобраться вплотную.

Я понимаю, что должна привести убедительные аргументы, если хочу, чтобы они сопровождали меня в Тихуану. У меня нет никакого желания ехать туда одной. Мне не дает покоя смутное ощущение опасности, угрозы. Все время чудится, что кто-то ждет и думает: когда же она останется одна? Чтобы напасть... Когда мы выезжали из Олд-Тауна, какой-то серый «форд эдж» следовал за нами до самого Сан-Исидро, старательно держа дистанцию, и исчез сразу, как только мы припарковались. Мне кажется, что за нами следили. Видимо, так же, как за Илианом в Париже. Но с какой целью? Убить меня? Это смутное подозрение превратилось в уверенность, пока мы ехали, а затем рассеялось, вернее, сменилось другими мыслями, столь же нелепыми. И лишь одно слово продолжает вертеться у меня в голове. *Swallow*.

Это слово не давало мне покоя за несколько мгновений до того, как появилось в надписи на моем бокале... *Just Swallow It*.

Изо всех сил стараюсь призвать на помощь логику. Я больше не верю в случайные совпадения, с этим покончено! Довольствуюсь тем, что констатирую факты, а этот факт абсолютно ясен, даром что походит на колдовство: я ждала знака из прошлого – вот и он. Кто-то специально преподнес его мне. Кто-то, прекрасно знающий, что это означает. Шарлотта? Какой-то коварный бармен? Некий бог, способный читать мои мысли? Нет, ни одна из этих гипотез не имеет под собой основания...

Я направляюсь к серому коридору, ведущему к мексиканской таможне, с энтузиазмом, которым надеюсь заразить остальных, но вижу, что Жан-Макс за мной не идет. Поколебавшись, он хватает за руку Шарлотту и тащит ее в другую сторону:

– Ладно, малышка, мне прямо жалко смотреть, как ты боишься попроситься туда. Так и быть, прошвырнемся по твоим магазинам! Даю тебе три часа на разграбление города и обещаю таскать за тобой покупки, если ты обещаешь поехать потом со мной в Мирамар, посмотреть, как взлетают F-35^[82].

Я смотрю им вслед: они шагают к моллам, насвистывая на ходу «Кукарачу», – явно в пику мне.

Чувствую, что Фло тоже ужасно хочется бросить меня и присоединиться к ним. Внезапно у нее даже лицо перекашивается от злости; она поднимает глаза к гигантской рекламе на краю паркинга,

которая восхваляет самые низкие в мире тарифы мексиканской клиники пластической медицины, потом провожает глазами нашего командира и юную стажерку.

– Окей, дорогая, я иду с тобой. Пока эта красотка закупает оптом, на всю жизнь, джинсы в обтяжку, у нас с тобой будет целых три часа, чтобы сделать липосакцию и купить новую грудь! Мы заставим его, этого Баллена, предпочесть роковых пятидесятилетних красавиц зеленым девчонкам!

Я обожаю Фло! Мне следовало бы на всех направлениях, на всех рейсах, на всех стоянках быть рядом с ней! Мы направляемся к тому самому турникету, он совсем не изменился, я отчетливо вижу его в конце бетонного коридора, открываю сумку.

Внезапно меня посещает предчувствие.

Видимо, камень времени снова *работает*...

Я роюсь в сумке. Двадцать лет назад я забыла взять с собой документы.

Ищу их.

Прекрасно помню, что положила в эту сумку свой паспорт, после того как переделалась в мотеле. Начинаю нервничать. В сумке паспорта нет. Ни паспорта, ни удостоверения личности.

Фло резко останавливается:

– Ты что, забыла документы в мотеле?

У меня в голове готов ответ: нет, Фло, не забыла и не потеряла, это невозможно...

Но в сумке их больше нет!

Похоже, Флоранс это не слишком огорчает. Моя коварная подруга тут же хватается за подвернувшуюся возможность:

– Ну что ж, нет документов, не будет и силиконовых сисек! Бежим скорей, мы еще успеем их нагнать!

Но я не трогаюсь с места и продолжаю выворачивать сумку.

Хотя уже поняла, что это послание.

Я должна перейти мексиканскую границу без документов, как двадцать лет назад. И перейти одна! Вот что велит мне сделать этот новый знак. Кто его подал? Зачем?

Попасть в Тихуану – вот единственный способ это узнать. Я делаю шаг вперед. Фло пялится на меня как на ненормальную.

– Это безумие, Нати! Ты же наверняка не сможешь вернуться!

Смогу, Фло, я свято верую в могущество камня времени, а уж средство наверняка сыщется – музыканты, фургон, да мало ли что еще...

Я не должна вникать в эту тайну, мне следует повиноваться.

Фло не отпускает меня: вцепилась в рукав, словно я собралась броситься в бездну, а она единственный человек, который может предотвратить самоубийство. Именно это я читаю в ее глазах. Я стою на краю пропасти, а она хочет меня спасти.

Рука все шарит в сумке, будто надеется нащупать там последнюю спасительную веточку, за которую можно ухватиться, пока она не сломалась. И вдруг пальцы нащупывают в глубине какую-то бумагу, которую я раньше не заметила. Лист А4, сложенный вчетверо.

Вынимаю его, разворачиваю, разглядываю, не понимая, как он там очутился.

Я никогда не распечатывала и не копировала это изображение, но тотчас узнаю его.

Una soldadera!^[83]

Мексиканка с черными глазами и черными распущенными волосами, опоясанная национальным флагом, с сомбреро за спиной, патронташем на перевязи и ружьем на плече. *Las soldaderas* – легендарные личности, но я точно знаю, где найти *эту*. Она изображена на гигантской настенной фреске, занимающей всю поверхность широкого бетонного пилона. Воспоминания настигают меня волнами, горячие и такие прекрасные.

Я улыбаюсь Фло:

– Ты права, я рехнулась. И у меня есть что тебе предложить взамен прогулки по Тихуане.

– Господи, что еще ты придумала?!

– Обалденную штуку, ты такого никогда не видела... Музей под открытым небом. Настенные росписи парка Чикано в Баррио-Логане.

Фло изумленно таращится на меня.

– Напомни мне, когда прилетим домой, попросить парней из планового отдела никогда – ты слышишь? – никогда больше не ставить меня на один рейс с тобой!

– Баррио-Логан – это исторический порт Сан-Диего, где латиносы обосновались больше века назад.

Илиан излагает мне историю чиканос тоном преподавателя, увлеченного своим предметом, одновременно срывая с шеи тугую черную бабочку.

– Вы можете поддержать руль?

Я наклоняюсь и минуту веду машину, пока Ил снимает черный фрак и швыряет его на заднее сиденье фургона.

– Спасибо. Итак, десятки тысяч мексиканцев поселились здесь во время революции, все подробности я изложу с пятого на Сапáтое^[84], и это место стало самым символическим в Калифорнии, центром всех социальных волнений испаноязычного населения, когда американцы сровняли с землей заводы, чтобы превратить старый порт в промышленную зону. А потом разделили этот квартал надвое, провели посередине железную дорогу № 5, соединившую несколько штатов, и построили мост Коронадо, на который мы сейчас и въезжаем.

Продолжая говорить, Илиан расстегивает белую рубашку и ухитряется стащить ее с одной руки, а потом и с другой, ловко поменяв их на руле. И вот мой робкий гитарист сидит рядом полуголый, с обнаженным торсом, и огни города играют бликами на его смуглой коже.

– Вы не могли бы достать мою одежду с заднего сиденья?

– Э-э-э... да, сейчас.

Я смущенно передаю ему футболку *BB King*, которую он натягивает все так же ловко, не выпуская руль своего «шеви» и не закрывая рта:

– Первые настенные фрески Баррио-Логана появились в 1970-х годах, их можно было видеть чуть ли не на каждом квадратном метре бетонных сооружений, возведенных в квартале американскими транснациональными корпорациями. Парк Чикано с его семьей десятками монументальных фресок стал национальным символом Мексики. Сегодня это место считается историческим памятником и находится под охраной ЮНЕСКО, но это не мешает ему быть одновременно самым проблемным во всей Америке. Передайте мне куртку, пожалуйста.

Я протягиваю ему потертую кожаную куртку, украшенную логотипами

Yardbirds и *Led Zep*. И люблюсь тем, как уверенно и спокойно он ведет фургон по этому кварталу, куда с наступлением ночи не смеет сунуть нос ни один иностранец. Какой контраст с дневным обликом ряженого в тореро или с чопорно-скованным гитаристом в черном костюме, только что исполнявшим на укулеле, в сопровождении ресторанный пианиста, стандартные джазовые американские мелодии! Этот парень – чистый хамелеон!

Ил ставит машину рядом с бетонным пилоном. Судя по всему, мы находимся под мостом железной дороги № 5, в месте, освещенном только нашими фарами, которые ослепляют женщину-мексиканку, написанную красками на сером бетоне, – красавицу, вооруженную до зубов.

– Не бойтесь, Нати, *la Soldadera* нас защитит.

В свете фар я замечаю и другие фрески – на редкость выразительные портреты Фриды Кало, Че Гевары, Фиделя Кастро, Диего Риверы, изображения мексиканских семей, работающих на арбузных или маисовых полях, орла, парящего над городом с требованием справедливости, образования и свободы^[85], солдат – живых или превратившихся в скелеты, но по-прежнему вооруженных и полных решимости бороться до конца. Неподалеку от нас горит костер, а вокруг него движутся силуэты, десятки силуэтов. Взгляду открываются другие фрески, также прославляющие южно-американских борцов с угнетателями. Илиан выуживает с заднего сиденья свою клетчатую кепку, натягивает ее на кудрявые волосы, хватая гитару и берет меня за руку:

– Идите за мной.

* * *

Когда Илиан вторгается в круг людей у костра, его приветствуют аплодисментами. Один из парней торопливо подсоединяет провод от гитары к электрическому усилителю, стоящему на табуретке. Другие ребята расчищают мне место возле огня, девушки ставят перед нами на землю подносы с пивом и мексиканскими сладостями, которые я беру и пробую наугад, липкие от меда с анисовыми зернышками и кокосовой стружкой. К нам присоединяются другие слушатели, садятся прямо на землю или на принесенные складные стулья. Около костра образовался полукруг человек из шестидесяти, не меньше, ожидающих, когда Илиан настроит гитару и опустит микрофон на нужную высоту.

И вот Илиан играет. Илиан поет. Не очень чисто, слегка фальшивя, но

играет божественно!

Или мне только чудится, потому что я влюблена? Любовь – в такое мгновение? Любовь – в таком месте?

Да! Пляшущие в сполохах огня силуэты Че Гевары, Фриды Кало и Панчо Вильи полностью согласны со мной!

Ил поет одну песню за другой: *Cocaine, Sultans of Swing, London Calling, Imagine*^[86]. Две девочки подросткового возраста с длинными, до талии, волосами и в узких юбках до щиколоток вскакивают с места и хватаются за микрофон. Ил не протестует, он продолжает играть, а они поют. Лучше, чем поет он. А он играет, прекрасно играет.

Mala vida; Gloria, Hallelujah...^[87]

Чарующие мгновения! Я не могу оторвать взгляд от Илиана. Его пальцы пляшут на четырех гитарных струнах, не расслабляясь ни на миг, ноги отстукивают ритм, мокрая от пота майка *BB King* облепила торс, о котором у меня оставалось смутное воспоминание, глаза полузакрыты, губы неслышно повторяют слова песни.

Нет, этот парень не хамелеон. Здесь и сейчас он настоящий, весь как на ладони! Ил становится самим собой только в те минуты, когда играет Спрингстина, Стинга или Кинга. Когда думает лишь о себе и своем искусстве. Когда полностью отдается безумной страсти к музыке, своему гениальному дару, в одиночестве, в отрыве от остального мира, в этом круге света... и пыли, невидимой пыли, которая ложится на тех, кто его слушает, волшебной пыли, делающей их невесомыми. Которая помогает им воспарить...

Stand by Me, Eleanor Rigby, Angie^[88].

Слушатели дергаются при каждом аккорде, словно марионетки на веревочках, прикрепленных к хищным, паучьим пальцам гитариста-кукловода.

Илиан играет то, что он любит. Сейчас Илиан стал самим собой. И я задыхаюсь от одного-единственного желания.

Принадлежать ему.

* * *

Концерт кончился поздно. Илиан потом сказал, что приезжает сюда раз в два дня. Сначала он играл на улицах, и хозяин бара «Чикибэбис» посоветовал ему наведаться в Баррио-Логан, где настоящие любители

настоящей музыки Сан-Диего, а не те дилетанты, что тусуются в модных барах Даун-Тауна или в индейской резервации Олд-Тауна.

Костер погасили, залив его ведром воды. Хозяин «Чикибэбис» забрал усилитель, складные стулья и отправился спать. Фрида Кало, Че Гевара и Панчо Вилья, несомненно, тоже заснули, как только погас свет. И теперь безмолвие парка Чикано нарушают лишь редкие поезда, еще курсирующие по линии № 5 над нашими головами. Чудится, будто это временами шумно всхрапывает небо, тоже забывшееся сном.

Илиан ведет меня за руку к фургону.

– Куда вас отвезти?

– Куда хотите, только с условием, что вы останетесь со мной.

Ночная темнота делает его серьезным.

– Я не хочу, Натали.

– ?..

– Не хочу влюбляться в вас.

Я глажу его руку. *La Soldadera* пристально взирает на меня из-за крыши.

– Тогда не надо было меня целовать!

Ночная темнота наводит на Илиана грусть, звезды щекочут его своими колкими лучами.

Он не может перестать играть.

– Вы шутите? Это ведь вы поцеловали меня первая там, на горе Мон-Руаяль, под крестом!

– Ну и что?! А как насчет вашего стриптиза – только что, за рулем? Разве это я попросила раздеваться у меня на глазах?

– Да, но вы прилетели сюда за мной!

– Верно, благодаря вашим намекам, коварный Мальчик-с-пальчик. Ваш гитарист, который продолжает свою одиссею...

Я думала, что он возразит: *Это чистойшей случайностью, что вы себе навоображали?!* – но он молчит. Долго молчит, потом распахивает дверцу машины, включает свет в кабине и говорит, обернувшись ко мне:

– Если... если мы пойдем дальше, Натали, я уже никогда не смогу расстаться с вами.

* * *

Одну только ночь... Сколько раз я представляла себе, как скажу ему три этих слова.

Одну только ночь – и мы забудем друг друга, и каждый пойдет дальше своей дорогой. А теперь мой гитарист пытается связать меня обещанием.

Я уже никогда не смогу расстаться с вами...

Так клянутся женщины, Илиан, – женщины, а не мужчины.

Что ж, тем хуже, придется импровизировать. Я тоже не смогу с тобой расстаться, Ил. По крайней мере, до тех пор, пока не стану твоей.

Задние сиденья «шеви вэн» достаточно широки, там можно разложить матрас; там же стоят тазик и кувшин с водой для омовений в пути, холодильничек и газовая плитка, на которой они, наверно, готовят себе завтрак. Я прошу Илиана выйти и подождать снаружи, бросаю взгляд на его гитару.

– Илиан, мне хочется, чтобы вы продолжали играть. Играть на ваших четырех струнах – для меня одной. Обещаю, что больше ни о чем не попрошу, только этот приватный концерт.

– Клянётесь?

Я касаюсь его губ легким поцелуем и выпроваживаю из фургона.

– Я только хочу, чтобы вы продолжали играть. Я могу первой воспользоваться вашей «ванной»?

Когда Илиан наконец появляется, я стою у матраса, в свете потолочной лампочки, завернувшись в белую простыню. Я успела стереть косметику. Илиан бросает недоуменный взгляд на скинутое белье и черный карандаш для бровей. Наверно, считает, что стюардессы умеют приспосабливаться к любым условиям, спать где придется – например, в тесном закутке самолета. Наверно, Илиан действительно боится. Наверно, Илиан предпочел бы играть для меня на гитаре всю ночь напролет. Наверно, Илиан не дотронулся бы до меня. Наверно, Илиан уже знал, как сильно – если мы уступим желанию – нам придется страдать.

Но я-то не знала.

Я ничего не знала.

Ил встречается со мной взглядом и видит в моих глазах желание. И я читаю в его глазах то же самое.

Ил отступает на шаг, скрещивает руки на груди. Мотает головой. Жалобно лепечет:

– Вы же обещали, Натали... Простую серенаду... немного музыки, чтобы убаюкать вас.

– Я всегда держу слово.

И одним рывком сбрасываю простыню. Она падает на пол. А я стою перед ним обнаженная, в резком свете электрической лампы. Обнаженная... если не считать четырех линий, начертанных на моем теле

черным карандашом для бровей, четырех струн – от горла до лона, идеально прямых на моем плоском животе.

Илиан смотрит как замороженный.

– Подойди, Илиан! Подойди и сыграй на мне.

* * *

– Ты меня бросишь?

Я не отвечаю. Утреннее солнце уже проскользнуло под мостом линии № 5 и ярко осветило нижние фрески парка Чикано. Несколько лучей пронзают грязные занавески на окошках фургона, как бы говоря: не заблуждайтесь, не такие уж мы слабенькие! Я сижу на матрасе, прикрывая грудь простыней.

La Soldadera с ружьем в руке охраняет нас снаружи.

Илиан сидит рядом, обнаженный, как и я. Он прижимает ладонь к моей спине; большой палец упирается в позвоночник, остальные раскинуты веером. Ил твердит:

– Ты меня бросишь, я знаю. Сейчас ты оденешься. Ты должна вернуться в аэропорт. Ты должна сесть в самолет. Ты должна вернуться к мужу. Ты должна растить дочку.

А я слушаю и мысленно умоляю: молчи, Илиан, молчи! Не говори ничего, не произноси ни слова! Как мне хочется положить голову ему на грудь, скинуть простыню и прижаться грудью к его животу... Но я только обвиваю руками его талию. Ил – мой пленник. Ил смотрит в окно фургона так, словно кто-то спилил прутья решетки, открыв путь на волю, и шепчет:

– Ты улетишь...

Я по-прежнему молчу. Сказать «да» значит умереть. Сказать «нет» значит солгать. Я не могу расстаться с Оливье. Не могу бросить Лору. Даже если эта ночь, проведенная с Илианом, превзошла по сладострастию все, что я доселе испытывала в жизни, даже если она навеки запечатлелась в моей плоти. Даже если меня никогда не любили с такой поэтической страстью. Отдаваясь Илиану, я чувствовала, что мое тело долгими часами было лишь инструментом, который Ил осваивал с бесконечным терпением, медленно открывая для себя все его гармонические лады, всю гамму звуков, от самых нежных до самых пронзительных, извлекая из него самые неожиданные мелодии, самые неистовые крики.

Сжимая все крепче и крепче талию Илиана, я кладу голову на его живот в самом низу и шепчу:

– Я ведь ласточка. Мы сможем видеться так часто, как ты захочешь. Я летаю по свету. И ты летаешь по свету...

– Так ты *этого* хочешь? Такой вот «пунктирной» любви?

Мое ухо прижато к его члену – слушает, как крепнет желание.

– Мы будем встречаться, когда только сможем. Обещаю тебе. А я всегда держу слово. И докажу это...

– Мне не нужны доказательства, Нати.

Его руки, скользнув в щелку между ног, мягко понуждают меня раскрыться, чтобы умастить пальцы соком моего желания.

– Знаешь, как поступают моряки?

– Кажется, заводят любовницу в каждом порту? Или любовника – если это морячка.

Большой палец Илиана достиг своего, проскользнул в меня.

– После того, как моряк наплавал больше пяти тысяч миль, он делает татуировку в виде ласточки. Она символизирует для него свободу. Я сделаю себе такую, Ил. Для тебя. Ласточка будет доказательством нашей вечной любви.

Моя голова передвигается на несколько сантиметров. Я прижимаюсь ухом к впадине пупка Илиана, мои губы ищут добычу. И, найдя, размыкаются, в последний раз...

– Мне мало одной этой ночи. Я хочу еще раз увидеть тебя...

...перед тем, как мой рот упьется огнем его желания.

Но тут звонит телефон. Или он зазвонил позже? А может, он звонил и раньше, но я его не слышала?

Звонок не умолкает.

– Ты не ответишь?

Мне хотелось сказать «нет» – плевать на все, тем хуже, пусть подождут. Но я все-таки дотягиваюсь до сумки и смотрю на экран смартфона.

Оливье. Два вызова.

И, словно в подтверждение, сообщение:

У Лоры температура. Лежит.

Позвони, если сможешь.

Оли.

– Ну, что скажешь, стоило на это посмотреть или нет?

Мне известно, что Фло любит музеи, выставки, всякие модные веяния. Профессия стюардессы, интерес к культуре, искусству – от классического до современного, – все это помогает пускать пыль в глаза. Она разглядывает настенные фрески и, похоже, искренне восхищается причудливой фантазией художников, сходством портретов с оригиналами, их грубоватой наивностью, контрастирующей со сложностью тем: свобода, семья, образование, революция, мужчины-боги, женщины-воительницы. Я пытаюсь скрыть волнение. Мне кажется, что с тех пор здесь ничего не изменилось. Я узнаю каждую картину на каждом пилоне – несомненно, потому, что с тех пор не раз разглядывала их в интернете. И теперь эта виртуальная реальность смешивается с моими воспоминаниями. Краски кажутся мне более яркими, чем прежде. Фрески бережно поддерживают в хорошем состоянии. Интересно, для кого – для туристов? Однако сейчас, в разгар дня, в Баррио-Логане нет ни души. Слышны только пронзительные гудки электропоездов, грохочущих по эстакаде над нашими головами. Без этих невероятных росписей квартал выглядел бы одним из тех заброшенных мест, которые не рекомендуется посещать двум женщинам без мужской опеки. Он отрезан от остальных районов города железнодорожной магистралью, между пилонами и в зазорах расписанных стен масса укромных закоулков – идеальное место для преступников всех мастей.

– Да-да, просто невероятно, – соглашается Фло, увлеченно фотографируя. – Но, согласись, кварталчик страшноватый.

Я знаком приглашаю ее следовать за мной. Мы поднимаемся на эстакаду, спускаемся, осматриваем ее снизу и сверху, один пилон за другим. Вот пилон – Змея, пилон – Древо жизни, пилон – Орел-освободитель, пилон – Дева Мария, а вот наконец и моя *la Soldadera*.

На прежнем месте, с карабином в руке, с патронташем на перевязи, с волосами, развевающимися на ветру.

Она неусыпно охраняет.

Охраняет мою судьбу.

И вдруг у меня замирает сердце. Я ничего особенного не ждала, возвращаясь в это место. Но он здесь, он ждет – прямо передо мной.

Тот самый «шеви вэн», принадлежавший группе «Лос Парамос», стоит возле одного из пилонов, под фреской *La Soldadera*. Совсем как в ту ночь.

– Ну-ка, пойдём, – говорю я Фло.

Она испуганно озирается, хотя не забывает сфотографировать *La Soldadera*. Мы с ней забрели в один из самых глухих уголков парка Чикано, здесь нет ни тротуаров, ни дорожек, никаких строений. Илиан тогда не случайно выбрал это место...

Если здешние фрески тщательно оберегают, то о фургоне это сказать было нельзя. Похоже, он ждал меня тут все эти двадцать лет. Шины спущены, ветровое стекло разбито, дверцы перекошены. Изображения марьячи и надпись «Лос Парамос» изъедены ржавчиной, но еще видны.

Я подхожу ближе, пытаюсь понять, каким образом он здесь очутился. После той ночи Илиан отвез меня в Сан-Исидро, где я пересела в свой арендованный «додж челленджер», сам же вернулся за Луисом в Олд-Таун, в Президио-парк, а затем подобрал в Чула-Виста Рамона и Фелипе. Но ведь фургон принадлежал группе «Лос Парамос», так кто же его здесь бросил? И кто мог знать, что я сюда вернусь двадцать лет спустя?

Подойдя ближе, убеждаюсь, что «шеви» и впрямь сильно сдал. Да и чему удивляться – ему не меньше четверти века, и для своего возраста он еще неплохо сохранился. Встаю на цыпочки, стараясь разглядеть сквозь пыльные окна, что там внутри.

– Что ты валандаешься? – испуганно спрашивает Фло. – Черт возьми, Нати, слепому ясно, что это берлога наркоманов!

Присмотревшись, вижу внутри раскиданные вещи и как будто узнаю ту самую газовую плитку, на которой Илиан сварил мне кофе. Мне даже чудится, будто я слышу его запах. Пробирает озноб, кожа покрывается пупырышками...

– Черт, Нати, кто это?!

Я резко оборачиваюсь и вижу за ближайшим пилоном машину. Серый «форд», как две капли воды похожий на тот, что ехал за нами в Олд-Тауне, к мексиканской границе. У меня замирает сердце. Что это – ловушка? И как поступить – бежать, кричать?

Но мы с Фло не успеваем ничего предпринять: чьи-то лапы зажимают нам рты и заламывают руки за спину, чья-то нога пинком распахивает

дверцу, сзади к нам прижимаются чьи-то тела, различаю мятное дыхание бандита, который держит меня, и никотиновый перегар изо рта того, кто вталкивает в фургон Фло.

* * *

Нам заклеивают рты скотчем, связывают руки, потом швыряют на тюфяк. Один из бандитов – во рту он мусолит окурок сигары марки «Я люблю тебя, Робусто» – не отрывает уха от мобильного. Второй (он то и дело закидывает в рот мятный леденец из жестянки) стоит у закрытой двери фургона, наблюдая за окрестностями.

Фло с ужасом смотрит на ножи в кожаных чехлах, свисающие с поясов бандитов. А я обвожу взглядом опрокинутые шкафчики, разбитые гитары с порванными струнами, стопку сомбреро, таких драных, словно их глодала целая армия крыс, дырявую простыню, похожую на одеяние призрака, выпотрошенные подушки и распоротый по всей длине тюфяк, на котором мы обе сидим.

Когда же я устану мечтать...

Наконец Робусто выключает мобильник. Оглядывает нас по очереди и, явно следуя полученным указаниям, подходит ко мне, не выпуская из зубов огрызок сигары, с угрюмым, брезгливым видом мусорщика, которому предстоит разобраться с отбросами, хватается за ворот моей блузки и одним рывком раздирает ее, обнажив грудь. Но его взгляд устремлен не на мой бюстгальтер – он смотрит на ласточку, вытатуированную у меня на плече, и улыбается, если можно так назвать его кривую ухмылку.

Фло трясется так, словно ее запихнули в морозильную камеру. Я знаю, о чем она думает. Мы наткнулись на наркодилеров. Мы помешали им заниматься их гнусными делишками. И сейчас они нас убьют. А перед этим, конечно же, изнасилуют. Успею ли я сказать тебе правду, Фло? Мы вовсе не наткнулись на них, они следили за нами. Нет, не за нами, а за мной, и ты тут совершенно ни при чем, бедная моя Фло. Им нужна именно я. Мисс Ласточка.

Зачем? О, вовсе не для того, чтобы заставить говорить, ведь они заклеили нам рты.

Значит, чтобы заставить меня молчать?

– Я уверен, это она, – подтверждает Робусто. – Но нам придется заняться обеими.

Леденец сует в рот очередную конфетку.

– Надеюсь, тариф будет двойной?

Робусто пожимает плечами:

– Можешь перед этим поразвлечься с ними, если считаешь, что тебе мало посулили.

Леденец едва не давится.

– Как знаешь. Тогда я возьму эту пухлявую блондинку, уж больно аппетитная!

Однако он медлит и с сожалением поглядывает на мою обнаженную грудь. Потом все же поворачивается к Фло, зловеще поигрывая своим зачехленным ножом. Фло находит в себе силы ответить ему презрительным взглядом. Представляю, какими ругательствами она осыпала бы их обоих, если бы ей дали открыть рот. Думаю, самым ужасным для нее было бы умереть молча. Леденец проделывает какие-то странные телодвижения. Я догадываюсь, что он пытается спустить штаны, которые никак не слезают с его жирной задницы. В кармане штанов побренькивает жестянка с леденцами, и этот звук добавляет к сцене последнюю мрачную ноту. Я не сразу понимаю, что брэнчанию ментоловых леденцов сопутствует другой звук.

Кто-то стучит в окошко!

Миг спустя в нем появляется лицо с носом, расплюснутым о стекло, и вытаращенными глазами, которые пытаются рассмотреть, что происходит внутри. Робусто проворно встает между окном и нами, но я все же успеваю узнать человека.

Вот уж кого не ожидала здесь увидеть!

Это командир Жан-Макс Баллен.

* * *

Робусто выходит из машины, протиснувшись в едва приоткрытую дверцу, и сразу захлопывает ее за собой. Я слышу обрывки разговора – вернее, грубый голос бандита:

– Вам чего? Это частное владение. Нет, я никого не видел. Убирайтесь отсюда!

Это продолжается каких-нибудь тридцать секунд. Когда Робусто возвращается в фургон, я замечаю, что его нож уже вынут из чехла, и от ужаса у меня перехватывает горло. Давлюсь горькой слюной. Увидев в окошке лицо Жан-Макса, я подумала, что он их сообщник, но по разъяренному взгляду Робусто понимаю, что тот никогда прежде не видел

командира Баллена. Тогда почему так испугался?

И что здесь делает Жан-Макс?

Робусто наклоняется, хватая мою сумку, вытряхивает ее содержимое на тюфяк и включает мой мобильник. Ну понятно: хочет проверить, с кем я говорила и кому писала в последнее время. Я не пользовалась телефоном с тех пор, как звонила Оливье и Марго. Убедившись в этом, бандит бросает его на пол и поворачивается к Фло. Она носит телефон в переднем кармане брюк. Бандит тут же замечает прямоугольный выступ и уверенным взмахом ножа рассекает ткань. Нога Фло заливается кровью по всей длине разреза. Она дергается и издает приглушенный вопль. Телефон выпадает из свисающего кармана на тюфяк, Робусто подхватывает его и через несколько секунд поворачивает к нам экраном. И тут мне все становится ясно.

На экране эсэмэска, адресованная Жан-Максу.

Но не текст, а только снимок фрески *La Soldadera*.

* * *

Фло успела предупредить Жан-Макса! Я не понимаю, каким образом Фло, связанная, с заклеенным ртом, ухитрилась это сделать и как командиру удалось так быстро оказаться здесь. Но все бесполезно: он нас не увидел и не подозревает, что мы в фургоне. Он попросту вспугнул какого-то местного хулигана и... отчалил.

Нога Фло залита кровью. Она дрожит, но пытается дышать ровно и держать себя в руках, хотя в глазах стоит ужас. Увы, кровь ничуть не охладила пыл любителя мятных леденцов. Он уже спустил штаны до щиколоток, обнажив жирные ноги и желтые трусы с логотипом *Club America*. Робусто презрительно оглядывает кореша:

– Опоздал, некогда развлекаться, копы вот-вот нагрянут. Кончаем девок и сваливаем!

Леденец даже не пытается спорить. Он рывками подтягивает брюки, и позвякивание конфеток в коробочке, вероятно, будет последней музыкой в моей жизни. Я умру здесь, на этом матрасе, где когда-то поняла, что значит быть живой.

Они наверняка начнут с меня, ведь охота шла именно за мной и им приказано меня устранить. Если я буду сопротивляться, отбиваться, может быть, выиграю время – не чтобы выжить самой, но чтобы оставить этот шанс Фло. И, если продержусь достаточно долго, может, они просто сбегут, не успев тронуть ее?

В дверном оконце я вижу верхнюю часть пилона, где изображена *la Soldadera*, и молю ее поделиться силой. Но ее глаза бесстрастно смотрят вдаль, устремленные на грядущую революцию. Ладно, нет так нет... Я потихоньку напрягаю ноги, надеясь, что мне удастся вскочить, когда подойдет убийца.

Но он делает шаг в сторону Фло. Она не шевелится – похоже, обессилела от потери крови и страха. На лице написан невыразимый ужас.

Робусто подходит к ней мягкой, крадущейся походкой, не выказывая ни ярости, ни жестокости. Фло все-таки предпринимает попытку отползти, неловко отталкиваясь одной ногой, и выигрывает каких-нибудь тридцать сантиметров. Она упирается спиной в металлическую стену фургона. Бандиту осталось сделать полшага.

И тут я вскакиваю. Отчаяние удвоило мои силы. Леденец толкает меня, прежде чем я успеваю сделать шаг. Я падаю обратно на тюфяк, он наваливается на меня, путаясь в спущенных штанах. Я отчаянно отбиваюсь. Я не уступлю. Даже если этот мерзавец вдвое сильнее меня.

Пытаюсь укусить его сквозь липкую ленту, но он с силой бьет меня, и я затылком впечатываюсь в стену фургона и от удара путаются мысли.

Прости меня, Фло...

Леденец навалился на меня всем телом, не давая двинуться.

Мне очень жаль, Фло... Прости, хотя я даже не знаю, что такого совершила. Может, я виновата в том, что произошло двадцать лет назад здесь, на этом тюфяке, обогренном твоей кровью...

Я дрыгаю ногами, пытаюсь попасть мерзавцу по яйцам. Но не удастся. Мне ничего не удастся!

Вижу, как Робусто наклоняется и острое лезвие его ножа нацеливается в горло моей лучшей подруги.

Я все еще дергаюсь, но у меня нет сил смотреть на все это.

Последнее, что я вижу перед тем, как закрыть глаза, – нож, приставленный к горлу Фло.

Вскочив с матраса, я торопливо одеваюсь. При нашей кочевой жизни, из отеля в отель, я уже привыкла к такому темпу. Подхватить трусики, влезть в джинсы, натянуть майку (бюстгальтера нет) – вот и все.

Выскакиваю из фургона босиком, послав воздушный поцелуй Илиану, закрываю за собой дверцу «шеви» и бегу, вызывая на ходу Оливье.

«У Лоры температура. Лежит».

Пока мой звонок пересекает Атлантику, я прикидываю, сколько сейчас времени в Европе. Должно быть, около шести вечера. Оливье отвечает сразу. Я останавливаюсь тремя пилонами дальше, под прекрасным портретом Фриды Кало (лицо медового цвета, алые губы и черные глаза под черными крыльями бровей), и предоставляю говорить Оливье, так проще. Слова цепляются одно за другое, сосредоточиться не удастся – так человек пытается следить за разговором на языке, которым плохо владеет.

Ты спала? Извини, если разбудил, я ждал сколько мог. Лора плохо себя почувствовала в школе. Учительница забеспокоилась. Головная боль, рези в животе... жаловалась целый день... Лора, а не учительница. Доктор Приер может нас принять только завтра утром. Лора лежит в постели... спит... очень слаба.

Я выслушала его, как внимательный врач, и теперь ставлю диагноз и успокаиваю мужа:

Ничего серьезного, капай ей детский «Долипран», с учетом веса – девятнадцать кило, он в розовой коробочке, в левом ящичке аптечки. Пускай еще рассосет полтаблетки «Спасфона». И побольше пить. Следи за температурой. Если не будет улучшения, звони мне, обязательно!

Я говорю спокойно, даю разумные советы, но голова идет кругом. Тревога, чувство вины... хуже того, смутное ощущение, что это кара за мой проступок или, скорее, первое предупреждение: сегодня у твоего ребенка только температура, но в следующий раз будет хуже. Перитонит. Или менингит. Словом, скрытая, но недвусмысленная угроза, посланная неведомым божеством – хранителем супружеской верности: если ты еще

раз изменишь мужу, то подвергнешь опасности свою семью и жизнь своей ни в чем не повинной дочери.

Угроза?

Пусть только попробуют, эти ревнителю морали там, наверху! Пусть тронут хоть волос на голове Лоры!

Я не обязана давать им отчет. Я честно делаю свою работу. Я хорошая мать и жена. Хранительница семейного очага. Отдаю им всю себя, без остатка. Уже много лет. И свое время, и свои силы, и терпение, и постоянство, и уступчивость, и энергию. Все, что только могу. И что же?! Неужели я не имею права хоть на крошечную долю свободы? Неужели мне запрещено на короткий миг сменить обстановку, взмахнуть крыльями, воспарить в небо, почувствовать себя легкой, невесомой, самой решать, где мне садиться... Потом я вернусь в свою клетку, обещаю вам! И сама закрою дверцу.

И даже буду петь, сидя на жердочке...

Оливье – человек немногословный. Тем более когда говорит по телефону. Особенно когда я в полете. Возможно, я люблю его еще и за это. Во всяком случае, сейчас я с удивлением замечаю, что благодарна ему за короткий разговор, который он сам же и закончил.

Возвращаюсь в «шеви». Илиан стоит в одних трусах у газовой плитки и варит кофе. Он ни о чем не спрашивает. Воплощенная деликатность! Наклоняюсь, чтобы собрать свои вещи, раскиданные вокруг матраса. Сумка. Камень времени. Илиан протягивает мне чашку дымящегося кофе.

– Я останусь в Сан-Диего еще на несколько дней, тут есть пара мест, где можно поиграть. Но у тебя же всегда дальние рейсы.

Я беру чашку, она обжигает пальцы. Как просто было бы сказать «да». Но он прав, у меня только дальние рейсы. Мы сможем увидеться разве что в Шанхае, Мельбурне или Йоханнесбурге. То есть никогда. А где-то в уголке сознания скрежещет Лорин кашель – там, далеко отсюда, и мне представляется Оливье – встревоженный, безупречный Оливье, сидящий всю ночь у постели дочери. Ответ вырывается неожиданно:

– Я что-нибудь придумаю. На следующей неделе я свободна, но могу попроситься в какой-нибудь рейс. То есть выбрать, куда лететь.

Илиан застывает, растерянно глядя на меня. А я люблю эту застывшую наготу. Да, я обязательно что-то придумаю, Ил... Жар, обжигающий пальцы, превращается в пожар, охватывает руки, плечи, сердце, чрево, опалает меня всю, от сосков до последнего волоска между ног. И я наслаждаюсь этим божественным огнем, одновременно проклиная морок, имя которому – желание. И тщетно убеждаю себя, что Илиан красив

не более чем любой другой мужчина, он не сильнее, не стройнее, не изящнее, но тогда почему я так вождедею? Неужто потому, что даже самая прекрасная фигура не может сравниться с простой улыбкой?!

– Ну что же, если прилетишь в Барселону, я, в свой черед, могу дать тебе обещание.

Илиан стоит рядом со мной. Моя рука тянется откинуть прядь волос со лба, дотронуться до его щеки, скользнуть по шее.

– Ты помнишь тот фильм под звездным небом Монреаля – «Жизнь прекрасна»? – продолжает Ил. – Помнишь, как Гвидо удаётся завоевать свою принцессу?^[89]

– Да...

– Если приедешь в Барселону, обещаю, ты тоже влюбишься в меня!

Мой палец останавливается, губы прикипают к его соску. Чертов петух, распутивший хвост! Одна ночь любви, пусть и безумной, и сладостной, несколько «Я тебя обожаю!», вырвавшихся в момент экстаза, и вот у него уже мания величия. Я шепчу:

– А ты в это веришь? Смотри, берегись, как бы с тобой такого не случилось!

Его рука ложится на низ моего живота и медленно, нежно проникает внутрь.

– Это уже случилось, Нати. Я... уже влюблен в тебя.

*Когда наш последний вираж карусели
Свой бег оборвет в нашей постели,
Когда наш волшебный, воздушный полет
Под бременем брака конец свой найдет,
Когда наш смех опечалит всех,
Когда наши вздохи сочтут за подвохи,
От любви нам останутся жалкие крохи.*

Я зажмуриваюсь. Меня окутывает тьма. Но это длится всего полсекунды, я быстро открываю глаза. И первое, что вижу, – горло Фло.

Нож Робусто приставлен к ее шее, но лезвие не вонзилось... Пока нет. Я встречаюсь глазами с безразличным взглядом убийцы, но не могу шевельнуться: Леденец давит на меня всем телом, не давая и вздохнуть. Для них это просто ремесло. Зарезать Фло, а затем и меня. Я замечаю, как пальцы Робусто крепче сжали нож, чтобы рассечь сонную артерию. И вдруг мир содрогается.

Что это – землетрясение?

Мощный толчок подбрасывает фургон, и все, что находится внутри, – музыкальные инструменты, консервные банки, стаканы и прочая кухонная утварь – с грохотом разлетается во все стороны, матрас встает дыбом. В фургон будто ворвался ураган. Нож Робусто отлетает к приборной доске. Очередной толчок впечатывает Леденца в спинку пассажирского сиденья. Я не слышу ни его проклятий, ни воплей его кореша – все заглушил грохот, раздавшийся снаружи. Я инстинктивно сжимаюсь в комок. Боковым зрением замечаю, что Фло тоже съеживается. Стенки фургона вибрируют и скрипят, но страшнее всего грохот.

Внезапно взывает автомобильный гудок.

Робусто оказался стойким парнем: устоял на ногах, а теперь подобрался к окну и выглянул. В борт «шеви» тараном врезался чей-то «бьюик». За рулем тот тип, что несколько минут назад маячил за стеклом.

Робусто оглядывается на меня, я в ужасе таращусь на него, пытаюсь сообразить, что происходит.

Робусто снова отворачивается к окну. Он бы уже выскочил и разобрался с этим психом, но завывающий сиреной гудок наверняка уже переполошил всю округу. Откуда-то издали отзывается другая сирена, уже настоящая – полицейская, и судя по звуку, машина быстро приближается.

– Сваливаем! – хрипит Робусто.

Не вспомнив про нож, не дожидаясь напарника, он выскакивает из «шеви». Леденец, судорожно натягивая штаны, пингвиньими шажками бросается следом.

Я нашариваю дрожащую руку Фло.

Арендованный мной «бьюик» смят в гармошку. А мы спасены.

Жан-Макс ходит в героях, не уставая сообщать всем и каждому о своем подвиге. Сначала потренировался в красноречии перед гуляющими в парке Чикано, затем изложил приукрашенную версию полицейским из комиссариата Баррио-Логана, а под конец блеснул совсем уж захватывающим сюжетом перед экипажем «боинга» на обратном пути в Париж.

Мы с Фло сердиться на него не способны, пусть рассказывает эту историю, если ему так нравится, хоть десятилетиями, в режиме нон-стоп.

Я долго не могла догадаться, как Жан-Максу удалось нас разыскать, впрочем, полицейские, прибывшие на место происшествия, тоже этого не поняли. Оказалось, все было очень просто: командир Баллен, расставшись с нами на стоянке Сан-Исидро, битый час таскался за Шарлоттой по моллам, и ему это обрыдло. Тогда он написал Флоранс: «Где вы?» Фло ответила, прикрепив несколько фотографий стенных фресок и наш маршрут от стоянки у входа в парк Чикано до фургона, стоявшего перед фреской *La Soldadera*.

Жан-Макс прошел по нашему маршруту, заглянул в оконце «шеви», увидел нас, связанных и беспомощных, и ушел, якобы испугавшись Робусто, а дальше принялся импровизировать. Вызвал полицию, сел в «бьюик», пристегнулся, разогнался и, вдавив кнопку гудка, врезался в фургон.

– Вам повезло, – сказал комиссар полиции Баррио-Логана, – очень повезло. Прогуливаться вдвоем в таком квартале крайне рискованно!

Я сразу поняла, что полицейские не собираются глубоко копать и ограничатся поисками мелкой шпаны, на которую наткнулись две иностранные дурынды зрелого возраста.

– Мы обязательно найдем их, сеньоры, они тут отпечатков наоставляли на два срока.

Фло изобразила, будто ее удовлетворил такой подход к делу. Она виновато кивала, когда пожилой комиссар журил ее за легкомыслие на смеси испанского с английским, и поддакивала, когда он толковал ей о наркотиках и бандитизме, пугая статистикой преступлений в районе.

– Ах, сеньора, если бы ваши показания могли уберечь других туристов от подобной неосторожности! У нас и так дел по горло, а тут изволь еще нянчиться с иностранцами!

Фло пообещала ему, за нас обеих, что мы больше не будем, она и сама

не понимает, что на нас нашло, просто уж больно красивые фрески! Меня она не выдала, не сказала, что я сама потащилась к этому фургону, но я понимала, что подруга сердита на меня. И еще бы ей не сердиться! На шее длинная алая царапина, оставленная ножом, которым ее чуть не зарезали. Да и на ляжке, от бедра до колена, тоже осталась рана, хоть и неглубокая.

Мне ужасно стыдно, ведь я ей врала. Во всяком случае, не сказала правду. Ни ей, ни Жан-Максу, ни полицейским. Да и что я могла им рассказать?

Что этот фургон стоял здесь, перед тем же самым пилоном, двадцать лет назад?

Что я провела в нем самую прекрасную ночь в своей жизни?

Что все повторяется – непонятно как, возможно благодаря магической силе камня времени, который то появляется в моей сумке, то исчезает?

Что эти типы следили за мной, узнали меня по татуировке и хотели убить именно меня, как пытались убить моего любовника в Париже, за десять тысяч километров отсюда?

Как я могу все это им рассказать, да еще на смеси плохого испанского и английского?!

* * *

В лос-анджелесском аэропорту Жан-Макса встретили как героя. Во время стоянок слухи распространяются быстрее, чем информация по новостному каналу французского ТВ. Служащие аэропортов убивают время, прилипнув к экранам и слушая все новости подряд – политические, экономические, спортивные, криминальные и т. д. Командир Баллен позаботился добавить им адреналина. Фото арендованного «бьюика», искореженного при ударе. Прямой репортаж в «Полицейском патруле». Короткая успокаивающая информация, когда никто еще не знал, что произошло: «Нападение на двух стюардесс. Командир самолета спасает женщин благодаря молниеносной реакции». Фло, польщенная интересом стюардов и стюардесс самых разных национальностей, постепенно забыла о своих травмах и даже начала шутить. Порез на шее Фло спрятала за форменной косынкой, зато, сияя улыбкой, она с готовностью приподнимала юбку, демонстрируя рану на ноге, и кокетливо говорила, что, слава богу, уже не в том возрасте, когда носят юбки выше колен. Шведские стюарды, могучий корейский пилот и очаровательный второй пилот – португалец с серебряными висками – взирали на Фло так, будто готовы были утешать ее

всю дальнейшую жизнь.

Оставив ее наслаждаться вниманием, я вышла в коридор позвонить Оливье. И рассказать ему как можно меньше, чтобы не испугать, но все же подготовить. Он все равно узнает об этом от моих коллег. А главное, зачем себя обманывать, – мне нужно с ним поговорить. Даже если я скрою часть правды. Сгладить, преуменьшить случившееся – так же, как Фло и Жан-Макс его раздувают.

– Эти типы нас не тронули, Оли. Знаешь, обыкновенные мелкие жулики. Они трусили не меньше нашего. И как только в квартале подняли тревогу, сразу сбежали.

Кажется, моя стратегия, имевшая целью успокоить мужа, не сработала.

– Я приеду за тобой, – сказал Оливье, перед тем как отключить телефон. – Приеду в Руасси. Буду ждать на выходе.

Ну как ему отказать? Не могу же я заявить мужу: нет, дорогой, не трудись, не надо! У меня есть более важное дело, чем утонуть в твоих объятиях. Меня кое-кто ждет в больнице Биша. Кое-кто, кого я так давно не видела. Мой бывший любовник.

* * *

– Дамы и господа, – говорит командир самолета Жан-Макс Баллен, – мы вылетаем из Лос-Анджелеса, и я должен сообщить вам приятную новость. На нашем «боинге», рейс AF485, впервые в мире установлены ракеты класса «земля – воздух». Пассажиры, сидящие у иллюминаторов, могут лично в этом убедиться. Мы прибудем в Париж не с запада, пролетев над Америкой и Атлантическим океаном, а с востока и будем иметь честь освободиться на полпути от этой пары «Томагавков», которые ООН попросила лично меня сбросить на Пномпень. Беспокоиться не о чем, крейсерская скорость нашего «боинга» значительно превышает скорость северо-корейских, китайских и русских истребителей!

Самолет летит над Атлантикой, хотя несколько доверчивых пассажиров продолжают мучительно размышлять, что же это за океан там, внизу. Дождавшись, когда последние подносы с ужином будут убраны, свет в салоне погашен, а пассажиры почти все заснут, Жан-Макс приглашает нас к себе в кабину.

Нас – это Шарлотту, Флоранс и меня.

Он властно приказывает второму пилоту очистить помещение, и парень покорно выходит. Командир долго молчит, всматриваясь в звездное

небо за стеклом.

– Мне казалось, что я их не выношу, – признается он наконец, куда серьезнее обычного. – Звезды, одни звезды, всю ночь напролет. Даже на земле, стоит мне закрыть глаза и уснуть, я их все равно вижу. Они... мне будет их не хватать.

Мы молчим. Шарлотта любит часы фирмы *Lolita Lempicka*, купленными в молле. С момента отлета я провела с ней много времени, стараясь успокоить. Она в панике примчалась на такси в комиссариат полиции прямо из магазинов, с кучей пакетов, разрываясь между испугом и радостью.

– Девочки, это наверняка мой последний рейс.

– ?..

– Ну-ну, не делайте вид, будто вы не в курсе. Такие слухи распространяются быстрее молнии, особенно когда речь идет о пилоте, изображающем Брюса Уиллиса... За шесть месяцев до пенсии я мог себе это позволить... и попался на месте преступления!

Я прекрасно понимаю, чем обязана Жан-Максу. И говорю, положив руку ему на плечо:

– Не переживай, ты наверняка отделаешься взысканием. Ты ведь у нас легендарный пилот, с тобой все хотят летать. И мы тебя в обиду не дадим. Мы все тебя поддержим, а нас сотни!

– Тысячи! – поправляет Жан-Макс. – Если ты мобилизуешь на это дело всех моих бывших пассий, то – тысячи!

Шарлотта краснеет, подносит руку ко рту и впивается зубами в браслет своих часиков. Фло явно колеблется, не зная, чью сторону принять. Она никогда особенно не благоволила Жан-Максу, особенно в части его отношений с женщинами, но если бы он не подоспел на помощь, протаранив фургон...

И она, в свою очередь, берет слово:

– Окей, на тебя донесла Сестра Эмманюэль. Ты же знаешь, она строгая блюстительница нравственности. Но мы ее уговорим не обвинять тебя, смягчить свои показания, и она...

– Это еще не все, – прерывает ее Жан-Макс, не отводя взгляда от звезд. От Млечного Пути. – Не все, – повторяет он. – Я выдал себя, когда меня вызвали на ковер. На меня нажали, заставили покаяться, и я признался в своем грехе, но в другом.

В грехе? Значит, было еще что-то, кроме перепихона в кабине над океаном? И я готовлюсь к худшему... Жан-Макс снимает руку со штурвала и делает вид, что крестится.

– Сестры мои, знайте, что я много лет занимался скромным трафиком спиртного, провозя его без таможенного досмотра и санитарного контроля. В небольших количествах, но высшего качества – для избранных клиентов. В Америке у меня есть небольшая сеть распространителей. Лучшие сорта русской водки. Старинные марки рома. На прошлой неделе, в Монреале, я откопал редчайшее канадское виски – Alberta Premium...

И тут я вспоминаю магазин на улице Сен-Дени в Старом Монреале и Жан-Макса с канадскими долларами в руках; он разговаривал с какими-то двумя типами мафиозного вида. Значит, контрабанда! Наконец-то разъяснилась хоть одна тайна, и плевать, что наш командир оказался еще более сложной фигурой: блестящий пилот, неутомимый бабник, герой, спасший мне жизнь, а вот теперь еще и контрабандист, торгующий элитными винами и водками.

– Несколько наших бонз принимали от меня подарочки в бутылках, но работяги попроще вцепились мертвой хваткой и не отпустят, пока не вызнают все до конца... И не только в отношении спиртного. А еще и по поводу того случая в кабине.

Шарлотта краснеет. Фло сверлит взглядом Жан-Макса, словно ждет, хватит ли ему наглости назвать имя стюардессы, с которой его застукали.

– Ну я им и выдал имена всех наших стюардесс, – заявляет Жан-Макс и с усмешкой начинает перечислять: Монополова, Зубровка, Гавана, Альберта...

И меня который уже раз поражает смелость Жан-Макса. Я ему верю. Он обязательно устоит и никого не выдаст. Похоже, его застукали с Шарлоттой, но если Эмманюэль не донесет на нее, он-то уж точно этого не сделает и всю вину возьмет на себя.

– Ну-ну, не печальтесь, сестры мои! Я еще поборюсь с *Air France*, буду стоять на своем до последнего. Что вы скажете, если я приглашу вас через десять дней слетать со мной в Джакарту? С тех пор как я показал себя героем в парке Чикано, мне нужно поддерживать свою репутацию, а я им наверняка пригожусь на этом рейсе.

Джакарта!

Мне вспоминаются слова Лоры, сказанные как раз перед моим отъездом. «Ты что, мам, не смотришь новости? Там же цунами! Волны пятиметровой высоты снесли дома на Суматре, на Яве... Тысячи людей остались без крова...»

Цунами.

Мое цунами.

Где все началось и все закончилось.

В дверь кабины стучат. Второй пилот уже нервничает. За ним стоит Патрисия, старшая стюардесса, мы ей нужны. «Идите работать, девушки! И не мешайте Жан-Максу пилотировать».

Командир подмигивает нам на прощанье. Мне бы следовало успокоиться – все ведь разъяснилось, даже несколько второстепенных тайн; вдобавок я была на краю гибели, а друзья меня спасли. И все-таки не могу отделаться от тревожного чувства. Оно возникло в тесной пилотской кабине и не рассеялось, а только окрепло. Я незаметно рассматриваю командира и обеих стюардесс, пытаюсь припомнить наши разговоры, начиная с Монреаля, начиная с Сан-Диего, и отогнать это мерзкое ощущение, убедить себя, что слишком плохо думаю о них, однако чем упорнее отгоняю мысль, тем назойливей она возвращается ко мне, страшная в своей очевидности.

Каждое слово, произнесенное в кабине пилотов, было неискренним.

И каждый из троих – Шарлотта, Фло и Жан-Макс – мне лжет!

* * *

Во время рейса мы, стюардессы, спим по очереди. Два-три часа. Наступает мой черед, я никак не могу заснуть. В голове мельтешат вопросы. Вспоминаются мелкие противоречия, неувязки. Я корю себя, мне стыдно подозревать коллег в злом умысле, но как иначе объяснить необъяснимое? Например, пропажу документов. Они нашлись в моем чемодане, лежавшем на кровати номера в мотеле, а ведь я точно помню, что брала их с собой для перехода мексиканской границы. Этому есть простое объяснение, и его подсказала мне Фло: дескать, я была в таком смятении, что забыла о них. Ладно, Фло, я не буду настаивать на обратном. Даже если...

Какой-то пассажир задевает меня, направляясь к туалету, машинально извиняется; усталое лицо, в руке мобильник, в ушах наушники. Немного похож на Оливье, хотя я никогда не видела моего мужа слушающим музыку в наушниках. Я улыбаюсь этому полуночнику и опускаю голову, позволяя волосам упасть на глаза, чтобы поскорей заснуть. Расслабиться. Мне не терпится вернуться домой. Увидеть девочек. Поиграть с внуками. Вернуться к жизни матери и бабушки. К простой, мирной жизни, где нет

места лжи. Нет места лжи – с тех пор, как родилась Марго.

Увы, мои сомнения только крепнут.

Может, кто-то хочет заставить меня платить за ложь двадцатилетней давности? Ужасную ложь, в которой я никому не призналась... Но сколько воды утекло с тех пор...

Или – того хуже – кто-то хочет убить меня за это? Как пытались убить Илиана...

А что, если этот кто-то решил свести меня с ума? Как я была без ума от Ила...

Чувствую, что сознание потихоньку затуманивается и веки вот-вот сомкнутся. Неужели удастся забыться сном? Мысли, убаюканные мерным гудением двигателей, клубятся и тают, как облака, сквозь которые мы летим. Голоса сливаются в неясный хор. Лица заслоняют друг друга. Звуки музыки успокаивают. В голове приглушенно звучат гитарные аккорды. И несколько фортепианных нот. На которые ложатся слова:

*When the birds fly from the bush,
There will be nothing left of us...*

Кто-то напевает мне эти слова нежным шепотом, прямо в ухо. Это слова Илиана, наши последние слова, которые я мысленно перевожу.

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа...*

Я сплю. Сплю и вижу сон... Да, конечно, это всего лишь сон! Но при этом мне чудится, что кто-то и в самом деле их напевает. Совсем тихо. И совсем рядом со мной. Неужели тот тип с мобильником, который ждет очереди у туалета? Нет, я и впрямь спятила, хотя уверена, что не спала и не бредила, эти слова и правда напел мужчина, стоявший рядом со мной. Я боюсь открыть глаза... Наконец открываю.

Слова улетучиваются.

Рядом никого. Как и в проходе. Только туалет занят – наверно, тем типом, похожим на Оливье.

Я схожу с ума. Хочу проснуться. Не желаю тонуть в сновидениях и изо всех сил цепляюсь за реальность.

Я забуду прошлое! Прогоню его, похороню навсегда! Вот бы открыть

иллюминатор и выбросить в облачную хмарь мой камень времени, тот самый, который я оставила на берегу Сены. У себя дома. Я хочу вернуться в Порт-Жуа!

Вынимаю мобильник. Теперь я знаю, что не засну. Пальцы гладят розовый корпус, черную ласточку, нарисованную одним росчерком фломастера. Я читаю и перечитываю сообщение, которое Лора прислала мне перед моим вылетом из Лос-Анджелеса. В нем нет ни слова об Илиане, о больнице.

*Возвращайся скорей, мама! Я, Марго и близнецы
приготовили тебе сюрприз.*

Часть III
Барселона

Сегодня днем ветер не особенно бесчинствует, но все же врывается в долину Сены неожиданными порывами, достаточно сильными, чтобы стряхивать последние слезы росы с ветвей плакучих ив, собирать складками поверхность реки, оказывать невидимую поддержку плавному полету уток-крячек над моей головой и шаловливо трепать бумажную скатерть, которую Лора расстелила на столе террасы с половицами из ипекакуаны^[90] – предметом гордости Оливье. Лора прижала скатерть четырьмя камешками, подсунула салфетки под тарелки, а стаканчики утяжелила приборами. Ей хочется, чтобы стол выглядел праздничным, ярким и веселым. Лора утверждает, что от ее взрослых дней рождения не осталось никаких воспоминаний, мол, все они похожи как две капли воды, одни только фотографии позволяют их различить, причем по личикам детей, которые быстро растут. «Вот посмотри, – скажет она через несколько лет, наткнувшись на фотографии, – здесь Этану и Ноэ меньше двух лет! Значит, это было в 2019 году». И все вспомнят тот погожий сентябрьский денек и обед на природе, в саду, когда праздновали мамин пятьдесят третий день рождения.

Спасибо, Лора!

Я смотрю, как она суетится, поглядывая то на стенные часы, то на небо, словно веля ему оставаться голубым до конца дня, то в конец аллеи, где должен появиться Валентин; как насыпает арахис, акажу, крендельки и крекеры в фаянсовые вазочки, привезенные мной с Окинавы. Она так воспитана, моя милая Лора. Она так старается устроить получше дни рождения мамы и папы. Точно так же мы с Оливье праздновали каждый день рождения Лоры и Марго с года до пятнадцати, с подарками и пирожными, конфетами и танцами, приглашая их подружек и наших родных. Если вдуматься, это хорошее вложение! Вот теперь и дети устраивают праздник родителям, и так будет лет пятьдесят, от сорока до девяноста!

Лора выставила меня сначала из кухни, потом и с террасы: «Мам, не вертись под ногами, иди посмотри журнал, почитай книжку, мы с Марго сами всем займемся».

Знаем мы эту Марго... тебе все придется делать самой, моя милая.

Марго встала через час после приезда Лоры, освободила уголок кухонного стола для своей чашки с хлопьями и весьма неохотно согласилась почистить десяток редисок и нарезать колбасу, притом одной рукой – другая барабанила по кнопкам смартфона. Оливье возится с близнецами, сейчас они отправились втроем в лес, чтобы набрать хвороста для барбекю. Уголь здесь не признается.

Улучив момент, когда Лора отвернулась, я стащила со стола горсть чипсов с паприкой и медленно побрела в конец сада, к Сене, чтобы подкормить Джеронимо и птенцов.

Пусть и у них будет праздник!

* * *

Убеждаюсь, что на террасе все заняты делом, и выглядываю за низкую кирпичную стенку, тянущуюся вдоль берега. Я еще не успела – или не посмела – проверить камень. Прекрасно помню, как перед рейсом в Лос-Анджелес подменила мой камень времени одной из этих белых галек. И тем не менее, прилетев в Лос-Анджелес, обнаружила в сумке канадский камешек, а не белую гальку с берега Сены, – именно канадский, точь-в-точь такой, как десятки других, продающихся в инуитской лавке, но ведь это невозможно, свой я спрятала у себя в саду! И никто не видел, как я это сделала.

Снова наклоняюсь, рассматриваю ровный ряд белых камешков. Ни одного серого, как будто этого обмена вовсе не было. Как будто я опять все придумала. Ну предположим, что кто-то из членов экипажа нашего «боинга» захотел меня разыграть, порылся в моей сумке и заменил один камешек другим, такое могло быть... Но здесь, у меня дома?.. Кто мог прийти и украсть этот камень?

* * *

Из раздумий меня выдергивает крик.

Лорин.

Она уже третий раз зовет Марго, все громче и громче, чтобы та помогла ей передвинуть десертный стол, и не замечает наушники, торчащие из ушей ее младшей сестры. Наконец до Марго что-то доходит и она реагирует:

– Ну чего тебе?

– Алло, алло, говорит Сена! Если тебе не очень трудно, сними наушники и помоги мне.

– Извиняюсь, мисс Рэтчед, я занята!

Мисс Рэтчед – медсестра-садистка, персонаж фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Обычно Лора реагирует на это прозвище так, словно ее обозвали пиявкой.

– Неужели? И чем же, Лолита?

– Готовлю плей-лист для сегодняшнего торжества, представь себе! Ищу любимые мамины песни. Видишь ли, мне кажется, что она любит музыку больше, чем твою редиску («не оставляй хвостиков, Марго, главное, не оставляй хвостиков!») и твою ореховую колбасу («нарезай тонкими ломтиками, Марго, тоньше, еще тоньше!»).

Лора пожимает плечами и сама переставляет стол. Марго удаляется, гордо покачивая бедрами.

Вот что значит восемь лет разницы!

В чем же дело – в возрасте или в порядке появления на свет? Сестры никогда и ни в чем не были похожи. Лора так привязана к семье, так педантична и так заботится о других, что первым делом пытается навести порядок в головах тех, кого любит. Но Марго категорически не допускает, чтобы кто-то наводил порядок у нее в мозгах, у нее в комнате и даже в ее мире. Хаос и только хаос – ее жизненный принцип. И этой маленькой хитрой девчонке удалось убедить своего дорогого папочку – маниакального аккуратиста – в справедливости своей теории.

Лора и Марго – полные антиподы, а с тех пор как младшая достигла подросткового возраста, она стала совсем невыносимой, но я-то знаю, что между ними существует глубинная связь. Лора защищает младшую сестру несмотря ни на что, и Лора служит Марго образцом – образцом, которому та не желает подражать, но все-таки... Лора для нее – тот самый компас, который неуклонно показывает на север. Лора и Марго... Я пристально гляжу на реку, боясь моргнуть, чтобы слезы не испортили макияж. Лора и Марго... если бы вы знали, сколько раз мне хотелось посвятить вас в свою тайну, в этот договор с дьяволом, в эту ложь, которую вы никогда не сможете мне простить...

Громкий автомобильный гудок вспугнул уток, и они шумно снялись с места. Валентин приехал. Близнецы бегут навстречу папе, мгновенно забыв про Оливье, несущего охапку хвороста. Лора поспешно снимает передник. Марго подключает свой мобильник к колонкам, стоящим перед окном.

Mister Mystère^[91].

Прекрасный выбор, Марго!
А какой великолепный стол, Лора!
И моим сердцем завладевает сладкая меланхолия.

* * *

Нас семеро за столом. Потом остается пятеро – близнецы побежали играть. Потом четверо – Марго по-прежнему сидит возле меня, но вся ушла в свой мобильник.

Барбекю.

Валентин прекрасно справился с этой задачей – посмел бы он не справиться! Лора ни на миг не спускала с него глаз. Он так усердствовал, будто от успеха жареного мяса зависело, согласится ли она стать его женой и войти с ним в супружескую пещеру.

Мне, в отличие от Оливье, Валентин очень нравится.

Я знаю, что в один прекрасный день он умыкнет нашу дочь в какую-нибудь отдаленную жандармерию, где нет больницы Биша и где Лоре придется работать обыкновенной сельской фельдшерницей. Но Валентин меня забавляет. И хоть он инспектор, или лейтенант, или еще бог весть в каком звании, здесь, за столом, он держится так робко, словно попал на допрос к своему тестю. Разве что Оливье не светит ему яркой лампой в глаза, как следователь преступнику.

– Вам давно пора подумать об отпуске, моя дочь очень устала. Неужели это было так срочно – обставлять комнату близнецов? Так же срочно, как обустраивать винный погреб?..

Салат.

Я придвигаю к Лоре мой подарочек, привезенный из Лос-Анджелеса, – стеклянный шарик, где снежинки вихрем взвиваются над горой «Парамаунт»^[92]. Она с минуту разглядывает его. Как и все другие шарики ее коллекции, заботливо собиравшейся последние двадцать лет, этот тоже останется в Порт-Жуа, на полке в ее бывшей спальне, где теперь спят близнецы, когда гостят у нас. Они еще слишком малы, чтобы давать им в руки эти шарики, так полагает их строгая мама.

Сыр.

Лора кидает салфетку на мобильник младшей сестры. Марго вскидывается, готовая наброситься на сестру, но девочки тут же со смехом вскакивают и уходят. А я вдруг осознаю, до чего же мне приятно их внезапное единение. Валентин барабанит пальцами по столу, изображая

тамбур-мажора на параде.

Лора и Марго возвращаются, торжественно неся роскошный торт «Бланманже с кокосовой стружкой», мой любимый.

Ветер с Сены проворнее меня гасит свечи на торте, но их будут зажигать снова и снова, чтобы близнецы, сидя на коленях у мамы, тоже в этом поучаствовали и все мы дали себя сфотографировать.

«Смотри, Этану и Ноэ не было еще двух лет. Значит, это 2019 год. Мне исполнилось пятьдесят три...»

* * *

И наконец Лора протягивает мне три подарочных конверта.

А Валентин, наш барабанщик, еще усердней выбивает дробь на столе.

– Это тебе, – говорит Лора. – Тебе и папе. В общем, подарок всем нам.

Я вспоминаю слова моей старшей дочери перед отлетом в Лос-Анджелес: «Ты еще ничего не запланировала на свои четыре свободных дня? Тогда ничего и не планируй!»

Лора поясняет:

– Это единственный способ, который мы придумали, чтобы удержать тебя с нами, мама. И чтобы заставить тебя проветриться, папа! И чтобы мы были при этом все семеро!

– Неужели каникулы? – с легкой тревогой восклицает Оливье.

Я ощупываю конверты, в них какие-то бумаги. Билеты? Путешествие? Запланированное на промежуток между Лос-Анджелесом и Джакартой?

У меня замирает сердце. Еще не вскрыв конверт, я уже догадываюсь о маршруте. И все же мысленно прошу, молю всех богов на свете, всех, кого люди придумали во всех странах мира, заклинаю их: сделайте так, чтобы я ошиблась!

– Мам, ну ты открываешь или нет? – спрашивает Марго слегка раздраженно. Нет, скорее возбужденно.

Мы сидим на террасе вдвоем. Как парочка влюбленных. За круглым столиком на террасе с еще голым бетонным полом. Оливье колеблется между ипекакуаной и тиковым деревом. Он способен часами рассказывать мне о достоинствах и недостатках каждой из этих экзотических пород. Я отвечаю, что мне все равно: «Решай сам, какой пол настелить на террасе, только поскорей, а то будешь думать до Лориного совершеннолетия». Маленькая Лора играет рядом с нами.

Ей-то как раз нравится бетонный пол, она может рисовать на нем мелом. Сердечки – для своих родителей, солнышки, облака. И еще самолеты – мамин самолет. Возле Лоры сокровище – снежный шар, который я привезла ей из Лос-Анджелеса, с Микки и Минни, держащимися за руки в калифорнийском Диснейленде; я успела купить его в последний момент, в аэропорту. У Лоры нормальная температура и никаких резей в животе, как будто Оливье все это выдумал. Сам он утверждает, что все это от ее воображения, *просто она скучала по тебе*.

Сад окутывают мягкие сумерки. Я предпочитаю дневному свету эти предвечерние мгновения, когда все птицы со стариц Сены поднимают гомон в ожидании ночи. В течение нескольких минут мне кажется, что все в порядке. Что мне здесь хорошо. Что я могу сколько угодно летать по свету, но вернусь именно сюда. Оливье настоял на том, чтобы открыть бутылку «Гевюрцтраминера». Это у нас такой ритуал, чтобы отмечать мою «стоянку». Обычно мы выпиваем бокал, от силы два, но не успевает бутылка опустеть, как я уже снова в полете. Оливье шутливо утверждает, что, уезжая, я оставляю ему достаточно вина, чтобы «залить печаль разлуки».

– Милый, я подала заявление...

Оливье упорно смотрит на Лору, которая сосредоточенно выводит мелом на бетоне названия тех городов, что мама показала ей на карте. *Сидне – Банкок – Нуёрк*. Она ужасно гордится своим умением писать. Оливье молчит, и я начинаю перечислять аргументы, которые повторяла десятки – нет, сотни – раз. Неужели ложь становится правдой, если ее повторять почаще?

– Всего три дня. Со вторника по четверг. С Флоранс и еще двумя стюардессами – Лоранс и Сильви. Я уже столько месяцев не летала...

– Ты летаешь трижды в месяц, Нати!

Я чувствую, что назревает ссора.

Перевожу дыхание. Мы вернулись к знакомой теме – сколько раз мы ее уже обсуждали! – и я снова уверенно говорю:

– Так это работа, Оли, просто работа. А тут – три дня каникул, в компании с подружками.

Оливье отворачивается, смотрит на каракули дочери. *Дакар – Дели – Кито.*

– Мне просто жалко Лору.

Я стою на своем. Стараюсь говорить как можно убедительнее, чтобы не вызывать у Оливье подозрений.

– Послушай, Оли, я же отдыхаю две недели в месяц. И провожу с Лорой куда больше времени, чем другие мамы, работающие тридцать девять часов в неделю. Так что тебе не в чем меня упрекнуть! Единственное преимущество моей профессии – дармовые путешествия. А тебе нравится сидеть здесь. Ты всегда отказывался летать со мной. Сколько раз я тебе это предлагала, когда просилась во внеплановый рейс! Часто. Но не сейчас...

Оливье не возражает, даже не спрашивает, куда я лечу. Молча допивает вино, нагибается и начинает собирать Лорины игрушки – это знак, что ей пора ложиться спать.

– Всего три дня, Оли. Три дня в Барселоне, с тремя подружками. Надеюсь, ты мне это не запретишь?

– А разве я когда-нибудь что-то запрещал тебе, Нати?

На каждом из трех конвертов выведен маркером вопросительный знак. Я медленно вскрываю первый. Это называется «Лора шутит». На листочке нарисован футбольный мяч.

– Ну что? – спрашивает Марго у папы. – Поедем на футбол?

– В Манчестер? В Турин? В Мюнхен? – спрашивает Оливье.

– Слишком шикарно! – иронизирует Валентин. – Три дня в Баварии!

Тогда почему не в Мёнхенгладбахе?^[93]

Оливье не отвечает, он залпом допивает вино, уязвленный, а главное, удивленный футбольными познаниями зятя, который у себя в Сержи всего-то стоит на третьей позиции в регбийной команде.

– А ты, мам? – настаивает Лора. – У тебя есть какие-то предпочтения?

Я стараюсь изобразить нерешительность, нетерпеливо вскрываю второй конверт и... не могу скрыть изумления. В нем коллаж из репродукций картин Пикассо, Дали, Миро. Мне кажется, у меня сейчас остановится сердце. Лора расплывается в улыбке. Марго хлопает в ладоши. И Оливье тоже сразу понял. Вскрыв третий конверт, я только получаю подтверждение своей догадки: на листке бумаги собраны все шедевры Гауди – Каса-Мила, Каса-Батльо, Саграда Фамилия^[94].

И у меня невольно вырывается:

– Барселона?!

– Ну надо же, ты у нас прямо собаку съела в географии! – шутит Марго. – Не иначе как стюардессой работаешь!

Следующие минуты проходят в радостном возбуждении. Наш отъезд намечен на завтра! Марго пытается объяснить близнецам, что они полетят на самолетике в небо, совсем как их бабуля. Лора пытается объяснить отцу, что все это совсем не сложно: отправление из Бове, рейсом компании *Ryanair*, то есть никакого риска встретиться с коллегами мамы! Валентин объясняет, что все уже забронировано. Отель-пансион находится в Эшампле^[95], в двух шагах от центра. И добавляет, что Барселона славится как столица воров-карманников, но он берется лично обеспечивать нашу безопасность.

Барселона...

Девочки расхваливают отцу барселонский стадион «Камп Ноу»

и резные деревянные панели готического квартала Барри Готик: тебе очень понравится, папа! В любом случае у Оливье нет выбора, даже если он не летал на самолете уже пятнадцать лет, с тех пор как мы с ним побывали на Мартинике. Его умыкают собственные дети!

Барселона.

Но в этой цепи отсутствует одно звено.

Смех моих дочерей звучит как-то приглушенно, кажется почти нереальным. Я улыбаюсь, изображаю восхищение, но не могу проникнуться их радостью. Словно не живу, а смотрю фильм о собственной жизни. Плохо снятый фильм. Фильм, в котором все фальшиво. Дочери приготовили мне авиасюрприз между двумя моими профессиональными полетами – в Лос-Анджелес и Джакарту. И выбрали... Барселону!

Барселона... третий из моих четырех рейсов, связанных с Илианом.

Это не может быть случайностью. Так что же тогда – свидание? Какое свидание? Что все это значит? Неужели трогательная семейная сцена – не более чем комедия? Неужели они сговорились против меня? Неужели их шутки, рассказ Валентина о ночевках в молодежном кампусе на площади Каталонии, намерение Марго во что бы то ни стало посетить Дворец каталонской музыки^[96] – всего лишь заранее разученные диалоги? Неужели Оливье притворяется, уверяя, что не может вот так внезапно уехать, его ждут клиенты, ему нужно закончить с отделкой заказанных шкафов, напилить доски, обстругать полки... И неужели его дорогие дочки придерживаются заранее написанного сценария, когда с широкими улыбками отвечают, что клиенты никуда не денутся, подождут, они ведь не покойники, которым срочно понадобились гробы!

Нет, я просто схожу с ума! В какой-то миг мне начинает казаться, что вокруг меня все вертится и я сейчас рухну на деревянный пол террасы. Одна только Лора чувствует, что мне дурно, и обнимает за талию.

Пойдем прогуляемся, мама.

И громко объявляет:

– Скоро будем пить кофе!

А потом ведет меня вглубь сада. Остальные ничего не замечают.

* * *

– Тебя не радует эта поездка со всеми нами?

– Ну что ты, дорогая, конечно, радует.

Мои глаза – всего лишь плотина, сдерживающая потоки слез.

– Папа мне рассказал, как на тебя напали в Сан-Диего. Ты должна была попросить нас отложить день рождения...

Я крепко обнимаю Лору. Какая же у меня взрослая, разумная дочь! Куда разумнее, чем ее мать.

– Ничего страшного, красавица моя. Просто я натерпелась страху, но теперь все прошло.

И все-таки я дрожу. Лора массирует мне спину, как делала я, когда она была маленькой. Ее заботливость меня удивляет. Что ж, наверно, женщина начинает по-матерински относиться к своей матери, когда сама становится мамой.

– Мне казалось, что труднее будет уговорить папу, чем тебя. Ты... ты переживаешь из-за своего друга, который лежит в Биша?

На сей раз я даю волю слезам. Лора уводит меня подальше, мы выходим из сада и шагаем вдоль Сены. Джеронимо удивленно взирает на Лору – похоже, никак не поймет, почему голос и запах этой женщины напоминают ему девочку, которая долгие годы, утром и вечером, кормила его хлебными крошками. Я киваю. Мы бредем вперед. Лора сжимает мою руку:

– Не беспокойся, мама. Его состояние стабилизировалось. Хирурги решили понаблюдать за ним еще несколько дней, определить динамику, а потом уж решать, можно ли его оперировать. Вот вернешься и сможешь его навестить. Даже если меня пару дней не будет в больнице, я уже предупредила девочек, Каро и Мартину, они мне позвонят, если что... Я ведь не знала... – добавляет она почти извиняющимся тоном.

Чего ты не знала, Лора? Что моего друга сшибла машина, когда ты уже заказала билеты? Не переживай, дорогая... В любом случае я не уверена, что решилась бы навестить Илиана. И тем самым нарушить наш договор.

Мы проходим еще метров сто, до рукава реки с его четырьмя островками. Как я люблю покой этих крошечных, пустынных, заросших зеленью клочков суши, где цапли бродят по колени в воде, словно она слишком холодна, чтобы мочить в ней перья. Я чувствую, что могу говорить откровенно. И мягко спрашиваю Лору (мне нужно это знать):

– Скажи, детка, почему ты выбрала именно Барселону?

– Ну... мы решали все вместе... Валентин, Марго и...

Я улыбаюсь:

– Нет, Лора. Я тебя знаю – ты сама все решила. Ты никому другому не доверила бы такое решение. Так почему?

– Понимаешь... Во-первых, это совсем рядом... И там море, музеи,

собор, Рамбла, «Камп Ноу»^[97], сангрия, пальмы, дворцы...

– Тогда почему не Рим? Почему не Амстердам, не Вена, не Прага?

Лора пристально смотрит на меня, явно озадаченная.

– А какая разница, мама?

В ответ я только улыбаюсь.

Большая разница! Очень большая, милая!

* * *

Мы идем обратно – остальные, наверно, заждались кофе. Шагаем молча, потом Лора заговаривает со мной:

– Теперь, когда ты меня спросила, почему именно Барселона, мне кажется, я знаю ответ. Помнишь, когда мне было шесть лет, ты привезла мне снежный шар, где была Саграда Фамилия?

Еще бы мне не помнить, Лора.

– Я хранила его много лет. Это был мой самый любимый! Ты, наверно, скажешь – неудивительно, ведь все остальные разбились. Но он был первым и главным в моей новой коллекции. Ты знаешь, что шарик с «Парамаунтом» – сто тридцать девятый?

А я-то считала, что сувениры, привезенные со всех концов света, теперь вовсе не нужны Лоре! Едва удерживаюсь, чтобы не обнять ее и не поблагодарить.

Спасибо, спасибо, спасибо тебе, моя дорогая!

* * *

Когда мы возвращаемся, кофе уже на столе – Валентин, Марго и Оливье справились сами. Потом установили деревянные кегли и начали играть. Близнецы спят, Валентин их уложил.

Лора тут же начинает убирать со стола, а я без сил падаю на стул. Марго кокетничает с мужчинами. Ее духовная близость с отцом бросается в глаза и выглядит очень трогательно. Да, нам с Оливье хотя бы это удалось...

Но помогло ли?

Ведь Оливье сомневался, так долго сомневался.

Смотрю, как Марго прибавляет громкость с помощью своего мобильного, это одна из старых песен Чака Берри, и начинает извиваться,

изображая игру на гитаре.

А может, он и сейчас сомневается...

Ветерок легонько вздымает конверты и листочки, оставшиеся на столе, и они подпрыгивают, словно танцуя вместе с Марго. Дали, Саграда Фамилия, Гауди, Каса-Мила... Прижимаю их ладонью, чтобы не улетели. А мои мысли летят к Барселоне, уж им-то ничто не помешает.

– Ну здравствуйте, принцесса!

Илиан сидит передо мной на террасе бара «Окачи», под аркадами Королевской площади Барселоны.

Мои глаза жадно впитывают весь этот антураж – тени от пальм, их высокие тонкие стволы, с листьями на уровне кровель, ощущение жары и одновременно прохлады от жгучего солнца и водяных струй железного фонтана, череду зонтов-навесов, беспорядочно расставленные стулья, Илиан и черный чехол гитары рядом. Илиан отпустил бородку, лицо загорело. Светлые кудрявые волосы спадают из-под клетчатой кепки на распахнутый ворот широкой, полурасстегнутой красной рубашки. Он выглядит так же романтично, как и все окружающее. Никогда еще я не замечала, что Илиан так красив!

Он встает, обнимает меня, и я готова растаять от одного лишь прикосновения его джинсов к моему животу, распахнутой рубашки – к моей груди. Растаять, а еще лучше вовсе раствориться в этом воздухе и позволить Илу вдохнуть меня, проглотить мою душу, чтобы упиваться моей любовью, отбросив, как ненужную шелуху, все остальное. Мою ложь, мои угрызения совести. Оливье. Лору.

Все произошло так быстро... Я уехала из Порт-Жуа меньше четырех часов назад. Час на дорогу в Руасси, час – в самолете до аэропорта Эль-Прат, полчаса на автобусе до площади Каталонии, десять минут ходьбы до Королевской площади. Я даже не успела позвонить Флоранс или кому-нибудь еще, чтобы прикрыли меня, если понадобится.

Совсем голову потеряла!

Сажусь рядом с Илианом за маленький столик.

Он шатается.

Илиан смеется:

– Знала бы ты, сколько времени я его выбирал! Готов был у кого-нибудь ножку спилить.

Я вздрагиваю при этом столярном слове «спилить» – оно, словно мелкие опилки, припорошило мое ликование. Но Илиан сдул их, и они бесследно исчезли. Я заказываю светлое пиво, такое, как у него. Наши взгляды блуждают в веселой суматохе площади. Туристы жарятся на ярком солнце, пока не сделают панорамные снимки, а потом спасаются от него в

тени аркад. Нам трудно найти первые слова, мы заменяем их поцелуями. И я вдруг с удивлением думаю, что, несмотря на свое желание, наверно, буду скучать с Илианом. Когда пройдет страсть, разве я смогу вести с ним долгие разговоры, какие часами вела с Оливье, обсуждая воспитание Лоры, благоустройство дома?

– Я дал вам одно обещание, принцесса.

Внезапное «вам» удивляет меня.

– Мы разве не перешли на «ты», мой маленький принц?

– Только когда вы в меня влюбитесь!

Когда я влюблюсь в тебя?

Я глажу его грудь в распахнутой рубашке, его ногу и думаю: *Неужели не видишь, что я уже влюблена?*

* * *

Так ты хочешь, чтобы я влюбилась в тебя, Ил?

Как же ты намерен этого добиться?

Мы идем по древним улицам Готического квартала, слившись в эдакое четвероногое существо, иногда слишком широкое, чтобы протиснуться в узенький мощный проулок, останавливаемся перед входом в каждое патио, и наше четверорукое, двуглавое тело сгибается в три погибели под знойным солнцем, чтобы нырнуть из ослепительного света в тень арки или вскарабкаться по нескольким ступенькам. Каждое патио на каждой новой улочке кажется мне более изысканным, более живописным, чем предыдущие. Чудится, будто город веками строился с одной лишь целью – в ожидании нашей встречи. И пусть Верона принадлежит Ромео, Монмартр – Нино и Амели, а Манхэттен – Вуди^[98], но Готический квартал принадлежит нам с Илианом! Каждый солнечный луч на скрещении двух улиц вызывает у меня желание найти тенистый уголок, чтобы поцеловать Ила, каждый фонтан – чтобы обрызгать его, каждая арка – чтобы укрыться под ней вместе с ним. Даже сад при церкви Святой Евлалии уподобляется сейчас Эдему, где мне доступен любой плод.

Наконец мы выходим, минуя Каррер де ла Палья, на Новую площадь с ее сувенирными ларьками. Вот он – современный шрам на теле города, отсекающий его от лабиринта старинных улочек. Илиан останавливается, чтобы купить открытку. Выбирает одну, с попугаем в парке Цитадели^[99], просит меня поддержать его гитару и что-то пишет на обороте. Я читаю из-

за его плеча: *Моей прекрасной ласточке с каменными крыльями.*

Я удивлена:

– Почему с каменными?

– У нас есть два дня, чтобы сделать их легкими! Отправим ее по адресу?

Ил ведет меня на ближайшую улочку, мы проходим под кружевной каменной тенью моста Бисбе^[100], и через несколько метров Ил останавливается перед Каса дель Ардиака^[101]. Я разглядываю остатки крепостной стены, из-за которой выглядывает огромная пальма-жираф, слышу нежное журчание воды в фонтане внутреннего двора Дома архидьякона. Илиан задерживает меня у входа.

– Авиапочтой или наземной? – спрашивает он, помахивая конвертом. – Со скоростью ласточки или черепахи?

И тут я замечаю, что мы стоим перед почтовым ящиком, висящим рядом с монументальной дверью. С великолепно отделанным почтовым ящиком, украшенным барельефами в виде животных. Вот черепаха... а вот три каменные ласточки!

Открытка бесшумно падает в ящик – без адреса, даже без марки!

Чудесно, Илиан, отлично задумано!

И я целую его. До чего же прекрасна жизнь!

* * *

Мы продолжаем наугад бродить по улицам. Квартал Эль-Борн^[102] кажется мне еще более причудливым, чем Готический. Улочки сменяются крошечными площадями, а те, в свой черед, ведут на другие улочки. Рестораны перемежаются галереями, музеями, другими галереями и музеями, другими ресторанами или тапас-барами. Мы блуждаем уже целый час с волшебным ощущением путешествия по заколдованному городу, чьи улицы то и дело меняют облик и обмениваются площадями, чтобы морочить нас. У меня гудят ноги. Я хочу есть. Хочу пить. Хочу наконец заняться любовью. Мы выходим на очаровательную маленькую безлюдную площадь Сан-Кугат, и я решаю сделать привал. Приникаю к Илиану. Он обнимает меня:

– Вы сейчас похожи на котенка.

Отвечаю, мурлыкая:

– Я знаю... я такая ласковая кошечка... Видели бы вы меня с усами!..

И падаю без сил на ближайшую деревянную скамью. Ил остается на ногах, вешает гитару на шею.

– А известно ли вам, что кошек можно приручать музыкой?

Я играю свой прядью, стараясь выглядеть эдакой кокетливой киской.

– Хотите приманить еще кого-нибудь?

Ил настраивает гитару и бросает на меня загадочный взгляд:

– Вы верите в волшебство, Нати?

С этими словами он садится на скамью посреди этой крошечной пустой площади и начинает играть красивую нежную мелодию, которую, видимо, сам и сочинил. Буквально через минуту с крыши спрыгивает тощий лохматый кот; несколько мгновений он точит когти о ближайшее дерево – наверно, чтобы произвести на нас впечатление, – потом подходит и трется об ноги. Не успеваем мы решить, что делать, погладить его или отогнать, как из подвального окна тапас-ресторанчика, закрытого на время сиесты, появляются еще две кошки, с виду домашние, больше привыкшие бегать по земле, а не по крышам, если судить по их грязным бокам. А вот целая троица, возникшая неизвестно откуда, уселась перед скамьей, на которой сидит и играет Илиан, и ничего не опасается! Все смиренно устроились кружком, тихие, сосредоточенные, точно прохожие, слушающие уличного музыканта.

Я потрясена. Тем временем аудитория не перестает увеличиваться. Теперь кошек уже больше пятнадцати. Я ничуть не удивилась бы, если б Илиан попросил меня обойти слушателей с его кепкой и коты накидали бы туда монет. Он перестает играть только минут через пятнадцать, к великому разочарованию публики, которая состоит уже из двух десятков хвостатых слушателей.

Я в себя не могу прийти! Как это понять? Тут наверняка какой-то фокус!

Мои пальцы скользят за ворот Илиана, глядят его шею, пока он укладывает гитару в футляр.

– Ну скажите же, в чем тут секрет?

– Да просто я сочинил этот короткий мотивчик, и он, как ни странно, нравится котам. Но теперь, когда концерт окончен, берегитесь этих зверей, моя ласточка, держитесь поближе ко мне!

Коты, судя по всему, не собираются уходить, они продолжают смотреть на нашу скамью. Илиан, насвистывая, встает; Илиан меня злит, я хочу знать, что происходит, я чувствую, что теперь он спешит уйти с площади Сан-Кугат. Почему? Я заинтригована. Ил шагает в двух метрах от меня, он уже почти вышел на Каррер де Кардерс, как вдруг я вижу, что в

красном доме, стоящем позади нашей скамьи, отворилась дверь. Из нее выходит старуха, в руках стопка мисок, которые она расставляет на тротуаре. Затем аккуратно наливает молоко в каждую, и коты тут же забывают про музыку.

Я догоняю своего «заклинателя котов»:

– Вы сжульничали! Вы знали! Наверняка уже бывали здесь, играли на площади вчера или позавчера, сидели на этой скамейке и заметили привычки старухи. У кошек часы в желудке. Они приходят сюда каждый день в один и тот же час в ожидании кормежки.

– Ну-ну, не сердитесь!

Ил вешает футляр с гитарой на плечо так бережно, как какой-нибудь папа взял бы на руки шестилетнюю дочку, и продолжает путь.

Господи, как же я его люблю!

Ну кто еще смог бы придумать столько всего, чтобы очаровать любимую женщину?! Заклинать котов, точно факир – змей! Даже самых романтических влюбленных хватило бы лишь на то, чтобы созвать пеликанов из Сент-Джеймского парка или голубей с площади Святого Марка!

* * *

Мы еще долго идем по городу, теперь у нас одна цель – парк Гуэль ^[103]. Я добираюсь до него такая измученная, словно в одиночку раздала всему аэробусу А380 завтраки и обеды на рейсе Париж – Сидней. Но Илиан не дает мне передышки:

– Вперед! Сверху вид на город еще прекраснее!

И мы взбираемся вверх по ступеням сказочной лестницы, словно взятой из «Алисы в Стране чудес», она вьется между пряничными домиками, под взглядами дракона и саламандры, покрытых чешуей из пестрых керамических осколков. Прямо-таки декорации Тима Бёртона или Уолта Диснея, только еще более ярких, сказочных расцветок. Единственное в своем роде зрелище, искусство, где краски Моне смешаны с золотом Климта. Лестница выходит на эспланаду, где десятки туристов сидят на знаменитой «волнистой» скамье; я обнаруживаю, что она расположена как раз над удивительным храмом у нас под ногами, опирающимся на восемьдесят дорических колонн. Мы тоже садимся на скамью, любуясь парком, который раскинулся перед нами десятком метров ниже. Вокруг ходят, мельтешат туристы. Илиан смотрит на них с неприязнью, совсем ему несвойственной.

– Как же они все меня раздражают!

– Почему?

– А вы не находите, что здесь слишком людно? Вот где я хотел бы заниматься с вами любовью – на этой змеящейся скамье. Мы ведь это заслужили, разве нет?

И он окидывает взглядом весь город, простирающийся внизу до самого Средиземного моря.

– Ну что же, вынимайте свою гитару и околдуйте их музыкой, чтобы они все исчезли!

Илиан как будто всерьез задумывается над моим предложением.

– Похоже, это мне не под силу, – признается он, помолчав. – Но я могу попробовать усыпить их.

– Давно пора, – бросаю я, не скрывая своего разочарования.

Ил сверлит глазами фланирующую толпу туристов, которые фотографируют друг друга, переговариваются и смеются, потом начинает обратный отсчет:

– Пять, четыре, три, два...

Замолкает. Взмахивает руками, как чародей-волшебник. И громко произносит:

– Один!

О чудо! Внезапно все туристы застывают на месте, точно персонажи «Спящей красавицы»! Одни – на полушаге, другие – с открытым ртом, третьи – с нацеленными фотоаппаратами. Мое сердце ухает в пропасть, останавливается, разбивается, потом снова начинает колотиться, все быстрее и быстрее. Нет, это не иллюзия, не галлюцинация. Эти люди словно окаменели! Неужто Илиан простер свою фантазию до того, что нанял три десятка статистов для такой вот мизансцены?! Но ведь тогда ему понадобилось бы арендовать весь парк Гуэль, чтобы ни один случайный турист не оказался здесь, между дорическими колоннами, в такой неподходящий момент. Да это просто невозможно!

– Итак, принцесса?

Мое сердце по-прежнему бешено стучит в груди.

– Как вам удалось?

– Вы не хотите говорить мне «ты»?

– Нет, сначала ответьте! Все эти люди – ваши приятели?

– Принцесса, в Барселоне я знаю только вас и еще одного человека...

Так вы не хотите перейти на «ты»?

– Ненавижу вас!

И я раздраженно смотрю на застывших людей, словно маленькая

девочка, не понимающая, в чем фокус. Даже эта тишина действует угнетающе. Птицы и те перестали щебетать. Илиан поистине волшебник, куда более могущественный, чем Гвидо в фильме Бенини.

Я люблю его, люблю, люблю!

И уже собираюсь признаться, как вдруг слышу крик:

– Окей, стоп, делаем второй дубль!

Застыв от изумления, вижу, как зашевелились все, кто был на площадке; откуда-то снизу, из-под террасы, на которой мы находимся, выскочили ассистенты – главным образом девушки – и рассыпались по всей эспланаде, чтобы изменить какие-то детали, стереть блик на мозаике, поправить чью-то криво сидящую шляпу, подобрать улетевшую бумажку. Из тени выдвигаются объективы кинокамер, люди с блокнотами раздают указания статистам, расставляя их по-другому, прежде чем они снова задвигаются.

– Так это просто съемка?! – восклицаю я, расплывшись в улыбке. – Они снимают фильм?

– Да, это просто рекламный фильм, – весело смеется Илиан. – Для рекламы духов «Кобальт» фирмы *Parera*. Это еще один из моих мелких приработков. Чтобы сыграть роль статуи, не нужно быть членом *Actors Studio*. Но вы приехали, и мне пришлось отказаться.

– Вы самый ненормальный из всех, кого я знаю!

* * *

Беру его за руку. Мы спускаемся по дорожке со сказочными фигурами. Съёмочная группа снова исчезла за колоннами. Слышна команда режиссера: «По местам!» На площадке смех, беготня, суета. Статисты принимают прежние позы. В тот момент, когда мы проходим мимо пестрой саламандры, режиссер кричит: «Мотор!»

Один из ассистентов бежит к нам, чтобы задержать.

Пусть только попробует!

Тем не менее мы снова оказываемся среди статистов, которые с самым непринужденным видом прогуливаются по площадке, смотрят в небо, болтают в ожидании момента, когда им снова придется застыть на месте.

Мертвая тишина.

И в этой тишине я кричу:

– Люблю тебя!

И впиваюсь поцелуем в губы Илиана. Он кружит меня волчком среди

неподвижных мужчин и женщин, которые, наверно, думают, что сценарий внезапно переписали и мы теперь главные герои фильма.

Что делать... каприз режиссера. Но нет, режиссер впадает в истерику:

– Стоооп! Откуда они тут взялись, эти долбаные придурки?!

Продолжения мы не слышим – успеваем сбежать.

* * *

Мы садимся в первый попавшийся автобус и доезжаем до площади Каталонии: Илиан хочет показать мне бульвар Рамбла. Вечереет. Люди толпами направляются к морю – можно подумать, они специально ждали нашего появления. Обнявшись, мы пропускаем их, но они задевают нас на ходу, увлекают за собой, словно сильное течение двух пловцов.

– Я тебя предупреждал, ты в меня влюбишься! – кричит Илиан.

Не хочу думать ни о чем, кроме этого единственного мгновения. Разбить часы. Не считать ни минут, ни дней. Не думать о том, что будет после. Забыть о скобках, кавычках, многоточиях. Желать одного – раствориться, утонуть в этой толпе вместе с Илианом, моим единственным спасательным кругом. В толпе, которая буквально расплющивает нас, как только мы замедляем ход.

– Идем вон туда, – зовет Илиан.

И мы выбираемся на боковую дорожку, где стоит с тележкой продавец мороженого.

– Какой аромат желает сеньора?

Не могу оторвать взгляд от Илиана. Никогда еще его глаза не были такими голубыми.

– «Цветок страсти».

– Прекрасный выбор. Извольте подождать.

Ил отводит меня к ближайшей скамье, усаживает, а сам идет за мороженым. Чудесная белокаменная скамья сделана в чистейшем стиле Гауди, над ней возвышается фигура в натуральную величину – солдат в каске, изваянный из того же камня.

Илиан возвращается с полдороги:

– Только ведите себя хорошо! Не заигрывайте с незнакомыми мужчинами!

Я разглядываю его, пока он стоит у красно-белой тележки мороженщика. Любуюсь его затылком, талией, стройными ногами. Умирую как хочу его!

И тут каменная скамья, на которой я сижу, начинает шевелиться подо мной! Что это – землетрясение? Вдобавок – словно этого мало – и каменная статуя тоже оживает. Ее каменные веки приподнимаются, каменная грудь начинает дышать, лицо прорезают морщины. Словно заколдованный рыцарь, стоявший тут целую вечность, ждал, когда я сяду именно на эту скамью, чтобы пробудиться от долгого сна и передать мне послание. Послание, состоящее из трех слов.

Мне даже чудится, что, произнося их, статуя улыбается:
– Здравствуй... здравствуй, принцесса!

*Когда краса былых живых букетов
Засохнет пыльным украшением буфетов,
Когда безумный жар страстей глубоких
Остынет в холоде бессонниц одиноких,
Когда благословенный солнца луч
Угаснет под завесой хмурых туч
И нашу жажду чудных перемен
Заменит скучный быт меж серых стен,
Когда друг друга мы вконец израним,
Что нам останется и кем мы станем?*

– Мам, купи мне смузи!

В свои восемнадцать лет Марго ведет себя как подросток. Мы, все семеро, пробираемся по узким проходам рынка Бокерия, и у каждого в руке либо пакетик апельсинового сока, либо свежий плод манго, либо коробочка с фруктовым салатом.

– Давайте попробуем все это на Королевской площади! – предлагает Валентин. – Заодно выпьем кофе.

Наш маленький отряд выходит из тени платанов, пересекает бульвар Рамбла и берет курс на верхушки пальм, торчащие над крышами высоких жилых домов. Оливье возглавляет шествие, расчищая путь для Лоры, которая везет двойную коляску с близнецами, Этан на переднем месте, Ноэ – на заднем. Пам-пам-пам... Близнецы в восторге. Может, они обсуждают на младенческом языке достоинства своего болида, прочность шин и легкость управления? Марго тащится позади, уткнувшись в свой смартфон, не каждый же день выпадает такое счастье – разослать друзьям в инстаграме «Я и смузи сейчас в Барселоне».

Оливье выходит на улицу Каррер де Ферран, мы идем следом. Оглядевшись, он ступает на проезжую часть... и вдруг откуда-то возникает фургон «сеат инка».

Скрежет колес, крики прохожих. В этот момент дикой паники я думаю: он не затормозит, собьет нас! У меня сердце готово выпрыгнуть из груди.

Но фургон останавливается в самый последний момент.

Это Валентин выскочил на дорогу и дал знак водителю остановиться. Даже в гражданской одежде он жестикулирует властно, как полицейский. Лора с коляской переходит дорогу, за ней бежит Марго, а сзади плетусь я на ватных ногах. С тех пор как я оказалась в Барселоне – в аэропорту, в автобусе, на улицах, – мне постоянно чудятся те двое типов из парка Чикано, – любитель сигар и любитель мятных леденцов, те двое, что не случайно вертели около «шеви», те двое, что хотели меня убить. Те, что действовали в Сан-Диего, а за несколько дней до этого – в Париже, рядом с магазином «Фнак» на площади Терн. Так почему бы не здесь?!

Наконец все мы располагаемся на Королевской площади, на террасе кафе «Окоча». Это место выбрала я. А Лора выбрала стол. Стол, который не качается! Не успели Оливье и Валентин выпить кофе, а Марго – сделать

новое селфи перед железным фонтаном Трех Граций, как Лора уже вскочила с места и разложила на коляске близнецов карту Барселоны, где разметила весь наш маршрут по Готическому кварталу. Если бы изобрели детские коляски со встроенным GPS, Лора обязательно купила бы такую.

Итак, в путь!

Лорин маршрут не отличается особой оригинальностью – церковь Святой Евлалии, Женералитат, площадь Сант-Жауме, площадь де ла Сеу, – но все мы восхищенно любим каждую скульптуру, каждым кованым дверным замком, каждым керамическим украшением, старательно разглядываем каждую витрину художественной галереи и каждого мастера, работающего в глубине своей мастерской.

А вот и Мост поцелуев, Дом архидьякона...

И почтовый ящик – тот самый, на прежнем месте!

Черепашка никуда не уползла, каменные ласточки никуда не улетели. Я крепко сжимаю сквозь ткань сумки свой талисман – камень времени.

* * *

Постепенно каждый находит свое место в нашем маленьком отряде. Лора играет роль гида-энтузиаста, властного руководителя группы. Валентин – наш телохранитель, улыбчивый, но бдительный. Марго – юное создание, восторгающееся каждой площадью, где можно сделать селфи, но я догадываюсь, что мысленно она уже строит планы возвращения, летом с подружками ей куда веселей. Даже Оливье и тот как будто интересуется всем – по крайней мере, он долго стоял в соборе, восхищенно разглядывая величественный орган, его изысканные деревянные части.

Ну а я – какова моя роль в этой шумной симпатичной компании?

Кто я? И где я?

Здесь, сегодня? Моложавая бабуля в окружении трех поколений семьи?

А если здесь, но вчера? Да, тоже здесь, но околдованная воспоминаниями о веселой фантазии Илиана, такой живой и неувядаемой, что мне чудится, будто его выдумки ждут меня за каждым углом каждой улочки Барри Готик или в квартале Эль-Борн, по которому мы сейчас гуляем. Площадь Святого Кугаса^[104].

У меня сжимается сердце. На скамье, где Илиан играл на гитаре, сидит старик. Тоже артист в своем роде. Он что-то рисует мелом на асфальте. Мы подходим ближе, и Марго прыскает со смеху. Неумелые рисунки старика беспомощны, безобразны, вызывают только жалость. Даже Этан и Ноэ

нарисовали бы лучше!

– А может, это такой трюк, – шепчет Лора на ухо сестре, поглядывая на перевернутую шляпу, лежащую рядом со стариком. – Если разжалобить людей, они подадут больше.

Марго, видимо, сочла гипотезу сестры интересной. Она делает несколько шагов к шляпе, я же отступаю к красной двери напротив нас и пытаюсь окинуть взглядом всю площадь – стены, водосточные трубы и слуховые оконца.

– Ничего нет! Ни одной монетки в шляпе! – констатирует Марго и спокойно объявляет старшей сестре, ничуть не смущаясь, что старый рисовальщик может понять ее французский: – Твоя теория ошибочна! Прохожие подадут больше тем нищим, кто прилично одет, или удачно шутит, или хорошо играет на аккордеоне или скрипке, особенно если рядом лежит раскрытый футляр с красной подбивкой, на которой хорошо смотрятся монеты. А вот если он заикается, или воняет, или играет фальшиво, да еще протягивает людям пластиковый стаканчик, они фиг туда что-то положат!

Оливье усмехается:

– Закон рынка, мои дорогие! Он действует даже для тех, кто его отрицает...

Обычно мне нравится, как Оливье выслушивает своих дочек, прежде чем сделать вывод. Но сейчас я его слушаю вполуха – мое внимание приковано к красной двери, никто из родных даже не заметил, что я отошла. Пытаюсь сосредоточиться, уловить мяуканье, звуки шагов. И убедить себя, что старуха с мисками для молока наверняка давно уже в лучшем мире. Или нет?.. Берусь за дверную ручку, она поворачивается, и, к великому моему изумлению, дверь отворяется!

Но не успеваю я сделать и шага, увидеть, кто прячется за дверью, как слышится лай. И миг спустя из крошечного закрытого дворика выскакивает доберман – уши торчком, пасть свирепо оскалена. Я в ужасе замираю, не в силах двинуться. Но тут твердая рука оттаскивает меня назад и захлопывает дверь, оставив пса внутри.

– Что ты вытворяешь?! – спрашивает запыхавшийся Оливье. Он среагировал быстрее Валентина, мгновенно, словно предвидел мои действия.

– Я... Я только дотронулась до двери... Я не думала, что она откроется...

Оливье как-то странно смотрит на меня. Девочки ничего не заметили, они протягивают несколько евро горе-художнику. Спасибо, Оливье!

Спасибо тебе, хотя твое восхищение каталонской архитектурой, древними улочками с их дверями, соборами и органами кажется мне слегка наигранным. Но все равно спасибо тебе, муж мой, за то, что ты со мной поехал, за то, что ничего не возразил, за то, что ты, любитель уединения, проявил такую готовность к этому путешествию. Ибо если Марго и Лора выбрали этот маршрут чисто случайно (во что я не верю), то я знаю, что этот случай сыграл с тобой, а не со мной самую злую из своих шуток.

* * *

Саграда Фамилия, Каса-Мила, Каса-Батльо... славься, Гауди! В полдень Лора дает нам короткую передышку на Пласа-дель-Соль; мы сидим за столом (вполне устроившимся) с целым набором тапас и графином таррагоны. Стая юных смуглых официантов скользит между столиками с грацией тореро. Марго очень интересуется корридой, но потом, когда за кофе уже заплачено, настаивает на походе во Дворец каталонской музыки.

Лора решает отколоться так же решительно, как до того руководила:

– Я повезу близнецов в парк Цитадели.

Мальчишки разыгрались, и изучать вместе с ними акустику Дворца музыки значит превратить ее в какофонию.

– И я с тобой, – внезапно говорю я.

– Ты точно уверена, мам? – удивленно спрашивает Марго. – Дворец музыки еще красивее Саграды!

Впрочем, она не настаивает и тащит за собой отца и Валентина. Не успели они отойти, как я слышу, что Оливье шепчет ей:

– Может, она там уже побывала.

* * *

Этан и Ноэ так мгновенно осваиваются в парке Цитадели, словно они тоже «там уже побывали», и сразу же бросаются к попугаям. Моя рука стискивает сквозь ткань сумки камень времени. Это стало настоящей манией, с которой я не в силах бороться. Как только передо мной возникает прошлое... Открытка... Несколько слов...

Моей прекрасной ласточке с каменными крыльями...

Пока близнецы забавляются, распугивая птиц, я выпрашиваю у Лоры, нет ли новостей от моего друга – да-да, того, что в больнице. С той минуты, как я прилетела в Барселону, меня терзает отсутствие совпадений. Ни одного колченогого стола. Ни одной кошки на площади Сан-Кугат. Ни единого намека во всех разговорах. И какое-то зловещее предчувствие нашептывает мне, что Илиан умер или при смерти, что прошлое рассыпается в прах, а все предыдущие случайности были последними его обломками. Лора успокаивает меня так бережно, словно это я – ее дочь, и не задает никаких вопросов.

– Все хорошо, мама. Мартина и Каро следят за его состоянием круглые сутки и, если заметят хоть малейшее ухудшение, сразу же мне сообщат.

* * *

Вечером, после ужина, состоявшего из паэлья и пасты, мы располагаемся на ночлег в двух комнатах маленького отеля-пансиона «Каррер де Геркулес», в двух шагах от площади Сан-Жауме. Валентин, Лора, Марго и близнецы спят в гостиной, предоставив спальню нам с Оливье. И протестовать бессмысленно – она такая тесная, что еще одна кровать там просто не поместится.

Оливье сосредоточенно изучает книгу о Гауди на испанском, обнаруженную в гостиной. И я снова восхищаюсь его усилиями не испортить нам праздник. Он покорно тащится за остальными, интересуется музеями, участвует в общей беседе – и это Оливье, который, когда я улетаю, может целыми днями молча пилить, строгать и обтачивать древесину. Меня одолевают угрызения совести. Я должна быть на высоте.

– Хочу придумать какую-нибудь программу для близнецов, – говорю я, просматривая путеводитель *Lonely Planet*. – Они не выдержат, если мы будем все время таскать их по бутикам и музеям.

Оливье захлопывает книгу:

– Я хочу извиниться, Нати.

Ничего не понимаю. Извиниться – за что?

– Прости, Нати, – продолжает Оливье. – Прости за Дворец музыки. За намек, который я высказал Марго.

И тут я вспоминаю его слова на Пласа-дель-Соль.

Может, она там уже побывала.

Всю свою жизнь Оливье оберегал наших дочерей. Превыше всего он ставил уважение к их детской наивности, к их неведению. И уж конечно, не

здесь изменять этому принципу.

Не здесь и не сейчас.

Я придвигаюсь к нему на кровати, чтобы обнять. И легонько целую в губы.

– Это я должна извиняться. Не повезло нам. Лора и Марго могли выбрать любой другой город...

– Они же не знали. Ладно, поговорили, и хватит. Кончено, Нати, забудем это.

Оливье безупречен. Можно ли любить безупречного человека?

Полчаса спустя моя завтрашняя программа готова, у Лоры не будет выбора. Завтрак на рынке Бокерия, чтобы близнецы вволю поели фруктов, затем парк Гуэль, чтобы показать им керамических чудищ и пряничные домики, а потом возвращение на Рамбла, чтобы полюбоваться мимами.

Скажите спасибо бабуле!

* * *

Лора все приняла безоговорочно. Неужто ее мать еще пользуется авторитетом?

Наевшись дыней, персиками и киви, Этан и Ноэ затеяли игру в прятки между колоннами парка Гуэль, опасливо поглядывая на ужасную гигантскую саламандру. После этой прогулки им обещан пляж. Мужчины нас покинули: Валентин отправился в Эшампле – подобрать майки в магазине *Umtiti et Messi* для близнецов (у них уже есть костюмчики арлекинов из Перпиньяна). Оливье пошел вместе с ним, хотя я сильно подозреваю, что он тут же, за углом, расстанется с зятем. Марго обследует каждый закуток парка Гуэль, вооружившись смартфоном и продолжая сессию селфи, которые пригодятся впоследствии, когда она вернется сюда уже студенткой, одна, и будет играть в «испанскую гостиницу»^[105].

Сегодня впервые со дня нашего приезда у меня легко на душе. Ни разу за все утро я не подумала о нависшей надо мной угрозе и уже перестала проверять свой мобильник ежесекундно, делаю это всего лишь каждые десять минут. Или пока все же каждые пять? В любом случае реже, чем касаюсь своего камня времени. Я даже не знаю, от кого именно жду сообщения. От Фло? От Жан-Макса? От Шарлотты? С самого Лос-Анджелеса у меня нет никаких новостей... но от кого мне их ждать? От Улисса? Или даже от Илиана? Мой номер записан в его мобильнике – ведь Илиан успел принять вызов. Ил...

– А ну-ка, фотку! – кричит Марго.

Это к нам подошли Валентин и Оли, первый несет пакет с логотипом футбольного клуба «Барселона», где лежат красные с золотом футболки, второй – красивую коробку от *Desigual*.

– Все вместе! – командует Марго.

Мы послушно садимся, тесно прижавшись друг к другу, на волнистую скамью верхней площадки парка. Марго вручает свой смартфон проходящему мимо корейскому туристу. Валентин напрягается и бдительно следит за ним, готовясь броситься следом, если тот вздумает смяться. Кореец щелкает как одержимый, пока у него буквально не вырывают из рук аппарат. Разглядываем снимки. Почти на всех я сижу в профиль, наблюдая за террасой внизу, словно ожидаю момента, когда все гуляющие вдруг застынут как по волшебству.

Увы, такие моменты никогда не повторяются! Нет в нашей жизни волшебства. Одна унылая действительность, которую можно преобразить только в мечтах.

– Ну все! Теперь на пляж, кашалоты! – кричит Марго, хватая под мышки близнецов и кружит их.

Мальчишки восторженно хохочут под обеспокоенным взглядом матери. Я слежу за вертящейся вихрем Марго и двумя ее племянниками, пока у меня не начинается головокружение. Я вспоминаю этот парк двадцать лет назад, вспоминаю Илиана на этой же скамье и свое признание, которое вырвалось у меня в окружении замерших статистов.

Я люблю тебя!

Нет, в реальной жизни статистов не бывает. Есть только реальные люди, которым не хочется причинять горе.

* * *

Близнецам пляж не понравился: слишком долго пришлось до него идти, слишком много народа, слишком большие волны. Зато они пришли в восторг от бульвара Рамбла, где можно было бегать и любоваться мимами, стоящими через каждые десять метров, один причудливей другого. Лора разорилась, отсыпая им монетки. Да и можно ли удержаться, глядя, как Ноэ, а за ним Этан робко подходят к статуям вампира на мотоцикле, крылатой египетской богини, Алисы, Чарли Чаплина в котелке, которые вроде бы неподвижны, но стоит положить перед ними монетку, как они оживают, кланяются и гримасничают.

Близнецы тащат родителей к рыцарю, побеждающему зеленого дракона. Марго делает селфи с отцом перед Эдвардом Руки-Ножницы. Затем все мы идем дальше, по главной аллее, к площади Каталонии, она уже близко, метрах в пятидесяти от нас; мимов становится все меньше. Я слегка опережаю все семейство и останавливаюсь, поджидая остальных. И вдруг вижу *это*.

Скамью.

Среди всех мимов на Рамбла она самая обычная, но и самая удивительная.

Живая скамья.

Батисто живет в мансарде на седьмом этаже одного из домов широкого проспекта Колумба, примыкающего к бульвару Рамбла, с прекрасным видом на памятник Колумбу и парусную пристань Старого порта. Квартирка старая, запущенная, с драными обоями и выщербленным паркетом, но, как ни странно, пахнет ремонтом, настолько силен запах акриловых красок и лака, от которого у всех входящих першит в горле. Словом, не квартира, а мастерская художника. Обе комнаты мансарды заставлены банками, рамами, завалены тубиками с краской. И повсюду холсты. Настоящие холсты! Не картины, а огромные полотна – скатерти, занавеси, – расписанные, накрахмаленные, посеребренные или позолоченные. Но для чего послужат эти драпировки, ведомо одному только Батисто.

Особенно гордится Батисто своим последним произведением – «скамьей Гауди». Как он сам объяснил мне, попивая из рюмки вермут, ему осточертели все эти скелеты, зомби и прочие монстры, пугающие прохожих. Самое прибыльное – это оригинальность! Риск, конечно, большой: какой-нибудь новый костюм – это год работы! Но зато он может окупиться с лихвой... Барселона – мировая столица живых статуй, а Рамбла – главные их подмостки. Здесь, между площадью Каталонии и Средиземным морем, работают около пятидесяти мимов. Конечно, нынче таких же можно увидеть во всех столицах мира – мастерство на месте не удержишь, – но настоящие, подлинные только тут. Высокое качество гарантируется!

Мне трудно определить возраст Батисто. От пятидесяти до шестидесяти? У него странно эластичное лицо – то собранное в морщины, то совершенно гладкое. Тело тощее и сутулое – однако стоит ему задвигаться, как оно становится удивительно гибким и ловким. Лицо смеющегося лысого клоуна совсем не гармонирует с грацией искусного танцора. Несколько дней назад Илиан весь день играл на гитаре как раз напротив живой «скамьи Гауди». В час аперитива «скамья» пригласила гитариста сесть на нее, выпить вместе пива, потом поделила с ним *las carboneras*^[106] у себя дома, а потом разрешила и заночевать: «Ты же не собираешься оставить свой заработок на какой-нибудь молодежной

турбазе, братец?» Илиану позволили остаться на одну ночь, на две, да хоть на десять – с одним условием: ни к чему не прикасаться.

Батисто – старый художник со слегка маниакальными привычками. И довольно обеспеченный. Работая «скамьей Гауди», он выручает гораздо больше, чем игрой в телефильмах или клоунадой в цирке. По крайней мере, так он нам признается, окуная три зеленые оливки в свой вермут, но вообще-то не в деньгах счастье, главное в жизни – слава! Скамью Батисто, как и все другие самые красивые живые статуи, ежедневно фотографируют тысячи туристов; она красуется в альбомах путешественников на всех континентах, обсуждается во всех разговорах о турпоездках: «Ты бывала в Барселоне? А по бульвару Рамбла гуляла? А вот эту страшную змею видела? А гигантского осьминога? А живую скамью?» У Батисто есть почитатели во всех странах мира – в Армении, в Южной Африке, в Чили... Он свободен, он знаменит, и он... человек без лица! Сочетание, абсолютно невозможное для любого другого артиста.

Мне сразу очень понравился Батисто. А ему понравилось, что я француженка. Он носит имя Батисто в честь Батиста – Лунного Пьеро из фильма «Дети райка». Поэтому он всячески развлекает меня, утверждает, что я смеюсь, как Гаранс^[107], болтает без умолку, размашисто жестикулируя. Задает вопросы, не слушая ответов, улыбается мне, завистливо косится на Илиана, потом неожиданно широким жестом распахивает окно, выходящее на Старый порт, и командует: «Ну вот, надо проветрить, а вы, голубки, летите-ка в спальню и оставьте меня в покое, мне пора готовить. Я вам сделаю свое фирменное ризотто, такое, что вы, милая моя Гаранс, пальчики оближете, а пока брысь отсюда!» И захлопывает за нами дверь своей единственной жилой комнаты. Спустя несколько минут ароматы грибов и лука-шалота вытесняют акриловую вонь. А громкая музыка в мастерской заглушает наши голоса.

«Томми»^[108]. Да еще и на полную мощность!

– Вообще-то у Батисто безукоризненный музыкальный вкус, – заявляет Илиан, бросив свою кепку на тумбочку у кровати. – А уж готовит он божественно!

Я подхожу к окну, передо мной весь порт как на ладони. Туристы гуляют по набережной Моль-де-ла-Фуста, останавливаются перед каждой яхтой и, пока не стемнело, фотографируются на фоне той, о которой мечтали всю жизнь, чтобы потом хоть на миг представить себя ее владельцем. Я на минуту прикрываю глаза, спасаясь от слепящих лучей заходящего солнца, и шепчу:

– У меня для тебя сюрприз!

И медленно расстегиваю блузку, только верхние пуговицы. Потом стягиваю блузку с плеча, показывая татуировку – ласточку.

Слышу, как Илиан подходит ко мне сзади, и добавляю:

– Она родилась только вчера и еще очень слабенькая...

Илиан бесконечно осторожно, едва касаясь губами, целует ее.

Я оборачиваюсь.

Хочу запомнить все, что будет.

Стремительно сорванные пуговицы осыпаются с блузки, падающей на пол вместе с ними, бюстгальтер летит следом. Я дрожу, я горю, я умираю, но хочу запомнить все: звяканье пряжки его ремня, шорох моей юбки и его брюк, скошенную крышу мансарды с овальным слуховым оконцем, лампу у изголовья постели, запахи базилика и акрила, эту разбуженную мечту стать любовницей века, отдавшейся артисту под крышами Парижа. Я хочу запомнить все, на что толкнет меня фантазия, хочу прожить этот миг и видеть со стороны, как я его проживаю, *carpe diem*^[109], сорвать, как цветок, этот день и поскорее вклеить его в гербарий, чтобы сохранить навсегда. Не хочу забыть губы Илиана, прильнувшие к моему животу, родинку на его бронзовой коже, хищный рот, готовый меня проглотить, и я кричу, заглушая гитары «Ху», я изнемогаю, я не хочу упустить ни одной секунды моего оргазма, ни одного отражения наших обнаженных тел в зеркале, ни одной перемены на лице Илиана, когда он взрывается во мне, ни одного блика на его ягодицах, когда он встает, чтобы покурить у окна, запаха его пота, когда я опускаюсь на колени, чтобы поцеловать их, а потом, коснувшись живота, вновь разбудить в нем желание. Не хочу забыть свое опьянение, свое изнеможение и его нежность. Хочу навсегда запомнить все это, весь этот день, каждый час, каждую минуту и секунду, чтобы не упустить их, чтобы они навсегда запечатлелись во мне...

– Ну вот, все готово!

Батисто поставил столик и три стула на балконе, прямо напротив башен Жауме I и Святого Себастиана^[110], этой пары железных колонн, чьи силуэты напоминают вышки инструкторов по плаванию для гигантов. Красные кабинки канатной дороги, похожие издали на ручных божьих коровок, снуют взад-вперед между башнями и холмом Монжуик.

Батисто замечательный хозяин, такой же замечательный, как приготовленное им ризотто с чоризо. Он способен вести разговор даже с немыми. И не позволяет себе ни малейшей вульгарности. Отсеченные головы, мимы, сидящие на унитазах... *Dios mio*^[111], на что только люди не

идут, лишь бы развлечь детей! Но погодите – из его поисков, идей и мечтаний обязательно родится статуя, презревшая закон всемирного тяготения, и тогда уж он затмит этих негодяев Карлоса и Бенито, которые рядятся в костюм магистра Йоды^[112], парящего в метре от земли, или в Маленького принца, летающего на крыльях диких птиц. Он непременно этого добьется!

Илиан играет на гитаре, и чудится, будто красные букашки фуникулера над Старым портом пляшут под его музыку; тем временем Батисто показывает мне свои рисунки – Адама, парящего в воздухе, которого Бог поддерживает одним пальцем.

Как же мне хорошо! Как далека я сейчас от Порт-Жуа! Какие чудесные минуты переживаю в этой мансарде художника – наверно, совсем как до меня Пилар, любившая Миро, Ольга, любившая Пикассо, Гала, любившая Дали. Я сижу голая, закутавшись в золотистое одеяло, как в сари, и, наверно, похожа на индийскую богиню.

Средиземноморский ветерок нежит теплым дыханием мою кожу. Батисто протягивает мне сигарету.

Все, что я сейчас чувствую, волшебно, нереально. Я наслаждаюсь этим днем, словно ароматом экзотического цветка. Цветка, который никогда не вырастет в моем саду.

Над уснувшим портом гуляет легкий морской бриз. Он слишком ленив и беспечен, чтобы надуть паруса яхт, стоящих в гавани, и уж конечно, не заставит плясать в небе красных божьих коровок фуникулера, но все же достаточно силен, чтобы подхватывать мой легкий шарф от *Desigual* и трепать его у меня под носом.

Спасибо, Оли!

Шарф и вправду мне нравится, он красивый, он такой, как я люблю, – и полупастельный, и вызывающе яркий, одновременно и эксцентричный, и романтичный. Оливье всегда умел преподносить мне подарки в самые сложные моменты: букет цветов – когда наш дом в Порт-Жуа начинает казаться мне серым и неприглядным, духи – когда кухонные запахи вконец надоедают, сексуальное нижнее белье – когда ослабевают желания. Оли всегда умел предупреждать мои капризы, управлять ими или, если не получается, удовлетворять.

Оливье хорошо меня изучил. Куда лучше, чем кто бы то ни было.

Он, конечно, не поверил, что я встала утром раньше других, чтобы позвонить Фло и Жан-Максу по поводу завтрашнего рейса в Джакарту. Со вчерашнего вечера все информационные каналы непрерывно говорят только о цунами в Индонезии, – разрушенные дома, унесенные водой машины, затопленные дороги, растерянные туристы и бесконечные вереницы беженцев, спешащих к временным лагерям в глубине острова. Эксперты толкуют об азиатской Венеции, которая уходит под воду, о тридцати миллионах жителей Джакарты, которые живут менее чем в десяти метрах над уровнем моря, под угрозой постоянных наводнений в сезоны дождей, о коррупции и некомпетентности властей, которые прервали строительство *Great Wall* – самой высокой плотины в мире, способной защитить от моря индонезийскую столицу. Я уже собиралась выйти и тихонько прикрыть дверь спальни, чтобы не разбудить близнецов, когда Оливье напомнил мне, что наш самолет вылетает через четыре часа.

– Не волнуйся, я ненадолго!

Собственный ответ вызвал у меня улыбку, когда я спускалась по лестнице отеля.

Чтобы Оливье – да не волновался?..

* * *

Иду по бульвару Рамбла к статуе Колумба. Прославленный мореплаватель, стоящий на своей шестидесятиметровой колонне, все так же упорно простирает руку на восток, в сторону «Индий»^[113]. Я поворачиваюсь к нему спиной (извини, Христофор), чтобы смотреть на дома и одновременно вызывать Фло.

Я не обманула Оливье. Ну, не совсем обманула. Мне действительно нужно поговорить с сослуживцами, чтобы знать, на каком я свете. И потом, мне так хотелось подышать свежим морским воздухом! А главное, вернуться сюда, чтобы снова увидеть фасад *того* дома, дома № 7, слуховое оконце на седьмом этаже под скошенной крышей мансарды... а потом отворить дверь внизу, подняться по лестнице и, если хватит храбрости, постучать в дверь. Со вчерашнего дня, после встречи с Батисто на бульваре Рамбла, в том же месте, в том же обличье, я неотступно думаю об этом. Он меня не заметил, я же видела только его.

* * *

– Нати? Это ты, Нати?

Голос подруги вырывает меня из мечтательного забытья.

– Фло?

Я торопливо сообщаю, что нахожусь вместе со всей семьей в Барселоне и вернусь в Париж сегодня днем.

– Можешь не торопиться, подруга! Сегодня наш самолет вряд ли туда выпустят. Тут аннулированы все пассажирские рейсы, их заменила воздушная гуманитарная организация. Они ищут волонтеров среди летного состава, тех, кто реально может помочь там. Я к ним записалась... Когда мне было двадцать лет, я целых три месяца изучала медицину! Жан-Макс тоже записался. И Шарлотта... она оказалась храброй, эта девочка... Словом, возможно, они летят уже завтра, рейсом на Денпасар, а оттуда доберутся пароходом до Джакарты.

– Если только не останутся оба на Бали.

Тут я дала промашку, поскольку едва слушала Фло, мое внимание было приковано к окну седьмого этажа в доме на проспекте Колумба.

– Почему оба? Что им там делать вдвоем?

Вот идиотка! Проговорилась все-таки! Фло слишком проницательна. А

впрочем, надо ли продолжать эту игру в молчанку? Ведь сама Шарлотта, уже почти не скрываясь, пожирает влюбленными глазами своего пилота, а Фло умеет хранить тайны.

– Разве ты не знаешь, что Жан-Макс охмурил малышку Шарлотту? Вот так-то, моя милая!

– Что?!

– Они всюду ходят парой, Фло!

– Ты... ты понимаешь, что говоришь?

Я ожидала, что Фло раскудахтается, как сплетница-консьержка, а в ее голосе слышны скорее интонации шокированной монахини. Она не просто удивлена, она потрясена.

– Конечно, Фло! Шарлотта сама мне призналась. Больше никто не в курсе, но если знать, то это просто бросается в глаза!

Я испытываю и стыд, и преступную радость, оттого что могу посвятить Флоранс в эту любовную интригу, о которой она понятия не имела, несмотря на очевидность происходящего. Странно: моя подружка никак не реагирует. Неужели настолько потрясена?

– Фло! Фло!

– ...

– Фло, что с тобой? Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя шокировала их разница в возрасте? Шарлотта достаточно привлекательна, чтобы понравиться любому мужику, а кроме того, в ней есть та самая дерзость, о которой ты говорила! И они оба совершеннолетние. Она развлекается, Жан-Макс развлекается. Все в порядке...

Фло упорно молчит. И вдруг я слышу, как она всхлипывает. И не узнаю прежний, насмешливый, голос моей подруги:

– А раньше, Нати, раньше... Жан-Макс был совсем не такой... По крайней мере... я ему... Я ему верила...

Мне кажется, что я говорю с Сестрой Эмманюэль.

– Верила чему, Фло?

На сей раз Флоранс раздражается рыданиями:

– Ох, Нати, в *Air France* никто не знает, никто! Мы с Жан-Максом не хотели, чтобы у нас были проблемы. Если не считать двух последних недель, мы никогда не летали вместе.

Моя рука судорожно комкает шарф. Я слушаю ее и боюсь собственной догадки.

– Что ты такое говоришь, Фло?

– Господи, да пойми же ты, Нати, что это он! Макс! Тот тип, с которым я живу! Тот идеальный мужчина, которого ты никогда не видела, который

богат, который позволяет мне летать по всему свету. Это он – тот человек, которого я люблю и который еще девять лет назад поклялся мне больше не бегать за юбками. Жан-Макс! Это он – мой муж!

Ну и ну... Я выключаю телефон, пытаюсь убедить себя, что Шарлотта, возможно, все выдумала, что это был всего лишь легкий флирт...

Фло и командир Баллен... супруги?!

Теперь мне понятно это постоянное ощущение каких-то недомолвок или лжи, когда я разговаривала с Жан-Максом и Флоранс, понятно их иной раз странное поведение, эсэмэски, которыми они обменивались в парке Чикано. Кладу мобильник в сумку и шагаю по проспекту Колумба, под резким ветром с моря. И понимаю еще одно: я совершила ужасную промашку. Это же надо – быть такой дурой! Девушка доверяет мне имя своего женатого возлюбленного... а я все рассказываю его обманутой жене! Сюжет похуже того, что представляют в бульварных театриках! Иду к отелю и пытаюсь на ходу придумать себе оправдание. Разве я могла заподозрить что-либо подобное?! И почему Фло была так слепа и доверчива?! Жан-Макс, ставший святым, любящий одну-единственную женщину – ее, Флоранс...

Подхожу к дому № 7 на проспекте Колумба. Вот она – застекленная дверь, осталось лишь открыть ее.

* * *

Я уже знаю, что поднимусь по лестнице. Что Батисто откроет, а я войду, и останусь, и буду говорить – долго-долго. Я честно пыталась изгнать из головы эти воспоминания, но тело, навсегда отмеченное несколькими часами, проведенными в этой мансарде художника, протестует, просыпается, трепещет. Это было в той, другой жизни. Целую вечность назад. И все-таки я поднимусь, без колебаний. И пусть мне будет смертельно больно. Так же больно, как сейчас моей Фло, такой наивной воительнице Фло.

Неужели все мы настолько глупеем, когда влюбляемся?!

Взбираясь по ступеням на седьмой этаж без лифта, успеваю написать сообщение Оливье.

Немного задержусь. Вернусь до полудня.

Я найду какое-нибудь объяснение – например, принесу ему подарок.

Понятия не имею какой, ладно, на обратном пути пробегусь по магазинам и что-нибудь придумаю, какой-нибудь сувенир на память о Готическом квартале. Разве любовь иссякает, когда уже не знаешь, что дарить? Я развязываю шарф. Оливье меня еще любит, значит, простит.

Мне жарко, я с трудом перевожу дыхание, а это только пятый этаж! Невозможно представить, что тридцатилетняя муза, которой я когда-то была, взлетела на седьмой этаж, как на крыльях, держась за руку своего бродячего музыканта.

Отправляю эсэмэску мужу. Если подарок не поможет, расскажу ему про Фло и Жан-Макса. После такого сюрприза он уж точно поймет, что я потратила время на телефонный разговор с подругой. Оливье часто слышал от меня о командире Баллене, о его репутации бабника, но главное, он знаком с Флоранс еще с тех времен, когда она не была замужем и нередко ночевала у нас. Фло ему очень нравилась. И он будет переживать за нее – как и я.

Седьмой этаж!

Уф... Совсем задохнулась!

«Батисто Набирус». Табличка с именем мима висит под дверным звонком.

Слава богу, он все еще здесь живет!

Кладу мобильник в сумку. И, перед тем как нажать на звонок, не могу удержаться от своего проклятого рефлексa – вынуть камень времени, почувствовать его тяжесть на ладони, погладить кончиками пальцев по гладкой спинке. Чтобы набраться храбрости. Чтобы соединить прошлое с настоящим. Но пальцы тщетно шарят в сумке, ищут, ищут...

Камня нет!

Я начинаю привыкать к этому, хотя все еще копаюсь в сумке, перебирая ручки, хватая и бросая то губную помаду, то кошелек, то записную книжку. Камня нет как нет! Как ни странно, я даже не сильно удивлена, и это исчезновение меня почти успокаивает. Оно позволяет мне отказаться от худшей из гипотез: кто-то в моем окружении то похищает, то возвращает его потехи ради. Но вчера рядом со мной были только мои родные, а в рейсах, в Монреале и Сан-Диего, только мои сослуживцы. Значит, если это не самый невероятный из заговоров, остается одно объяснение: я свихнулась... Или же этот камень действительно волшебный!

Звоню в дверь.

Жду.

Слышу шаги.

Медленные шаги.

Дверь бесшумно открывается.

На меня смотрит Батисто. У него лицо старика, изборожденное глубокими морщинами; маска мима растаяла, как воск, растрескалась и застыла; стройные ноги, некогда уверенно стоявшие на цоколе, еле держат. И только взгляд лукавого домового остался прежним, молодым.

Он приветствует меня улыбкой, больше похожей на гримасу:

– Гаранс? Ну входи, прошу!

Словно он поджидал меня здесь последние двадцать лет.

Оливье никогда не предавал Натали. Он не помнит, чтобы хоть раз в жизни солгал ей или сознательно что-то скрыл. Ему всегда казалось, что он говорит с ней так же откровенно, как думает, не делая различия между своими размышлениями и словами, в которые их облакает. Именно так должно быть, когда живешь с кем-то бок о бок: не прятать свои мысли, а безбоязненно открывать их тому, кого любишь; вот это, в его понимании, и есть истинная свобода.

Оливье сглатывает, пытаясь избавиться от горького привкуса во рту, и, сжав зубы, заставляет себя улыбнуться Лоре, сидящей в машине, в своем детском креслице. Девочка даже не стала снимать свой ранец с наклейками из «Неугомонных деток»^[114]:

– Зачем, пап, мы же сейчас приедем!

Она права, школа Порт-Жуа находится в паре километров от их дома. Иногда, в погожие дни, они ходят туда пешком, по дорожке вдоль Сены. Лора прилипла к окну, окликаая подружек – Лену, Анаис и Манон, которые идут по тротуару.

– Сиди спокойно, Лора, они все равно тебя не слышат.

Оливье тормозит на маленькой стоянке перед школой. Он еще не избавился от горького вкуса желчи, от нее горит нос, щиплет ноздри. Сейчас он предаст Натали. Как только Лора со смехом побежит к своим подружкам по подготовительному классу, как только девочки вместе пройдут за ограду школы, он предаст жену.

Они вместе уже десять лет, но за это время он так и не смог понять, какие чувства питает к нему Натали. Натали не такая, как он, она не позволяет своим мыслям свободно разгуливать по их дому, дает им ускользать неведомо куда – беспорядочным, противоречивым, недоступным пониманию. Но в одном Оливье уверен: Натали восхищается его честностью. Его прямотой. Его основательностью. Ей нравится, что он не из тех болтливых хлыщей, которые треплют языком с утра до ночи. Нравится, что он говорит мало, но по существу. Что ему можно безоглядно доверять. Что на него можно опереться. Как на стол, на стул, на кровать.

Потому что он надежен. Да, именно так – надежен.

– Пап, ты чего? Давай, выпусти меня!

Малышка терпеть не может тесное детское креслице. Оливье высвобождает дочь, целует. «Доброго дня, пап!» – и она уносится. Оливье приходится пожать несколько рук, перекинуться несколькими словами с другими родителями. Когда дети из разных деревень поступают в школу, поневоле завязываются знакомства. Мамаши болтливы, как сороки, отцы неизменно приветливы. Какое заблуждение!

Суматоха у дверей школы длится еще несколько минут, потом вдруг, ровно в 8:30, площадка пустеет. Ни суеты, ни шума. Только безлюдный двор и пустынная улица.

Вот и настал момент.

Момент лжи. Предательства.

Оливье, сидящий за рулем, последний раз смотрит назад, желая лишний раз убедиться, что он в машине один. Странно: прилив адреналина уничтожает едкий вкус во рту. Его охватывает возбуждение, которое он всегда ненавидел. То самое возбуждение, что гонит воров и убийц снова и снова вершить свои черные дела. В какую же передрагу он готовится попасть? Зачем? Почему?

Оливье вынимает мобильник и набирает номер Флоранс.

Пока его пальцы нажимают кнопки, он представляет себе круглое лицо молоденькой стюардессы, ее светлые кудряшки, голубые глаза и вспоминает ее смех, от которого на щеках появляются симпатичные ямочки; вспоминает и ее тело – пожалуй, чуточку полноватое. Такое тело приятно лепить. Или вырезать из дерева – в руках опытного мастера, умеющего пилить, строгать, полировать, оно превратилось бы в безупречно гладкую фигурку с соблазнительными формами. В прямую противоположность тела Натали, тоненькой как былинка.

– Фло? Фло, это я, Оливье.

– Оли? Что случилось? Какие-то проблемы с Нати?

Оливье заранее приготовился к такой реакции. Флоранс не ждала его звонка, хотя они не раз обменивались понимающими взглядами, вместе хохотали над чем-нибудь, поглядывали друг на друга, столкнувшись полуголыми в дверях ванной, когда она ночевала у них. В ее глазах Оливье был образцом верного, надежного мужа. Ее удивил сам тот факт, что он знает номер ее телефона, – наверняка отыскал в записной книжке Натали. Оливье в последний раз думает, не прекратить ли разговор. Еще не поздно. Как же он ненавидит себя! Но яд уже проник слишком глубоко, он слышит собственный голос и не узнает его.

– Нет, Натали ни при чем... Она... Она не в курсе... Я... Я хотел бы

поговорить с тобой... наедине...

Флоранс тут же приходит в хорошее настроение. Даже слишком хорошее:

– Ну ничего себе! Ты затеял какой-то сюрприз? Готовишься к дню рождения Натали и собираешь ее подружек? Или хочешь, чтобы я помогла тебе с подарком? Надеюсь, ты не против мальчиков из «Чиппендейлз»?^[115]

Оливье нравится юмор и общительность Фло, ее непритворная жизнерадостность.

– Нет... Не совсем то... Это... это трудно объяснить по телефону... Может, встретимся?..

Веселый настрой Фло тут же сменяется подозрениями, мрачной настороженностью, которая обостряет все чувства, стоит человеку почуять неминуемую опасность. Оливье поторопился. Однако он уверен, что Флоранс считает его симпатичным, даже привлекательным; будь он свободен, они наверняка сблизились бы, и вообще даже сейчас Фло наверняка чувствует себя польщенной. Встревоженной его звонком, но польщенной. Главное – не спугнуть ее.

– Ты... где ты сейчас? Близко?

– Да, но...

– А что ты скажешь насчет сегодня... мы могли бы увидеться сегодня?

– Сегодня? Нет, это не очень...

Оливье резко перебивает ее:

– Ты что, не можешь говорить? Ты не одна?

Ну вот, опять он поторопился и клянет себя за это. Но у него нет выбора, он должен использовать эффект неожиданности! Все разом поставить на карту! Пан или пропал! Фло долго молчит. Перед машиной Оливье проходит мамаша, таща за руку заревавшего мальчугана лет восьми и неся его ранец. Стефани Левасьер и Диего. Оливье они не замечают. Наконец Фло реагирует, ее недавняя эйфория перешла в гнев, минуя стадию иронии.

– Да нет... не в том дело... Послушай, Оливье, я... я своим ушам не верю! Ты что – приглашаешь меня на свидание?

Оливье вытирает капли пота со лба. Сердце у него колотится как сумасшедшее. Вот он – ее ответ! Ему хочется разнести вдребезги руль, разбить голову о приборную панель. Все рухнуло. Он едва находит в себе силы пробормотать:

– Нет... Нет, Фло... Это... это... Забудь, Фло, забудь! Мне тут кое-что пришло в голову, но это была чистейшая глупость... Я сейчас отключусь... Только не говори ничего Натали, пожалуйста!

Теперь в голосе Флоранс звучит презрение:

– Ну разумеется, за кого ты меня принимаешь?! – Впрочем, она тут же смягчается: – Ты... с тобой все в порядке, Оли?

– Да... да... главное, не говори ничего Натали. Это была глупость... Ты же знаешь, что я люблю ее. Люблю больше всего на свете.

– Ну конечно знаю, дурачок. Это и слепому видно. Так что заботься о ней и не давай упорхнуть!

– Спасибо тебе, Фло.

И он отключается. Будь все проклято! Будь все трижды проклято!

Он предал Натали, но Натали его предала первая.

Он оказался прав и прокликает себя за то, что оказался прав, за то, что подозревал жену, шпионил за ней, разыскал телефон ее лучшей подруги в ее записной книжке и дошел до того, что осмелился позвонить Фло под этим позорным предлогом...

И он снова вспоминает слова Натали, произнесенные до отлета в Барселону: *Милый, я подала заявление на внеочередной рейс. Всего три дня, со вторника по четверг. Вместе с Флоранс и еще двумя стюардессами, Лоранс и Сильви.*

Он злится на себя за то, что не верил ей, он боролся с подозрениями, ему хотелось на все закрыть глаза и просто ждать, когда Натали вернется – вернется такой, как всегда. Но Натали вернулась не как всегда, она вернулась иной. Он помнит, как жена стояла на берегу Сены, погруженная в себя, едва отвечая на его вопросы: «Ты идешь ужинать, Бобренок? Ты расскажешь Лоре сказку перед сном? Ты идешь спать?» И еще эта неожиданная причуда – вытатуированная ласточка на плече. Оливье собирает воедино все сходящиеся признаки.

Всего три дня каникул с подружками...

Достаточно было позвонить Флоранс и все проверить. Достаточно было застать ее врасплох, изобразить неприкрытое вожделение, чтобы она выдала правду, даже если Натали ее предупредила. Но если бы он просто спросил: «А Нати с тобой?» или «Какая там у вас погода в Барселоне?» – она бы все равно насторожилась.

Да-да, я здесь...

Да нет, я тут одна...

Флоранс не в Барселоне. Значит, Натали ему солгала.

Оливье теряет представление о времени. Из этого забытья его вырывает детский галдеж: ребятишки с криками выбегают на перемену. За оградой, возле горок, он замечает голубое пальтишко Лоры и в панике быстро отъезжает. Лора не должна его увидеть, иначе начнет допытываться, зачем он здесь стоял. А ему и без того тошно.

Значит, надо спасать то, что еще можно спасти.

И снова ему на память приходят слова Флоранс: *Ну конечно знаю, дурачок. Это и слепому видно. Так что заботься о ней и не давай упорхнуть!*

Сможет ли он промолчать? Сможет ли солгать? Сможет ли не сказать ей ни слова? Целовать ее в губы, которые целовал другой? Ласкать ее тело, которое ласкал другой? Смотреть, как Натали раздевается, и не думать о том, что другой видел ее обнаженной, – другой, которому она хотела нравиться, другой, которому она отдалась, другой, ради которого навсегда заклеила татуировкой свое плечо?!

Ласточка.

Это чтобы он никогда не забывал, что держит ее в клетке.

Сможет ли он вести себя так, словно ничего не знает? Сможет ли запереть слова упрека у себя в голове и не выпустить их наружу? И самому замкнуться – на свой лад, в своей тюрьме?

– Входи, Гаранс.

Я вхожу. В квартире Батисто больше не пахнет ни акрилом, ни клеем. Ничем не пахнет. И не видно банок с краской, расставленных на полу, натянутых холстов, свалки инструментов, картона, дерева, гипса. В квартире царит безупречный порядок. В гостиной теперь стоит сиреневый диван с деревянным корпусом. Диван явно односпальный – не раскладывается. Из чего я заключаю, что Батисто ночует в спальне, а случайные любовники, которым нужен уют, стали редки. Паркет натерт и блестит. На стенах репродукции Миро, Дали и фотографии самых прекрасных мимов бульвара Рамбла. Единственный стол украшают букет сухих цветов и корзинка с фруктами. В общем, квартира, содержащаяся в порядке, оформленная со вкусом, слегка старомодным, и не имеющая ничего общего с мастерской художника. *Напоминает комнату в доме престарелых*, проскальзывает у меня недобрая мысль.

Сколько же Батисто лет? Семьдесят? Восемьдесят? Я подхожу к окну. Вид на Старый порт по-прежнему великолепен. Солнце сверкает на медной чешуе *Peix* – гигантской рыбы^[116], нависающей над пляжем. Я готовлю нечто вроде приветственной речи, как привыкла делать это перед робеющими пассажирами, которые просят взглядом уделить им хоть немного внимания. Итак: я здесь вместе с родными, мы приехали на два дня и улетаем через четыре часа, я впервые за все эти годы вернулась в Барселону, со вчерашнего дня мы ходим по городу как заведенные, ни минуты свободной, я в порядке, у меня уже две дочери, обе взрослые, ну а ты? Отсюда по-прежнему потрясный вид, похоже, с 1999 года здесь ничего не изменилось, они могут снова принять у себя Олимпийские игры хоть завтра, да и ты сам, Батисто, вполне в олимпийской форме.

Батисто отвечает улыбкой грустного клоуна. Не возражает. Не хочет портить радость старческим брюзжанием. Я оборачиваюсь к нему. И спрашиваю себя, что он сейчас думает о стоящей перед ним женщине со слишком черными волосами, об этой Гаранс, говорящей с такой самоуверенностью, – модный шарф, легкое кокетство, образец современной бабушки. Ищет ли он в ее чертах ту, прежнюю пылкую влюбленную, молодую женщину с голыми плечами, закутанную в легкое одеяло,

прильнувшую к Илиану, мечтательно выдыхавшую сигаретный дым в сторону статуи Колумба?

– Как вы жили, Батисто, после 1999 года, после того как я уехала?

– Ну что ты хочешь от меня услышать? После этого звезды погасли, вот и все. А ветер продолжал дуть. А реки продолжали течь. А море по-прежнему поднималось в приливе. Оно стерло ваши имена на песке, а потом отхлынуло, оставив пляж чистым – для других влюбленных. Такова жизнь, Натали.

Слушая его, я машинально ищу в кармане камень времени. Идиотка!

– Хочешь чаю?

– Расскажи мне...

Он не предлагает мне ничего другого – ни алкоголя, ни сигарет, ни даже кофе. Уходит на кухню. Передвигается с трудом. И говорит медленно, в такт шагам:

– Илиан остался у меня еще на несколько дней. Ну а что было дальше, ты сама частично знаешь. Он улетел в Джакарту. Потом вернулся. Сюда. Мне кажется, ему больше некуда было идти. Он прожил здесь несколько месяцев. Пытался устроиться. Изо всех сил. Играл на улице. В барах. В портовых кабаках. Играл много, а зарабатывал гроши. Потом в один прекрасный день ему надоело жить в чужом доме, перебиваться с хлеба на воду, и он вернулся в Париж.

Батисто с бесконечной осторожностью отмеривает ложечкой заварку. Я пользуюсь этим, чтобы пройтись по квартире, заглянуть в спальню. И сразу жалею об этом. Потертые занавески, смятые простыни и несколько аккуратно разложенных подушечек на кровати. Справа от изголовья ночник, на тумбочке книга – «Тень ветра» Карлоса Руиса Сафона. Очки. Коробочка «Теместы»^[117]. Не хватает только стакана для вставной челюсти. Это комната старика – комната, которая, наверно, никогда уже не будет меняться, останется такой на много лет, пока обеспокоенные соседи не обнаружат Батисто на этой кровати, давным-давно заснувшего навеки.

И тщетно я пытаюсь населить эту спальню призраками прошлого. Опрокинуть кровать. Скомкать простыни. Прорвать подушки. Распахнуть окно. Мое тело пронизывает дрожь. Разве стены, которые принимали пылких любовников, могут сохранить следы, запахи, крики?

Батисто протягивает мне чашку. Он не говорит, что это за сорт чая, хотя долго выбирал его. Я настаиваю:

– Расскажи мне еще хоть что-нибудь, Батисто! Ты его с тех пор видел? Получал от него какие-нибудь новости после Парижа?

– Нет, Натали, никаких. Он просто исчез. Я даже испугался: вдруг он

совершил какую-нибудь глупость?

– Какую глупость?

Батисто строго смотрит на меня:

– Какую глупость? Ты и вправду хочешь это от меня услышать? Что он покончил с собой? Пустил пулю себе в голову, бросился под машину, короче, свел счеты с жизнью? Илиан очень страдал после Джакарты, Нати.

– Я тоже страдала.

Батисто не спорит, молча пьет свой чай. Потом разговор продолжается, и чем дальше, тем неуютнее мне становится в этой квартире. Батисто явно что-то скрывает от меня, скрывает что-то важное, решающее. Как будто он ждал моего появления, и это объясняет слишком уж старательно наведенный порядок в его жилище.

Батисто следит, как я пью чай, у него жесткий, пристальный взгляд.

– Вы с Илианом были такой прекрасной парой. Он любил тебя, ты его любила... и все испортила.

– Я не виновата... Ты же знаешь...

– Но и он ни в чем не виноват.

– Я тоже страдала. Может, даже сильнее, чем он.

– Тебе виднее...

Воистину так! Ты далеко не все знаешь, Батисто. Не знаешь того, о чем нельзя говорить! Я смотрю на часы. Мой самолет отправляется через три часа. Но я не могу уйти просто так, не сказав Батисто главного. Собираюсь с духом. Стою, устремив взгляд на Старый порт и следя за кабинами-букашками, ползущими к холму Монжуик, и наконец рассказываю ужасную новость. Илиан работал во «Фнаке», и неделю назад его сбила машина на авеню Терн, сейчас он в больнице. Я не решаюсь высказать гипотезу о намеренном покушении. Хватит с Батисто и того, что я ему сообщила.

Батисто опускается на диван, у него словно вдруг ослабли ноги. Он весь сжался и замер, как когда-то его статуя на «скамье Гуэль». Мне кажется, он и впрямь воображал все эти годы, что Илиан покончил с собой, и, наверно, предпочел бы такую версию – что его друг умер от горя, что он выбрал свободный и трагический конец, а не гибель под колесами автомобиля какого-то лихача, выйдя из торгового центра, где влачил жалкое существование среди сотен других служащих.

Время бежит. А мне трудно уйти, труднее, чем когда-либо, но у меня нет выбора: Валентин, Оливье, Марго, Лора и близнецы наверняка уже собрались и готовы сесть в такси, чтобы ехать в аэропорт Прат. Я все чаще поглядываю на свой мобильник, ожидая эсэмэски от Оливье.

– Мне пора, Батисто.

– Да, конечно.

И все-таки я медлю, не могу вот так взять и покинуть эту квартиру. Не могу решиться оставить старого художника в таком состоянии. А главное, не могу уйти, не выяснив одну подробность, которая не дает мне покоя. Интуиция подсказывает, что я прошла мимо чего-то очень важного. Меня снова терзает ощущение, что весь этот разговор подстроен заранее, подготовлен специально. Может, просто сказывается ностальгия, проснувшаяся в этом месте? Или сожаления о прошлом? Но нет, прошлое не подало мне знака. Камень времени не сработал. Вполне естественно: ведь его у меня украли!

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать, Батисто?

– Хочу, но сегодня это уже ничего не изменит.

Не понимаю, что он имеет в виду. Но выяснять некогда, меня ждет семья. Да и вылет задерживать никто не будет. Подхожу к двери, в последний раз окидываю взглядом слишком тщательно прибранную комнату. И вспоминаю ту ночь, последнюю ночь того времени, когда все еще было прекрасно...

Ночь до цунами.

Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.

Я бормочу это, стоя у открытого окна, и маленький туманный кружок от моего дыхания на стекле люкарны^[118] кончиком пальца превращаю в сердечко. Я проснулась первой. А заснула, прильнув к Илиану. Не знаю, в котором часу разъединились наши тела, кто из нас уснул раньше и кто все еще искал в полусне другого под укрывшей нас простыней.

Перед тем как встать, я покрыла поцелуями горячее тело Илиана. Старый порт еще не проснулся. В небе между башнями ни одной божьей коровки. И тщетно Христофор Колумб упрямо простирает руку к восходящему солнцу – сотни пришвартованных парусников безразличны к его немому призыву: на свете не осталось неразведанных континентов.

Я предвкушаю аромат кофе и тостов, приготовленных Батисто и выставленных на балкон, рядом с окном. Думаю, что с пристани и с яхт никто не сможет разглядеть мою наготу. *Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.* Я пытаюсь воскресить в памяти каждый жест Мерил Стрип, сидящей перед Клинтом Иствудом, как она отворяла окно, держала сигарету, выпуская облачко дыма, смотрела на пикап, удалявшийся в облаке пыли от Холливелл-Бридж^[119]. И пытаюсь копировать эти жесты. Слышу, как Илиан заворочался в постели, и повторяю – на сей раз вслух:

– Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.

Илиан слишком хорошо знает кино, чтобы не понять с полуслова.

– Я знаю, Нати. Я знаю. Но... (Странное дело: его спокойный, назидательный тон напоминает мне манеру Оли.) Но ты не можешь бросить мужа. Во всяком случае, из-за меня.

Мостик Старого порта пока еще можно сравнить с Холливелл-Бридж, но уже через несколько часов громоздкие мусороуборочные машины начнут отмывать и уничтожать следы ночного разгула на Рамбла и на бульваре Колумба, чтобы город вновь стал прекрасным, как накануне.

Не надо все губить, Илиан!

Туманная дымка моего сердца превращается в слезы, вот и первая уже выскользнула из-под век.

И я повторяю, уже в полный голос:

– Не надо все губить, Илиан!

Ответ следует мгновенно – жестокий, как удар хлыста:

– Не надо губить свою жизнь, Нати!

Илиану не нужен плотный завтрак, чтобы восстановить силы. А мне нужен. Я ему не отвечаю. Сточные канавки проспекта Колумба наполнила розоватая пенная вода. Мое сердце исходит такой же влагой.

– Не губи свою жизнь из-за меня, – повторяет Илиан. – Ты ведь любила мужа до нашей встречи. Ты любишь свою дочку и никогда не перестанешь ее любить. У тебя прекрасная жизнь, Нати. Так стоит ли губить ее ради музыканта-неудачника?! У которого ничего нет. Который живет на нищенские подачи. Который кончит неизвестным, отчаявшимся бродягой, таскающим за собой мешок тщетных надежд.

Мешок тщетных надежд...

Я легонько дышу на оконное стекло. Рисую новое сердечко. И наконец оборачиваюсь. Ил может сколько угодно изрекать свои глупости, но я-то вижу, как он пожирает меня глазами. Растрепанную, ненакрашенную, растерзанную. Но Илиану все это как будто нравится. Я стараюсь говорить мягко, чтобы в моем голосе не прозвучало ни гнева, ни иронии:

– Не бойся, дорогой. Главное, не бойся. Я не собираюсь бросать мужа... – Тут я выдерживаю долгую паузу, а потом вмиг убираю с лица серьезное выражение. – Во всяком случае, прямо сейчас! – Подхожу к постели танцующими шажками и одним прыжком оказываюсь рядом с ним.

Илиан останавливает меня, сжав одной рукой мою руку, а другую положив мне на бедро.

– Я не шучу, моя принцесса. Я способен показать два-три фокуса. Развлекать тебя один день. Или одну ночь. Но это ничего не меняет. Я тебя не стою.

Он лежит, вытянувшись. Откинутаая простыня обнажает тело до первых завитков внизу живота. Я люблю его. Люблю еще больше именно за то, что он не пытается меня умыкнуть, за то, что не пытается выманить у меня ласки в обмен на лживые обещания. За то, что он не похож на негодяев, которые так поступают. За то, что он готов скорее потерять меня, чем сделать несчастной. Какой мужчина способен на подобное самопожертвование?!

– Прекрати, хватит!

И я долго смотрю на него, прежде чем спросить:

– А что там – в твоём мешке безнадежных надежд?

Ил не отвечает. Он сейчас похож на маленького растерянного мальчика. За стеной, в гостиной, звучит музыка, которую слушает Батисто.

Слишком громкая.

Несколько фортепианных аккордов.

Let It Be.

Ил прикрывает глаза.

– Вот это! – шепчет он.

Я не понимаю:

– Что – это?

– Именно это – *Let It Be*. Или *Angie*. Или *Hotel California*. Вот моя надежда – написать песню, которая останется! Музыку, которая меня переживет. Такую, чтобы она вошла в жизнь людей, чтобы они ее насвистывали, чтобы она вызывала у них воспоминания, образы, дарила мужество. Я уверен, что это единственный способ достичь бессмертия.

Негодяй не оставляет мне выбора! Я обнимаю его, целую так, что у нас обоих захватывает дух, – пусть знает, что есть и такой способ достичь бессмертия.

И мы не дышим целых три минуты, пока за стеной не замирают звуки фортепиано.

Let It Be закончилась.

Я встаю на колени. Можно подумать, что я молюсь, понунив голову; мои груди подрагивают над его животом, разверстые губы чрева почти касаются его лица.

– Я помогу тебе, Ил... Обещаю. Мы понесем его вместе – твой мешок с надеждами. И вместе станем бессмертными.

Я знаю, что Ил сейчас протянет руки, чтобы сжать мои груди, раздвинет мне ноги, чтобы проникнуть внутрь языком. Лишь бы заставить меня замолчать, доставив наслаждение.

– Только посмей, Ил... Только посмей сказать, что мы на этом и кончим, что ты сможешь жить без меня!

– ...

– Мы станем сильнее всех. Хитрее всех. Только дай мне немного времени. У нас впереди еще целая жизнь, чтобы любить друг друга.

Целая жизнь... И самолет, который вылетает в Руасси через три часа.

Его руки ложатся на мою грудь – ту, под которой бьется сердце. Со скоростью тысяча километров в час. Я продолжаю свою литанию:

– У нас с тобой целая планета, чтобы любить друг друга, Илиан. Через два дня я лечу в Джакарту.

– Знаю, ты говорила это в Монреале, моя ласточка.

– Я вылетаю из Руасси и возвращаюсь в Руасси. Ты... ты мог бы встретить меня в Париже?

Простыня соскользнула на пол. Теперь Ил и впрямь проснулся, окончательно проснулся. Я борюсь с искушением опуститься еще ниже, добраться до острия его желания, вобрать его в себя, втянуть, проглотить.

– Нет... Это невозможно... После поездки в Барселону Улисс подыскал мне новый контракт. Я так долго его упрашивал...

– Новый контракт? Где, в каком месте?

Мои пальцы ласкают восхитительно крепкий член, губы жаждут поучаствовать в пиршестве. Я наклоняюсь, но Илиан движением влюбленного дзюдоиста переворачивает меня на спину.

И вот он уже на мне.

– Да ерундовый контракт, говорить не о чем! – шепчет он. – Гитаристом в баре отеля люкс.

– Где?

Илиан проникает в меня.

– В Джакарте.

В Джакарте...

Ил уже во мне.

Джакарта!

Значит, наш роман – самый прекрасный в мире – продолжается! Я уже не чувствую своего тела, наслаждение захватывает, сжигает меня, и каждая капля крови, каждая клеточка плоти сулит бесконечное блаженство. *Такая уверенность приходит единственный раз в жизни.*

– Я люблю тебя, Илиан... люблю... ЛЮБЛЮ!

Ил не останавливается. Ведет меня к вершине наслаждения.

– Куда мы идем, Натали? До чего мы вот так дойдем?

– До Джакарты.

Наши тела сливаются в оргазме. Наши души воспаряют к небесам. Оставив на постели две измученные телесные оболочки.

– А потом?

– А потом нас ждут целая жизнь и целая планета, чтобы любить друг друга.

Оставь мне себя немножко:

Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,

Брошку, сережку, к сердцу дорожку...

Почему требуется столько предосторожностей, чтобы пропустить пассажиров в самолет? Ведь не подвергают же людей досмотру перед посадкой в поезд, в автобус, на корабль, а ведь там тоже можно все разнести вдребезги, если какой-нибудь псих решит это сделать. Привыкнув к сокращенным до минимума формальностям в отношении летного состава, я редко задавалась этим вопросом. И вот теперь, зажатая в толпе пассажиров, терпеливо ожидающих своей очереди перед воротцами металлоискателя аэропорта Прат, нахожу задержку нестерпимой. Перед нами не меньше полусотни пассажиров, которые должны поставить на транспортер свои сумки, выложить ключи, украшения, мобильники, ремни, обувь. Мы, все семеро, молча ждем своей очереди; близнецы увлеченно сосут «чупа-чупсы», то и дело обмениваясь ими на столике коляски; Лора пытается развлечь остальных разговором.

– Все-таки наш вояж удался, правда? – И сама же настаивает, вспоминает, обсуждает, поздравляет нас и себя с успехом, строит планы на будущее: – Хорошая была идея, вы согласны? Это можно повторить, всем вместе, почему бы и нет?

– Конечно, Лора, конечно! Не беспокойся, все хорошо. Ты замечательно все это придумала!

Даже если Оливье сейчас не говорит ни слова.

Ему очень не понравилось, что я где-то пропадаю до самого полудня. И моя выдумка насчет разговора с Флоранс и ее брака с командиром Балленом его ничуть не убедила. «Нет, ты представляешь, Оли?!» – «И это заняло у тебя все утро?» Как не убедил и мой подарок – керамическая кружка в стиле Гауди. Да, я согласна, что подарочек так себе, но чем еще, будучи в Барселоне, доставить удовольствие человеку, который не любит ни футбол, ни живопись? Видно, что Оливье не терпит вернуться домой. Я часто смеюсь над ним, когда мы бываем в гостях и он сразу после кофе начинает позевывать и смотреть на часы: его тянет в мастерскую, как лошадь в свою конюшню.

Но сегодня все гораздо хуже.

Сегодня не до смеха. Я чувствую, что Оливье рассержен всерьез. Он сдерживается ради Марго и Лоры, не позволяет себе никаких намеков, ну или почти не позволяет, сказав только позавчера, в постели: *Больше ни*

слова об этом, Нати. Кончено. Забудем!

А я вот взяла и сбежала. Оливье согласился похоронить прошлое, а я все-таки не удержалась и опять натворила бед. Прости меня, Оли!

Я крепко сжимаю руку мужа, стараясь ободрить его. Ободрить Лору. Не Марго – той на все плевать. Она сама себя развлекает, пересматривая *фотки* на мобильнике и время от времени демонстрируя нам самые удачные – скульптуры Саграда Фамилия, потолок Дворца музыки – или самые смешные – Этан и Ноэ, показывающие язык саламандре в парке Гуэль, какой-то голый тип на пляже Барселонеты, Валентин посреди бульвара Рамбла, отдающий честь живой статуе Джеймса Бонда.

А в воротца металлоискателя прошли не больше десяти пассажиров, стоявших перед нами.

И вдруг до меня доходит – мне все объяснила одна из фотографий Марго. Теперь я поняла, почему мой утренний разговор с Батисто оказался заранее подготовленным. Как же я раньше не догадалась?!

Меня охватывает паника. Я должна туда вернуться! Вернуться на проспект Колумба и поговорить с Батисто. Он должен признаться.

Поочередно оглядываю Валентина и Лору, близнецов, Марго, Оливье. Максимум через полчаса нам предстоит пройти таможенный контроль. А через час мы сядем в самолет.

Раздумывать некогда. Я выпускаю руку Оливье и восклицаю:

– Я... я... забыла!..

Марго непонимающе смотрит на меня:

– Что забыла, мам?

– Я... я...

И не нахожу никакого объяснения, никаких оправданий. Самой не верится, что я способна так поступить. Что сумасшедшая, которая поворачивается, бросает своих детей, внуков и мужа, расталкивает толпу и мчится куда-то, это я.

– Не ждите меня, я вас догоню.

И сумасшедшая убегает. Оли стоит онемевший, с перекошенным лицом. Валентин, с его мгновенной реакцией, растерянно смотрит мне вслед: его теща свихнулась! И только Лора кричит:

– Мама, как же ты нас догонишь, самолет взлетит через час!

– Улетайте... улетайте без меня... Я сяду в следующий.

И бегу прочь. Не оборачиваясь. Не смея взглянуть в глаза тем, кого люблю, кому сейчас стыдно за меня. А я совсем обезумела: мчусь со всех ног, расталкиваю людей и даже не извиняюсь. Нет, я не обезумела. Кто-то другой хочет сделать меня безумной! У меня нет выбора. Я должна дать

отпор, должна обороняться. Должна узнать.

Выскочив из здания аэропорта, перехватываю такси у какого-то хипстера, который, кажется, даже не прочь уступить свою очередь вздрюченной даме возраста его матушки. «Проспект Колумба, дом № 7!» На авеню Параллель попадаем в пробку. Я теряю последнюю надежду успеть к нашему рейсу. Бегом на седьмой этаж! Колочу в дверь так же неистово, как колотится мое сердце. Батисто отворяет дверь, изумленно глядит на меня. Я не оставляю ему времени придумать линию защиты:

– Какого черта ты делал на Рамбла?

– ?..

– Вчера, когда я проходила мимо со своим семейством, ты расположился рядом с площадью Каталонии со своей живой скамьей.

– Но я... я работал, Натали.

– Врешь!

И, желая доказать ему, что меня не так-то просто провести, я врываюсь в комнату, распаиваю дверцы шкафа, выдвигаю ящики, перетряхиваю аккуратно сложенное белье. И твержу:

– Врешь, врешь! Ты давно не работаешь, Батисто! Слепому видно, что не работаешь. И красок у тебя здесь нет, и масок, и макияжа. Да ты на себя посмотри, ты же еле ходишь, скрюченный весь! Ты не работаешь мимо уже много лет, ты ушел на заслуженный отдых, это и дураку ясно. Так почему же ты вчера напялил свой старый костюм, Батисто? Почему? Ради меня? Потому что знал, что я пройду по той улице? Потому что был уверен, что я тебя не пропущу? Кто тебя заставил, Батисто? Кто тут кукловод?

Батисто опускается на стул. Он не отрицает. Ни в чем не признается, но ничего и не отрицает. Ах, если бы он знал, что означает для меня его молчание!.. Оно означает, что я вовсе не свихнулась! Что я не плохая мать. Что я – чья-то жертва!

– Я ничего не могу тебе сказать, Натали.

– Почему?

– Возвращайся домой, Натали. Твое место рядом с семьей.

Слишком поздно, Батисто. Слишком поздно. Моя семья уже сидит в аэробусе, который вот-вот вылетит в Париж, в аэропорт Бове. Унося с собой моего мужа, который, наверно, никогда не простит меня, которого осаждают вопросами дети, и, может быть, он в конце концов скажет им всю правду. У вашей мамы был любовник. Конечно, очень давно, много лет назад. Но ваша мама, ваша идеальная мама на самом деле совсем не такая, какой вы ее себе представляете.

– Моя семья на грани развала, Батисто. Пожалуйста, скажи мне, кто за

всем этим стоит?

За всем этим. Как все связано – эти совпадения, проклятый камень времени, попытки убийства?

– Я не могу, Натали. Прости, но не могу.

Я заливаюсь слезами. Старый сгорбленный мим с трудом доходит до спальни и приносит оттуда пачку бумажных платков.

– Я правда не могу, Натали. Но все же раскрою тебе один секрет.

Поднимаю на него глаза. Моя полуседая прядь сметает со щеки одну-две слезы. Неужели я наконец смогу приоткрыть завесу над тайной загадочных фантомов, которые меня преследуют?

– Я расскажу тебе, почему ты влюбилась в Илиана.

Батисто что, издевается надо мной?!

Неужели он завлек меня в свой дом, надел свой старый наряд мима лишь для того, чтобы провести сеанс психотерапии?!

– Прости меня, Батисто, но я сама отвечаю за свои чувства. И лучше тебя знаю, для кого и почему так бьется мое сердце.

– Нет, Натали, ты не знаешь. До сих пор не поняла...

Я судорожно всхлипываю. Слезы иссякли. И я сдаюсь, терзая намокший от слез бумажный платок:

– Ладно, говори.

– Илиан был особенным, не таким, как все. Я прожил с ним бок о бок несколько месяцев. Илиан ни на кого не походил. Я постепенно разобрался в нем. Мне трудно было понять его, но день за днем это становилось все более очевидным.

Я дрожу. У меня хватает сил только на то, чтобы повторить:

– Ну говори же! Хватит намеков...

– Илиан был гением! Не способным музыкантом, не талантливым гитаристом, нет! Это был гений! Можешь мне верить или не верить, но он был равен Дилану, Леонарду Коэну, Нилу Янгу, Маккартни. Он был гениальным, как они.

Я вспоминаю тот день в терминале 2F, у выхода М, перед вылетом в Монреаль, когда впервые встретила Илиана. Он сидел один и играл на гитаре. Помню, как меня покорила его музыка. Я-то думала, что меня привлекло его одиночество, а получается – его музыка?

Батисто разговорился. Он долгие годы держал в себе уверенность в таланте Илиана.

– Настоящий гений, уж ты поверь. Я смотрел на него, когда он играл на улице, – прохожие останавливались и слушали как зачарованные. Он их околдовывал, точь-в-точь как крысолов со своей дудочкой...

Мой внутренний голос подтверждает: да, он прав, я сама всегда это знала. Но что-то у меня внутри еще противится его словам.

– Если Илиан был так талантлив, Батисто, почему же не добился успеха?

Старик усмехается. И тоже берет из пачки бумажный платок, чтобы вытереть глаза.

– Ты это знаешь лучше меня, красавица. Потому что он не верил в себя.

И я вспоминаю слова Улисса: *Илиан слишком скромн, он одарен талантом, но не верит в себя. Илиан мечтатель, а не боец...*

– Ты сказал, что он околдовал людей... что они слушали его как зачарованные.

– Люди останавливались и перед моей скамьей. А ведь у меня никакого таланта нет. Пойми, Натали, быть гением недостаточно. Нужно еще верить в себя. А я часто слушал, как Илиан поет чужие песни, не веря в собственные мелодии.

Я невольно вспоминаю, как Илиан исполнял классические рок-хиты Эрика Клэптона, «Роллинг Стоунз» и другие в ту ночь в парке Чикано. Как говорил мне с придыханием о *Let It Be*, о *Hotel California*, о бессмертии, когда мы были здесь, в спальне Батисто. Поднимаю голову и вижу устремленные на меня глаза старика. Уже сухие и строгие.

– Ты была нужна Илиану, Натали. Ему требовалась такая женщина, как ты, – муза, если хочешь. Которая внушала бы ему уверенность в себе, вдохновляла, поддерживала, подгоняла. И этой женщиной была ты.

Мне хочется заткнуть уши. О, как хорошо я бы сейчас чувствовала себя в самолете, рядом с Оливье! Как спокойно мне было бы в Порт-Жуа! Опустить глаза, Батисто, и пощади остатки моих иллюзий!

– Когда Илиан вернулся из Джакарты после того, как между вами все кончилось, в нем что-то погасло. Он больше не верил в себя. Не верил в музыку. Стал обычным парнем. – Взгляд Батисто наконец смягчается. – Успокойся, Натали, он наверняка был счастлив на свой манер, ему нравилось продавать диски во «Фнаке», нравилось спать с другими женщинами. Все мы верим, что нам нравится та жизнь, которую мы избрали. Это единственный способ смириться с тем, что наши мечты никогда не осуществляются. Вот и он, как все мы, нашел для себя другой стимул в жизни.

Батисто берет меня за руку. А я все еще не могу переварить услышанное. Сердце в груди вот-вот лопнет. *Другой стимул в жизни. Другой стимул в жизни, чтобы убить в себе музыку. Значит, во всем*

виновата я?

Когда я выхожу из дома Батисто, самолет с моей семьей на борту уже час летит в Бове. Марго, Лора и Оли засыпали меня сообщениями.

Уклончиво отвечаю:

Все хорошо. Просто задержалась на час. Лечу следующим рейсом. Буду в Порт-Жуа к вечеру, чтобы приготовить ужин.

И я не лгу. Стоит ли паниковать из-за пропущенного рейса? Воздушное сообщение между Барселоной и Парижем куда лучше, чем железнодорожное между Сержи и Парижем. По тону и содержанию эсэмэсок я догадываюсь, что Оливье постарался не драматизировать ситуацию и ничего не сказал Марго и Лоре. Спасибо тебе, Оли! Зато меня удивило другое сообщение – от Флоранс. Она пыталась со мной связаться и, не дождавшись ответа, оставила звуковое послание.

Включаю запись и прижимаю к уху трубку. Фло вопит так, что у меня чуть перепонки не лопаются.

Это что еще за бредни? Что еще за рассказы насчет Шарлотты? Жан-Макс в жизни не имел дела с этой потаскушкой! Он уже сто лет как не интересуется сопливыми девочками! Уж если хочешь знать, стюардессой, с которой Жан-Макс перепихнулся в кабине, когда его застала Сестра Эмманюэль, была я!

На этом сообщение кончается. Не знаю, стоит ли ей звонить? Вынуждена признать, что сама я никогда не видела Шарлотту и Жан-Макса вместе, что об их предполагаемой тайной связи мне стало известно из признаний моей стажерки, – значит, она с самого начала манипулировала мною!

Но зачем?

И в чем еще Шарлотта меня обманула?

Кто же она, эта юная стюардесса, к которой я прониклась симпатией? И какую роль играет во всей этой невероятной комедии?

Мне нужно с ней увидеться, теперь я понимаю, что именно тут надо искать ключ к разгадке.

У меня в кармане тренькает телефон. Эсэмэска.

Без подписи. Анонимка.

Не лети в Джакарту.

– Не лети в Джакарту!

Вот первые слова, которые я услышала от Оливье.

Я вернулась в Порт-Жуа без всяких дурных предчувствий, шумно затормозив на гравии подъездной аллеи. Счастливая, на крыльях эйфории двух волшебных дней, проведенных с Илианом, в предвкушении нашего свидания через несколько дней в Джакарте, в нетерпеливом ожидании момента, когда я обниму Лору, войду в свой дом. Мой дом... гавань спокойствия между двумя штормами. В самолете я подробно изучила путеводитель по Барселоне – на случай, если Оливье начнет меня расспрашивать.

Но Лора меня не встретила. Обычно, если я возвращаюсь поздно вечером, Оливье не укладывает ее спать. Я люблю, когда она ждет в конце аллеи и бросается меня обнимать, едва я выйду из машины.

А сейчас дверь открыта и в доме стоит какой-то странный запах. Запах жавелевой воды. Под плоскими подошвами моих туфель хрустят крошечные осколки стекла. И какие-то странные искорки поблескивают на стенах, на полу, на стульях и даже на диванчике, где Оливье ждет меня. В гостиной – если не считать этих удивительных блесков – полный порядок.

Обычно, когда я возвращаюсь, Оливье обнимает меня.

А сейчас я долго стою, пытаюсь понять причину его молчания, и только спустя несколько секунд замечаю пустоту на полке, прямо напротив меня. Десятки снежных шариков исчезли.

Подхожу ближе. Невидимое стекло хрустит под ногами при каждом моем шаге, вспыхивает искорками на паркете.

Оливье не дает себе труда встать. На столике перед ним стакан и бутылка «Перье». Он говорит – спокойным, слишком спокойным тоном:

– Где ты была, Натали? Я звонил твоим подругам. Их не было в Барселоне. Их не было с тобой. Так где же ты была, Натали?

Вот идиотка! Как же я могла не предупредить подружек, хотя бы Фло! Мне даже в голову не пришло, что он вздумает их расспрашивать. Я мгновенно покрываюсь холодным потом. Эх, почему мне не шесть лет. В такой же ситуации, застигнутая за крупной шалостью, я бы виновато понурилась, попросила прощения, и все было бы забыто. Но мне тридцать три года, и эта провинность даром не пройдет. Такую глупость мне никто

не простит. Да это не просто глупость, тут вся жизнь висит на волоске.

Оливье задает вопросы – спокойно, сдержанно, не ожидая ответов:

– Кто это? Я его знаю?

Теперь мне понятно, что это за блески и стекло на полу. Так и вижу, как Оливье в отчаянии хватается шары и швыряет их в стену.

– Ты... ты решила меня бросить?

Я молчу, представляя себе, как он вымещает свой гнев на ни в чем не повинных стекляшках, а потом садится и ждет. Нет, сперва выметает осколки башен Петрония и Великой китайской стены, Всемирного торгового центра и Фудзиямы. Потом наводит порядок в комнате и ждет. Все обдумывает – и ждет меня.

– Малышка уже спит... Ты помнишь, мы с тобой решили завести второго ребенка. Боюсь, теперь это уже не актуально.

И он отпивает воду из стакана. Ох, лучше бы он был пьян и сидел перед пустой бутылкой из-под виски. Он поднимает на меня голубые глаза:

– Ты же знаешь, я люблю тебя.

На минуту мне кажется, что стакан в его руке сейчас постигнет та же участь, что мою стеклянную коллекцию. Рука Оливье дрожит, но он старается не показать этого.

– Я никогда не удерживал тебя, Натали... Никогда. Не запрещал тебе покидать дом. Никогда...

Боюсь не справиться с подступающими слезами, боюсь не устоять на ослабевших ногах. Но меня спасает шум на втором этаже, неясный шорох. Лора?

Взбегаю по лестнице. Моя малышка сидит на краешке кровати, прижав к себе любимую куклу Кашу́.

– Я слышала, как ты приехала, мама. Хотела тебя встретить, а папа сказал, что я слишком устала.

Вынимаю из ее рук Кашу и крепко обнимаю дочку, борясь с желанием никогда больше не разжимать объятий. И шепчу ей на ухо:

– А у меня для тебя сюрприз.

Стеклянный шар! Саграда Фамилия. Едва удерживаюсь, чтобы не сказать Лоре: «Спрячь получше и не показывай папе, а то он найдет его и разобьет», но вовремя осознаю, как это нелепо. Я никогда не смогу разлучить Лору с отцом.

– Ну а теперь давай спать.

Моя малышка еще раз встряхивает свое сокровище и засыпает почти мгновенно, еще до того, как золотистые хлопья опустились на башни крошечной каталонской базилики. Я выхожу на цыпочках, растерянная,

потрясенная до глубины души.

Спуститься по лестнице. Десять ступеней. Как бы мне хотелось простоять на каждой из них целый час. Или день. Или год. Сколько времени нужно, чтобы выбраться из колодца, в который я упала? Я никогда не смогу жить без Лоры. А Лора никогда не сможет жить без своего папы. Но даже если мы дойдем до развода, если нам придется терзать друг друга перед судьей, я никогда не добьюсь – при своей работе стюардессой, при своем проклятом расписании полетов, – чтобы дочь оставили мне.

Две ступеньки.

Оливье – образцовый муж, а я – порхающая жена.

В глазах всех окружающих. Даже в своих собственных.

Значит, либо остаться, либо потерять все.

Все... кроме Илиана.

Пять ступенек.

Илиан... Четыре дня и три ночи в моей жизни. Что это – метеор? Случайный эпизод, после которого нужно поставить точку, а время сотрет все остальное? Через год, через десять или двадцать лет я, наверно, буду спрашивать себя: а вправду ли я пережила те мгновения или они – плод моей фантазии? И тогда, глядя в зеркало прошлого, я признаю, насколько смешна была та влюбленная Нати, сходявшая с ума по едва знакомому человеку. И через много лет, сидя за бокалом кампари на диване рядом с Оливье, спокойная, рассудительная Нати будет со смехом вспоминать вместе с ним те несколько дней, когда она была готова его бросить, когда их дом затрепал и зашатался. Но выстоял.

Восемь ступенек.

Я не могу! Не хочу, чтобы это пламя угасло. Не хочу верить, что моя измена – настолько банальный эпизод, что Оливье готов мне его простить. Не хочу верить, что после всех моих слез, страданий, надежд все забудется и жизнь потечет мирно, как прежде, и я перестану вспоминать Илиана. И что понадобятся какие-то невероятные совпадения, чтобы во время очередного путешествия я вспомнила о нем.

Десять ступенек.

Я в гостинной, снова иду по хрустящим осколкам.

– Что ты собираешься делать, Натали?

Оливье уже осушил бутылку «Перье». Это его способ напиться.

– Не знаю... Мне нужно время, чтобы все осмыслить. Мне нужно... лететь в Джакарту. Отпусти меня. В последний раз. В последний... я тебе твердо обещаю.

– Не нужно никаких обещаний, Натали. Тебе решать...

– Не возвращайся в Джакарту.

Первые слова, произнесенные Оливье.

Оли сидит на диване. На столике перед ним бутылка виски, уже наполовину пустая. Повсюду, куда ни глянь, рассыпаны осколки снежных шариков. Их было сто тридцать девять, я точно помню. Сто тридцать девять рейсов между 1999-м и 2019-м. На этот раз Оливье ничего не убирал. Диван, стены, мебель – все мокрое, пол липкий, словно его залили моющим составом, но не вытерли. Оливье порезался, большой палец на правой руке кровоточит.

Я осторожно шагаю по паркету – он превратился в каток, усеянный стеклом.

Я позвонила Лоре, как только мой самолет сел в Бове, на два часа позже их рейса.

– Что это была за срочность, мама, надеюсь, ничего серьезного? – только и спросила Лора. – Папа действительно попросил нас взять к себе Марго на этот вечер. Она начинает интересоваться Этаном и Ноэ, и это меня очень радует.

– Нет-нет, ничего серьезного. До завтра, моя дорогая.

Мне кажется, дети не очень-то стремятся знать, что от них скрывают родители. По крайней мере, пока те живы.

Я добежала до шаттла «самолет – аэропорт», потом схватила такси и приехала в Порт-Жуа меньше чем через час после возвращения Оливье. Он отпивает виски из стакана, не оборачиваясь ко мне.

– Все-таки вернулась? Он что, опять нарисовался, этот тип с ласточкой? Ты его так и не забыла?

– Нет, Оли, нет. Он... не нарисовался.

– Тогда в чем дело, Нати? На что это похоже – вот так взять и сбежать от семьи? Ты хоть соображаешь, что о тебе могли подумать девочки?!

Вот только не впутывай своих дочерей, Оливье!

– Этот «тип с ласточкой», как ты его называешь, не был в Барселоне. Он сейчас в Париже. В больнице Биша. Он стал жертвой несчастного случая на авеню Терн. И неизвестно, выживет ли.

Оливье вздрагивает.

– Ты... Ты что, видела его?

– Нет... Ни разу. Ни разу за все эти годы.

Оливье с отвращением отодвигает стакан с виски.

– Значит, Биша... Надеюсь, ты не посвятила в это Лору?

Я не отвечаю. Оливье пожимает плечами.

– Тогда как объяснить этот твой фортель в Барселоне?

– Воспоминаниями... Путешествием в прошлое. Чередой странных совпадений...

Голубые глаза Оливье снова проясняются – несмотря ни на что, ведь в глубине души он не способен на меня сердиться. Наконец-то я понимаю, за что он меня все еще любит после стольких лет, после всего, что я заставила его пережить. За беспорядок. За непредсказуемость. За то неведомое, что кроется во мне. Люди всегда влюбляются в то, чего не хватает им самим.

– Н-да, я заметил, что с некоторых пор ты сама не своя...

– Знаю, Оливье. Ты уж прости...

И прости, что не могу рассказать тебе все до конца. Рассказать о камне времени, перечислить странные совпадения, сказать, что Илиана сбили не случайно, что его хотели убить, как и меня.

Я ничего не могу тебе рассказать, потому что начинаю подозревать в этом всех подряд. Всех, кроме своих дочерей. В том числе тебя. Попытка убийства... Кто здесь первый подозреваемый? Ревнивый муж, кто же еще. Даже если тебе, Оли, неизвестны подробности нашей с Илианом истории. Разве что все было разыграно по какому-то совсем уж безумному сценарию: ты его разыскиваешь, сводишь с ним дружбу, заставляешь разговориться, затем пытаешься убить, а меня свести с ума. Но зачем? Зачем – после стольких лет?!

В конце концов Оливье осушает стакан и сосет пораненный палец. Взгляд мужа снова потускнел, как будто теперь его терзают другие призраки.

– Я ничего не объяснил девочкам, Натали. Когда ты сбежала от нас в Барселоне, я сперва заколебался, но все же не сказал им ни слова. Едва удержался, чтобы не расплакаться перед ними, перед моими дочками, это ты понимаешь? Чтобы я лил слезы перед своими дочерьми и этим дураком зятем! Я чуть не разнюнился, но все же смолчал. Ни слова – ни Лоре, ни Марго... И все-таки... Все-таки хотя бы Марго имела право знать...

Вот оно... Вот куда метит Оливье.

– Ты опять за свое?

Я забеременела Марго в 2001-м, через два года после моего «побега» – так Оливье назвал мою измену. С тех пор он сомневался, что она его дочь. Тщетно я клялась ему своей жизнью, даже жизнью Лоры, что больше не

встречалась ни с Илианом, ни с кем-нибудь другим, что спала эти два года с ним одним, что Марго – его и только его дочь, – подозрения так и не развеялись до конца. Правда, это не мешало ему безоглядно любить Марго. Еще бы! Зато помешало так же слепо и безоглядно любить меня.

И все-таки Марго – твоя дочь, Оли! Иногда, мучительно раздумывая, какой бы подарок сделать тебе ко дню рождения, я чувствовала сильное искушение преподнести результаты теста на отцовство. Сделай его, Оливье! Сделай, чтобы избавиться от наваждения!

Оливье молчит. Как странно – находиться дома вдвоем, без Марго! А ведь мы знаем, что через пару-тройку лет она уедет от нас и мы останемся один на один. Как и многие супружеские пары нашего возраста, которым предстоит учиться стареть вдвоем. Или молодеть.

Я делаю осторожный шаг к Оливье, отодвигая носком туфли осколки.

– Отвечаю на твой первый вопрос, Оли. Я не полечу в Джакарту. Никто сейчас не летает в Джакарту. Все гражданские рейсы отменены. Но я все же поеду в Руасси, чтобы отметить – на тот случай, если понадобится. Таковы правила.

Поехать в Руасси. Встретиться там с Фло, Жан-Максом, а главное, припереть к стенке обманщицу Шарлотту. Я абсолютно уверена, что у нее есть ключ к разгадке. Собственно, я могу и не ждать встречи с ней в аэропорту – Фло прислала мне эсэмэской номер ее мобильного, разузнав его у парней из отдела планирования рейсов. Буду звонить ей до тех пор, пока она не ответит, – это первое, что я сделаю завтра.

– Да, таковы правила...

Оливье ставит на стол стакан с виски и берется за пульт. Перебирает несколько телеканалов.

На каждом говорят только о цунами в Индонезии.

Часть IV
Джакарта

Я проснулась рано и первым делом включила радио. Стоя под душем, я могла уловить только обрывки сообщений: *погибшие, ранение, наводнение, разрушения, болезни, бездомные*, цифры: *десятки, сотни, тысячи* – и более длинные фразы, когда вытиралась: *глобальное потепление... предсказуемая катастрофа... ничто не предвещало...* Словом, все о цунами, об этом катаклизме, который несколько дней назад на много часов отрезал Джакарту от остального мира. С первого же момента в район бедствия направлены отряды добровольцев. Международное сообщество организует помощь.

Оливье встал еще раньше меня и уже работает в мастерской. Я решила в знак примирения приготовить завтрак. Скоро вернется Марго – Лора завезет ее к нам, перед тем как ехать на дежурство в Биша. Прекрасная возможность позавтракать всем вместе. Я собираюсь пройтись пешком до деревенской бакалеи, чтобы купить хлеб, свежее масло, фермерские яйца и сыр.

А заодно и позвонить. Я записала на свой мобильник номер Шарлотты. Спасибо тебе, Фло! Очень хочется понять, зачем эта девица выдумала, что спала с командиром Балленом. Кто-то в моем окружении лжет – я уверена, что этим и объясняется вся серия необъяснимых совпадений. И Шарлотта стоит первой в списке подозреваемых. Или это первая ниточка, за которую я смогу потянуть.

Шагаю мимо стен и голубятни замка Порт-Жуа, прижимая мобильник к уху. Вот уже тридцать лет я совершаю эту прогулку чуть ли не каждую неделю и не устаю восхищаться красотой старинных каменных стен, тянущихся вдоль берега. Миллионы лет назад Сена сделала свою работу, образовав с десятков лесистых островков, заключенных в изящные изгибы реки. Теперь она может спокойно отдыхать, лениво неся свои воды, настал черед людей сберегать древние замки, виллы и мельницы, стоящие на ее берегах. И они неплохо справляются с этой задачей – по крайней мере, здесь.

Слушаю звонок вызова. Слушаю долго.

Шарлотта узнаёт мелодию сразу, как только она раздаётся у нее в кармане. *Let It Be*.

И сразу понимает, кто звонит. Однако не отвечает. Это трудно. Даже невозможно. Ее руки скованы наручниками. Ноги связаны. Во рту – кляп.

Несколько минут назад ее тело приподняли и швырнули, как мешок, в багажник машины, которая теперь куда-то мчится. Шарлотта не знает, кто ее похитил и куда ее везут. Только интуитивно догадывается кое о чем. На эту догадку ее наводит молчание преступника, его хладнокровие и спокойная решимость.

Ее похитили, чтобы убить.

Позвони, Лора, ну позвони же!

Смотрю на свои часы, потом на стенные, в кухне, потом вынимаю мобильник, но он молчит – ни эсэмэски, ни вызова, ничего, предусмотренного на это время.

13:03

Лора обещала позвонить до часу дня. Я предупредила ее, что потом уеду в аэропорт. А я хочу узнать! Хочу узнать до отъезда, даже если мне придется – что вполне возможно – прождать в Руасси до вечера, с учетом ситуации в Джакарте, и вернуться в Порт-Жуа уже к ночи.

Именно так я и сказала Оливье. Он мастерит мебель для детской, великолепный гарнитур из вишневого дерева – кровать со шкафчиком в изголовье, украшенным резьбой с африканскими мотивами – жирафами и слонами. Оливье – виртуоз своего дела.

Я машинально навожу порядок в кухне. Разгружаю посудомоечную машину, составляю в холодильник пластиковые контейнеры, убираю туда же миску с очищенными овощами. Словом, веду себя, как всегда перед многодневным рейсом. Так, на всякий случай...

Нужно хоть чем-то занять себя! Рассматриваю красные циферки часов на плите и микроволновке. И, чтобы не считать минуты, обвожу взглядом другие электроприборы – их тут великое множество, и все показывают время.

Позвони, Лора, ну позвони же!

Сегодня хирурги должны принять решение.

Лора все объяснила мне вчера, пока Оливье читал наверху, в спальне. Сегодня утром Илиан должен пройти полное обследование. Общий наркоз, потом сканер, эхокардиограф, фиброскопия, медиастиноскопия. И только после этого врачи будут решать, можно ли его оперировать.

А если окажется, что нельзя?

Лора ничего не ответила, и это было страшнее самой искусной лжи.

Но все же она попыталась утешить меня, перед тем как закончить разговор. *Все будет хорошо, мама. Я позвоню тебе завтра. Результаты обследования станут известны в первой половине дня.*

13:04

Все-таки телефон – худшее из всех достижений технического

прогресса. Он обещает вам возможность связи кого угодно с кем угодно, в любое время суток, в любом уголке планеты, а на самом деле все это обман. Люди не звонят, когда должны сообщить плохие новости, не снимают трубку, когда им есть что скрывать.

Я уже два дня пытаюсь дозвониться Шарлотте. Набираю ее номер чуть ли не каждые два часа. Оставила столько сообщений, что память голосовой почты ее телефона наверняка переполнилась. Никакого ответа! Фло и Жан-Макс тоже не откликаются. *Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия.* Каждый раз, звоня Фло, я попадаю на автоответчик, как будто она окончательно выключила свой мобильник.

Марго входит в кухню, открывает холодильник, съедает пару помидорчиков черри и одну редиску, не замечая ботву, упавшую на пол. И меня. Ее глаза не отрываются от экрана смартфона. Вот уж поистине самая мерзкая из всех технических новинок! А дочь идет в столовую, унося с собой пакетик тертого грюйера, который щепотками отправляет в рот. И вдруг оборачивается и удивленно восклицает:

– Вы выбросили все снежные шары!

Марго заметила пустые полки? Вот уж чудо из чудес! Я всегда была уверена, что даже переокрась мы дом в розовый цвет, и то она вряд ли заметит перемену. И уже собираюсь умилиться – надо же, ее тронула гибель моей коллекции! – как эта паршивка добавляет:

– Слава богу, давно пора! Держать в доме такое старье!

Недостойная дочь!

Марго, хихикнув, исчезает, прежде чем я успеваю хлестнуть ее тряпкой.

13:05

Позвони, Лора, ну позвони же!

Подбираю ботву и включаю телевизор. Журналисты позируют среди развалин моста Джакарты. Кругом суденышки, выброшенные на бетонную набережную, опоры, вырванные из земли, растерзанные бамбуковые изгороди; столы, стулья, мотоциклы и коляски моторикш плавают в затопленных холлах немногих уцелевших зданий, среди них я узнаю пустые глазницы отеля *Great Garuda*. Ужас. Боль. Журналисты суют микрофоны в лицо франкоговорящим туристам на разоренной площади, приводят последние данные: около пятидесяти спасшихся! Эта цифра оскорбляет меня: какая малость в сравнении с тысячами погибших индонезийцев, с десятками тысяч оставшихся без крова! Затем журналисты оставляют в покое людей и переходят к новостям об организации международной помощи пострадавшим от бедствия: беспрецедентная

солидарность... участие неправительственных организаций... комитеты и творческие объединения...

Я не сразу услышала, как Оливье вошел в кухню. Замечаю его, только когда он открывает холодильник, чтобы взять бутылку воды. Он весь в поту, волосы цвета черного дерева и ясеня (другие сказали бы проще: с проседью) запорошены опилками. Я всегда любовалась красотой Оливье в тот миг, когда он выходил из своей мастерской, еще не приняв душ, не превратившись в обычного человека, который валяется на диване, почитывая газету. В тот короткий миг, когда мой повелитель дерева покидает свой заповедный мир, еще не вернувшись к банальной действительности.

Стоим вместе перед телевизором, не отрывая глаз от экрана. Со вчерашнего вечера, после моего возвращения из Барселоны, мы едва перекинулись несколькими словами. Оливье молча убрал осколки стекла и снежные хлопья до того, как вернулась Марго. Когда он поднялся в спальню и лег в постель, мы оба рассыпались в извинениях. Я признала, что, бросив их в аэропорту без всяких объяснений, поступила как неразумная, капризная девчонка. Оливье признался, что очень сожалеет о моей коллекции, что он вел себя как последний дурак, и теперь мне придется снова летать по всем миру, чтобы восстановить ее.

– Я был не в себе, Натали. Потому что люблю тебя. Я люблю тебя.

Мы не очень-то много говорили, больше целовались. И утром окончательно простили друг друга. Несмотря на терзавшие меня вопросы. Несмотря на мои подозрения...

– Мне кажется, в Джакарту не выпустят ни один пассажирский самолет, – говорю я, глядя на кадры растерзанного острова.

Оливье потрясен жестокостью природы. Когда люди забывают про убийства, за это берутся стихии. И я догадываюсь, что мысленно он сравнивает коварный климат тропических зон планеты с мирной гармонией нашего райского уголка, старой спокойной реки, округлых холмов, крепкого дома и дружной супружеской пары.

13:06

– Надеюсь, – отвечает он, – очень надеюсь. Наша планета сошла с ума.

В репортаже подробно сообщают о доставке в Джакарту продуктов, бутилированной воды и прочих необходимых вещей – их загружали с помощью лебедек в тяжелые транспортные военные самолеты. Я уже собираюсь сказать: *Вот видишь, Оли, в кризисных ситуациях в районы бедствия посылают солдат, а не стюардесс*, – как вдруг у меня в кармане звонит мобильник.

Лора!

Я так быстро нажимаю на кнопку, что не успеваю ни вздрогнуть, ни подготовиться.

– Папа рядом с тобой?

У Лоры ледяной тон. Как будто говорит не моя дочь, а медсестра, бездушная и безжалостная, как скальпель.

– Д-да...

– Тогда отойди куда-нибудь, мама. Отойди подальше.

Оставь от себя мне чуточку:

Твой смех – на одну минуточку,

Голосок – на часок,

Взгляд-огонек – на денек,

Грудки-малютки – на сутки,

Остальное – на двое.

И может, тогда ненароком

Останешься тут вся скопом.

Триста номеров отеля *Great Garuda* в Джакарте почти все одинаковы: в каждом кровать *king size*, письменный стол полированного дерева с инкрустацией, стенное зеркало напротив душевой кабины, панорамное окно.

Однако, когда стоишь перед огромным окном, возникает стойкая иллюзия, что ты – единственный и неповторимый в этом мире. Как я люблю это ощущение: ты озираешь сверху весь город, видишь каждый его огонек, каждую тень, каждое движение крошечных существ там, внизу, и тебе чудится, будто ты можешь повелевать, дирижировать всем этим, словно невидимый, своенравный хореограф.

– Я часто думаю – куда они бегут, все эти люди?

Стою у окна номера 248 отеля *Great Garuda*, закутавшись в гостиничный махровый халат небесно-голубого цвета с золотыми узорами. Его можно купить за восемьдесят долларов. И он стоит этих денег. Никогда еще у меня не было такого уютного халата. Я говорю одна, боясь взглянуть на Илиана. Впереди, за окном, возвышается Монас^[120], – чудится, что обелиск совсем рядом, рукой подать. Изящество этой длинной белой свечи, всаженной в гигантский бетонный подсвечник, резко контрастирует с окружающим ее лесом массивных башен разных форм и высоты, с тысячами – а может, и миллионами – окон; внизу между ними змеятся потоки машин, идущих в сторону моря.

Вот так я и провожу свои ночи, Ил, – любуясь городами. Выбираю какое-нибудь освещенное окно или люкарну и пытаюсь представить себе, как там живут люди. Слежу за случайной машиной, за силуэтом человека, выходящего из метро или ожидающего автобус. Придумываю ему судьбу. Куда он едет – к себе домой? Откуда – с работы? Здесь скрещиваются тысячи, десятки тысяч жизней. Как в рое светлячков. И у каждого своя история. Да и я сама – всего лишь мелкая мошка у этого освещенного окна, за которой, возможно, тоже кто-то наблюдает. Или никто не наблюдает. Такова моя жизнь, Ил. Моя прежняя жизнь. Сидеть и ждать в гостиничном номере в Индонезии, Австралии, Чили. Жить в разных часовых поясах. Искать сон и не находить его. Слушать музыку, лежа на кровати и глядя в потолок, на мигающий глазок дымоуловителя. Такой же, как во всех других

отелях мира. Потом, когда становится совсем неспособно, встать, выкурить сигарету у окна, проводить глазами еще пару-тройку светлячков и снова лечь в постель. Надеюсь, что удастся заснуть. Вот такая у меня была жизнь до этого, Ил. И такая же будет *после*.

Слезы текут непрерывно. Я их не сдерживаю. И не вытираю. Только откидываю прядь, которая застит мне взгляд, чтобы им не за что было зацепиться. Илиан лежит на кровати. У него тоже заплаканные глаза, такие же красные, как мигающий огонек на потолке. Ил чересчур сильно тер их своими длинными волосами, чтобы осушить слезы. Его влажные кудри рассыпались по плечам. Ил похож на Христа, или на Иоанна Крестителя, или на любого другого из сонма прекрасных и хрупких женоподобных святых. Никогда еще ни один мужчина не одаривал меня слезами. Я ни разу не видела плачущим ни своего отца, ни даже Оливье. Сегодня вечером у меня премьера... Думаю, что других «представлений» не будет. Никогда...

В последний раз сжимаю Илиана в объятиях. В последний раз его взгляд устремлен на меня. В последний раз я не чувствую себя ни матерью, ни супругой, ни добычей – только женщиной. В последний раз сознаю, что я красива, независима, бессмертна, что живу трепетным чувством любви, в полном согласии с моими самыми потаенными желаниями. В последний раз наступает парад планет, когда все они выстраиваются в ряд, когда Вселенная внезапно обретает божественную гармонию и все, что есть в мире, от бесконечно великого до бесконечно малого, ласкает каждый миллиметр моей кожи, согревает каждую капельку моей крови, каждую клеточку моего сердца. В последний раз чувствую себя свободной, в последний раз мы занимаемся любовью.

Плохо занимаемся. Слишком озабочены тем, чтобы все было идеально. Слишком торопимся. Слишком боимся бездны, которая разверзается у нас под ногами. Мы впиваемся друг в друга. Как изголодавшиеся звери. Номер 248 в отеле *Great Garuda*. В панике после нескольких сообщений, которыми мы обменялись.

Моему мужу все известно. Мне на это плевать. Я хочу тебя увидеть, еще раз увидеть. В последний раз, Илиан! В последний раз!

Я лечу в Джакарту. Не раздумывая. Я не оставила выбора Оливье, как и Илиану. Я не могла смириться с тем, что больше не увижу его.

В последний раз...

Я считала себя сильной, я считала, что это наилучшее решение, никакого другого не было, просто унести с собой воспоминание о

последней ночи, о последнем поцелуе – так навещают в последний раз тех, кого любят и кому предстоит умереть. Сохранить последнее объятие, сбережь последнее слово, унести с собой последний вздох.

Наилучшее решение? Или наихудшее? Или единственно возможное?

– На что она будет похожа, Илиан, на что будет похожа моя жизнь без тебя?

Илиан не отвечает. Но я знаю ответ.

Ни на что, Илиан. Ни на что.

Немая мольба сжимает горло. Мольба, вот уже три дня неотступно звучащая во мне.

Если ты попросишь, чтобы я уехала с тобой, Илиан, я уеду. Только попроси остаться с тобой, Илиан, и я останусь. Я на все была бы способна, если бы ты меня попросил, умолил согласиться. Даже если бы ты наплевал на Оливье, прокричал мне в лицо, что он меня не стоит; даже если бы ты отринул Лору, убедив, что нельзя тратить свою жизнь на ребенка – ребенка, который через десять лет будет вытирать об тебя ноги, а через пятнадцать и вовсе бросит. Будь Илиан другим – негодяем, эгоистом, ревнивым любовником, – он сумел бы уговорить меня остаться с ним, забыть о семье. Но разве тогда я бы его полюбила?!

Илиан пытается надеть трусы, лежа под простыней. И эта стыдливость уже разлучает нас.

Я проклиная его робость – и благословляю ее.

Мы с ним не из тех влюбленных пар, что могут быть счастливы, оставив за собой пепелище прежней жизни. Не из тех, кто может со смехом бежать прочь, предав огню прошлое. И мы оба это знаем. Мы – лучше. Мы стоим большего. И теперь только одна мольба жжет мне грудь.

Умоляю тебя, Илиан. Соверши безумие, раздели его со мной! Не дай нашей любви умереть бесследно!

– Мы не должны звонить друг другу, Натали. Ни звонить, ни писать, ни видеться. Ни под каким предлогом. Поклянись мне, что ты исполнишь эту просьбу, Натали! Поклянись!

Нет, ни в чем не хочу клясться.

Стою и дрожу в своем теплом халате за восемьдесят долларов.

– Почему, Илиан?

– Ты прекрасно знаешь почему. У нас нет выбора. Мы должны погасить этот огонь, растоптать его, уничтожить. Стоит оставить за собой хоть один тлеющий уголек, как пламя вспыхнет вновь.

Прошу тебя, Илиан, придумай для меня разлуку, достойную нашей страсти!

– Мы должны оставить всякую надежду на новую встречу. Как ты думаешь, Натали, почему умерших погребают? Почему бросают горсть земли на гроб близких, перед тем как опустить их в могилу? Почему мы смиряемся с тем, что наши друзья, наши возлюбленные, наши родители или дети лежат на кладбище? Потому что тогда, именно в этот миг мы понимаем, что они к нам не вернуться. Что все кончено – навсегда. Что нельзя жить безумной надеждой на воскрешение, на новую встречу. Это невозможно, а то, что невозможно, не делает нас несчастными. Люди страдают, не получая возможного, а не получая невозможного, только скорбят. Вот почему нам нужно убедить себя, что наша встреча невозможна, не подавать признаков жизни друг другу, никогда! Ты можешь мне это обещать, Натали?

Я смотрю в окно. На город спускается ночь. Пальмы, которые выглядят отсюда чахлыми пучками травы между громадами домов-грибов, превращаются сперва в китайские тени, а потом и вовсе тонут в ночном мраке. Следом исчезают улочки, низкие домики с палисадниками. И только небосвод еще не совсем померк. Одно за другим зажигаются окна, и мало-помалу город превращается в галактику. В светящуюся галактику с мириадами звезд. Тысячи светлячков. Тысячи жизней. И сколько из них уже извели любовь? Настоящую любовь...

– Я не могу представить, как мне жить без тебя, Ил.

– Ты останешься в моей жизни, Натали, а я останусь в твоей. Ты будешь встречаться со мной во всем, что обо мне напоминает, а я буду видеть тебя в каждом взлетающем самолете, в каждом гостиничном номере, где остановлюсь, в каждом концертном зале и в каждом гитарном аккорде... Все в мире будет напоминать мне только о тебе.

– Мне этого мало...

– Нет, тебе этого хватит. У тебя есть семья, дочь. Пройдет время, и ты будешь с улыбкой тешиться этими воспоминаниями.

Ил прав. И я проклиная эту его правоту. Проклинаю за то, что он, самый необыкновенный из любовников, не может предложить мне на прощанье ничего, кроме этой убогой правды.

– А ты? Тебе этого достаточно?

Ил молчит. И на какой-то миг я представляю себе самое худшее: то, что он предлагает мне, это акт самопожертвования. Ил устраняется. Потому что любит меня. Вот почему он требует полного молчания. Чтобы страдать в одиночестве. Чтобы разрушить себя. Убить себя.

И я повторяю свой вопрос:

– Значит, тебе достаточно жить с призраком?

Ил долго молчит. И не отвечает. Протягивает руку, берет с тумбочки ресторанный меню отеля. Просматривает его и с улыбкой читает вслух:

– *Sarang Walet!* Я был уверен, что они его предлагают, это ведь их национальное блюдо!

Я непонимающе смотрю на него.

Sarang Walet?

– *Sarang Walet*, – повторяет Илиан. – Самое изысканное блюдо в мире. Давай спустимся в холл, Мисс Ласточка. И будем есть, пить и наслаждаться жизнью.

Я не трогаюсь с места.

– У меня есть семья, Илиан, и это все, что мне остается. А что останется тебе?

Илиан натягивает брюки, белую рубашку и оборачивается:

– Поклянись мне, Натали! Поклянись, что никогда не будешь пытаться меня увидеть. И тогда я предложу тебе договор. Договор, который еще не согласилась заключить ни одна женщина в мире. Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда еще не любил.

Я иду вдоль реки по тропе, к югу, как это часто делает Марго. Когда ей звонят, она уходит подальше от дома и шагает по берегу, прижав к уху трубку, потом, закончив разговор, поворачивает и неторопливо возвращается, обдумывая на ходу слова подружки или приятеля. Перед тем как вернуться к реальности.

– Лора звонит, – сообщаю я Оливье, перед тем как отойти. Не уверена, что ему это нравится: с чего вдруг я куда-то уйду для беседы с дочерью, уж не для того ли, чтобы он не мог нас услышать?

Миновав Мельничный островок, подхожу к скамейке рыбаков у деревянного причала, от которого осталось всего три сваи. Это единственное место, где можно присесть лицом к реке и где тебя не увидят из нашего дома.

– Ну вот, теперь я одна, – вполголоса говорю я в трубку.

Я и вправду одна, если не считать Джеронимо и троицы лебедят, тревожно взирающих на меня. Лора молчит. А ведь ей наверняка уже известны результаты обследования Илиана... Меня душит страх. Если бы Лора узнала что-то ободряющее, я бы давно это услышала.

Я спрашиваю погромче, заставляя себя проглотить комок в горле:

– Ну так что? Что сказали врачи?

– Мама, ты... тебе нужно приехать в больницу.

Да... Вот уже неделя, как мне нужно было бы приехать в больницу. Если бы я не дала клятву, Лора. *Мы не должны писать друг другу. Не должны видеться. Ни под каким предлогом. Поклянись мне в этом, Натали! Поклянись!*

У меня прерывается голос, я отчаянно пытаюсь собрать остатки мужества. И выдержки.

– Пожалуйста, Лора, ответь мне! Что они сказали?

– Приезжай в Биша, мама. Это не телефонный разговор.

Я без сил падаю на скамью. Джеронимо со своим выводком плавает вокруг опор причала. В голове у меня хаос. Конечно, я часто, слишком часто боролась с искушением нарушить клятву. Но всякий раз представляла себе встречу с Илианом в самой высокой башне самого большого города, с видом на море, или в баре, или на залитой солнцем террасе, или на потаенной лесной лужайке, или в гуще толпы, где нас никто не узнает...

Где угодно, но только не в белой больничной палате, среди любопытных медсестер. Его изуродованное лицо... Его растерзанное тело...

– Лора... это невозможно, дорогая.

Меня удерживает еще одно. То, в чем я не могу признаться дочери. И в чем еще страшнее признаться себе. Призрак, столкнуться с которым невыносимо, невозможно...

– Мама, умоляю тебя...

Обвожу взглядом зеркальную поверхность воды. Сколько человеческих драм разыгралось на берегах Сены? Скольких утонувших рыбаков, оголодавших крестьян, разоренных торговцев, расстрелянных солдат, отчаявшихся влюбленных принимала в свое лоно эта река?

Мне не хватает моего камня времени. А подобрать белый камешек я не решаюсь.

– Слушай меня внимательно, Лора. – Мой голос звучит еще строже; трое птенцов испуганно верещат и прячутся под крыло Джеронимо. – Я пока не превратилась в старуху, выжившую из ума, которой не решаются сказать, что ей пора в богадельню. Так вот: я хочу знать этот проклятый диагноз.

– ...

– Когда его будут оперировать? Я приеду в больницу после... Обещаю.

И я начинаю свыкаться с этой мыслью. Нарушить клятву. Увидеть Илиана. Даже искалеченного, даже постаревшего, даже побежденного. Особенно побежденного. Мне незачем скрываться: Оливье обо всем догадался, он все знает. Годы обмана разлетелись в пыль и выметены вместе с осколками снежных шаров. Может даже случиться, что Оливье и Илиан поймут друг друга. Ведь они – в каком-то смысле – похожи. И ведь бывает так, что муж в конце концов прощает соперника, когда тот расстается с его женой... Оливье должен гордиться тем, что я предпочла его! Пытаюсь представить, как Илиан играет на гитаре у нас на балконе, у берега Сены, а Оливье показывает ему свою мастерскую. Это вызывает у меня улыбку – нелепая мысль, столь же нелепая, сколь и возвышенная...

– Мама, его не будут оперировать.

Мне чудится, что Сена вдруг остановилась. Что ее воды застыли. Несколько ошеломляющих секунд – и вдруг нахлынувшая волна ужаса сметает все: берег, скамью, дома, гуляющих женщин, мужчин и детей, прошлое и настоящее...

– Твой друг неоперабелен. Раны не затягиваются. Плевральные полости полны жидкости. Грудная клетка проломлена. Врачи опасаются легочного кровотечения. Нижняя и средняя доли уже начали кровить. Твой

друг... обречен.

* * *

– Я уезжаю, Оли... В Руасси.

Не чувствую под собой ног, не слышу, что говорю, не ощущаю собственные пальцы – не уверена даже, что они смогут держать руль.

Илиан... Обречен...

Когда Лора отключилась, я как сомнамбула вслепую пошла домой. Схватила сумку, ключи от машины и так и уехала бы, не предупредив Оливье, если бы не столкнулась с ним в дверях.

– Правила... наши правила, Оли... стюардессы обязаны... быть в распоряжении... даже... даже если рейс отложен... рейс... на Джакарту...

Оливье мне не верит. А я и не пытаюсь заставить его поверить. Хотя на сей раз говорю правду. Лора мягко сказала мне: не торопись, мама, твой друг еще под наркозом, он придет в себя часа через три, тогда и наведишь его. Вот я и решила сперва поехать в Руасси, подождать там, а потом уже отправиться в Биша.

– А я думал, что мы перестали обманывать друг друга, Нати. Почему бы тебе прямо не сказать, что ты едешь повидать этого типа с ласточкой?

– Я не еду его повидать.

– Что так?

– Потому что... потому что он скоро умрет, Оливье. Ему осталось жить всего несколько дней... Он...

Странное дело: Оливье не удивлен. Может, меня выдало мое искаженное лицо, моя походка сомнамбулы?

– Откуда ты это знаешь?

– Меня... мне позвонили из больницы и...

– Перестань лгать, Натали! Умоляю, хватит лжи!

– Лора... Мне позвонила Лора.

Оливье молчит. Он понимает, что я его не обманываю, и этого ему достаточно.

А ведь он много чего мог бы сказать.

Например, обвинить меня. *Зачем ты посвятила нашу дочь в свои шашни, когда даже я ничего ей не сказал?*

Или простить. *Этот тип, который чуть не испортил нам жизнь... ладно уж, езжай к нему, Натали, попрощайся.*

Или торжествовать. *Я жив-здоров, Натали, я здесь и всегда буду здесь,*

с тобой, когда другие уйдут. С тобой.

Оливье пропускает меня, я сажусь в «хонду» и смотрю на часы на приборной панели.

13:51

По прежнему расписанию я должна была через два часа вылететь в Джакарту. И меня захлестывают образы центральных улиц города, превратившихся в каналы, перепуганных туристов среди развалин и осколков стеклянных стен отеля *Great Garuda*, унесенных волной цунами.

Стеклянная стена ресторана на двенадцатом этаже *Great Garuda* дарит посетителям незабываемый вид на джакартскую бухту – пальмовые джунгли, кое-где с вырубками для рыбацких хижин, высоченные пирамидальные крыши буддийских и даосских храмов; все это отделено от моря только узенькой полоской белого песка, где играют целые выводки детишек. Никаких холмов, никакой плотины. Так и чудится, что любая более или менее высокая волна может затопить весь город, пощадив только тех, кто живет в многоэтажках. Буйная гроза обрушилась на Джакарту, как всегда по вечерам, и почти мгновенно стихла. Экваториальная жара тут же высушила улицы, сточные канавы, витрины и террасы с бассейнами. Возобновилось уличное движение. Тронулись в путь тысячи велосипедистов, но только местные – клиенты международных отелей предпочитают ездить в автобусах с кондиционером.

Из пятидесяти ресторанных столиков занята едва ли половина, и почти все посетители – мужчины, почти все при галстуках и почти все, если не считать нескольких западных туристов, азиаты, скорее всего, дельцы. Индусы, малайцы, корейцы, японцы, китайцы – я с удивлением констатирую, что мне легко распознать их национальность по росту, элегантности или степени раскованности. Романтическая панорама бухты, видимо, избавила хозяев отеля от необходимости заботиться о его интерьере. Безвкусный палас с узором из лиловых цветов гибискуса, большой аквариум с подсветкой, огромные телеэкраны – один со спортивной программой, другой с караоке – вот и весь декор, плюс отдаленный запах жареного мяса.

Ну и конечно, колченогий стол.

Официант приносит нам два меню в кожаных переплетах, украшенных великолепной Гарудой – мифической птицей Индонезии. Илиан их не открывает. Он задерживает официанта, с улыбкой смотрит на него и уверенно заказывает:

– *Sarang Walet. Two*^[121].

Я перевожу удивленный взгляд на парня, и тот поясняет на почти безупречном французском:

– Ласточкины гнезда, мадемуазель.

Ласточкины гнезда?

Официант удаляется, а я как дура пялюсь на Илиана. Мне никогда не приходилось пробовать это изысканное блюдо. Самое дорогое и роскошное из всех азиатских специалитетов. По легенде, люди собирают их, рискуя жизнью, на верхушках скал над морем или на пальмах в джунглях... Не говоря уж о том, что килограмм этого редкостного кулинарного сокровища, обладающего, как говорят, свойствами афродизиака, стоит десять тысяч франков! Даже в Индонезии, самом крупном поставщике этого продукта в мире.

Я прикасаюсь к руке Илиана:

– Не надо, Ил. Это блюдо стоит целое состояние. Месячная зарплата – за суп из перьев...

– Если ты имеешь в виду мои гонорары, то это, скорее, мой годовой доход.

Наши пальцы сплетаются.

– Илиан, я оценила твой красивый жест: ласточкино гнездо для Мисс Ласточки. Очень романтично, браво! Но не нужно, это уж слишком.

– Это ничего не будет стоить!

Я пристально гляжу на него, встревоженная еще больше. Предпочитаю другие его выдумки – бесплатные и спонтанные, плод его воображения.

– Мне не нужен такой подарок.

– А я его тебе и не дарю.

Ничего не понимаю. А Илиан пристально смотрит на что-то за моей спиной. Оборачиваюсь и, следуя за его взглядом, вижу десятку столиками дальше... Улисса! Улисса Лавалье. Который сидит в компании азиатов в серых европейских костюмах, все трое почти такие же дородные, как он сам.

– Эту работу нашел мне Улисс, – объясняет Ил. – Улисс – ловкий малый. Не думаю, что у него в кармане больше денег, чем у меня, но он умеет делать дела. За мои выступления по всей Южной Азии – в Индонезии, Малайзии, Таиланде – он положил мне нищенский гонорар, зато оговорил с хозяевами отелей вознаграждение натурой. Бесплатное жилье и еда!

Слежу уголком глаза, как Улисс справляется с огромным блюдом устриц.

– Я смотрю, он и себя не забывает!

– Согласен, – признает Илиан. – Боюсь, если и дальше буду играть во всех барах планеты, от Сан-Диего до Борнео, на условиях бесплатного питания, то скоро заведу себе такое же брюхо...

Я заставляю себя улыбнуться. Ил наклоняется ко мне и шепчет:

– Теперь понимаешь, почему больше никогда не должна пытаться меня увидеть?

Меня восхищают его отчаянные попытки свести ситуацию к шутке. А мне хочется заплакать, встать и убежать в номер. Лечь в постель рядом с ним и молча любить его.

Но я не двигаюсь с места. Отвечаю – тоже шепотом:

– Расскажи мне о том договоре, который ни одна женщина на свете не согласилась бы заключить...

– ...потому что для этого, – договаривает Илиан, – нужно любить так, как никто никогда не любил.

Как мне дорога наша безнадежная нежность! Наша решимость продолжать играть комедию, когда все вокруг рушится. Мы ведем себя как герои фильма. Все, что нам приходится переживать, неизмеримо сильнее наших реальных жизней.

– Я люблю тебя, Ил. Я люблю тебя так, как никто никогда не любил!

Ил не отвечает. В белой рубашке он напоминает снежного буреветника, залетевшего в Южную Азию, в толпу дородных бизнесменов.

Ради меня.

Ил согласился на это жалкое азиатское турне в обязательном безупречном костюме исключительно ради меня.

Даже здесь, рядом со мной, мой возлюбленный уже не совсем похож на себя. Он теряет краски. Так линяет оперение амазонского попугая, посаженного в клетку. Илиан – прирожденный бродячий музыкант. Таким он был в парке Чикано или на Рамбла.

А официантов все нет. Может, они отправились собирать ласточкины гнезда на скалы Улувату? Может, тот, кто принял наш заказ, разбился насмерть, упав с утеса? У меня вскипают слезы, я вытираю глаза белоснежной салфеткой и, вместо того чтобы положить ее на колени, не раздумывая засовываю в сумку. Мне нравится птичья голова, отиснутая на ткани, – с хищным клювом и гордым, свободолюбивым взглядом. Мне хочется сохранить на память каждую мелочь, каждое мгновение этого вечера. Украсть со стола вилку, нож, солонку. Я знаю, что после этой ночи никто никогда не назовет меня Мисс Ласточкой. Может быть, через несколько лет Оливье, в честь двадцатилетия нашей свадьбы, повезет меня в ресторан трапперов, где едят бобровое мясо. Надо же, оказывается, я еще способна иронизировать.

Снова протягиваю Илиану руку. Он крепко сжимает ее. Но мне чего-то

не хватает – не могу понять, чего именно. Это не его улыбка. Не его глаза. Не его печаль. Не то последнее, что осталось украсть. Наши сплетенные пальцы пляшут. А я продолжаю искать и пытаюсь осознать – что́ делает наше прощание неполным? Обвожу глазами ресторанный зал, вглядываясь в каждую мелочь, и наконец понимаю.

Впервые с тех пор, как мы стали любовниками, нас не сопровождает музыка.

И я тихо спрашиваю:

– Ты сыграешь, Илиан? Сыграешь в последний раз, для меня?

Ил гладит мою руку и встает.

В углу зала, между аквариумом и экраном для караоке, стоит черное пианино. Рабочий инструмент Ила. Тот, на котором он почти каждый вечер исполняет банальные джазовые мелодии, блюзы, рок. Стандартный набор – по чужому выбору.

Илиан направляется к пианино. Улисс провожает его глазами. Сейчас не время играть! Но Илиану плевать на время. Ил надевает свою красную клетчатую кепку – для меня, только для меня – и поднимает крышку пианино. Господи, как же он красив!

Он умеет играть и на этом инструменте.

Я сразу понимаю, что он импровизирует. По крайней мере, мелодию. А слова он наверняка сочинил раньше, и они прекрасно ложатся на мотив, рождающийся под его пальцами. Это похоже на транс, какой случается лишь в редких обстоятельствах. Каждая нота влечет за собой другие слова. Каждое слово порождает другие ноты.

Гул голосов в зале – эдакий легкий шумовой туман – не затихает. Китайцы и малайцы беседуют, смеются, не слушая музыку.

А я слышу только ее.

Только два голоса – пианино и Илиана.

Официант, живой и невредимый, приносит наши ласточкины гнезда. Я к ним не притрагиваюсь.

До сих пор не знаю, какой у них вкус.

А Илиан играет. Играет и поет. Для меня одной.

*Когда новый день наконец займетя,
Когда тот, кто спал, на заре проснется
И ранняя птица в небо взвьется
В лесу, где встретили мы рассвет,
Бесследно растает наш легкий след.*

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет,
Когда в замке ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

*Когда на заре наши праздники сгинут,
Когда наши чувства навеки остынут,
Когда я устану мечтать о ней
В холодной слякоти будних дней,
Тогда в чередe безразличных лет
Бесследно растает наш легкий след.*

*Когда она бросит свои капризы,
Когда я брошу свои стриптизы,
Когда мы нарушим любви обет,
Никто нам не выдаст обратный билет —
Бесследно растает наш легкий след.*

*Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...*

*Искорка взгляда – уже награда,
Голоса звук – спасенье от мук,
Слеза на мгновенье – почти извиненье,
Взмах руки на прощанье – почти обещанье.*

*Когда на любовь нам наложат запрет,
На наши объятья, на солнечный свет,
На тьму благосклонную наших ночей —
В мерцании лунных волшебных лучей
Бесследно растает наш легкий след.*

Когда мы изведем горе разлуки,

Когда мы разнимем холодные руки,
Когда твои взгляды померкнут от скуки
И ты обратишь их на тех, на других,
И ты забудешь меня ради них,
И больше не будет нас вместе, двоих,
А будут лишь стены, холодные стены,
И жгучая горечь напрасной измены
Под небом, нависшим над грустной землей,
Где мы уже вновь не сойдемся с тобой,
Где наши следы смоем серый прибой.

Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку.
Оставь от себя хоть чуточку:
Твой смех – на одну минуточку...

Когда наш последний вираж карусели
Свой бег оборвет в нашей постели,
Когда наш волшебный, воздушный полет
Под бременем брака конец свой найдет,
Когда наш смех опечалит всех,
Когда наши вздохи сочтут за подвохи,
От любви нам останутся жалкие крохи.

Когда краса былых живых букетов
Засохнет пыльным украшением буфетов,
Когда безумный жар страстей глубоких
Остынет в холоде бессонниц одиноких,
Когда благословенный солнца луч
Угаснет под завесой хмурых туч
И нашу жажду чудных перемен
Заменит скучный быт меж серых стен,
Когда друг друга мы вконец израним,
Что нам останется и кем мы станем?

Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...

Оставь от себя мне чуточку:
Твой смех – на одну минуточку,
Голосок – на часок,
Взгляд-огонек – на денек,
Грудки-малютки – на сутки,
Остальное – на двое.
И может, тогда ненароком
Останешься тут вся скопом.

Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку.
Жизни частичку,
С глаза ресничку,
Жилку с виска,
Полволоска,
Со лба – морщинку,
С шеи – косынку.

Оставь мне себя немножко:
Пусть не целый цветок, хоть один лепесток,
Брошку, сережку, к сердцу дорожку...

– Жорж-Поль!

Я еще издали заприметила нашего GPS: стюард возвышался над галдящей, мечущейся ордой пассажиров. Все рейсы на Джакарту аннулированы, а остальные южно-азиатские отложены. Холл аэропорта забит под завязку многодетными семьями из Малайзии, Шри-Ланки, Индии – они ждут сообщений о рейсах; европейских туристов волнует рейс на Мальдивы; бизнесмены доказывают, что азиатская, а следовательно, и мировая банковская система обрушится, если они немедленно не вылетят в Сингапур. Мне с трудом удастся пробиться через это скопище народа, заполнившего все помещения аэропорта. Буду ждать ровно один час, ни минутой больше, а потом сяду в машину и покину Руасси.

Зачем? Чтобы вернуться в Порт-Жуа?

Или поехать в больницу Биша?

При одной мысли об этом внутри все холодеет.

Вновь увидеть Илиана – после долгих лет разлуки?

Вновь увидеть Илиана перед тем, как жизнь покинет его?

А хватит ли у меня мужества? Хватит ли решимости нарушить свою клятву? Хватит ли сил встретиться с самым страшным моим демоном и взглянуть ему в глаза? Встать лицом к лицу со своей виной, которая жгла и терзала меня все эти годы? Готова ли я выпустить на волю чудовище, глодавшее меня изнутри и готовое пожрать вместе с моей жизнью и мою семью, мой дом – все, что я построила?

И я кричу еще громче:

– Жорж-Поль! Есть новости?

GPS выгребает из толпы против течения, пытаясь пробраться ко мне.

– Нет... Это просто ад крошечный! Я только знаю, что Флоранс и Жан-Макс позавчера улетели в Джакарту на самолете с гуманитарным грузом. – Он смотрит на часы. – Они... они сейчас должны быть в Богоре, это в пятидесяти километрах к югу от Джакарты, там организован воздушный мост, через который идет международная помощь.

Я едва слушаю.

Решение уже принято.

Нет, я не поеду в больницу. Не открою дверь в палату Илиана. Хотя и знаю, что он там, за ней. Знаю, что он меня ждет.

– Возьми, – говорит Жорж-Поль, протягивая мне бумажку с индонезийским телефонным кодом, – это на случай, если захочешь с ними связаться.

Объявляют рейс на Сингапур. Стюард с трудом продирается через лес ног, чемоданов на колесиках и жестикулирующих рук, но мне все же удается схватить листок, где он записал номер сингапурской мобильной связи.

– А Шарлотта?

Я успела задать этот вопрос до того, как Жорж-Поля увлек за собой поток пассажиров.

– Ничего не известно!

Я забиваюсь в уголок внезапно опустевшего холла М и звоню Фло. Если через час я узнаю наверняка, что ни одного рейса на Джакарту сегодня не будет, то вернусь домой.

– Нати?

От одного звука голоса моей коллеги мне сразу становится легче, напряжение слегка спадает. Но ее голос едва слышен, то и дело прерывается.

– Нати, ты меня слышишь? Что там у вас в Руасси?

Я коротко обрисовываю ситуацию.

– Ясно, – заключает Фло. – Значит, такой же бардак, как здесь, у нас! Я нахожусь в диспансере Богора. Спала всего три часа с момента прибытия. Жан-Макс обеспечивает связь на линиях Бали – Ява и Ява – Паданг, делает по пять рейсов в день. Через эти пункты идут гуманитарная помощь и продукты. Он спал еще меньше меня.

– А... Шарлотта?

Едва задав этот вопрос, уже клянусь себя – зачем спрашивать об этом Фло?!

– Об этой поганке никто ничего не знает! И могу тебя заверить, что здесь мне есть чем заняться, кроме этой подстилки, которая вздумала увести у меня мужа. У индонезийцев практически ничего не осталось. Черт подери, не мне же тебе говорить, какой это милый народ. Триста миллионов жителей, которые никогда никому не причиняли зла, не делали ничего плохого, не играли в футбол, не гонялись за олимпийскими медалями, не надоедали нам дебильными фильмами или жуткой музыкой! Никаких войн, никаких происшествий – триста миллионов кротких людей, которые не кричат о своей нищете, а просто смотрят, как остальной мир сходит с ума, и вот надо же – природа ополчилась именно на них!

Я невольно улыбаюсь. Из трубки доносится смех детей, видимо

стоящих рядом с ней, мужские голоса, женское пение. Слышимость становится все хуже и хуже.

– Не могу больше говорить, Нати. Сейчас начнется минута молчания. Я отключаюсь, извини.

– Погоди...

Детский смех... Поющие женщины... Мой мозг пронизывает внезапная галлюцинация. Новая иллюзия.

Мне почудились – сквозь голос Фло – слова... невозможные слова:

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа.*

И мне вдруг кажется, что камень времени каким-то чудом снова оказался в моем кармане.

– Погоди, Фло... погоди...

Но мой голос звучит в пустоте, Флоранс уже отключилась. По динамику объявляют конец посадки на Манилу. Я пытаюсь сосредоточиться, прокрутить наш с Фло разговор, который длился меньше минуты. На слова Фло мне плевать, я хочу припомнить сопутствующие звуки – голоса беженцев, звучавшие в этом индонезийском диспансере, обрывки фраз, слова песни, которые мне удалось расслышать.

Птицы... навсегда... не останется и следа...

Но это невозможно! У меня кружится голова. Потаенные воспоминания об отеле *Great Garuda* смешиваются с сегодняшними впечатлениями, с кадрами телехроники – разбитые вдребезги окна, затопленные нижние этажи. Я судорожно роюсь в карманах, в сумке, но не нахожу там никакого камня. И долго стою в тупом оцепенении, не зная, что делать – перезвонить Фло, уехать, остаться? Толпы растерянных пассажиров по-прежнему бродят от выхода к выходу.

Перезвонить?

Уехать?

Остаться?

И тут мои раздумья прерывает звонок. Меня вдруг охватывает ужас. Что, если это Лора? Что, если моя дочь звонит, чтобы сообщить самую ужасную из всех новостей?..

Но нет, номер мне неизвестен.

Я перевожу дыхание. Это не Лора и не Оливье. Включаю телефон.

Сперва слышу в трубке рокот самолетных моторов, потом голос,

объявляющий об отправлении «боинга» в Сан-Франциско, и, наконец, знакомый голос:

– Натали? Натали, это Улисс!

Улисс? Он задыхается, как человек, переживший потрясение.

– Я только что прилетел в Руасси, вышел из самолета и просмотрел эсэмэски. Черт возьми, я знаю, что ты в курсе, Натали. Илиан не выживет. Из-за этого сволочного лихача. А может, и убийцы. Я хотел помочь ему встать на ноги, а теперь успею только увидеть, как он умирает.

– ...

– Где ты сейчас, Натали? Я только что дозвонился в Биша, говорил с доктором Берже. Это он информировал меня обо всем, с первого же дня. Проклятье, он мне сказал... сказал, что Илиана никто не навещал... никто, даже ты.

Я представляю себе грузного, в испарине Улисса. Впрочем, вряд ли он вспотел сильнее меня, мое лицо и форменный костюм мокры, как во время ливня.

– Улисс, я...

– Не надо оправдываться, Натали. И не рассказывай мне о вашей старой клятве. Я сто раз слышал о ней от Илиана, когда он умирал от желания позвонить тебе. Но теперь... может, хватит уже этих глупостей?

– Д-да...

– Так где ты сейчас?

– В... в Руасси... Терминал 2F, выход М.

– Вот что, я беру такси и еду за тобой, а потом в Биша. Его нельзя бросать, Натали. Его нельзя бросать!

– Лора, ты знаешь, что такое запредельное одиночество?

– Понятия не имею, папа.

В гостиной работает телевизор. На огромном экране нон-стопом идет прямой репортаж из Джакарты и хроника событий. Разоренные пляжи Явы, километры руин, словно какой-то злой мальчишка одним взмахом руки разметал конструкцию из спичек. Появляется Марго. Грохнув дверью, она швыряет в угол свой ранец и подходит к отцу и старшей сестре.

– Я смотрю, тут семейный совет? Надеюсь, повод серьезный? А то я бросила своего чувака и прямо из лица сюда. Маму ждать будем?

Оливье делает вид, что поглощен новостями. Кадры с беженцами сменяются пестрыми толпами, которые теснятся на Елисейских Полях, на Пикадилли-Серкус, на Пятой авеню, на площади Тахрир, площади Тяньаньмэнь, Красной площади... Людское цунами. Комментатор объявляет, что ровно в 20:00 по джакартскому времени начнется всемирная минута молчания в память о жертвах в Индонезии. По здешнему времени – через пятнадцать минут.

Оливье наконец поворачивается к Лоре и Марго:

– Запредельное одиночество, девочки, это когда минута молчания начинается у одинокого человека прямо здесь, у него дома. Когда нужно встать и замереть, как все, но только молчание длится и после этого.

Марго пожимает плечами:

– Да ладно тебе, пап, ты же не одинок, мы тут, рядом с тобой.

Лора хватается за пульт, лежащий на диване, и выключает звук. Она явно нервничает.

– Ну что случилось, папа? Я вообще-то спешу. Приехала из Биша, после смены, и мне нужно забрать близнецов, иначе няня бросит их прямо на улице. Потом накормить, пока Валентин не вернулся с дежурства, и опять мчаться в больницу на ночную смену.

Оливье пристально смотрит на дочерей. Потом на одну Лору:

– Вот об этом-то я и хотел поговорить. О больнице.

Лора стойко выдерживает его взгляд.

– Ма... мама мне призналась. – Голос Оливье слегка дрожит. – Ты ей только что звонила... ты... ты в курсе...

Лора не отвечает. Несколько лет работы в отделении скорой помощи

научили ее прятать эмоции даже в самых критических ситуациях. Держаться стойко. А переживания оставлять на потом. Зато Марго, не имеющая такого опыта, сразу взрывается:

– Призналась в чем? В курсе чего? У вас тут заговор какой-то, что ли?

Оливье продолжает смотреть на Лору, как будто не слышит Марго.

– Я полагаю, это мама попросила тебя... попросила заботиться о нем?

Лора отвечает со спокойной улыбкой:

– Ах вот ты о чем! Только и всего? Ну да, ее друг попал в нашу больницу. И она просила меня сообщать о его состоянии.

Оливье встает, прохаживается по комнате. Марго нетерпеливо топчется у двери, Лора неподвижно стоит рядом. Оливье знаком просит обеих сесть, они колеблются, но он настойчиво указывает на диван и ждет, когда дочери усядутся напротив телевизора. Взгляд Оливье снова устремляется на Лору, на одну только Лору.

– Это не просто друг. И я уверен, что ты это поняла.

Оливье отворачивается, боясь реакции своих девочек. Переводит взгляд на экран. Камеры вертолетов снимают бурлящие толпы. На улицах реют флаги, люди идут целыми семьями, взволнованно переговариваются. Это понятно даже при выключенном звуке.

– Лора, Марго, я надеялся, что мне никогда не придется обсуждать это с вами. Надеялся, что прошлое никогда не вернется. Ну так вот... Ваша мама едва не бросила нас, вернувшись из Джакарты...

Оливье не решается посмотреть на дочерей. Может, они плачут? Или вышли на цыпочках из комнаты? Но он все равно должен говорить, должен рассказать все до конца.

– После того как мама вернулась из Джакарты, она много работала. Но врач запретил ей летать, он диагностировал у нее нечто вроде *burn-out*^[122], такое нередко бывает со стюардессами, летающими на дальние расстояния. Ваша мама часто плакала, почти не говорила, никогда не отвечала на вопросы, как будто мы ей надоели. Ты этого не помнишь, Лора, ты была еще слишком мала. А потом в один прекрасный день мама объявила мне, что уезжает. По официальной версии, *Air France* решила создать новую компанию на основе своего индийского филиала и набирала волонтеров, владеющих английским языком, для обучения индийских стюардесс. И мама решила взяться за эту работу. Она очень хорошо оплачивалась, а нам в то время требовались деньги на дом, что правда, то правда. Но это был только предлог. Удобный случай, чтобы покинуть нас. Чтобы все обдумать. Вот это, Лора, ты, наверно, помнишь. Про Индию. Ты тогда так часто меня спрашивала: *А мама скоро приедет?* И у нее спрашивала по телефону то

же самое: *Ты когда приедешь, мама?* Помнишь? Ты наверняка это помнишь!

Оливье умолкает, его взгляд по-прежнему устремлен на экран. Он слышит, как всхлипывает Марго. Слышит голос старшей дочери:

– Да, папа, я помню. Но мне почему-то кажется, что мама пробыла в Индии какую-нибудь неделю или две, в общем, не дольше, чем в обычных рейсах.

– Нет, маме понадобилось гораздо больше времени на размышления. Много месяцев. Я уже решил, что мы ее потеряли, но она все же вернулась. Несомненно, благодаря тебе, Лора. Однажды она вернулась и больше не уезжала. Мало-помалу становилась веселее, похожей на себя прежнюю. И это благодаря тебе, Марго. Мы решили завести второго ребенка, потому что опять любили друг друга. С тех пор все шло хорошо.

Лора белая как полотно. А Марго безутешно плачет.

– А я... я родилась через сколько времени после этого? – спрашивает она.

Оливье наконец отрывается от экрана и смотрит на дочерей.

– Почти через два года.

Потом все долго молчат. Марго кладет голову Лоре на колени, и та ласково гладит сестру по волосам. Стенные часы отстукивают секунды. Людские толпы на экране замедляют движение. Минута молчания вот-вот должна начаться. Марго прерывисто, между двумя всхлипами, произносит:

– Странно как-то – все эти совпадения. Этот тип, ради которого мама нас чуть не бросила, оказался в больнице Биша. А теперь вот – Джакарта. Как раз сегодня мама должна была туда лететь. Она ведь оттуда вернулась, когда все это случилось. Из Индонезии... Это теперь ее показывают круглые сутки, а раньше о ней годами и речи не было...

Ей никто не отвечает. На экране кадры какого-то стадиона. Марго продолжает говорить в воздух, лишь бы не молчать. Вот папа, тот никогда не умел заполнять паузы. Это для него слишком сложная задача, он работает руками, а не языком, – такова была одна из их любимых семейных шуточек. Как, впрочем, и другая: «Папа сегодня слишком строг – слишком много строгал». Семья – это когда все разделяют шутки. А не тайны.

– Они готовят концерт на стадионе «Уэмбли», – говорит Марго. – В память о погибших в Индонезии.

Стадион на экране сменяется клипом: певцы по очереди подходят к микрофону, а рефрен подхватывают все хором. Но в комнате стоит мертвая тишина, как будто их усилия напрасны.

Наконец Лора нарушает молчание:

– Его зовут Илиан, папа, Илиан Ривьер. Я с ним говорила. Сказала ему, что я дочь Натали. Он... Ему осталось жить несколько дней. Он обречен. Следовательно думает, что это могло быть предумышленное покушение на убийство. Он в сознании. Пока еще... Ты...

Лора в нерешительности замолкает. Марго растерянно переводит взгляд с сестры на отца.

– Ты... ты не хотел бы с ним поговорить?

Оливье не отвечает. Слава богу, хотя бы не возмутился, думает Лора. И настойчиво произносит:

– Я думаю, это было бы правильно, папа.

Марго перестает следить за их скрытым поединком, она вытирает глаза и сосредоточенно смотрит на экран. Ее губы шевелятся, она подпевает выступающим:

– *Оставь мне себя немножко...*

Но ее никто не слушает.

– О чем мне с ним беседовать? – спрашивает Оливье.

– Я... мне кажется, у него есть тайна... важная тайна, которую он мог бы тебе доверить.

В этот момент большой экран разделяется на двенадцать маленьких, на них возникают города планеты, от Нью-Йорка до Шанхая, от Кейптауна до Рейкьявика.

Наступила минута молчания.

Самые высокие башни Джакарты по вечерам освещаются прожекторами. Это единственное украшение колониальных городов, построенных слишком быстро. И слишком поздно. У них нет истории. Лишь по ночам они раскрываются во всей своей красе – искусственной и агрессивной, подобной грубому макияжу «ночных бабочек», привлекательных только во тьме. Башня Монас, кажущаяся совсем близкой из окна двадцать первого этажа отеля *Great Garuda*, самая яркая из них, куда заметнее, чем Дворец независимости, административные здания на площади Мердека или отель *Pullman Jakarta*.

Илиан сидит на кровати, в метре от окна. Бирюзовые лучи прожекторов, направленных на Монас, рассекают ночную тьму и проникают в комнату, окрашивая стены, потолок и, ярче всего, его белую рубашку, – ни дать ни взять живой экран. Живой... но застывший.

Я сижу у него за спиной и судорожно обнимаю, нет, сжимаю его тело, вцепляюсь в него, как тонущий – в спасательный круг. В ресторане я проплакала весь конец вечера – над каждой нотой, над каждым словом, над каждым звуком фортепиано. Залила слезами ласточкины гнезда, продолжала плакать в лифте и, рухнув одетой на кровать, зарыдала в подушку.

– Я не могу бросить тебя, Илиан. Бросить тебя – значит умереть. Не жить, а вести жалкое существование. Бросить тебя – значит согласиться прозябать в пустоте. Ни одна женщина не может покинуть человека, который сочиняет такие песни. Такие объяснения в любви. А что потом...

– Это прощальная песня, Нати. А не любовная.

Башня Монас стала розовой, наша комната и рубашка Илиана тоже сменили цвет, словно добрая фея взмахнула волшебной палочкой, преобразив наряд моего Спящего красавца... Голубая рубашка, розовая, сверкающая...

И прозрачная. Под воздействием моих серебряных капель его тело просвечивает сквозь ткань.

А слезы все текут и текут...

Илиан не двигается. Но его оцепенение не утешает меня. Я знаю, что он страдает не меньше моего, хоть и силится не показывать этого. Боже мой, Илиан бережет меня! Жертвует собой! В люльке только одно место,

второй должен прыгнуть за борт. И в шлюпке только одно свободное место, второй должен броситься в море. Ил – тот самый Джек из фильма «Титаник», что бросился в ледяную воду. А я хочу последовать за ним – в неистовом порыве, не жалея себя. Я не принимаю его жертвы. Хочу сражаться за нас обоих. Кричать, бороться, чтобы все спасти.

– Значит, ты хочешь со всем покончить? Чтобы от нас ничего не осталось? Словно ничего и не было? Одна ночь, одна мечта и – пшик! – пробуждение?

– Нет, моя песня была не об этом.

Теперь его рубашка усеяна звездами, которые сверкают снаружи, на фасадах. Мои руки проникают под эту звездно-ночную ткань, расстегивают последние пуговицы, гладят его тело, чтобы запомнить малейшее движение. Илиан не реагирует. Холодный как лед. Словно его уже парализовала ледяная океанская вода. А я остаюсь в своей шлюпке. Которая уже отплывает.

– Ладно, давай! Говори, что там, в твоём контракте? Что это за штука, на которую не согласилась бы ни одна женщина? Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда не любил. Ты думаешь, я на это не способна?

Рубашка падает. Илиан наконец поворачивается ко мне. Как же он красив! Звезды уже померкли, угасли, башня Монас сверкает теперь золотым венцом и медно-розовым нарядом. А я мысленно молю бога, чтобы Илиан высказал свое условие – самое безумное из всех условий. Но он молчит, и это молчание делает его замысел самым фантастическим, самым несбыточным из всех. Ну пусть он предложит, чтобы мы с ним выбросились из окна, держась за руки и только выпив перед этим волшебный эликсир, который сделает нас легче воздуха! Пусть достанет ключ от потайной двери в параллельную вселенную! Пусть подарит кончик волшебной нити, которая позволит смотреть обратно весь клубок моей жизни, до самого начала, еще до того, как я познала других мужчин. И зачеркнуть все это, и начать все снова – с ним вдвоем!

Я прикипаю к Илиану, и моя кожа тоже окрашивается в золото.

Стань чародеем, Илиан! Предскажи нашу судьбу!

Преврати нас в статуи. Мы будем так прекрасны в этом мраморном плену, в золотых блестках. И простои́м рядом до скончания веков.

Его рука ложится мне на грудь. Другая проникает между ног. Ил целует мое тело, но не касается губ. Шепчет, повторяя слова песни:

– Оставь мне себя немножко...

Стинг, кажется, намерен повторить еще раз двадцать свою *SOS*, но комментатор внезапно прерывает песню. «Письмо в бутылке», наверно, уплыло на какую-нибудь отдаленную планету: ведущий объявляет, что на всех волнах, на всех каналах сейчас начнется минута молчания в память о жертвах цунами в Индонезии.

И теперь я слышу только один звук – гул мотора.

«Мерседес» С-класса. Арендованная машина. Странно: Улисс сказал мне, что берет такси и едет за мной, – а приехал в арендованном автомобиле. Но в тот момент я не придавала этому значения.

Мы оба молчим. И не только из-за радио, оно безмолвствует. Я осознаю всю важность минуты молчания при виде людей, застывших у входа в «Руасси-Техно», продавцов, вышедших из бутиков на парковку торгового центра «Париж-Север-2». Минута скорби, и секунды с космической скоростью переносят меня в Джакарту, за двенадцать тысяч километров отсюда, на семь тысяч дней назад. Но этой короткой паузы хватило, чтобы перед моим мысленным взором пролетела вереница воспоминаний о панорамном ресторане отеля *Great Garuda*, о пианино, о ласточкиных гнездах, залитых слезами, о десяти этажах слез в лифте, об освещенной прожекторами башне Монас и о моем обещании, моем проклятом обещании, самом страшном, самом безумном поступке за всю жизнь.

Горсточка секунд, растаявших в вечности... Дни, недели, месяцы, показавшиеся мне годами по возвращении из Индонезии, когда я уже не понимала, кто я и где я, когда все делала механически, как робот. Готовила еду, читала, занималась уборкой, ложилась в постель и проводила ночи без сна. Не смела выйти за пределы Порт-Жуа. Выйти оттуда означало уехать. Уехать – и никогда больше не возвращаться. А ведь так и нужно было поступить. Я обещала это Илиану. Сбежать. Не раздумывая. А потом вернуться. Более легкой. Избавленной от бремени. Смертельно раненной...

На северном шоссе пробок не бывает, «мерседес» плавно, без остановок, мчит в сторону окружного бульвара. Внезапно тишина кончается, и Стинг продолжает свою *SOS to the World* прямо с того места, где его прервали. В какой-то миг у меня вспыхивает надежда, что следующей песней будет *Let It Be*, или что-нибудь из репертуара «Кью», но

нет, мы слышим «Обещаю тебе» Джонни Холлидея. Так что никакой фантом меня больше не тревожит. Невидимая пропасть между настоящим и прошлым закрылась. А Джакарту поглотил потоп. Наверно, завтра какое-нибудь землетрясение разрушит и Сан-Диего. А глобальное похолодание превратит в лед Монреаль. И все свидетельства прошлой жизни будут бесследно стерты. Даже мой камень времени не поможет. Он сделал все, на что был способен, а потом – исчез.

«Мерседес» приближается к «Стад-де-Франс»^[123]. Минут через тридцать, а то и меньше мы будем в Биша. Улисс ведет машину молча. Он явно сердит на меня за то, что вынужден ехать в больницу: я-то работаю всего в нескольких километрах от Биша, а ему пришлось пересечь Атлантический океан, чтобы навестить Ила. Если бы ты знал, Улисс... Если бы понимал все значение клятвы, которую я должна нарушить. Если бы мог представить, какой страх я должна задавить в себе. Спасибо тебе, Улисс, спасибо за то, что принудил меня к этому, похитил, заставив взглянуть в глаза чудовищному призраку, затаившемуся в моей душе. Если бы не ты... я бы так и блуждала в потемках.

Внезапно Улисс сбрасывает скорость, включает поворотник и съезжает с автострады на дорогу, ведущую к северу, в сторону от национального шоссе № 14. Мой ежедневный путь в аэропорт.

– Улисс, в Биша прямо!

И только в этот момент я замечаю, какое направление задано навигатору.

Вовсе не больница Биша, а совершенно незнакомый адрес: *Шар, улица Освобождения, дом 36.*

Шар?

Смутно припоминаю: это деревушка в пятидесяти километрах от Парижа и в десяти – от национального шоссе, соединяющего Порт-Жуа и Руасси. Что понадобилось там Улиссу и зачем он меня туда везет?

– Я обещал Илиану заехать к нему домой, – бросает продюсер. – Забрать там кое-какие вещи и привезти ему.

Шар?

Значит, Илиан живет в Шаре? Значит, каждый раз, отправляясь в Руасси, я проезжала практически мимо его дома? Улисс продолжает вести машину, внимательно глядя на дорогу. Теперь я замечаю еще одну странность, ускользнувшую от меня вначале, – его одежду. На нем элегантный серый пиджак безупречного покроя, такие же брюки, темная рубашка... Ничего общего с мятой гавайской хламидой, которую он носил несколько дней назад в Лос-Анджелесе. С чего вдруг такая перемена? Ради

Илиана? А может, он решил заявиться во Францию, одевшись... для похорон?

Несмотря на все усилия, Улисс не может скрыть нервозность. Я смотрю, как он раздраженно нащупывает ручку переключения передач, – очевидно, за много лет привык к автоматической коробке в американских машинах. По его седым вискам стекают капли пота, толстый живот уперся в руль. Веки нервно дергаются, из кармана торчит белый платок. Неужели он плакал?

Что ж, ничего удивительного: он узнал, что его друг обречен. Друг, жизнью которого он интересовался все прошедшие годы. А я вдруг понимаю, что ровно ничего не знаю об Илиане. Кроме того, что он работал в парижском «Фнаке». Я-то воображала, что Илиан обитает в какой-нибудь каморке, типа мастерской художника, под крышами Монмартра, или в квартире в квартале Маре, или в современной многоэтажке Гутт-д'Ор^[124], но никак не могла представить себе, что он уютится в деревенском домишке за кольцевым бульваром.

Только не Илиан. Только не он.

Чем он там занимался – мастерил что-нибудь? Возился в саду? Гулял с собакой? Приглашал в гости соседей?

Нет, только не Илиан. Только не он.

В окне мелькают дороги, перекрестки, круговые разъезды, предместья. Спокойные, банальные. Почти безлюдные.

Аблеж. Сантёй. Бриньянкур.

Еще три километра. Улисс выдергивает платок из кармана и обтирает взмокший лоб.

«Вы прибыли по назначению», – сообщает навигатор.

Улисс тормозит перед крошечным домиком, стоящим поодаль от соседних строений. Перед окнами узкий палисадник. В гараж ведет крутой спуск. Оштукатуренные стены покрашены в бежевый цвет. Похоже, что внутри домик едва ли больше обычной трехкомнатной квартиры, разве что делится на два этажа, чердак и подвал. В таких домишках с мощеными дворами обычно живут шахтеры, только этот стоит совсем на отшибе. Мне не верится, что Илиан обитал здесь, но факт налицо: Улисс затормозил в паре метров от почтового ящика.

На нем написано имя – *Илиан Ривьер*.

Улисс не выключает мотор. Не понимаю почему, но и не спрашиваю. У меня накопилось гораздо больше других вопросов поважнее. Во-первых, эта фамилия – почему-то странно знакомая. Затем – этот дом. А что, собственно, я воображала – что Илиан живет во дворце? Нет, конечно... Но

мне трудно свыкнуться с мыслью, что я все эти долгие годы жила в красивом и таком поэтичном шале на берегу Сены, а он – в этой коробке. И мне было так хорошо у себя дома! Хотя моей заслуги тут нет. Это все Оливье, с его терпением и золотыми руками. Продолжаю осматриваться: облупленные ставни, пучки сорной травы между булыжниками, выцветшая черепица, дырявая сетка на отдушине. Смогла бы я жить в таком неухоженном месте, если бы бросила все ради Илиана?

В салоне «мерседеса» по-прежнему работает радио, только Джонни уже не поет, его сменили рекламные слоганы, которые звучат в три раза дольше минуты молчания. Улисс так и не выключил мотор, он сидит в машине, словно его заморозили объявления о сказочных скидках в сети больших супермаркетов. Сейчас он нервничает еще сильнее, по лицу ручьями стекает пот, который он не успевает вытирать. Я смотрю, как Улисс с трудом тянется через свой живот к бардачку. Что ему там нужно – ключи от дома Илиана?

Потому что никто нас не ждет за этими закрытыми ставнями. Но я все же уточняю еще раз:

– Значит, это здесь жил Илиан?

Улисс делает вид, будто не слышит, и продолжает что-то искать. Почему он молчит – сердится на меня? Он ведь был «крестным» нашей любви. Пропустил нас на концерт «Кью» в Монреале, просил меня никогда не расставаться с Илианом. Вспоминаю его обвинения в Лос-Анджелесе. Значит, все это из-за меня? И несчастный случай на авеню Терн. И работа Илиана «за жильё и стол». И эта жалкая лачуга...

– Да, здесь... – отвечает наконец Улисс.

По радио диктор начинает восторженно вещать о грандиозном концерте на стадионе «Уэмбли», который состоится нынче вечером, еще более важном, чем *Live Aid* в 1985 году^[125]. В нем примут участие все самые известные рок-звезды. Я отстегиваю ремень безопасности, берусь за ручку дверцы, чтобы выйти из «мерседеса», и тут Улисс хватает меня за руку и прибавляет звук. Я понимаю, что он хочет заставить меня слушать радио.

Какого черта?!

Три фортепианные ноты.

И у меня замирает сердце.

Три ноты, которые я узнала бы среди тысяч других.

И кто-то у меня в голове кричит: это невозможно!

Голос неизвестной мне звезды запекает первые слова:

*When the sun wakes up,
When the sheets wash up...*

А я зачарованно перевожу их:

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется...*

Да нет же, меня просто обманывает слух, в мой мозг попадает искаженная информация! То, что я слышу, не имеет никакого смысла. Это же слова *нашей* песни, той, которую Илиан сочинил для меня в отеле *Great Garuda*, в Джакарте! И только я одна знаю ее – эту песню, навсегда запечатленную в глубинах моей памяти. Эта мелодия, эти слова... они не могут звучать по радио!

А Улисс все еще копается в бардачке. Он сидит спиной ко мне и, не оборачиваясь, спрашивает:

– Ты так и не поняла?

– Не поняла... чего?

Я закрываю глаза...

*When the birds fly from the bush,
There will be nothing left of us...*

...и продолжаю переводить английские слова, доносящиеся из приемника:

*Когда птицы, вспорхнув, улетят навсегда,
От нас не останется и следа.*

Мои слова. Наши слова. Украденные... Опошленные...

– Мне очень жаль, – шепчет Улисс. – Все эти годы я пытался сохранить тайну. Но плотина рухнула. Я не мог предвидеть... Это цунами, эта песня, из которой проклятые рок-звезды сделали свой гимн, свой «вклад в помощь Индонезии»... Его подхватили все каналы на радио и крутят с утра до вечера. Кто мог такое предугадать?!

– Что за тайна, Улисс?

– Только три человека были в курсе, Натали. И двое уже не заговорят.
Осталась одна ты.

Ничего не понимаю – какая тайна? А песня продолжается:

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет...*

– Что ты скрываешь от меня, Улисс?

– Входи, входи в дом Илиана. Там я тебе все объясню!

*Когда в замке ржавый ключ застрянет
И мы поймем, что выхода нет,
Бесследно растает наш легкий след.*

Во мне вскипает гнев. Я пытаюсь перекричать музыку, заглушить слова, которые сводят меня с ума.

– Нет, Улисс, я не выйду из машины, пока ты не объяснишь мне, в чем дело. Здесь же! И сейчас!

И тут я слышу смех Улисса – слегка наигранный смех, в котором звучит презрение. Он наконец распрямляется, найдя то, что искал.

И я не верю своим глазам.

Улисс целится в меня из револьвера.

Как только я отворяю дверь и вхожу в дом Илиана, слезы мгновенно затуманивают глаза. Я оглядываю комнату, каждый ее уголок, на минуту забыв об оружии в руке Улисса. И пытаюсь ответить на нахлынувшие вопросы. Зачем Улисс заманил меня сюда? Чтобы раскрыть какую-то тайну? Чтобы убить?

Комната невелика – примерно метров двадцать. Кухонный уголок, барная стойка, продавленный диванчик, покрытый легкой оранжевой тканью. И меня пронизывает щемящее чувство: да, Илиан действительно жил здесь!

Этот домик в Шаре чем-то похож на самого Илиана: скромный, банальный фасад – чтобы надежнее скрыть все своеобразие его личности. Эта комната – его музей.

Я обвожу взглядом постеры, развешенные на стенах. Дж. Дж. Кейл в Талсе, Стиви Рей Вон в Монтрё, Лу Рид в «Батаклане»^[126], коробки с виниловыми пластинками, CD-проигрыватели, гитары, прислоненные к стенам или к кухонной перегородке, кучи нот, разбросанных по столу, стопки пластинок с фолк-роком на стуле и, наконец, красная клетчатая кепка на крючке у двери, словно Илиан выглянул из дома на несколько солнечных минут и вернется, как только небо передумает и затянется тучами.

Да, Илиан укрывался здесь. Чтобы наслаждаться страстью к музыке. Чтобы слушать чужую музыку и играть свою, сочиненную без посторонней помощи.

Улисс знаком велит мне сесть на один из барных стульев. Выпить он не предлагает. Сам же удобно располагается на диванчике с ярким покрывалом. Теперь ни одна капля пота не увлажняет его лицо – волнения как не бывало. Он выглядит куда более спокойным, чем в «мерседесе», как будто, скинув маску продюсера-покровителя, освободился от какого-то гнета. Но револьвер по-прежнему нацелен на меня.

– Я сделал все возможное, чтобы этого не случилось, Натали. Надеялся, что тайна не выплывет наружу. Так оно и было, на протяжении многих лет. Так должно было продолжаться.

Подавшись вперед на своем насесте, я устремляю на него

презрительный взгляд. Странное дело: даже под дулом револьвера я чувствую себя сильной. Однако через какую-то секунду что-то отвлекает меня. Вижу три закрытые двери. Куда они ведут – в ванную, в спальню, в другую комнату? Илиан... разве он жил здесь не один? Мне не терпится встать и обследовать дом. Догадываюсь, что Улисс ждет от меня вопросов, но такого удовольствия я ему не доставлю. По крайней мере, в эту минуту. И я молчу. Улисс явно удивлен. Усаживается на диване поудобнее и продолжает свой монолог:

– Ты помнишь, Натали, тот вечер в Джакарте, в ресторане *Great Garuda*? Я сидел через несколько столиков от вас, с индонезийскими продюсерами. Все произошло предельно просто. Илиан сел за пианино. И одному из продюсеров, некоему Амрану Бакару, понравилась песня, которую он исполнял. Он успел записать слова и музыку и предложил мне продать их. Я согласился. Все случилось спонтанно. В последующие дни я не успел обсудить это с Илианом. Ты-то знаешь, что он был занят более важным делом... Потом, в течение нескольких недель, я много разъезжал и как-то позабыл известить его и заключить с ним контракт. Кем я тогда был? Жалким импресарио без гроша в кармане, который держался на плаву только благодаря сомнительным контрактам. И уступка прав какой-то неизвестной мелодии какому-то неизвестному продюсеру в Индонезии не обещала улучшить состояние моих финансов или положение Илиана. Так я тогда думал. Я действительно был в этом уверен.

Он замолкает. Медлит, ожидая, что я не выдержу и начну его расспрашивать. Хочет насладиться моим гневом, спровоцировать на агрессию, чтобы оправдать ответную. Изложить мне ситуацию, а потом ликвидировать. Но я не намерена сдаваться. Храню молчание до тех пор, пока тишину не прерывает какой-то глухой шум. Он доносится из соседней комнаты, как будто кто-то скребется в дверь. Моя первая мысль: там заперто какое-то животное. Собака? Или кошка? Улисс тут же снова начинает разглагольствовать, повысив голос, будто хочет заглушить эти звуки.

– Тебя это, наверно, удивит, Натали, но в Индонезии тоже существует музыка. Музыкальные радиопередачи, певцы, концерты. Во всех уголках планеты есть музыка, но самые популярные певцы почти всегда поют на языках, понятных местным жителям, и в результате они становятся идолами публики у себя на родине и совершенно неизвестны в остальном мире. Никто за пределами франкоговорящих стран не знает Холлидея, Сарду, Балавуана или Голдмана. Вот ты можешь назвать хоть одного польского певца? Или русского? Или мексиканского? Или китайского?

Короче, я все это говорю, чтобы ты поняла: за исключением нескольких американских и английских поп- и рок-звезд, прославившихся во всем мире благодаря радио и телевидению, в мире нет ничего более разобщенного, чем эстрада!

Теперь я явственно слышу царапанье. Улисс тоже его слышит, не может не слышать. Но не реагирует. Нет, это не кошка – ни одна кошка не способна царапать дерево так громко...

– В Индонезии, Натали, двести шестьдесят миллионов жителей. Это самая густонаселенная страна в мире – после Индии, Китая и США. Население Франции в четыре раза меньше. Нетрудно подсчитать, что роялти какого-нибудь Сарду, Голдмана и Джонни здесь были бы в четыре раза выше. Тот продюсер, Амран Бакар, пустил в ход песню Илиана, не изменив в ней ни единой ноты, ни единого слова, он только сделал перевод и отдал ее Бетаре Сингарадже, одной из самых популярных певиц Индонезии. И на сегодняшний день там продано уже больше шестидесяти миллионов пластинок. А пластинок с другой песней, *Sedikit kamu*^[127], на десять миллионов больше. Но для исполнительницы это суций пустяк, она продолжает записывать все новые и новые диски, и в настоящее время цифра продаж приближается к ста миллионам.

Не слушать его, не доставить ему радости, пусть всего лишь кивнув в ответ! Сосредоточиться на странных звуках за дверью. Кто же там – собака? Большая собака? Или... человек? Улисс громко кашляет. Этот мерзавец, этот «брат Лоренцо» исповедуется мне, пытаюсь внушить, что все произошло помимо его воли, как от слабого подземного толчка сейчас родилась беспощадная волна цунами. Неужели он надеется на мое прощение?!

– Я, конечно, должен был рассказать об этом Илу, Натали. Да, должен был. Но деньги прибывали и прибывали, месяц за месяцем, год за годом. Десять миллионов пластинок... господи, страшно вымолвить! Ни одному современному певцу во Франции или в Канаде такое и не снилось! Агентство @-TAC Prod богатело день ото дня и быстро стало одним из самых рентабельных филиалов *Molly Music* – лейбла, который также создал я и владею до сих пор. – Улисс делает короткую паузу, чтобы насладиться моим изумлением. – И это я, Натали, та самая акула, которая поглотила все прочие агентства на бульваре Сансет, в доме 9100. Ты помнишь, как я назначил тебе встречу в том убогом фастфуде, изобразив нищего неудачника, чтобы ты ничего не заподозрила? Не мог же я принять тебя в своем офисе площадью шестьсот квадратных метров! Те мальчишки в галстуках, что проходили мимо нас и вежливо здоровались с типом в

гавайке, который жрал гамбургеры, были моими служащими. Я стал знаменитостью, пророком в нашем деле – несколько платиновых дисков, концерты по всему миру. Конечно, я еще не достиг вершины, но до этого уже недалеко.

Улисс снова замолкает. На что он надеется? Что я буду потрясена его успехами? Однако отсутствие реакции с моей стороны не обескураживает его – он продолжает свой рассказ тем же тоном, со смесью гордости и сожаления.

– Теперь ты понимаешь, Натали? Чем больше я богател, тем меньше мне хотелось отыграть назад. Что я мог сделать? Признаться во всем Илиану? Возместить ему убытки? Я попал в дурацкое положение... А главное, никто не мог меня уличить. Илиан жил в Париже, отказавшись от карьеры музыканта, а его песня никогда не вышла бы за пределы Индонезии, если бы... если бы не проклятое цунами...

Улисс выжидающе смотрит на меня. А я борюсь с желанием вскочить и швырнуть ему в голову стул. Он по-прежнему целится в меня, но посмеет ли выстрелить? Удобно рассевшись на диване, продюсер, кажется, скорее расположен вздремнуть после длинной «исповеди», от которой меня тошнит. Царапанье за дверью прекратилось, словно пленник – человек или животное – отчаялся добиться освобождения.

– Стечение обстоятельств, Натали. Нелепое стечение обстоятельств. После цунами многие сердобольные души при виде разоренного индонезийского побережья решили объединиться для акции солидарности с жертвами бедствия – по примеру Live Aid, «Певцов без границ» или *Band Aid*^[128]. Записать диск или устроить концерт. И вот несколько английских продюсеров обратились к индонезийскому музыкальному достоянию в поисках подходящей песни и напали на *Sedikit kamu*, которая слегка отличалась от типичных занудных азиатских мелодий. Они перевели ее на английский и превратили в подобие гимна. Даже не спросив моего разрешения! Итак, дело пошло, и в такой ситуации было бы неуместно подавать на них в суд... Словом, мне оставалось одно – поторговаться с ними.

Взгляд Улисса вспыхивает, он пристально смотрит на меня, как будто надеется, что я отреагирую, неважно как, с осуждением или одобрением.

– Из сочувствия к жертвам бедствия я выставил им весьма скромный счет. Честно говоря, учитывая обстоятельства, я получал определенные преимущества... Десять миллионов проданных дисков вполне могли обратиться в сто миллионов с учетом интернета. Мог ли я упустить этот шанс?! Небывалый шанс... с одним только минусом: песню стали

передавать по радио, все станции. Сначала редко, потом чаще и чаще, а вскоре ее уже крутили с утра до вечера. Илиан был не дурак. Он бы сразу понял.

За дверью тишина. Может, пленник слушает нас? Я оглядываю – украдкой, словно боюсь оскорбить своим любопытством, – диски Илиана, гитары Илиана, ноты Илиана. И до боли сжимаю кулаки, зубы, сердце. Только теперь начиная понимать, что украл у него Улисс.

Куда больше, чем песню. Куда больше, чем богатство.

Взгляд скользит по комнате, и в паре метров от себя я вижу колонку, на которой стоит тяжелая мраморная пепельница. Удастся ли мне соскочить с высокого стула, схватить ее и запустить в эту жирную физиономию? Улисс разглядывает постер с Дж. Дж. Кейлом, висящий за моей спиной, и ничего не замечает.

– Илиан, знаешь ли, был способный мальчик. Нет, даже больше чем способный. Я, конечно, слегка преуменьшил его талант, когда мы десять дней назад говорили о нем в Лос-Анджелесе, но сейчас могу тебе признаться: он был гений. Мне даже кажется, что ты и влюбилась-то в него, потому что он был гений. Скажу прямо, дорогая: если бы ты осталась с ним, он сочинил бы еще много песен – для тебя. Песен, которые рано или поздно прославили бы его. – Пауза. Улисс не смотрит на меня, его взгляд блуждает от постера к постеру. Монтрё, Талса, «Батаклан», «Уэмбли», «Олимпия»^[129].

– Вообще-то это ты его бросила. Сделала из него неудачника. Он был слишком робким, чтобы добиваться славы, но в глубине души надеялся на признание. И он его получит! Благодаря мне!

– Это ты его убил?

Толстяк улыбается. Он достиг своего: я все-таки не выдержала. Рука с револьвером опускается на колено, а мой высокий стул наклоняется, еле заметно, и моя рука ползет по барной стойке к пепельнице.

– Да, Натали, я... Из-за тебя. Когда ты позвонила мне, вернувшись из Монреала, я был не в Лос-Анджелесе, а в Париже – обсуждал права на перевод этой проклятой песни. Твой вызов мне просто переадресовали. Вот тогда я понял, что нужно спешить. Ты хотела поговорить с Илианом, притом срочно, ничего мне не объяснив. И я сразу подумал, что ты услышала по радио про *Tribute for Indonesia*^[130]. Тогда ты еще ни в чем не подозревала меня, но вы с Илианом наверняка поняли бы, откуда что взялось. В любом случае счетчик уже включился. Даже если бы я ошибся, даже если ты еще ничего не знала о песне, вы со дня на день могли ее

услышать. Все было очень просто, Натали, – эту песню знали всего два человека, и эти двое могли меня разоблачить. Илиан и ты...

Теперь стул держится всего на двух ножках, а рука проползла еще несколько сантиметров в сторону пепельницы. Улисс этого не замечает, его взгляд устремлен на красную кепку Илиана. Я заговариваю с ним – мягко, стараясь не отвлечь от созерцания, чтобы он не перевел взгляд на меня:

– Значит, это ты пытался убить меня в Сан-Диего? Ты заплатил этим типам, чтобы они заставили меня молчать?

Утробный смех сотрясает жирное тело, рука расслабилась и почти не держит револьвер, лежащий на коленях.

– Н-да, номер не удался... Как видишь, не удался. Они должны были следить за тобой, улучшить момент и напасть якобы как простые грабители. Но эти кретины все испортили.

Испортили? Я вспоминаю, как лезвие ножа вонзается в шею Флоранс, как Жан-Макс таранит «шеви» «бьюиком», как улепетывают Робусто и Леденец. Значит, все это подстроил Улисс! Его признания объясняют лишь часть интриги, но не проливают свет на остальное – непостижимое, сверхъестественное, на эти таинственные совпадения. На камень времени. Нет, об этом потом, позже. Главное сейчас – расквитаться с этим чудовищем. Еще немного наклонить стул, одним движением схватить пепельницу и раскроить ему череп. Этот мерзавец как будто не опасается меня... Ушел в свои воспоминания и вот-вот задремлет, как сытый кот.

Теперь или никогда.

Стул падает, вместе со мной. Вскрываю на ноги, выпрямляюсь и хватаю мраморную пепельницу. Но метнуть ее в Улисса не успеваю: его револьвер снова нацелен на меня. Оказывается, кот не дремал.

– Спокойно, спокойно, красавица моя!

Пепельница выпадает у меня из руки.

– Не бойся, Натали, я все сделаю чисто, не как те кретины в парке Чикано. Это будет похоже на несчастный случай. Ты ничего не почувствуешь.

Кряхтя, он встает с дивана, следя за тем, чтобы револьвер был все время направлен на меня. Прямо на меня. Благодушный кот превратился в садиста и наслаждается игрой со своей добычей.

– Ах, знала бы ты его получше, своего Илиана... Он был не из тех, кто содержит дом в порядке, сама видишь. Ничего не умел смастерить, исправить. Артист... что с него взять? Скольких мелких бытовых неприятностей можно было бы избежать, не будь он таким растяпой. Вот, например, небольшая утечка газа, которую никто не замечал и которая

увеличилась, пока он лежал в больнице. Или оголенная проводка. А в результате стоит кому-нибудь нажать на звонок у входной двери, и – бум! – короткое замыкание, и дом взлетит на воздух. А потом в развалинах найдут тело его любовницы. Вот так сюрприз! Голубки-то были хитры – кто бы мог заподозрить, что они здесь милуются, через двадцать-то лет!

Жирный кот прямо-таки мурлычет от удовольствия. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не броситься прямо ему в пасть. Пусть лучше застрелит меня в упор, лишь бы порушить его великолепный злодейский план. А этот мерзавец, продолжая целиться в меня, шарит в моей сумке, вынимает из нее мобильник и улыбается при виде черной ласточки, нарисованной на розовом корпусе.

– Как ты думаешь, Натали, кто первым бросится к тебе на помощь? Твой верный муж? Твоя старшая дочь? Или младшая? Кто первым нажмет на дверной звонок – после того, как все они получают одну и ту же паническую эсэмэску с указанием этого адреса?

Я испепеляю его взглядом:

– Ты сумасшедший!

– О нет! Богатый – да. Жадный – да, если хочешь. Бессердечный. Амбициозный. Но не сумасшедший! Ну-ка, иди туда! – И он указывает револьвером на одну из дверей. Ту самую, в которую кто-то скребся.

Я делаю несколько шагов, нажимаю на ручку, открываю дверь – и тут же захлебываюсь кашлем от удушливого запаха газа.

Но меня больше пугает не это.

Я подавляю рвотный позыв.

В комнате стоит кровать, а на ней – тело. Тело, которое я узнаю.

Шарлотта.

Связанная. С кляпом во рту.

Улисс толкает меня в спину, я замечаю на паркете маленький камешек, задеваю его ногой, и он летит под кровать. Мой камень времени?

Я оборачиваюсь. Улисс стоит на пороге, заполнив собой весь дверной проем. Его револьвер по-прежнему нацелен на меня.

– Что она здесь делает? Ты... Ты ее...

– Нет, уверяю тебя, она просто слегка задохнулась, оттого что двигалась. Брызнешь ей воды в лицо, похлопаешь по щекам, и она очнется. А меня извини, я должен вас оставить. Мне пора в больницу, к Илиану. Буду сидеть у его постели, пока все не кончится.

От запаха газа у меня кружится голова. Я уже ничего не понимаю. Громко кричу. Шарлотта вздрагивает, но не открывает глаза.

– Объясни мне, по крайней мере, при чем тут она?

Улисс не отвечает. Он занят: набирает номера на моем смартфоне. Похоже, его сейчас занимает одно: кто первым бросится мне на помощь. Оливье? Лора? Или Марго? Кто взорвет этот дом?

– Черт подери, Улисс, что тебе сделала эта девочка?

И тут я замечаю один из постеров, приклеенных к стене. С группой *Tokio Hotel*...

Улисс наконец-то снисходит до ответа:

– Если ты меня внимательно слушала в машине, то, наверно, помнишь мои слова об этой песне: «Только три человека были в курсе». Не двое, не только ты и Илиан. А трое...

Tokio Hotel. Black Eyed Peas. The Pussycat Dolls. И эта фамилия – Ривьер. Я не понимаю. Не хочу понимать. Не хочу в это верить.

– Ты помнишь, Натали? Помнишь тот первый раз, когда ты меня увидела в «Метрополисе»? Тогда я ничего у тебя не просил. Это ты – ты сама дала мне обещание!

Лучи прожекторов, теперь изумрудно-зеленые, разрисовывают узорными тенями торс Илиана. Подчеркивают его грудные мускулы, удлиняют бицепсы, затемняют шейные вены. Илиан навис надо мной. Его губы блуждают от моего лица к шее, от висков к кончикам груди. Я лежу пленницей в его объятиях, в самой сексуальной из тюрем. Его живот упирается в мой, ноги обвиты моими ногами, и только его член не проникает в меня. Я чувствую, как он трется о мой лобок, давит на него, потом тело приподнимается и снова припадает к моему. Между двумя поцелуями Илиан мне твердит:

– Оставь мне себя немножко. Ведь я не могу сохранить тебя всю. Ведь мы никогда больше не увидимся.

Мой живот горит. Моя кровь вскипает. Мои мысли – выжженные земли.

Что я могу тебе оставить, господи боже мой? Не могу же я раздвоиться.

Скажи, Илиан, скажи мне, чего ты хочешь?

Мои глаза умоляют, лучи окрашивают их в зеленое, никогда уже они не будут ясно-серыми. Илиан целует мои веки. Я раскрываюсь, и он наконец с упоительной нежностью проникает в меня. И я слышу его шепот, едва различимый, еще более тихий, чем мои первые вздохи наслаждения.

– Ребенка. Подари мне ребенка.

Потом Илиан замирает. Просто остается во мне, неподвижный и напряженный. И взгляд его тоже останавливается. Слова излишни, я уже знаю, что это означает.

Ни одна женщина в мире на такое не способна. Потому что для этого нужно любить так, как никто и никогда не любил.

Я не отвечаю. Да и что тут ответишь?! Илиан снова шепчет, еще тише, еще нежнее:

– Если бы ты попросила, я бы сделал это для тебя.

И я знаю, что это правда.

Он кладет голову мне на грудь.

Мужчина может сделать это. Сделать ребенка женщине, заранее обещав, что никогда не увидит его. Просто будучи уверенным, что этот ребенок существует, живет где-то. И что некогда любимая женщина его

воспитает.

Женщина может попросить об этом. Вернее, может осмелиться попросить, ничего не требуя взамен. Родить ребенка – одной. Чтобы легче было перенести разлуку с любимым человеком, которого нужно отпустить. У нее останется крошечное существо, которое нужно растить. Частица ее любимого. Да, мужчины поступают так, соглашаются с этим, более того – иногда и гордятся. Гордятся тем, что оставили частицу себя женщине, которая воспитает ребенка лучше, чем отец, и у которой хватит любви за них обоих.

Голова Илиана давит мне на грудь. Упругий член Илиана словно заснул во мне.

Но может ли женщина согласиться на такое?! Ведь это ей придется уехать. Оставив младенца любовнику. Чтобы от самой прекрасной любви на свете родился самый прекрасный ребенок.

Ребенок, которого она не будет растить. Которого отдаст. Которого никогда больше не увидит.

Ты прав, Илиан. До сих пор ни одна женщина в мире не делала подобного. Ты безумец, самый безумный из всех мужчин.

Я думаю, что следующие слова вырвались прямо из моего сердца. Мне кажется, я даже не произнесла их вслух, но Илиан, прильнувший к моей груди, уловил возникший в ней ответ:

– Я это сделаю, Илиан. Сделаю для тебя.

Опершись на локти, Илиан осторожно приподнимается с моей груди. Теперь только наши животы слиты воедино. Он волнообразно движется на мне. Я вцепляюсь в него. Сила Илиана проникает в самые потаенные мои глубины.

Я знаю, что Илиан будет замечательным отцом. Знаю, что наша любовь достойна этого дара. Знаю, что меня ждут адские муки, что я всю свою жизнь буду тосковать по этому ребенку, живущему вдали от меня. Но если я не подарю его Илиану, наша любовь умрет и я весь остаток жизни буду сожалеть об этом. Отсутствие... я готова оплакивать отсутствие. Но не пустоту.

Мои мысли устремлены к звездам. Стены комнаты покрываются серебряной изморозью. Меня захлестывает волна наслаждения. Свободного от всего. Словно какая-то часть меня уже принадлежит любовнику, который извергается в мое чрево. То, о чем он просит, не так уж сложно для «воздушной» женщины вроде меня. Мне достаточно будет еще и еще любить Илиана все последующие дни, а потом укрыться где-нибудь далеко, на несколько месяцев. Чтобы родить ему ребенка. И расстаться, уйти

безвозвратно. Навсегда.

Илиан налег на меня всем телом. Сейчас он настолько же тяжел, насколько я невесома. Словно я уже избавилась от гнета своей ответственности. Мы долго лежим молча. И мне вдруг становится страшно: что, если Илиан отступит? Что, если он от всего откажется, пожалеет о содеянном? Теперь уже настаиваю я:

– Я подарю тебе ребенка, Илиан. Обещаю. Самого красивого на свете. А потом мы больше никогда не увидимся. Никогда не будем подавать друг другу вестей. Иначе это будет слишком больно. Слишком жестоко для нас обоих. Слишком жестоко для него.

– Для нее, – шепчет Илиан.

Для нее?

И я улыбаюсь. Я чувствую, что переживаю самый прекрасный миг моей жизни. Волшебный вечер, после которого начнется бесконечное отчаяние.

– Ты уверен, что будет девочка?

Илиан тоже улыбается. Я обожаю морщинки, которые собираются в уголках его глаз.

– Уверен! Я сказал неправду: мне хочется, чтобы ты мне оставила много себя, а не чуточку.

Он пристально, неотрывно рассматривает мои глаза, мои волосы, нос и губы, заостренный подбородок. И я понимаю, что он пытается представить себе лицо девочки, которая меня заменит. Которая будет моей копией.

– Много от тебя, – повторяет Илиан. – И немножко от меня.

– Или наоборот: много от тебя и поменьше от меня?

Илиан легонько покусывает меня за ухо.

– Или ничего от нас, но много от моей сибирской бабки, которая была горбатой бородатой карлицей.

Я хохочу. А Илиан уже снова твердеет во мне.

– Ты знаешь, как назовешь ее?

Он кивает:

– Да... О да... Она будет носить имя нашей первой встречи.

* * *

*Порой я мечтаю,
Когда все танцуют кругом.*

*Приходи ко мне, робкая моя принцесса,
Мы будем грезить вдвоем.*

Я вспоминаю, как Роберт Смит отложил гитару и спел, почти а капелла: «Порой я мечтаю...» Все зрители, кроме нас, с первого до последнего ряда, танцевали.

А я – маленькая робкая принцесса – не осмеливалась.

Мой рыцарь тоже.

Мы дрожали при мысли о том, что нас ждет. Впереди открывалась дорога, но мы не знали, куда она ведет.

Наш союз. Наша разлука. Твое решение.

Все началось с песни. С одной из самых прекрасных в мире – так говорил Илиан.

Шарлотта... *Charlotte Sometimes*.

При первых ее словах я схватила Илиана за руку. Эти слова они взяли из книги Пенелопы Фармер «Шарлотта порой» – той самой, которую Илиан читал в самолете, в первый день нашего знакомства.

Шарлотта... Шарлотта навечно.

Как я могла не догадаться?!

Потому что не хотела представлять тебя – ни маленькой, ни большой, ни белокурой, ни темноволосой, ни тоненькой, ни пухленькой?

Потому что не хотела угадывать цвет твоих глаз?

Потому что не хотела знать, каким именем Илиан окрестил тебя?

Потому что мне было бы слишком больно, если бы у меня в голове запечатлелся твой образ, твое имя, – ведь ты-то ничего не знала о своей маме, о маме, которая бросила тебя через семь дней после твоего рождения в той брюссельской клинике, где я сняла палату, приехав из Индии.

Шарлотта лежит на кровати. В забытьи.

А я вспоминаю. Вспоминаю все, с начала до конца, Шарлотта. Твой первый плач, твое первое кормление, мой последний поцелуй на твоём младенческом личике, перед тем как оставить тебя на руках твоего папы, потому что Илиан был единственным человеком в мире, кто мог отныне беречь и растить тебя, моя маленькая робкая принцесса.

Твой папа. И иногда твой крестный.

Я вспоминаю, как Улисс отказывался впустить нас за сцену «Метрополиса», на концерт «Кью», а потом наконец дал себя уговорить, сказав: *Запомните: я над вами сжалился только потому, что давно не*

видел таких пылких влюбленных. И приказал: Женитесь и заведите кучу детишек! А я поцеловала его, сказав: Вы будете крестным отцом нашего первенца! И крестный превратился в злодея. Который обрек на смерть свою крестницу. После того как убил ее отца. А теперь убьет ее мать.

Я помню все это. А ты не помнишь ничего.

Мы с тобой заперты в комнате – обычной, но превращенной в забаррикадированную камеру. С наглухо закрытыми ставнями за железными решетками. С дверью за семью замками. Бежать отсюда невозможно. От запаха газа кружится голова, и я стараюсь вдыхать как можно меньше ядовитого воздуха.

В углу комнаты маленькая раковина, самая обычная раковина с полотенцем и зубной щеткой в стаканчике. Подхожу, лихорадочно поворачиваю кран, набираю воды в стакан и, смочив полотенце холодной водой, обтираю лицо Шарлотты. Потом хлопаю ее по щекам. Перед тем как выйти, Улисс вынул у нее кляп изо рта, развязал ноги и руки, чтобы все выглядело банальным несчастным случаем, когда дом взлетит на воздух.

Наконец Шарлотта приходит в себя. Широко раскрывает глаза, испуганно съеживается и узнает меня. Я продолжаю растирать ей щеки, подношу к губам стаканчик, велю выпить побольше. Потом смачиваю водой простыни и одеяло, заставляю ее дышать сквозь мокрую ткань. И начинаю действовать: колочу в дверь, в закрытые ставни. Нельзя же покорно сидеть тут и ждать, когда взрыв разметает в щепки весь дом. Мечусь по комнате. Истерически кричу.

Шарлотта холодно смотрит на меня:

– Не суетись, поблизости никого нет, нас не услышат. Я-то знаю, я здесь выросла. – Шарлотта окидывает взглядом железные запоры на окнах. – Раньше в моей комнате таких не было. Но это не мешало мне чувствовать себя пленницей.

Потом с трудом поднимается и кашляет. Выжидает несколько секунд, чтобы утвердиться на ногах, подходит к письменному столу и нагибается к маленькому музыкальному центру в виде башенки, модель 2010-х годов, позволяющему слушать сразу несколько МРЗ-треков. У нее измученный вид. Пальцы пробегают по серебристым клавишам. *On. Off.*

– Ну, пленницей – это, пожалуй, слишком сильно сказано... Скорее, отшельницей... Одинокой... Единственная дочка, воспитанная отцом. И избалованная крестным.

Я молчу. Ее палец нажимает на клавишу *Eject*, она вынимает диск и засовывает его в коробку.

– Улисс подарил этот проигрыватель на мое десятилетие. Сказал, что

такое чудо техники можно найти только в Калифорнии. На нем я впервые услышала песню Black Eyed Peas. Папа их терпеть не мог! Улисс приезжал в Париж почти на каждый мой день рождения. С полными чемоданами дисков. И они с папой слушали их ночи напролет. Я думала, он наш друг. И папа так считал. А он попросту следил за нами. Хотел убедиться, что папа не вернется к прежнему, к своей гитаре... Или же надеялся успокоить свою совесть такими подарками. Тогда Улисс был еще не убийцей, а обыкновенным вором. Присвоил тысячи долларов, полученных благодаря песне, которую сочинил отец, и, конечно, мог позволить себе такую роскошь – подарить крестнице несколько игрушек.

Шарлотта делает глубокий вдох и внезапно, резким взмахом, сметает все со стола. Музыкальный центр с вырванными проводами разбивается об пол. А Шарлотта, скорчившись, кашляет так надрывно, что мне хочется плакать. Подбежав, я прижимаю мокрую простыню к ее лицу. И осторожно веду к кровати.

Она покорно садится, стараясь не глядеть мне в лицо. Мало-помалу ее кашель стихает, уступив место тягостному молчанию, которое я не решаюсь нарушить. Шарлотта сморкается в мокрую простыню, а я представляю себе, как у нее горят легкие, и мне безумно больно за эту девочку. Наконец она заговаривает – глухо, опустив глаза:

– Папа все мне рассказал в день моего восемнадцатилетия. Я ведь много лет донимала его расспросами. Кто моя мать? Почему не она меня воспитывает? А он отвечал: узнаешь, когда вырастешь, Шарлотта, только когда вырастешь. И я вычеркивала в календаре месяцы, недели, дни, оставшиеся до моего совершеннолетия. Ну вот, папа, сегодня я стала взрослой! И он сдержал обещание. Все мне рассказал. Вот здесь, сидя на этой кровати. «Шарлотта, ты – дитя любви, самой прекрасной любви на свете, – так он начал. – И эта любовь дала твоей матери силы оставить тебя мне».

Я пытаюсь поймать взгляд Шарлотты, но она упорно смотрит вниз, на свои пальцы, нервно барабанившие по коленям. Ее голос крепнет, постепенно набирая силу.

– В тот миг меня охватила ненависть, но в первую очередь не к папе. Я молчала, я слушала, до боли сжимая кулаки. Я уже твердо знала, что уеду, как только он закончит свой рассказ. Но тебя... тебя я в тот миг проклинала.

Мои глаза наполняются слезами. Я хватаюсь за мокрую простыню, вытираю лицо и протягиваю ее Шарлотте, которая отталкивает мою руку.

– Папа обнимал меня, но я только сильнее ожесточалась. А он

настаивал, во всех подробностях рассказывал о ваших чувствах, о ваших переживаниях, пытаясь доказать мне, какой исключительной была эта ваша мерзкая любовь и как сильно вы оба желали моего появления на свет. Но чем больше деталей я узнавала о Монреале, Сан-Диего, Барселоне, Джакарте, тем яснее понимала, насколько это гнусно, насколько чудовищно. Бросить родную дочь! Обещать никогда не подавать о себе вестей! Папа сообщил мне, что у тебя есть семья, есть дочь, немного старше меня. Я попросила его уйти, сказала, что хочу спать. В то время я начала учиться на факультете психологии. На следующий день я ему объявила, что не вернусь домой ночевать. Переселилась к своему приятелю Кевину. И с тех пор ноги моей не было в Шаре. Учебу я бросила. У меня возникла одна идея, которая с течением времени превратилась в четкий план: пройти конкурс стюардесс, разыскать тебя, сблизиться с тобой, изучить тебя, не выдавая своего настоящего имени, завоевать твое доверие – например, рассказав о связи с Жан-Максом Балленом, заставить тебя реагировать, заставить тебя страдать, как я страдала, заставить пережить всю эту историю еще раз, с самого начала. Не знаю... может быть, я надеялась изменить ее конец. Даже при том, что папа был замечательным отцом. Я ни в чем не нуждалась...

Впервые Шарлотта поднимает глаза и повторяет, сверля меня взглядом:

– Ни в чем!

Ее сотрясает жестокий спазм, нечто среднее между хрипом и кашлем, она прячет лицо в простыне. Я делаю шаг, собираясь обнять ее, но она, отшатнувшись, продолжает, уже громче:

– Я очень надеялась, что это лучший способ заставить тебя нарушить клятву! Вынудить снова пережить прошлое, обратиться к папе. Так и произошло, разве нет? Ты же ему позвонила! И он, конечно, ответил бы тебе, я уверена, что ответил. Если бы Улисс его не...

Шарлотта снова опускает глаза. Я хожу кругами по нашей тюрьме. Странная это тюрьма – комната, где разыгрались такие страсти. Страсти маленькой девочки, подростка, взрослой девушки, – страсти, о которых я ничего не знаю. На полках шкафчика, стоящего напротив стола, вижу книги – три выпуска «Поисков Эвилана»^[131], семь томов «Гарри Поттера», «Тридцать три несчастья» Лемони Сникета, в тринадцати сериях, полную коллекцию Роальда Даля. Словом, все истории, которые я так любила читать Лоре и Марго и которыми Шарлотта, видимо, упивалась в детстве – одна, без мамы. На платяном шкафу целая груда кукол и плюшевых зверей – медведь, кенгуру, панда. Любимые игрушки, которые утешали Шарлотту

в детстве. Я никогда не узнаю их имен...

Запах газа становится невыносимым. У меня щиплет глаза. Зато Шарлотта кашляет все реже, как будто свыклась. Как будто возможность выговориться облегчает ее страдания.

– Мне кажется, парни из отдела планирования в *Air France* очень любят молоденьких улыбчивых блондинок моего типа. Так что было нетрудно выбрать место и дату первой стажировки – я хотела просидеть рядом с тобой шесть дней, слегка изменив свой возраст, чтобы не вызвать у тебя подозрений. И уж совсем легко было, под предлогом пари, уговорить их записать меня на совместные рейсы старых друзей – Фло, Жан-Макса и тебя... Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта, именно в таком порядке, только один раз, в одном месяце! Я попросила логистов держать язык за зубами, и все, даже Фло, решили, что это подстроил Жан-Макс. Ну а дальше нужно было проявить терпение и выдержку, посмотреть график турне «Кью», спланировать наш рейс в Монреаль на нужный день и следовать моему плану.

Всякий раз, садясь выпить, выбирать шаткий столик.

Подняться на гору Мон-Руаяль раньше тебя и оставить там сумку, похожую на твою.

Как бы между прочим сообщить твоим коллегам сведения, которые рано или поздно дошли бы от них до тебя.

Выпить в «Фуфе».

Сделать прическу в «Маленькой ласточке».

И пойти в кино на «Жизнь прекрасна».

В Сан-Диего тоже все прошло гладко. Я попросила официанта «Койота» в Старом городе налить «Маргариту» в бокал с надписью *Just Swallow It*, который принесла с собой. Твои документы переложила из сумки в чемодан, а в твой бумажник сунула фотографию фрески *La Soldadera*. Затем разыскала на фейсбуке Рамона, трубача группы «Лос Парамос», и уговорила его поставить древний «шеви вэн», который мирно спал у него в саду, в парке Чикано, в Чула-Виста, якобы в память о добром старом времени. Еще проще было в Барселоне: мне не пришлось долго уговаривать Батисто надеть его старый костюм живой статуи и несколько часов постоять на бульваре Рамбла, пока ты не пройдешь мимо...

Я вспоминаю цитату из Элюара, которую Шарлотта произнесла в самолете Париж – Монреаль: «Случайностей не бывает, бывают одни лишь встречи». Вот когда прозвучал первый намек, едва завуалированный...

Я встаю.

Теперь уже меня качает из стороны в сторону.

Газ обжигает горло, ноздри, слезные железы, но никогда еще мои мысли не были такими ясными, как в этот момент. Хоть и отравленными ядовитым запахом. Все выглядит таким очевидным и понятным после объяснения. Хватило нескольких слов. Ничего сверхъестественного, ничего загадочного. Просто несколько хорошо задуманных и удачно проделанных фокусов. Шарлотта была уверена, что мой рассудок завершит дело, измыслит совпадения, которых нет, запутается в глупых гипотезах, смешает правду и вымысел, подстроенные ловушки и несколько реальных фактов – *Let It Be*, услышанную по радио, и пассажира, который, возвращаясь из Индонезии, поет *Let me just a little bit of you*, а потом другого, на рейсе Лос-Анджелес – Париж.

Я чувствую на себе взгляд Шарлотты. Ей как будто стало легче после того, как выговорилась. Едкий запах проникает в горло, жжет гортань. Слова, складывающиеся в голове, рассыпаются, не достигнув губ.

Я виновата, Шарлотта, боже мой, как я виновата!

Поднимаю глаза на стену за письменным столом, где стоял музыкальный центр. И на фотографиях в рамках вижу, как Шарлотта росла: четыре года, шесть лет, десять, пятнадцать, Шарлотта пухленькая, Шарлотта мокрая, с надутым кругом, Шарлотта на роликах, Шарлотта, робко улыбающаяся уличному художнику на площади Тертр, Шарлотта в маске для ныряния на пляже какого-то серого моря, на фоне скал, Шарлотта, вцепившаяся в руку мальчика в поезде, в тоннеле Евродисней, Шарлотта, задувающая свечи на торте, Шарлотта, наряженная колдуньей, Шарлотта на скутере, Шарлотта в компании подружек, которых я не знаю, Шарлотта, радостно хохочущая над чем-то, чего я не видела, Шарлотта, ставшая взрослой после множества мелких горестей, в которых я ее не утешала.

Слезы обжигают щеки, едкой солью собираясь в морщинах. В трещинах внезапной старости. Я оборачиваюсь. И мой взгляд впервые встречается со взглядом Шарлотты. А словам наконец удается вырваться наружу из раскаленной лавы, сжигающей мое небо:

– Прости меня, девочка моя! Прости! Прости! Прости!

Шарлотта не отвечает. Но и глаз не отводит. Только встает и тоже проверяет на прочность заколоченные ставни, запертую дверь. Потом спрашивает:

– Сколько времени... сколько времени нужно, чтобы все это взорвалось?

– Понятия не имею... Несколько минут? Час? Улисс все подстроил так,

чтобы это было похоже на несчастный случай.

И я, в свой черед, трясу железные прутья решетки на окне. Нет, их сорвать невозможно.

– Но ведь это будет выглядеть подозрительно, разве нет? Два тела в наглухо запертой комнате...

Шарлотта пожимает плечами:

– В этой комнате уже больше года никто не ночевал. А в округе все привыкли жить за крепкими запорами.

Еще несколько минут мы пытаемся найти хоть какой-нибудь выход из нашей тюрьмы и наконец сдаемся. Шарлотта включает воду, ополаскивает лицо, но кран не закрывает.

– Все эти годы, – продолжает она, – я безраздельно доверяла Улиссу. Звонила ему в Лос-Анджелес. Именно к нему обратилась, когда ушла из дома. Он был в курсе всего. Знал о тебе. О нас. Десять дней назад я была в его офисе на бульваре Сансет, как раз после тебя. Откуда я могла знать, что он ведет двойную игру?! Что это он нанял тех типов, которые следили за тобой до самого Сан-Диего?! Как я могла заподозрить, что он без колебаний устранил меня тоже, если убедится, что я узнала песню?! Что он... не остановится даже перед тем, чтобы заставить замолчать папу...

Шарлотта подставляет руки ковшиком под струю воды и щедро обрызгивает себя. Потом, обернув ко мне мокрое от воды и слез лицо, повторяет:

– Разве я могла догадаться?!

Конечно, не могла, девочка моя. Как и я. Но последние признания Шарлотты породили другой вопрос. Шарлотта была со мной в Лос-Анджелесе, когда Илиан попал в больницу. Тогда почему... почему она не отказалась от рейса? Кто был рядом с ее отцом в Биша?

– Ты оставила своего папу одного в больнице?

– Нет... Нет, он был не один...

В первый миг пытаюсь представить себе человека, о котором никто мне еще не говорил. И о котором ничего не известно, хотя логика подсказывает, что это женщина – женщина в жизни Илиана. Заместительница мамы для Шарлотты. *Par interim*^[132], так сказать. Я с трудом произношу:

– Кто?..

– Надежный человек. Очень надежный. К ней у меня не было никаких претензий.

Я с трудом выговариваю:

– Кто она?

– Я познакомилась с ней в Биша. В палате, где лежал папа. Она немного старше меня.

Кто?

Я пытаюсь хлебнуть воды из стаканчика, но она застревает в горле, я обливаюсь, кашляю и все-таки выдавливаю:

– Так кто же?

Шарлотта отвечает:

– Ты ее знаешь. Моя сестра. Я... Я все ей рассказала. Я все рассказала Лоре. Она знает. С тех пор как папа в больнице.

Сколько времени осталось до взрыва дома?

Несколько минут? Час?

Значит, с моей жизнью покончено!

Лора знает! Знает все. О моей измене, о моей тайной дочери.

Лора, которая все делает безупречно, все тщательно организует, Лора с ее идеально налаженной семейной жизнью, Лора с ее строгими принципами, такими жесткими, что я часто боялась, как бы они ее не подвели. И все-таки – нет! По словам Шарлотты, Лора приняла это известие – приняла и выполнила ее просьбу. Только решила избавиться от горя своего отца и Марго, объявить им об этом лишь в случае крайней необходимости. А сейчас нужно было в первую очередь позаботиться об Илиане. И медсестра в Лоре тут же заняла место дочери и сестры. Как в шуточной поговорке: «Единственная дочка упряма, как ослица, младшая дочка – болтушка и шутница, и только на старшую можно положиться...»

Я вспоминаю свой день рождения: праздничный стол на террасе дома в Порт-Жуа, тот конверт – мой подарок, поездку в Барселону. Еще одно невозможное совпадение... которое теперь объяснилось.

– Значит, это ты подала Лоре идею насчет семейного путешествия?

– Только подсказала направление. А путешествие она давно запланировала.

Я думаю о камне времени, пропавшем в Барселоне, между парком Гуэль и гостиницей в Эшампле. Тогда рядом со мной были только домашние. А исчезновение серого камешка в моем саду окончательно убедило меня в его магических свойствах... или в собственном безумии. Значит, Лора похитила его в Каталонии, а Шарлотта сделала то же самое в Квебеке и в Калифорнии, несколькими днями раньше. Осталось неразгаданным только исчезновение серого камешка у подножия стенки на берегу Сены... Впрочем, какая разница, важно другое: Лора и Шарлотта, мои старшие дочери, стали сообщницами.

Да и могло ли быть иначе?! Каждой женщине хочется все разузнать о

любовнике матери, понять, чем он отличается от ее отца. Люди всегда боятся разоблачения семейных тайн из страха общественного порицания, но те же разоблачения между членами семьи основаны только на любопытстве, не на жажде мести.

Меня вдруг захлестывает волна любви к Лоре. Значит, она унаследовала и мою буйную фантазию, а не только строгие принципы и рассудительность своего отца? Значит, и она способна на тайны? И я обращаюсь мыслями к Марго – Марго, родившейся через год с лишним после Шарлотты, Марго, которая еще не знает о существовании сестры, Марго, так сильно привязанной к отцу и так часто восстающей против матери. Неужто она инстинктивно чувствовала, что в этом мире существует еще один мой ребенок, а она появилась на свет лишь для того, чтобы его заменить?!

Я опускаюсь на пол и ползу к кровати. Шарлотта недоуменно смотрит на меня. Я заползаю под кровать, руки шарят в темноте, загребают пыль, целые горсти пушистой пыли, и я, как это ни странно, ловлю себя на мысли, что могла бы упрекнуть Шарлотту за небрежную уборку, но тут пальцы нащупывают маленький камешек.

Я с трудом выбираюсь из-под кровати. Протягиваю сжатый кулак к моей дочери. И разжимаю пальцы.

На моей ладони поблескивает камень времени.

– Это тебе. Кажется, с его помощью можно исправить ошибки прошлого... По крайней мере, на несколько минут. А может, на час.

Шарлотта внимательно разглядывает камень. Долго. Похоже, колеблется. Она и впрямь колеблется. Потом ее лицо проясняется, его озаряет мягкая улыбка, и я впервые ловлю сходство дочери с ее отцом. Рука Шарлотты ложится на мою, теплая и легкая, она становится чуть тяжелей – теперь, когда сжимает камень, а моя, избавленная от этой тяжести, может наконец вспорхнуть в воздух.

И тут наконец мое сердце, которое остановилось почти двадцать лет назад, вновь начинает биться. Мне кажется, теперь со мной не случится ничего плохого, ибо я слышу слова – те самые, которые уже не надеялась услышать. Никогда.

– Спасибо. Спасибо, мама.

Улисс проклинает машины, скопившиеся на въезде в Биша. И кто в них сидит – сплошное старичье! Либо по одному, либо с дряхлой половиной. Ну почему надо тратить целых десять минут, чтобы получить талон на парковку?! И это после того, как настоялся в пробках, а теперь никак не найти свободное место. Они что, не могут приезжать сюда на «скорой»?!

В конце концов Улисс нагло вырывается из своего ряда, обгоняет «ситроен», лавирует и занимает свободное место под самым носом у зазевавшегося «фиата», на выездной аллее. Пардон, некогда! Он выключает мотор и хватается за розовый мобильник, лежащий на пассажирском кресле.

Смотрит на экран и сыплет проклятиями. Никто до сих пор не ответил. Улисс перечитывает эсмэску, которую послал мужу и дочерям Натали.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать. Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече. Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Каждое слово тщательно продумано. Сложно. И важно. Ничего серьезного, но срочно... Ловушка расставлена умело. Они должны примчаться туда как на крыльях!

Улисс провел долгие часы в домике Илиана, налаживая все необходимое для своего замысла: оголенные провода, которые вызовут взрыв, стоит кому-нибудь нажать на звонок; искры, от которых загорятся тряпки, пропитанные горючей жидкостью и разбросанные по всем комнатам. Взрыв газа разнесет в щепки весь дом, а пожар бесследно скроет улики.

Итак, дело сделано. Улисс заставляет себя не думать о последствиях. Лишь бы все поскорее кончилось и последние свидетели исчезли. Чтобы осталась только одна правда: ни Илиан и никто другой из музыкантов никогда не сочинял эту песню. Легендарный гимн принадлежит только ему. Он один знает тайну. Он один обладает правами на него!

Выбравшись из «мерседеса», Улисс снова проверяет телефон Натали. И попутно, забавы ради, перечитывает эсмэску, которую послал ей два дня назад: «Не лети в Джакарту». Потом переключается на свой призыв о

помощи.

Это я... Вы должны за мной приехать.

Интересно, кто первым кинется спасать Натали?

Марго?

Оливье?

Лора?

* * *

Марго только-только собралась целоваться с Маруаном, как вдруг звякнул мобильник – сообщение. Маруан сидит с закрытыми глазами в ожидании поцелуя, еще не осознав, что Марго отодвинулась и читает эсэмэску. Ну конечно, письма от подружек куда важнее, чем поцелуй с каким-то маргиналом! Маргиналом Маруана прозвали девчонки в лицее – за его ирокез и нос, такой расплющенный, словно он врезался в застекленную дверь.

– Черт, эсэмэска от мамы!

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать...

– Еще не хватало! – злится Марго.

Мару-маргинал наконец понимает, что если он так и будет тянуться вперед, закрыв глаза, то уж точно врежется в стекло автобусной остановки и еще больше расплющит нос. И он открывает глаза.

– Ты чего?

– Отстань, не видишь – читаю!

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече.

Что еще мамуля натворила? Марго с самого утра чувствует, как сгущается напряжение в семье. В какой-то момент она даже подумала: уж не собираются ли ей объявить, что она приемная дочь?! Типа родная мать ее бросила сразу после рождения, и она была найдена в ивовой корзинке на берегу Сены^[133].

Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Что еще за Илиан Ривьер?.. Никогда о таком не слыхала!

Марго кликает адрес на смартфоне, чтобы определиться с этим

Шаром. Ничего себе – семьдесят километров от лица! Маман, видать, совсем того... Чего она ждет, что Марго телепортируется?

– Тебе придется ехать? – тревожится Мару-маргинал.

Но Марго сует телефон в карман, так и не ответив на сообщение.

– Да так, ерунда. У моей мазер крыша поехала. Очень надеюсь, что я в ее годы не буду такой шизанутой...

Она хватает Маруана за ворот, привлекает к себе, сжимает его щеки, впивается ему в губы страстным поцелуем и, работая языком, успевает пофилософствовать между двумя короткими задержками дыхания.

«У меня есть дела поинтересней, чем возиться с предками. Любовь... вот чем надо заниматься, когда тебе восемнадцать, не то засохнешь, когда тебе будет вдвое, а то и вдвое больше!»

* * *

Оливье ненавидит красный свет на дорогах. И сам город тоже ненавидит. Терпеть не может скопления людей. Конечно, он не ненавидит конкретных особей, но можно ли считать человечеством пассажиров, стиснутых в вагонах метро как сардины в банке или водителей машин, которые ползут с черепашьей скоростью?! Его мобильник прикреплен к приборному щитку. Когда Оливье приходится покинуть мастерскую и куда-нибудь ехать, он нередко звонит из машины клиентам. Сообщение приходит в тот момент, когда красный свет сменяется зеленым.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать...

– Нати?

Какой-то говнюк выскочил сзади и подрезал Оливье, едва не снеся ему передний бампер. За короткие секунды, что перекресток разгружался, Оливье успел прочитать:

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече.

Господи боже!

Позади отчаянно сигналият. Оливье застрял в СенДени, на перекрестке Плейель. Прибавив скорость, он сворачивает на бульвар Орнано и включает аварийку в поисках места, где можно ненадолго припарковаться, потом

бросает взгляд на навигатор, словно хочет сказать: «Извини, друг, моя жена важнее тебя!»

Ему кое-как удастся втиснуться на пяточок между местом для инвалидов и наземным переходом, и он лихорадочно читает конец сообщения.

Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Оливье на миг застывает, потом яростно лупит кулаком по рулю.

Илиан Ривьер! Опять этот тип! Что Натали понадобилось в его доме? Ведь согласно последним сведениям, гитарист умирает в больнице Биша. Под заботливой опекой Лоры...

Неужели это никогда не кончится?!

Оливье вспоминает слова дочери, сказанные в конце ее сегодняшней утренней исповеди: *Ты не хотел бы с ним поговорить? Я думаю, это было бы хорошо, папа. Он... он хочет доверить тебе одну важную тайну.* Оливье колеблется. Какой-то мотоциклист едва не задевает его «кангу» и выражает свое неодобрение непристойным жестом. Да, он прав, здесь стоять нельзя. Что же предпринять?

Ехать по этому адресу и разнести к чертовой матери дом гитариста? Или отправиться прямо в Биша и свернуть ему шею?

Оливье проверяет в зеркале, нет ли кого сзади, и едет до ближайшего светофора. Решение принято. Он себя хорошо знает, ему претит любое насилие, даже в отношении любовника жены. И уж конечно, он не пойдет на убийство...

Единственное, чего он хочет, это посмотреть, как тот умрет!

Только пусть сначала выдаст свою тайну, свою великую тайну...

Спасибо, Лора!

Оливье выключает телефон и наклоняется к своему навигатору, словно хочет сказать: «Извини, старина, в конечном счете ты оказался прав».

* * *

У Лоры заняты обе руки, по одному близнецу на каждой – Ноэ на правой, Этан на левой, а связка ключей в зубах. Ох уж эта нянька – отругала Лору за сущую ерунду: она, видите ли, пришла за детьми на три минуты позже! Черт бы ее подрал, а еще няней называется, тоже мне представитель благородной профессии! Теперь все кому не лень плюют на бюджетных работников. Вот попробовали бы сами, каково это – быть медсестрой! Этан хнычет, потому что ему хотелось остаться у няни Софи,

Ноэ проголодался, вдобавок у Лоры в кармане тренькает телефон. Сообщение.

Она сажает близнецов в машину, в детские креслица, и читает эсэмэску.

Это я. Попала в скверную историю, вы должны за мной приехать.

Господи, ну и денек! Теперь еще и мама!

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при встрече. Адрес: Шар, улица Освобождения, 36. Дом Илиана Ривьера.

Дом Илиана... Ну конечно... Шарлотта рассказала ей, где выросла. Маленький домик среди полей. Наверно, немного похож на ее собственный. Лора быстро производит подсчет. Шар находится в двадцати километрах от Сержи, это минут двадцать езды.

Она огорченно вздыхает. Конечно, придется ехать. Не бросать же маму в беде! Вот только Валентин еще на службе, значит, придется взять близнецов с собой. Эту парочку уставших и голодных маленьких чудовищ, которых давно пора искупать и уложить в постель.

Лора включает мотор и снова вздыхает. Ладно, она поедет, лишь бы все поскорей уладить. Нужно, чтобы папа и Марго узнали о Шарлотте, чтобы они приняли ее ради мамы, как приняла она, Лора, выслушав признание неведомой сестры в кафетерии больницы Биша. Нужно разом вскрыть нарыв, чтобы рана скорее зажила, чтобы все они мирно сидели на террасе шале в Порт-Жуа, а может, и в домике на улице Освобождения (почему бы и нет?), наверстывая упущенное время. Папе сначала будет больно, но потом он все простит – поймет и простит. Он ведь стойкий, как и она, крепче дуба! Не сгибается, но и не ломается.

Близнецы уже подняли рев. Они хотят пить. Хотят есть. Хотят смотреть телевизор.

Лора дает задний ход, и из-под колес машины брызжет гравий садовой аллейки няни Софи. Ведь вот – работает у себя дома, так могла бы, по крайней мере, убрать камни с дорожки!..

Да, лишь бы все поскорей кончилось! Лора внимательно смотрит вперед, и ее взгляд останавливается на бейдже под «дворником» – это больничный пропуск, позволяющий медперсоналу подъезжать прямо к зданию, минуя стоянку.

Лишь бы все поскорей кончилось?..

И вдруг Лору словно огнем обжигает: она осознает ужасный смысл этих слов. Илиан Ривьер обречен. Ему осталось несколько дней. А она, молодая мать семейства со своими мелкими домашними заботами, еще на что-то жалуется. Черт бы меня подрал!

Лора останавливает машину, въехав на тротуар, и торопливо набирает текст на мобильнике.

Я еду, мама. Буду максимум через 20 минут. Надеюсь, что дом Илиана достаточно крепок и антисейсмичен, так как мне пришлось взять с собой близнецов.

Лежу рядом с Шарлоттой. Отыскивая под кроватью камень времени, я заметила, что запах газа меньше ощущается у пола. Мы смастерили нечто вроде палатки из простыней, одеял, матраса и укрылись под ними. Вылезаем из-под полога по очереди, чтобы смочить ткань водой.

Господи, как мне приятно это согласие!

Не знаю, сколько я еще проживу, перед тем как на меня рухнет все – потолок, кровля, перекрытия и черепица, – какая разница, ведь я провела это время здесь, совсем рядом со своей дочерью!

Свет плафона над нашими головами пронизывает желтые простыни и оранжевое одеяло, создавая эффект солнечного заката, прямо как на стоянке бедуинов. Мне хорошо. Шарлотта втащила в наше убежище картонную коробку. Она запускает туда руку и вытаскивает наугад разные вещицы: фетровый брелок для ключей в виде галстука, картинку из раскрашенных и покрытых лаком макарон-бантиков, кружку с надписью ПАПА, украшенную звездочками с помощью трафарета, желтую свечку, явно с именинного торта, стакан из папье-маше для карандашей. Я с трудом разбираю крупные буквы, нацарапанные фломастером и заключенные в сердечко: С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ПАПА! Все понятно: ее детские сокровища, собранные за много лет, от детского сада до школы.

– Настоящие шедевры, разве нет? – гордо говорит Шарлотта. – Я была самой лучшей в классе на уроках труда. Правда, по сравнению с девочками, которым приходилось делать подарки еще и мамам, у меня было вдвое больше времени.

Я сжимаю ее руку.

– Но главное, – уточняет Шарлотта, – у меня был двойной стимул: мой папа был лучше всех других!

По нашим лицам бегут слезы. Мы лежим рядом, не глядя друг на друга, вслушиваемся. Время от времени начинаем кричать как безумные, изо всех сил, надеясь, что кто-нибудь нас услышит, потом продолжаем разговор.

– Знаешь, Шарлотта, твой папа был талантлив. Даже очень талантлив. И его талант проявлялся не только в твоём воспитании. В музыке тоже.

Шарлотта роется в коробке и достает оттуда крошечное розовое укулеле. Игрушечное.

– Да, я это поняла. Поняла сегодня. Я почти не слышала его игру. Слушать музыку – вот это он любил. Но не играть.

Она роняет игрушку на пол.

– Папа... он все бросил ради меня.

Я сильнее сжимаю ее руку. С простыни над головой срывается капля и падает мне на лицо. Тусклый свет, пробивающийся сквозь ткань, едва ли не слепит глаза. Я зажмуриваюсь.

– Нет, Шарлотта, нет. Это был его выбор... Знаешь, люди иногда ошибаются, и выбирать – не значит отказываться. Совсем наоборот. Выбирать – значит быть свободным. В том числе не становиться тем, кем вас хотят сделать другие, решившие задуть ваш врожденный талант. Те, кто вознамерился отнять у вас любовь, подаренную судьбой. Илиан сделал свой выбор, он выбрал тебя, и это касается только его. Дети не должны в это вмешиваться. Им предстоит прожить свою жизнь. И сделать свой выбор...

Шарлотта кладет руку мне на плечо:

– Погоди-ка, у меня тут сюрприз.

Я слышу шуршание – она роется в картонке. Потом вдруг чувствую, как что-то пушистое гладит меня по векам, по носу, по пряди на лбу. Оказывается, Шарлотта извлекла из своего хранилища «ловушку для мечты» – крошечную сумочку из мохера, расшитую стеклярусом, цветными перышками и... ужасно пыльную!

Она щекочет мне нос, я пытаюсь сдержаться и все-таки чихаю. Шарлотта смеется. И я тоже, хотя мои легкие горят от газа.

– Я ее сшила десять лет назад, когда училась в первом классе средней школы. Весной нашу учительницу сменила другая, новая, и я побоялась ей сказать, что у меня нет мамы. Вот, возьми... это тебе.

Шарлотта умолкает. Я осторожно беру у нее крошечную «ловушку для мечты». Слезы туманят глаза, но я все-таки различаю крошечные сердечки, вырезанные на деревянной крышечке. Десять лет... она ждала меня десять лет! Прижимаю ее к себе. Невесомая безделица из шерсти, бусинок и перышек давит на грудь, точно кусок гранита. Заглушает стук моего сердца. И рассеивает весь тот морок, что поселился у меня в голове.

Спасибо, Шарлотта! Спасибо! И знай, что твой отец ничем не пожертвовал. Он просто выбрал тебя. Потому что любил тебя, и ты отвечала ему тем же. А еще он любил музыку – да, конечно, любил, но она не ответила ему взаимностью.

– Мама...

Я вздрагиваю.

– Мама, – повторяет Шарлотта. – А это трудно – выбирать?
Я улыбаюсь.

– Ну, скажем так... Нельзя слишком медлить с выбором. Нужно сделать его до того, как станешь совсем взрослой, так мне кажется. Перед тем как убедишься, что перед тобой слишком мало свободных дорог и твоя ноша слишком тяжела. Перед тем как поймешь, что тебе осталась одна свобода – заблудиться в лесу сожалений.

– Понимаю, – шепчет Шарлотта. – Мне бы очень хотелось...

– Хотелось чего, моя дорогая?

– Выбрать. Выбрать, а не умереть.

Улица Освобождения, 36...

Лора ставит машину на тротуаре, прямо напротив домика Илиана. На весь путь у нее ушло меньше пятнадцати минут. Она привыкла водить машину по проселочным дорогам стремительно, как гонщик-профи, сбрасывая скорость только на въезде в деревни и до предела выжимая ручку на выезде. Она ведь всегда спешит. И едет еще быстрее, когда сзади сидят близнецы. Стоит им провести в своих креслицах больше четверти часа, начинается ад крошечный: вопли, слезы, топающие ноги, выброшенные игрушки...

Покидая Сержи, Лора включила радио, чтобы развлечь своих маленьких хулиганов. Как правило, музыка их успокаивает хотя бы на несколько минут... зато потом возбуждает до крайности, и Лоре приходится пускать звук на полную мощность, когда сыновья начинают скандалить. Со вчерашнего вечера песню *Let Me Just a Little Bit of You*, посвященную Индонезии, передают круглые сутки; это делается специально, еще до начала концерта на стадионе «Уэмбли», чтобы ее мелодия неотрывно преследовала вас. Близнецы и те бормочут обрывки слов из этой песни. Настоящая промывка мозгов! Правда, после поворота на Артимон Этан и Ноэ уже забыли о своем коронном номере «на два голоса» и затеяли драку, вырывая друг у друга Жижи, несчастного плюшевого жирафа с растопыренными ногами. Так что Лоре пришлось остановиться, повесить свой смартфон на спинку переднего сиденья, лицом к детям, и включить им видео про ослика Тротро^[134]. Ну вот, еще тридцать секунд потеряно! Зато до самого Шара в машине царит блаженный покой!

* * *

Лора внимательно оглядывает домик, стоящий на отшибе. *Улица Освобождения, 36...* Маленький. Самый что ни на есть обыкновенный. Только какой-то грустный. Машиной нигде не видно. Странно... Она же много раз читала и перечитывала сообщение.

Вы должны за мной приехать...

Может, она добралась в Шар на такси?

Попала в скверную историю.

Что еще она натворила? И куда подевалась Шарлотта – может, сидит вместе с мамой в этом же домике? Ведь ее сестра здесь выросла. Она рассказывала об этом Лоре во время долгих ночных бдений у постели отца. Призналась ли Шарлотта маме, кто она такая? Помирились ли они? Лора не видит никакой машины, но Шарлотта могла привезти маму на своей, а потом поставить ее в гараж. Лора открывает заднюю дверцу, близнецы по-прежнему увлеченно следят за приключениями Тротро.

– Мама сейчас придет, мои дорогие, – говорит им Лора и делает три шага к ограде.

Калитка не заперта, но Лорина рука застывает, едва коснувшись ее.

Крик!

Лора услышала крик! Приглушенный, далекий... невозможно даже определить, кричит ли это человек, но ей показалось, что зовут на помощь. Лора застывает, вслушиваясь, но тут начинает вопить Ноэ:

– Мамаааа!

Проклиная все на свете, Лора возвращается к машине, вытаскивает Ноэ из креслица, берет его за ручку:

– Тихо, Ноно, не кричи!

И снова пытается уловить звуки со стороны уединенного дома. Вдали, по национальному шоссе, с воем мчатся машины. С соседнего поля доносится мерный негромкий рокот, там работает трактор. Если сосредоточиться, можно еще слышать птичий щебет. Птиц здесь много. Но больше никаких звуков. Лора отворяет низенькую калитку, и как раз в этот момент начинает реветь Этан, оставшийся в машине. Ну конечно, а на что она надеялась? Эти двое, они же единое целое. Куда один, туда и другой. С тех пор как родились мальчики, Лоре кажется, что она все делает в двух экземплярах, как заика, повторяющий одно и то же слово с разрывом в несколько секунд. Сунув Ноэ под мышку, она достает из кресла Этана и несет их, по одному с каждой стороны. Интересно, а как обходятся матери, у которых тройня, – третью руку, что ли, себе пришивают?!

– Ну-ка, ребятки, давайте не будем шуметь и послушаем, как поют птички!

За исключением птичьего щебета, Лора не слышит никаких особенных звуков. Только обычные шумы деревенской жизни. Зайдя в сад, она опускает близнецов на землю, еще и еще раз перебирая слова маминого сообщения.

Ничего серьезного, но срочно и сложно. И важно. Объясню при

встрече.

Да, мама наверняка находится в этом доме и ждет ее. Нужно постучать в дверь, чтобы прояснить эту загадку. И тем не менее Лора инстинктивно настораживается. Ей кажется очень подозрительным, что перед домом не стоит машина, а внутри тишина. Почему мама не открыла ставни, не распахнула дверь, чтобы ее встретить? И этот крик... точно ли она его слышала? Или она сама уже сходит с ума от всех этих безумных историй?

– Мамаааа!

Лора оборачивается. На этот раз проблема с Этаном. Он сунул в рот полную горсть каменной крошки с аллеи и теперь пытается выплюнуть ее вместе с желчью и слюной. Она наклоняется, выхватывает платок, ловко отчищает грязь, вытирает мокрые глаза, нос и губы сына. Потом трясет Ноэ, который тоже вздумал пососать розовый камешек, правда, всего один, и, кажется, находит его таким же вкусным, как клубничная мармеладка *Haribo*.

– Выплюнь, Ноно, сейчас же выплюнь!

Лора решает больше не спускать глаз с близнецов. Она стоит в паре метров от дома. И опять ее приводит в смятение мертвая тишина внутри. Может, вернуться к машине и проверить телефон – вдруг мама еще что-нибудь написала? Или же самой послать ей сообщение: *Я приехала, где ты?* Лора не решается войти в чужой дом без приглашения, все-таки частная собственность... Но в глубине души просто боится того, что может там обнаружить.

Свою мать в слезах. В объятиях Шарлотты – ее, Лориной, сестры.

Наконец она решается и тащит близнецов к дому с той же деликатностью, с какой они весь день таскают за ноги жирафа Жижи, – пусть знают, каково это! «Лишь бы все поскорее разъяснилось!» – думает Лора.

Постучать в эту дверь.

Войти.

И покончить с этим.

Улисс выходит из палаты 117, чтобы прочесть сообщение. Он занимает своим животом три четверти ширины тесного коридора, мешая медсестрам бегать туда-сюда, но даже не думает перейти в другое место, попросторнее. Он предпочитает держать в поле зрения открытую дверь палаты и время от времени дружески машет тому, кто лежит на кровати-трансформере. Больной отвечает ему только глазами. Улиссу приятны вся скорбь и вся нежность, сосредоточенные в этом взгляде, за долгие годы он к ним привык. *Да, Ил, я твой друг!* – думает он и, отойдя на шаг, мысленно желает: – *Хорошо бы тебе умереть поскорее, так и не узнав, что я тебя предал!*

Какое-то время назад Улисс поставил стул у кровати Илиана, решив бодрствовать рядом с ним, пока все не кончится. И первым делом выключил телевизор. По всем каналам говорят только о Джакарте – о помощи, которая поступает слишком медленно, о солидарности артистов, о подготовке к концерту. Улисс предпочитает не рисковать.

– Подожди меня, братец, я сейчас вернусь, – обещает он и, выйдя, тайком просматривает сообщения на мобильнике Натали.

Я еду, мама. Буду максимум через 20 минут. Надеюсь, что дом Илиана достаточно крепок и антисейсмичен, так как мне пришлось взять с собой близнецов.

Лора! Значит, откликнулась одна Лора. Старшая дочь. Что ж, так он и думал... Вот только не предусмотрел, что она явится туда вместе с детьми! Черт возьми! Пара малышей! Стоит ей выпустить их из рук и нажать на звонок, как все взлетит на воздух... И мамаша, и дети... О господи, кто же мог такое предвидеть?!

Девушка в белом халате, настолько же тоненькая, насколько тучен Улисс, ловко огибает его, даже не задев, и сочувственно улыбается: медсестры всегда симпатизируют посетителям, которые сидят с родными до самого конца. Эта улыбка буквально разрывает ему сердце.

Он отдал бы все на свете, чтобы исправить сделанное.

Ведь мог же он подписать с Илианом контракт еще в Джакарте, прямо в отеле *Great Garuda*, разделим, дескать, доходы фифти-фифти, Илиан, и я

организирую тебе блестящую карьеру, братец мой! Но сначала Улисс всего лишь солгал... да нет, даже не солгал, даже не украл, а просто «забыл», а потом к нему потекли доллары и его агентство *Molly Music* стало процветать, но даже и тогда, если вдуматься, даже и тогда ему не в чем – ну, почти не в чем – было себя упрекнуть. Конечно, он огреб кучу денег, добрая часть которых не должна была попасть в его карман, но вспомните обо всех богачах планеты – разве они не использовали чужие таланты, чтобы нажить состояние?! Тем более что Илиан плевать хотел на деньги, он забросил гитару и стал счастливым папашей.

А десять дней назад случилось непредвиденное – цунами. Улисс потерял голову от страха. И сбил Илиана на авеню Терн, вместо того чтобы во всем ему признаться; вместо того чтобы предложить компенсацию – несколько десятков тысяч долларов, даже больше, если бы тот захотел, – но Улисс знал: Илиан откажется. Никакими деньгами нельзя компенсировать разбитую мечту. Загубленную судьбу. Никакими деньгами не купить молчание того, у кого украдены слова и музыка всей жизни.

И дальше пошла цепная реакция. Пришлось заткнуть рот Натали, потом Шарлотте. Всего три свидетеля, только трое, которых нужно устранить, чтобы подвести черту под прошлым. А вот теперь эти малыши... Когда же этому будет конец?!

Продюсер лихорадочно анализирует ситуацию. Он еще успеет вмешаться. Достаточно послать Лоре сообщение от имени Натали и дать отбой: пусть уезжает. А потом он сам наведается в Шар и найдет способ избавиться от двух последних свидетелей, не отяготив свою совесть гибелью младенцев.

Подходит другая медсестра, не такая улыбчивая, ниже и корпулентнее предыдущей. Улисс пытается втянуть живот, а она – приплюснуть свой бюст, чтобы протиснуться мимо него. И при этом бурчит:

– Здесь нельзя стоять, мсье.

Состроив виноватую мину, Улисс обещает больше не мешать, потом еще раз машет Илиану. Он должен оставаться здесь, на своем посту, и бдительно следить, чтобы тот не включил телевизор. Улисс позаботился переложить пульт на тумбочку, как можно дальше от кровати, он знает, что у Илиана не хватит сил дотянуться до него. Илиан уже почти не может двигаться. Едва говорит. Паралич постепенно захватывает его тело, вытесняя жизнь. Его смерть – вопрос времени, нескольких дней, а может, часов, но Илиан находится в сознании, в полном сознании.

Улисс еще может спасти то малое, что осталось от его совести. Никого больше не вовлекать в свое бегство от расплаты. Кончить задуманное

иначе: самому заняться обоими любовниками и их дочерью. Решившись, он набирает сообщение на адреса трех получателей: Оливье, Марго и Лоры.

Ложная тревога. Я справилась сама. В Шар ехать не нужно. До вечера!

Дзынь!

Эсэмэска ушла, но Улисса приводит в недоумение сигнал отправки сообщения: помнится, он отключил звук в телефоне Натали. Странно... А впрочем, какая разница! И он делает шаг к палате. Илиан умрет счастливым. Он, Улисс, будет держать его за руку до последней минуты. Уж это-то он обязан для него сделать.

– Я иду, братец!

Но тут за спиной раздается голос, от которого он холодеет:

– Простите, мсье...

Улисс оборачивается. Перед ним стоит незнакомый человек. Он никогда его не видел. Высокий, с короткой стрижкой и голубыми глазами. В руке у него мобильник.

– По-моему, вы только что послали мне сообщение.

Улисс не знает, что сказать, он молчит – слишком долго. Ледяное спокойствие этого человека застало его врасплох.

– Сообщение с номера моей жены, – уточняет тот таким же спокойным, ровным тоном.

Улисс в панике переводит взгляд на розовый телефончик у себя в руке: из-под большого пальца выглядывает черный хвостик ласточки. Не успеваешь он поднять глаза, как человек бросается на него.

Ее муж? Оливье? Черт... А он-то что здесь делает?

Это была последняя связная мысль, родившаяся в мозгу Улисса. Первый удар – кулаком – он получил прямо в лоб. Вторым ему свернули челюсть, и он рухнул на пол. Теперь Оливье бьет его ногами – в живот, в грудь, по икрам. Улисс неуклюже пытается свернуться в клубок, но теперь удары ботинка дробят ему позвоночник.

– Где моя жена, говори, жирный боров!

Улисс не способен ответить, он захлебывается кровью. Последним усилием он поворачивает голову к открытой двери палаты 117, пытаясь встретиться взглядом с Илианом.

– Что ты задумал, мерзавец? – кричит муж Натали.

Где-то звучат шаги, испуганные крики. Одна из медсестер зовет на

помощь. Улисс плюется кровью, она растекается в лужу на светлом линолеуме, и он лежит, уткнувшись в нее носом.

– Ни... ничего, – бормочет он наконец. – Я... я все... все отменил... Никто... никто не умрет...

С обоих концов коридора к ним спешит целая армия медбратьев и санитаров.

Оливье не отказывает себе в удовольствии пнуть лежащего на полу человека, когда тот пытается поднять голову и позвать на помощь. Ботинок врежется Улиссу в висок. Оглушительный взрыв в голове продюсера переходит в громкий гул, и сквозь него он слышит – в непрерывном повторе, словно этот удар испортил пластинку в его мозгу, – одни и те же, одни и те же слова:

Никто не умрет...

Никто не умрет...

Оливье как будто успокоился, но санитары все-таки приближаются к нему с некоторой опаской.

Никто не умрет...

И в этот миг продюсер чувствует на себе тяжелый взгляд. Куда более яростный, куда более страшный, чем все полученные удары. Взгляд, который распинает его.

В проем открытой двери на него смотрит Илиан.

Собрав последние силы, он приподнялся на несколько сантиметров, с трудом оторвав голову от подушки. И Улисс понимает, что Илиан все слышал, все видел. Что он понял, кем был тот лихач. Его покровитель, крестный Шарлотты, старый друг, братец.

Глаза Илиана несколько долгих мгновений прожигают Улисса до мозга костей, до самого сердца, потом, словно тот не заслужил даже этого взгляда, Илиан слегка поворачивает голову и смотрит на человека с окровавленными кулаками, стоящего в коридоре.

Илиан понял, кто избивал его убийцу. Кто отомстил за него. И находит силы улыбнуться.

А Оливье смотрит сквозь него, словно Илиан уже превратился в призрака.

Илиан безмолвно молит о прощении. О любом знаке понимания, во имя любви к женщине, которой они обладали. Оливье может подарить ему хотя бы это, ведь он выиграл. Он жил с ней. Он будет жить с ней и дальше.

Нечеловеческим усилием Илиан еще чуть-чуть приподнимается, и его губы шепчут какие-то слова. Несколько слов, которых никто не услышит.

Яростным пинком Оливье захлопывает дверь палаты 117.

Лора совсем извелась, стоя перед запертой дверью. Ей кажется, что она стучит уже целый час. Это ужасно забавляет Этана и Ноэ – они вместе с мамой колотят в деревянную дверь маленькими кулачками.

Все тщетно!

В доме явно никого нет.

Ни мамы, ни Шарлотты.

Я в Шаре... улица Освобождения, 36... Дом Илиана... Илиана Ривьера.

Может, она уже уехала? Или еще не приехала?

Что ты творишь, мама?

Ноэ надоела дверь, и он решает испробовать кулачки на брате – может, хоть тот отреагирует? Получилось! Но одновременно и Этану пришла в голову та же удачная мысль – они же близнецы! И мальчишки начинают колошматить друг дружку, сперва со смехом, потом со слезами. Лора со вздохом разнимает их.

Ну отзовись же, мама!

– Стойте здесь, мальчики! И не смейте хватать камешки! Мама пойдет к машине, узнать, не прислала ли бабуля сообщение.

Лора бегом преодолевает тридцать метров, отделяющие ее от машины, открывает заднюю дверь и наклоняется, чтобы достать смартфон. Но тот не подает признаков жизни.

Господи, да она же забыла выключить мультит про ослика Тротро, и телефон разрядился.

«Ладно, – думает Лора, – только без паники! Сейчас посажу мальчишек в машину, вернусь в Сержи и позвоню маме с домашнего телефона, а если понадобится, вернусь в Шар. Не торчать же здесь целый вечер с этой буйной парочкой дикарей!»

Лора оставляет дверцу машины открытой и готовится позвать близнецов: «Этан, Ноэ, быстро сюда, мы уезжаем!» – но не успевает открыть рот, как из дома доносится крик. Не мяуканье, не лай, на этот раз сомневаться не приходится – это человеческий крик.

Этан и Ноэ наконец уgomонились и теперь рвут одуванчики, растущие вместе с другими сорняками между плитами дорожки. Может, крикнул один из них? Нет, Лора готова дать руку на отсечение, что кричал

взрослый!

Значит, внутри, в доме, кто-то все-таки есть! Но ведь она так колотила в дверь, что кулаки заболели. Может, там кто-то заперт? Или крепко спал, а потом внезапно проснулся и заорал с перепугу?

Лора захлопывает дверцу машины и ищет глазами мальчишек. Они уже отошли от дома и занялись составлением букета из веточек шалфея и вереска. Лора с умилением глядит на своих детей. Близнецы! В два раза больше шалостей! Но и в два раза больше цветов для дорогой мамочки!

Лора снова внимательно оглядывает дверь и вдруг хлопает себя по лбу. Поглощенная наблюдением за детьми, она колотила в дверь, не заметив звонка. Как она могла не увидеть? Вот же он – простой, самый что ни на есть банальный звонок!

Лора огибает съезд в гараж и идет по узкой дорожке в конец сада, где братья уже оборвали все цветы. Может, мама сидит в подвале и перебирает вместе с Шарлоттой старые бумаги и вещи? Или на чердаке? Может, они слишком поглощены воспоминаниями о прошлом и не услышали стука? Она представляет себе, как Шарлотта вытаскивает из коробок детские рисунки, читает стихи, сочиненные для воображаемой мамы, показывает ей сокровища, хранимые с самого раннего возраста, – кукол, украшения, камешки, самодельные амулеты... Теперь Лора понимает причину молчания: те двое улетели в прошлое. Со скоростью света.

Ну и денек! Лора погружается в размышления. Мама и Шарлотта... неужели они помирились?

Лора очень надеется на это. Они с Шарлоттой мгновенно признали и приняли друг друга – так, словно всю жизнь провели вместе. Лора даже осмелилась пошутить: «Тебе повезло, девочка, знала бы ты, сколько раз я мечтала пожить без мамы!» И обе рассмеялись.

Лора бросает последний взгляд на близнецов, которые с увлечением исследуют дубовую изгородь в конце участка, и подходит вплотную к двери.

Она еще продолжает улыбаться, когда ее палец касается звонка.

И в следующий миг все —

небо,

дом,

сад,

стены,

каждый пучок травы,

каждый цветок,

каждый камешек, —

все взлетает,
кувыркаясь перед глазами.

*Когда померкнет свет ликующего дня
И в саван смертный превратится простыня,
А стены дома – в стенки гроба,
Что нам останется от счастья и огня?
И где мы будем оба?*

*Когда иссякнут наши слезы, боль и страх,
Когда рассыплется в могиле смертный прах,
Когда забуду я тебя, а ты меня,
Что нам останется в гниющих стенках гроба
От нашей страсти, от любви и от огня?
И где мы будем оба?*

– Мама! – кричит Ноэ.

И рыдает взхлеб.

Мама... мама... мама...

Ноэ услышал мамин крик. Потом мама взлетела, словно мяч, посланный вверх слишком сильной рукой, потом рухнула на траву и теперь лежит там, не двигаясь, не поднимаясь, как будто заснула. Или как сломанная игрушка.

Ноэ горько плачет.

Ему хочется, чтобы мама проснулась.

Хочется, чтобы маме не было больно.

Хочется, чтобы мама с ним поговорила.

* * *

– Папа! – кричит Этан.

И хохочет взхлеб.

Папа... папа... папа...

Этан бежит к папе, Ноэ за ним, приотстав.

И тут раздаются сирены – машины полиции и жандармерии, сверкая проблесковыми огнями, врываются на улицу Освобождения, прежде чем близнецы успевают добежать до середины лужайки. Полицейские окружают дом в тот миг, когда мальчишки кидаются к сидящим в траве родителям, прижимаются к ним, забираются к ним на колени, накидываются на них, пачкая слезами и соплями.

Папа... мама... мама... мама... папа... папа...

Лора еще не отошла от шока. Ей запомнилось только одно: в тот момент, когда она потянулась к звонку, две сильные руки приподняли ее, и она не успела нажать на кнопку. Небо встало дыбом, она отлетела в сторону, на траву, и вдруг обнаружила себя в объятиях мужа. Самый удачный борцовский прием в его карьере!

* * *

Полицейские тщательно обследуют запертую дверь, наглухо закрытые ставни. Подъезжают другие фургоны, из них выскакивают люди с какими-то сложными приборами – такими пользуются спецбригады при угрозе террористического взрыва.

Валентин облегченно вздыхает.

– Мне позвонил твой отец, в полной панике, и объяснил, в чем дело. Фальшивое сообщение, якобы от твоей матери, дом этого Илиана Ривьера, западня... К счастью, мы как раз патрулировали к северу от Сержи. И хотя ты у нас чемпионка ралли, я, наверно, перекрыл твой рекорд скорости. Когда я тебя увидел перед этой дверью, то сделал рывок и схватил тебя. Как раз вовремя!

Гордый своим подвигом, он нахлобучивает форменное кепи на Ноэ, взлохмачивает волосы Этана и снова крепко обнимает их мать.

– Ты мой дорогой рыцарь! – шепчет Лора. – Вот видишь, я хорошо сделала, что настояла на своем. Я чувствовала, что поступаю правильно.

Эксперты изучают место происшествия, оттеснив посторонних на безопасное расстояние. Полицейские в защитных комбинезонах осторожно обследуют стены. Изнутри явственно доносятся удары в наглухо закрытые ставни.

– Правильно – в чем?

– В том, что вышла замуж за жандарма! Если ты спасешь меня еще два-три раза, думаю, даже папа растает и скажет тебе спасибо.

Валентин показывает ей язык и снова целует. Этан стаскивает с Ноэ отцовское кепи, едва не оторвав брату голову. Валентин отбирает у него свой головной убор и велит близнецам поиграть где-нибудь подальше. Мальчишки послушно отбегают в сторону, а их отец под взглядами коллег спешит принять вид, достойный героя.

Потом он протягивает Лоре свой мобильник, чтобы она могла успокоить отца. Ее пальцы дрожат.

Все хорошо. Все в порядке.

Одному из спецов удается вырезать отверстие в ставне, и полицейские осторожно снимают его с петель. За стеклом появляются лица Натали и Шарлотты. Живых.

А за спинами спецназовцев радостно прыгают два маленьких мальчика.

– Баба! Баба баба баба!

Потерпите, мои дорогие, скоро бабуля познакомит вас с вашей тетушкой!

Лора прикидывает головой к плечу мужа.

Все хорошо, папа! Все очень хорошо!

Палата 117.

Илиан лежит на кровати, неподвижный. Немой.

Я сижу рядом. Многословная. Взбудораженная. Слова, так долго скрываемые, изливаются неудержимым потоком.

– Я люблю тебя, Ил. И никогда не переставала любить. Не знаю, слышишь ли ты меня, – медсестры уверяют, что слышишь, просто не можешь ответить. Даже легким кивком. Я попросила их выйти. И они поняли. Попросила Лору следить, чтобы никто не входил, чтобы нас хоть на несколько минут оставили в палате одних. А потом придут все остальные.

Ил не отвечает. И все-таки он меня слышит.

– Какой же я была душой, Ил, какой душой... все эти годы! Соблюдать наш договор, да это же просто безумие! Сможешь ты когда-нибудь простить меня? Ты, наверно, каждый день проклинал мое молчание, как я проклинала твое, но клянусь тебе, да, клянусь чем хочешь, что я никогда не переставала тебя любить.

Не было дня, чтобы я не думала о тебе. И не было дня, чтобы я не думала о Шарлотте. Хотя не знала ее имени и ни разу не видела лица. Задолго до того как Шарлотта стала оживлять прошлое, превращать «случайности во встречи» по Элюару, мне все напоминало о вас: детский смех в школьном дворе, голос гитары, вырвавшийся из двери кафе, самолет, взлетевший где-то вдали. Вы стали парой моих фантомов. Пугающих фантомов, которые в первые годы заставляли меня плакать, видеть кошмары и во сне, и наяву, бессонными ночами. Со временем я их приручила, могу тебе в этом признаться. Я была не так уж несчастна все эти годы. Жила в семье, любимая своими дочками, сперва маленькими, потом подростками – и очаровательными, и строптивыми; любимая человеком, способным обожать меня за двоих и страдать за двоих, способного все простить. И когда, несмотря на это, меня пронзало страшное ощущение, что я прохожу мимо своей настоящей жизни, появлялись вы, два моих обожаемых фантома, и я говорила с вами в

тишине моей спальни, в долгих прогулках по берегу реки, во время стоянок самолета, в отелях, похожих один на другой, в разных концах света. Я говорила с вами, как сегодня говорю с тобой, – не ожидая никакого ответа.

Ил не реагирует, когда я сжимаю его руку. Ил не двигается, когда я наклоняюсь к нему.

– И все же, Ил, все же... как бы я хотела, чтобы ты сегодня мне ответил! Был ли ты счастлив? Была ли радостной твоя жизнь? Ты уже знаешь, уже понял, что я познакомилась с Шарлоттой. Ты ее воспитал, Илиан! Воспитал за двоих! Это самый прекрасный фантом во Вселенной! Да, мне известно, что вы расстались в ссоре, но будь спокоен, она вернется, вернется очень скоро, через несколько минут, и разделит с тобой сюрприз, который не пропустит ни за что на свете, сюрприз, который никто на свете не захочет пропустить.

Я придвигаюсь к нему вплотную. Мои губы почти касаются его губ.

– Ты устал, Ил, я вижу, что устал, твои веки смыкаются, но ты борешься со сном. И, значит, слышишь меня. Я не стану тебе мешать – спи, у нас впереди есть еще время, столько времени, гораздо больше, чем за все эти годы. Я дам тебе поспать, чтобы ты отдохнул. Нужно, чтобы ты был в форме, когда проснешься через несколько минут. Ради обещанного сюрприза.

Но перед этим я хочу признаться тебе еще в одном, Ил, в единственной вещи, которую я не понимала все эти двадцать лет и которую помог мне понять Батисто и даже Улисс – на свой манер. Я так сильно любила тебя, Илиан, не только за то, что ты был милым, привлекательным юношей, страстным любовником и будущим идеальным отцом... Таких мужчин на свете миллиарды. А я любила тебя так сильно, потому что ты был выдающейся личностью. Одаренным артистом. Сверходаренным. Но слишком скромным, чтобы признать себя талантливым. Ты нуждался в женщине, которая твердила бы тебе это изо дня в день, помогла бы уверовать в свой талант. Я не смогла этого сделать много лет тому назад и никогда себя не прощу. Так вот, постарайся не поддаваться усталости еще несколько минут, любимый мой, и послушай: ты не заурядное создание, не мелкая сошка, ты один из тех людей, кто оставляет частицу себя на этой земле. И я благодарю тебя, Илиан, благодарю за твою любовь ко мне, я ею горжусь. А теперь спи, отдыхай, обожаемый мой гитарист. Я люблю тебя. Любила, люблю и буду любить всю мою жизнь.

Касаюсь губами его губ.

И на цыпочках выхожу из палаты.

Когда я проснулся в своей палате, на этой кровати, опутанный с головы до ног проводами, передо мной светился огромный экран.

Экран телевизора вдвое большего, чем тот, что стоял здесь прежде.

В комнате много народу – медсестры, врачи, мои близкие. Они принесли стулья, кое-как разместились вокруг моей кровати. Их тут человек пятнадцать, не меньше. В общем, неожиданное пробуждение.

Признаться, я не совсем понимаю, жив я еще или уже мертв. Не могу шевельнуть рукой, повернуть голову, сфокусировать взгляд; у меня хватает сил только держать глаза открытыми и смотреть прямо перед собой.

Но мне довольно и этого.

Впервые в жизни я окружен всеми, кого люблю.

А на экране Эд Ширан поет *Perfect*^[135].

Дочери Нати – Марго и Лора – тоже здесь, они представились мне. Обе хорошенькие, обе вежливые, обе мне улыбаются, сидя по разные стороны моей кровати. Все это похоже на последнее посещение папочки перед его кончиной.

Кажется, они уже подружились с Шарлоттой, особенно Лора, однако мне почему-то кажется, что именно Марго станет ее любимой сестрой, когда свыкнется с этой новостью. Они почти однолетки. И характеры у них очень похожи. Характер их матери. Эдакие вольные пташки! С неодолимой тягой к свободе, которая вселяет такую гордость и такую горечь в того, кто построил для них гнездо.

Эд Ширан допел. Шарлотта оборачивается ко мне – видно, хочет убедиться, что я еще дышу, – и продолжает шептаться с Лорой. Значит, вот это и есть умирание? Сказать себе, что жизнь будет продолжаться, но уже без тебя. Что если все в порядке, если все ладят друг с другом, если молодые, которых вы вырастили, процветают, то не стоит цепляться за жизнь, пытаться участвовать в ней. Так бывало, когда Шарлотта приглашала к нам подружек на Хэллоуин. Я поднимался на пыльный чердак, завешанный паутиной и рваными простынями, и, убедившись, что все хорошо, на цыпочках ретировался. Вот и сейчас я удалюсь незаметно,

на цыпочках.

Именно так следует поступать, если вы не загубили тех, кто вас любил, и тех, кого вы любили. Если вы только взяли их себе на время, на свой век, и вернули обратно перед уходом, вернули счастливыми.

Адель, сменившая Эда Ширана, заводит *Someone Like You*^[136], и песню подхватывают миллионы голосов.

Натали тоже не отрывает глаз от экрана. Нати, маленькая моя ласточка, как бы мне хотелось ответить на твой поток слов – недавно, когда ты сидела у моего изголовья, – ответить тем же, сказать: да, я тебя слышу, я всегда слышал каждое твое слово, ждал их все эти годы и теперь могу уйти спокойно. И еще хотел бы тебе сказать, что ты слегка преувеличила, расхваливая меня, – в моем нынешнем состоянии уже поздно осуществлять мечту несостоявшегося гитариста. Зато ты еще не объяснила, какой сюрприз меня ждет. Что же это за сюрприз, Нати?

Но вот главное, что я хотел бы тебе сказать: ты все так же красива.

Я гляжу на тебя. Ты слегка щуришься, как будто твое зрение чуть ослабло, и это рисует в уголках твоих глаз милые морщинки, похожие на следы ласточки, а вовсе не на гусиные лапки.

Я вижу тебя. Вижу, как ты откидываешь кончиками пальцев прядь со лба. До чего же я люблю этот жест! Как счастлив, что ты не отрезала ее, а оставила, дав поседеть.

Я рад, что ты остаешься в надежных руках своего столяра. Даже то, что он не захотел со мной говорить, и уж конечно, не захотел простить, что он захлопнул дверь моей палаты, доказывает, как сильно он тебя любит. И пусть изольет всю свою злость на меня – тем лучше он примет Шарлотту. Может быть, именно Шарлотта попросит его напилить доски и собрать из них мой гроб. Наверно, он сделает его мастерски и с удовольствием. Он ведь талантливый мужик. Бездаря ты бы не полюбила, Нати. Так что пусть постарается. В конечном счете ты выбрала его. Он победил! Считается, что мужья-рогоносцы – жертвы, но нет, ведь именно из-за них любовники обречены на ложь и страдания, вынуждены скрываться, разлучаться с любимыми. Именно они – хозяева положения, победители в ореоле своей супружеской чести, затмевающей жалкую ложь посягателей на их жен.

На сцене Мадонна заводит свою молитву, раскинув руки, извиваясь в танце. Подумать только – Мадонна танцует в моей палате! И медсестры – те, что стоят, – повторяют ее движения. Я не очень понимаю, для чего они все собрались тут, никто мне этого не объяснил. Хотя... Окей, я, кажется, понял: они провожают меня на поезд, идущий в небытие, но я не знал, что на перроне соберется столько народу. Особенно этих, чужих, которые

больше заняты телевизором, чем заботой обо мне. Я и все остальное не очень понимаю. Например, то, что рассказали мне полицейские. Я не захотел слушать подробности – про Улисса, про несчастный случай, про машину, которая не затормозила, про украденные авторские права. Слишком поздно, чтобы вникать во все это. Когда полицейские забирали Улисса, я ему улыбнулся. Наверно, из солидарности. Не знаю, в какие игры жизнь заставила нас играть, но, думаю, мы оба проиграли.

Я вздрагиваю. По крайней мере, внутри моего неподвижного тела что-то взволнованно дрогнуло. Ты вскочила, Нати, одновременно с Шарлоттой. Вы указываете на экран. Это простое движение зажигает слабый огонек в моем пустом сознании. Какое чудо – видеть вас рядом, мать и дочь! Вам еще многое придется наверстать, но у вас есть время. Слабый огонек у меня в голове силится разгореться, обратиться в живое пламя. Если бы я мог заговорить, я бы сейчас в шутку сказал тебе, Нати: «Какое счастье, что я сам воспитал Шарлотту, иначе ты отняла бы ее у меня, мою маленькую принцессу, и никогда не позволила причесывать ее, одевать, приглашать к ней подружек, играть в прятки, переживать все эти чудесные мгновения; ты оставила бы на мою долю отцовский авторитет и скупую отцовскую ласку, как в большинстве семей». И мне хочется сказать тебе, Нати, что я все-таки выиграл!

Оставь мне себя немножко.

Элтон Джон садится за пианино, придвигает микрофон и запекает *Candle in the Wind*^[137].

– Смотрите! – кричит Шарлотта.

Они с матерью приветственно машут руками, словно зрители всего мира могут увидеть их, сидя у телевизора. Камера, закрепленная на стреле подъемного крана, медленно движется, показывая людей на стадионе, они восторженно кричат, узнавая свои сияющие лица в толпе на гигантском экране.

– Вон там Фло и Жан-Макс! – кричит Нати.

А теперь камеры перенесли нас на пляж Джакарты. Концерт, наверно, транслируют во все страны планеты Земля. Миллионы зрителей, миллиарды телезрителей. Самое грандиозное музыкальное событие со времен *Live Aid* 1985 года.

Как и все, я следил за сообщениями о цунами в Индонезии. И упрекнул себя, когда впервые услышал по радио название этого города – Джакарта. Я почти не слушал продолжение – ужасающие данные о числе погибших, раненых, лишившихся крова; единственное, что стояло у меня перед глазами, это воспоминание о гостиничном номере на двадцать

первом этаже отеля *Great Garuda*. А единственной неотступной мыслью было осознание, что несчастье, постигшее всех этих людей в Джакарте, весило куда меньше, чем то, что пережил там я. На пороге смерти можно, не стыдясь, признаться в таких вещах. Признаться в том, что самая легкая любовная печаль приносит больше страданий, чем самый страшный из катаклизмов. Что даже если наша планета перестанет вращаться, даже если разразится Третья мировая война, даже если земная температура повысится на десять градусов, все это будет сущим пустяком в сравнении с тем, что творится в вашем сердце. С той секунды, когда оно перестанет биться, потому что женщина – одна-единственная женщина – решила вас покинуть...

Элтон Джон кончает петь. Бурные аплодисменты. Честно говоря, пора бы сменить этот трюк с *Candle in the Wind*, который он демонстрирует при каждом значительном событии. Аплодисменты затихают. На экране мелькают кадры с видами Гайд-парка, пляжей Кобакабаны, площади Трокадеро, проспекта Омотесандо, пьядца дель Пополо, Эдем-парка, «Уэмбли», «Камп Ноу». Ну конечно, «Уэмбли», где затянувшуюся паузу разрывают нетерпеливые крики.

В палате тоже все смолкли. Не знаю почему. Постепенно крики умолкают и на экране. Миллионы телезрителей – и почти ни одного звука.

Может, я умер? Может, они все говорят, а я их уже не слышу?

Может, после того как человека покидают обоняние, осязание, вкус, он расстается и со слухом? Может, мне осталось только зрение?

По крайней мере, вот этого я вижу.

Вижу какого-то типа небольшого роста, который неторопливо выходит на сцену «Уэмбли».

И вдруг я его узнаю! Роберт Смит! Подумать только, ведь я с ним встречался! Даже носил за ним гитару – когда-то давно, в прошлой жизни. Он садится за пианино.

Следом в круге света появляется Карлос Сантана с гитарой на ремне, господи, сколько же его музыки я переиграл в свое время, от Сан-Диего до Тихуаны! За ним идет Марк Нопфлер – тоже мой идол, второй идол, потом Джефф Бек, Джимми Пейдж, Дэвид Гилмор, Кейт Ричардс, возвращаются Элтон Джон и Эд Ширан, а с другой стороны выходят Стиви Уандер, Игги Поп, Патти Смит, Брайан Мэй... Боже мой, да они собрали там весь пантеон! К ним присоединяются Стинг, Боно, Трейси, Нора, Ди-Ди... Теперь я понимаю, чего так нетерпеливо ждала вся планета, – черт возьми, они все здесь, их не меньше сотни, а вот и Мадонна в обнимку с Рианной; я даже не всех узнаю, они стоят в четыре ряда, тесно прижавшись друг к

другу... нет, на сей раз я точно умер, не иначе, или подсознание собрало вместе всех моих кумиров для финального снимка, перед тем как я рухну в черное небытие.

Однако концерт выглядит до ужаса реальным.

Марго опускает голову на плечо Лоры. Шарлотта и Нати плачут – я не понимаю почему. Кажется, я уже мало что понимаю.

Значит, они съехались сюда, чтобы присесть на кровать рядом со мной, с обеих сторон. Роберт Смит оглядывает собравшихся на сцене, словно проверяя, все ли тут, и прикасается к клавишам.

Шарлотта берет меня за правую руку, Нати сжимает левую.

Три ноты.

А потом его голос. Он поет по-английски, но мой мозг – испуганный, свихнувшийся – синхронно переводит эти слова на родной язык:

*Когда новый день наконец займется,
Когда тот, кто спал, на заре проснется...*

Не могу понять, жив я или уже умер.

Прожектора освещают Пола Маккартни, от его голоса сотрясаются стены.

*И ранняя птица в небо взвоет
В лесу, где встретили мы рассвет...*

И тут вступает Брюс Спрингстин:

Бесследно растает наш легкий след.

Первый ряд расступается. У Боба Дилана удивленный вид, хотя и не такой удивленный, как у меня! Мое тело вздрагивает, когда он мурлычет вполголоса, словно исполняет классический американский фолк-рок:

Оставь мне себя немножко.

И все остальные подхватывают:

Пусть не целый цветок, хоть один лепесток...

Неужели я действительно написал эти слова, сочинил эту музыку?!

Шарлотта и Нати крепко сжимают мои руки.

Значит, я еще не умер.

Карлос, Кейт, Марк, Брайан, Дэвид и Джефф импровизируют рефрен моей песни на шести гитарах – тот самый рефрен, который я сочинил экспромтом, а затем повторял столько раз. Тысячу раз.

Толпа подхватывает и поет его во весь голос – в Париже, в Токио, в Джакарте, в Лос-Анджелесе, в Барселоне и Монреале – так слаженно, словно миллионы людей знают эту песню наизусть, словно она навсегда вошла в их сердца. Моя музыка. Мои стихи.

*Когда наш остров в пучину канет,
Когда гроза нас в полете застанет...*

Если я еще жив, то знаю одно: теперь могу умереть спокойно. Мой взгляд затуманен слезами, как глаза Шарлотты и Нати. Теперь я уверен: это самый прекрасный день в моей жизни.

*Оставь мне себя немножко:
Искорка взгляда – уже награда,
Голоса звук – спасенье от мук,
Слеза на мгновенье – почти извиненье,
Взмах руки на прощанье – почти обещанье.*

В конце концов, я, может быть, сочинил шлягер, который будут бесконечно исполнять в раю?

* * *

Оливье пробует переключиться на другую программу. Безуспешно. По всем каналам передают одно и то же.

Оливье выключает телевизор, встает и кладет пульт на журнальный столик. Наверно, он единственный, кто не смотрит концерт сегодня

вечером.

Дом окутывают мягкие сумерки.

Оливье выходит в сад, долго любуется террасой с полом из дерева ипекакуаны, ступенями, отделанными падуком^[138], палисандровыми перилами, потом спускается к Сене. Окидывает взглядом реку, замечает вдали что-то вроде ивовой корзинки, плывущей по течению, которое выбрасывает ее на противоположный берег. Наверняка гнездо лысухи, подмытое волной. Джеронимо с нетерпением ждет для своих птенцов хлебных крошек, и Оливье рассеянно бросает их в гнездо.

Его раздражает, что белые камешки у подножия кирпичной стенки, служащей плотиной, выложены неровно. Оливье ненавидит беспорядок. Он не может пройти по саду, не вырвав по дороге пучок травы, показавшийся ему слишком высоким, не подобрав сухой лист, залетевший на аллею, не убедившись, что камешки у стены выложены идеально ровно и в этот ряд не затесался никакой серый булыжник, сам собой прикатившийся в его владения. Оливье наклоняется, тщательно выравнивает вереницу камней и, убедившись, что все в порядке, провожает взглядом ласточку над холмом Двух влюбленных, которая улетает вдаль. А потом возвращается.

notes

Примечания

1

Ален Башунг (1947–2009) – певец, композитор, актер, одна из центральных фигур французской популярной музыки. Эпиграфом М. Бюсси взял строки из песни Башунга *Vertige de l'amour* – «Головокружение от любви». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц». Перевод Норы Галь.

Сержи-Понтуаз – новый город в 46,7 км от Парижа, в департаменте Валь д'Уаз.

4

Порт-Жуа (*фр.* Porte-Joie) – букв. «Приносящий радость».

5

Тьерсе́ – выигрыш в пари на трех первых лошадей на бегах.

«Пусть будет так» (*англ.*) – песня «Битлз» (П. Маккартни, 1969).

7

Когда в жизни мне бывает трудно (*англ.*).

Аджюдан – старший унтер-офицерский чин французской жандармерии.

Шикутими (в пер. с языка индейцев инну-аймун «до тех пор глубоко») – город (с 1842 до 2001 г.), а ныне один из трех округов городской агломерации Сагней в провинции Квебек, Канада.

10

Французская лирическая кинокомедия (1985, режиссер Колин Серро), лауреат трех премий «Сезар».

11

Прощай (*англ.*).

«Шарлотта порой» (*англ.*) – песня группы «Кью».

Пенелопа Джейн Фармер (р. 1939) – английская писательница, автор известных детских романов-фэнтези.

Имеется в виду Милен Фармер (р. 1961) – французская поппевица канадского происхождения.

Ни один из этих музыкантов никогда не имел отношения к группе «Кью».

«Мальчики не плачут», «Рядом со мной» (*англ.*) – синглы группы «Кью».

Архипелаг в заливе Святого Лаврентия (Канада).

Когда наш остров в пучину канет, когда гроза нас в полете застанет...
(англ.)

Финвал, или кит-полосатик, – вид плотоядных китов.

Великая Гаруда (*англ.*). На гербе Индонезии изображена мифическая золотая птица Гаруда, похожая на орла, на груди у нее щит.

Искаж.: «пудинг», картофель фри с тертым сыром и пикантным соусом.

Дикий Запад (*англ.*).

«Торонто Рэпторс» (*англ.*) – профессиональный баскетбольный клуб Торонто (Канада).

Roadie (англ.) – технический или вспомогательный персонал, путешествующий вместе с исполнителями на гастролях.

Различные мелкие сувениры, как правило полые, – корзиночки, флаконы, кошельки и т. д.

Чудо-женщина (*англ.*) – героиня популярного комикса.

Марка канадского кленового сиропа.

Фронтенак – крепость, которая господствовала над Квебеком с 1892 г. Ныне превращена в фешенебельный отель.

Остроконечная гора в Бразилии, на одном из островов архипелага Ле-Сент.

Электрические вагины (*фр., жарг.*).

Рабочий район в Монреале, расположенный в восточной части города.

Маруаль – один из самых изысканных сыров севера Франции, обладает весьма специфичным и очень стойким запахом – гнилостного брожения.

Слово созвучно *liant* – связующий, привязывающий (фр.).

«Меж днями...» (*англ.*) – здесь и далее упоминаются песни группы «Кью».

«Так похожий на рай...» (англ.)

«Висячий сад» (англ.).

Порой я мечтаю,
Когда все танцуют кругом...
Приходи ко мне, робкая моя принцесса,
Мы будем грезить вдвоем!

Слова из песни «Кью» *Charlotte Sometimes*, толчком к созданию которой послужила одноименная книга английской писательницы Пенелопы Фармер.

«Давай завалимся в кровать!» (англ.)

Первая половина итальянского фильма «Жизнь прекрасна» (1997, режиссер Роберто Бениньи) посвящена беззаботной жизни до Второй мировой войны, а действие другой половины происходит в фашистском концлагере.

Самый известный канадский виски сегодня производят в городке Уокервилль, который возник и развивается вокруг одноименной винокурни Хирама Уокера с 1858 г. Нынешнее название виски получил в 1890 г.

О господи! (англ.)

Французский интернет-магазин.

Фрэнк Капра (1897–1991) – американский режиссер, классик кино.

Мон-Руаяль (фр.) – букв.: Королевская гора.

Единственная велодорожка на горе Мон-Руаяль.

Хилл-Парк-Серкус, Кот-де-Нэж – районы Монреаля.

Небоскребы Монреаля, из которых Ля-Гашетьер – самый высокий (205 м). *CIBC (Canadian Imperial Bank of Commerce)* – одна из крупнейших банковских компаний в Канаде.

«Фнак» – международная сеть крупных магазинов, торгующих книгами, альбомами по искусству, дисками и электроникой.

49

Название ресторана и кабаре в Париже, на авеню Терн.

«Поммар» – французское вино из сорта «пино нуар».

Джастин Пьер Джеймс Трюдо (р. 1971) – премьер-министр Канады с 2015 г.

Принцессы из мультфильмов У. Диснея.

Mile High Club 1 (англ.) – так называют людей, которые занимаются сексом в самолете на высоте не ниже одной мили (5280 футов, или 1609 м). Реально такого клуба не существует. – Примеч. авт.

Имеется в виду большой пирс у подножия Колорадо-авеню в Санта-Монике, Калифорния, которому более 100 лет.

«Потерянное время» (*англ.*).

Сан-Андреас – разлом между тихоокеанской и североамериканской плитами длиной 1300 км, представляющий смертельную угрозу для этого региона.

Близко, так близко к нему (*англ.*) – намек на песню *Close to Me* группы «Кью».

Мексиканская холодная закуска или густой соус из авокадо, помидоров, кинзы и сока лайма.

Автоматгистраль, соединяющая два штата (*англ.*).

Ла-Холья (*исп.*) – северо-западный район Сан-Диего.

Парк аттракционов Диснейленда, на территории которого воссоздано множество артефактов, рассказывающих о временах американской Золотой лихорадки.

Марьячи (*исп.*) – один из самых распространенных жанров мексиканской народной музыки или название музыкантов, работающих в этом жанре.

Кактусы (*исп.*).

Саруэлы – мужские штаны свободного покроя из легкой ткани, нечто среднее между галифе и шароварами. Ведут свое происхождение из Северной Африки.

Вид барабана.

Кафе, небольшой ресторан (*исп.*).

Тортилья, картофельный омлет (*исп.*).

Американский боевик (1986, режиссер Тони Скотт).

«Бар «Гадкий койот»» – американская музыкальная комедийная мелодрама (2000, режиссер Д. МакНэлли).

Английское слово *swallow* имеет два значения – «ласточка» и «глоток».

Популярные мексиканские песни.

Я боюсь тебя потерять, потерять снова (*исп.*).

Популярная песня «Целуй меня, целуй еще и еще!» (исп.)

Подумай о том, что завтра я, может быть, буду далеко, очень далеко от тебя (*исп.*).

Спиди Гонзалес – мышонок из мультфильмов «Луни Тюнз», его прозвали Самая быстрая мышь во всей Мексике.

Наиболее популярная разновидность покера (*англ.*).

Карлос Фуэнтес (1928–2012) – мексиканский писатель, сценарист, дипломат и журналист.

«Прощай навсегда!» (*исп.*) – название песни, посвященной Эрнесто Че Геваре.

Никто не совершенен (*англ.*).

Гавайский четырехструнный щипковый инструмент, разновидность гитары. Мэрилин Монро играет на нем в этом фильме.

Выпивка бесплатно (*англ.*).

F-35 – новейший американский истребитель-бомбардировщик пятого поколения.

Солдатка (*исп.*) – здесь: участница мексиканской революции 1910–1920 гг., чаще всего жена бойца, которая участвовала вместе с мужем в военных действиях.

Эмилиано Сапата Салазар – национальный герой Мексики, лидер мексиканской революции 1910–1920 гг.

Орел изображен на гербе и флаге Мексики.

Классические рок-композиции 1970-х: «Кокаин» (Джей-Джей Кейл), «Короли свинга» (Марк Нопфлер), «Лондон на связи» (Джо Страммер и Мик Джонс), «Вообрази» (Джон Леннон).

«Жизнь тяжела» (*исп.*) – песня в исполнении французской анархо-панк-рок группы *Mano Negra* / «Черная рука» (1988); «Слава, слава, аллилуйя!» (*англ.*) – американская патриотическая песня (1862).

«Останься со мной» (*англ.*) – классическая блюзовая баллада Бена Кинга (1960). «Элинон Ригби» – песня «Битлз» (1966). «Энджи» – песня «Роллинг Стоунз» (1973).

La princesse (фр.) – это и принцесса, и княгиня. В фильме «Жизнь прекрасна» героиня принадлежит к княжескому семейству, тогда как Гвидо родом из бедной еврейской семьи.

Древесина ипекакуаны, растущей в Бразилии, считается прочной и ценной.

Mister Mystère (англ., фр.) – пятый студийный альбом французского музыканта Матье Шедида, вышедший в 2009 г.

Кинокомпания «Парамаунт» взяла своим логотипом изображение горы Бен-Ломонд, находящейся в штате Юта, США.

Немецкий город, где часто проводятся чемпионаты по футболу.

Жилые дома Каса-Батльо (1904–1906), известный также как «Дом Костей», Каса-Мила (1906–1910) и собор Саграда Фамилия (1909–1910) – архитектурные шедевры Антонио Гауди, находящиеся в Барселоне.

Эшампле, или Новый город, – самый населенный район Барселоны.

Единственный в Европе концертный зал с естественным освещением.

Рамбла – пешеходная улица в центре Барселоны. «Камп Ноу» – стадион в Барселоне, вмещающий около 100 000 зрителей.

Имеются в виду герои фильма «Амели» (2001) и Вуди Аллен, снявший фильм «Манхэттен».

В барселонском парке Цитадели гуляют по траве зеленые попугаи.

Мост поцелуев, излюбленное место прогулок влюбленных и туристов, а также свадебных фотосессий.

Дом архидьякона.

Эль-Борн – престижный район со стильными барами, кафе и ресторанами.

Парк носит имя промышленника Эусеби Гуэля. Он поручил А. Гауди строительство домов на холме над Барселоной, предоставив полную свободу действий.

Имеется в виду святой Кукуфас – мученик, живший на рубеже III и IV веков, один из святых-покровителей Испании.

Здесь: жить в дешевой гостинице и питаться тем, что принесено с собой.

Спагетти с мелкими кусочками свинины или с грибами, под соусом из яиц, пармезана и специй.

Гаранс – героиня фильма «Дети райка» (1945, режиссер Марсель Карне).

Рок-опера британской группы *The Who*.

Здесь: поймать момент (*лат.*).

Башни, между которыми протянута канатная дорога над старым барселонским портом Вель, между районами Монжуик и Барселонета.

Боже мой! (*исп.*)

Один из главных персонажей «Звездных войн».

Колумб называл «Индиями» открытый им в 1492 году новый континент – Америку.

Rugrats (англ.) – американский мультсериал (1991–2004).

Звезды мужского стриптиза в казино Лас-Вегаса.

«Рыба» (1992) – скульптура Фрэнка Гери, расположенная в Олимпийском порту Барселоны.

117

Снотворное и успокаивающее средство.

118

Слуховое или мансардное окно в чердачной крыше.

Деревянный крытый мост в округе Мэдисон, фигурирующий в фильме «Мосты округа Мэдисон» (1995, режиссер Клинт Иствуд).

Национальный монумент независимости Индонезии – башня высотой 132 метра в центре площади Медан Мердека. – *Примеч. автора.*

121

Две порции (англ.).

Синдром профессионального (или эмоционального) выгорания.

123

Стадион в Сен-Дени, северном пригороде Парижа.

Букв.: Золотая капля (*фр.*) – квартал в Париже, расположенный в XVIII округе, где проживает большое количество иммигрантов из Африки и стран Ближнего Востока.

13 июля 1985 года на стадионе «Уэмбли» прошел благотворительный музыкальный фестиваль *Live Aid* («Живая помощь») с участием мировых рок-звезд, целью фестиваля был сбор средств для помощи пострадавшим от страшного голода в Эфиопии в 1984–1985 гг.

«Батаклан» – театр в Париже, расположенный на бульваре Вольтера.

Букв.: «Немного тебя» (индонезийский) – измененное название песни «Оставь от себя немножко».

Супергруппа, организованная в 1984 г. ирландским музыкантом и политическим активистом Бобом Гелдофом с целью сбора средств для голодающих детей Эфиопии.

Имеются в виду крупнейшие концертные площадки мира.

«Помощь Индонезии» (англ.).

Серия детских фэнтези Пьера Боттеро.

На время (*лат.*).

По легенде, мать младенца Моисея, будущего пророка, положила его в ивовую корзинку и пустила ее по Нилу, чтобы спасти от египтян, уничтожавших еврейских детей. Корзину заметила дочь фараона, усыновила и воспитала ребенка.

Французское анимационное телешоу для детей младшего возраста.

«Совершенство» (англ.).

«Такой, как ты» (*англ.*).

«Свеча на ветру» (*англ.*).

Африканское дерево с ярко-красной древесиной.